

АНТОЛОГИЯ

РУССКОЙ

СОВЕТСКОЙ

ПОЭЗИИ

2

АНТОЛОГИЯ

РУССКОЙ

СОВЕТСКОЙ

ПОЭЗИИ

1917-1957

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОЛОГИЯ
РУССКОЙ
СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ

В Д В У Х Т О М А Х

1917-1957

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1957

АНТОЛОГИЯ
РУССКОЙ
СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ

Т О М В Т О Р О Й

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1957

Под общей редакцией:

В. А. ЛУГОВСКОГО, В. О. ПЕРЦОВА, А. А. СУРКОВА,
Н. С. ТИХОНОВА

Составители:

Л. О. БЕЛОВ, Е. М. ВИНОКУРОВ, Н. А. ЗАМОТИЦ,
А. А. КОВАЛЕНКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ

СТРАНА МУРАВЯ

(Глава из поэмы)

От деда слышал Моргунок —
Назначен срок всему:
Здоровью — срок, удаче — срок,
Богатству и уму.

Бывало, скажет в рифму дед,
Руками разведи:
— Как в двадцать лет
Силенки нет,—
Не будет, и не жди.

— Как в тридцать лет
Рассудка нет,—
Не будет, так ходи.
— Как в сорок лет
Зажитка нет,—
Так дальше не гляди...

Сам Моргунок, как все, сперва
Не верил в дедовы слова.

Хватился — где там двадцать лет! —
А богатырской силы нет.
И, может быть, была б она,
Когда б харчи да не война.

Глядит, приходят тридцать лет.
Ума большого тоже нет.
А был бы ум, так по уму
Богатство было бы ему.

Глядит, и скоро — сорок лет,
Богатства нет, зажитка нет:
Чтоб хлебу на год вволю быть,
За сало салу заходить,

Чтоб быть с Бугровым запросто,
Всего того опричь:
«Здоров, Никита Федорыч!..» —
«Здоров, Илья Кузьмич!..»

А угостить, — так дым трубой,
Что хочешь ешь и пей!
Чтоб рядом он сидел с тобой
На лавке на твоей;

Чтоб толковать о том о сем,
Зажмурясь песни петь;
Под ручку чтоб, да с ним вдвоем
Пойти хлеба смотреть...

И предсказанью скоро срок,
А жил не громко Моргунок.

Был Моргунок не так умен,
Не так хитер и смел,
Но полагал, что крепко он
Знал то, чего хотел...

Ведет дорога длинная
Туда, где быть должна
Муравия, старинная
Муравская страна.

И в стороне далекой той —
Знал точно Моргунок —
Стоит на горочке крутой,
Как кустик, хуторок.

Земля в длину и в ширину
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та — твоя.

И никого не спрашивай,
Себя лишь уважай.
Косить пошел — покашивай,
Поехал — поезжай.

И все твое перед тобой,
Ходи себе, поплеывай.
Колодец твой, и ельник твой,
И шишки все еловые

Весь год — и летом и зимой,—
Ныряют утки в озере.
И никакой,— ни боже мой,—
Коммунии, колхозии!..

И всем крестьянским правилам
Муравия верна.

Муравия, Муравия!
Хо-рошая страна!..

И едет, едет, едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон,
И сверху — облака.

По склонам шубою взялись
Густые зелены,
И у березы полный лист
Раскрылся за два дня,

И розовой пеной сок
Течет со свежих пней.
Чем дальше едет Моргунок,
Тем поле зеленей.

И день по-летнему горяч,
Конь звякает уздой.
Вдали взлетает грузный грач
Над первой бороздой.

Пласты ложатся поперек
Затравневших меж.
Земля крошится, как пирог,—
Хоть подбирай и ешь.

И над полями голубой
Весенний пар встает.
И трактор водит за собой
Толпу, как хоровод.

Белеют на поле мешки
С подвезенным зерном.
И старики посевики
Становятся рядком.

Молитву, речь ли говорят
У поднятой земли.
И вот, откинувшись назад,
Пошли, пошли, пошли...

За плугом плуг проходит вслед,
Вдоль — из конца в конец.
— Тпру, конь!.. Колхозники ай нет?..
— Колхозники, отец...

Чуть веет вешний ветерок,
Листою щевеля.
Чем дальше едет Моргунок,
Тем радостней земля.

Земля!
От влаги снеговой
Она еще свежа.
Она бродит сама собой
И дышит, как дежа.

Земля!
Она бежит, бежит
На тыщи верст вперед.
Над нею жаворонок дрожит
И про нее поет.

Земля!
Все краше и видней
Она вокруг лежит.
И лучше счастья нет, на ней
До самой смерти жить.

Земля!
На запад, на восток,
На север и на юг...
Припал бы, обнял Моргунок,
Да не хватает рук...

В пути проходит новый день.
Конь перепал и взмок.
Уже ни сел, ни деревень
Не знает Моргунок...

1935

ПРО ДАНИЛУ

Дело в праздник было,
Подгулял Данила.

Праздник — день свободный,
В общем, любо-мило,
Чинно, благородно
Шел домой Данила.

Хоть в нетрезвом виде
Совершал он путь,
Никого обидеть
Не хотел отнюдь.

А наоборот,—
Грусть его берет,
Что никто при встрече
Ему не перечит.

Выпил,— спросу нет.
На здоровье, дед!

Интересней было б,
Кабы кто сказал:
Вот, мол, пьян Данила,
Вот, мол, загулял.

Он такому делу
Будет очень рад.
Он сейчас же целый
Сделает доклад.

— Верно, верно,— скажет
И вздохнет лукаво,—
А и выпить даже
Не имею права.

Не имею права,
Рассуждая здраво.
Потому-поскольку
За сорок годов
Вырастил я только
Пятерых сынов.

И всего имею
В книжечке своей
Одну тыщу двести
Восемь трудодней.

Но никто при встрече
Деду не перечит.
Выпил, ну и что же?
Отдыхай на славу.
— Нет, постой, а может,
Не имею права?..

Но никто — ни слова.
Дед работал век.
Выпил, что ж такого?—
Старый человек.

«То-то и постыло»,—
Думает Данила.
— Чтоб вам пусто было,—
Говорит Данила.

Дед Данила плотник,
Удалой работник,
Запевае песню
«В островах охотник...»

— В островах охотник
Целый день гуляет,
Он свою охоту
Горько проклиняет...

Дед поет, но нету
Песни петь запрету.
И тогда с досады
Вдруг решает дед:
«Дай-ка лучше сяду,
Правда или нет?»

Прикажу-ка сыну:
Подавай машину,
Гони грузовик,—
Не пойдет старик.

Не пойдет и только,
Отвались язык.
Потому-поскольку —
Мировой старик:

Новый скотный двор
В один год возвел».

— Что ж ты сел, Данила,
Стало худо, что ль?
Не стесняйся, милый,
Проведем, позволю.

Сам пойдет Данила,
Сам имеет ноги.
Никакая сила
Не свернет с дороги.

У двора Данила.
Стоп. Конец пути.
Но не тут-то было
На крыльцо взойти.

И тогда из хаты
Сыновья бегут.
Пьяного отца-то
Под руки ведут.

Спать кладут, похоже,
А ему не спится.
И никак не может
Дед угомониться.

Грудь свою сжимает,
Как гармонь, руками
И перебирает
По стене ногами.

А жена смеется,
За бока берется:

— Ах ты, леший старый,
Ах ты, сивый дед,
Подорвал ты даром
Свой авторитет...

Дело в праздник было,
Подгулял Данила...

1937

ИВУШКА

Умер Ивушка-печник,
Крепкий был еще старик...

Вечно трубочкой дымил он,
Говорун и весельчак,
Пить и есть не так любил он,
Как любил курить табак.

И махоркою добротной
Угощал меня охотно.

— На-ко,— просит,— удружи,
Закури, не откажи.
Закури-ка моего,
Мой не хуже твоего.

И при каждом угощенье
Мог любому подарить
Столько ласки и почтения,
Что нельзя не закурить.

Умер Ива, балагур,
Знаменитый табакур.

Правда ль, нет — слова такие
Перед смертью говорил:
Мол, прощайте, дорогие,
Дескать, хватит, покурил...

Будто тем одним и славен,
Будто, прожив столько лет,
По себе печник оставил
Только трубку да кiset.

Нет, недаром прожил Ива,
И не все курил табак,
Только скромно, не хвастливо
Жил печник и помер так.

Золотые были руки,
Мастер честью дорожил.
Сколько есть печей в округе —
Это Ивушка сложил.

И с ухваткою привычной,
Затопив на пробу печь,
Он к хозяевам обычно
Обращал такую речь:

— Ну, топите, хлеб пеките,
Дружно, весело живите.
А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

На полях трудитесь честно,
За столы садитесь тесно.
А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

Жизнью полной, доброй славой
Славьтесь вы на всю державу.
А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

И на каждой печке новой,
Ровно выложив чело,
Выводил старик бедовый
Год, и месяц, и число.

И никто не ждал, не думал,
Взял старик да вдруг и умер,
Умер Ива, балагур,
Знаменитый табакур.

Умер скромно, торопливо.
Так и кажется теперь,
Что, как был, остался Ива,
Только вышел он за дверь.

Люди Иву поминают,
Люди часто повторяют:
Закури-ка моего,
Мой не хуже твоего.

А морозными утрами
Над веселыми дворами
Дым за дымом тянет ввысь.
Снег блестит все злей и ярче,
Печки топятся пожарче,
И идет, как надо, жизнь...

1938

ЛЕНИН И ПЕЧНИК

В Горках знал его любой,
Старики на сходку звали,
Дети — попросту, гурьбой,
Чуть завидят, обступали.

Был он болен. Выходил
На прогулку ежедневно.
С кем ни встретится, любил
Поздороваться душевно.

За версту — как шел пешком, —
Мог его узнать бы каждый.
Только случай с печником
Вышел вот какой однажды.

Видит издали печник,
Видит: кто-то незнакомый
По лугу по заливному
Без дороги — напрямик.

А печник и рад отчасти, —
По-хозяйски руку в бок, —
Ведь при царской прежней власти
Пофорсить он разве мог?

Грядка луку в огороде,
Сажень улицы в селе, —
Никаких иных угодий
Не имел он на земле...

— Эй ты, кто там ходит лугом!
Кто велел топтать покос?! —
Да сплеча на всю округу
И поехал и понес.

Разошелся.

А прохожий
Улыбнулся, кепку снял.
— Хорошо ругаться можешь, —
Только это и сказал.

Постоял еще немного,
Дескать, что ж, прости, отец,
Мол, пойду другой дорогой...
Тут бы делу и конец.

Но печник — душа живая,—
Знай меня, не лыком шит!—
Припугнуть еще желая:
— Как фамилия?— кричит.

Тот вздохнул, пожал плечами,
Лысый, ростом невелик.
— Ленин,— просто отвечает.
— Ленин?— Тут и сел старик...

День за днем проходит лето,
Осень с хлебом на порог,
И никак про случай этот
Позабыть печник не мог.

И по свежей по пороше
Вдруг к избушке печника
На коне в возке хорошем —
Два военных седока.

Заметалась беспокойно
У окошка вся семья.
Входят гости:
— Вы такой-то?
Свесил руки:
— Вот он я...

— Собирайтесь!—
Взял он шубу,
Не найдет где рукава.
А жена ему:
— За грубость,
За свои идешь слова...

Сразу в слезы непременно,
К мужней шубе — головой.
— Попрошу,— сказал военный,—
Ваш инструмент взять с собой.

Скрылась хата за пригорком,
Мчатся санки напрямиком.
Поворот, усадьба Горки,
Сад, подворье, белый дом.

В доме пусто, нелюдимо,
Ни котенка не видать.
Тянет стужей, пахнет дымом,—
Ну овин — ни дать ни взять.

Только сел печник в гостиной,
Только на пол свой мешок,—
Вдруг шаги, и дом пустынный
Ожил весь, и на порог —

Он! В пальтишке. Дышит паром.
Печника тотчас узнал:
— А! Так-так, знакомец старый,—
Поздоровавшись, сказал.

И вдобавок ни словечка,
Словно все, что было,— прочь.
— Вот совсем не греет печка.
И дымит. Нельзя ль помочь?

Крякнул мастер осторожно,
Краской густо залился.
— То есть как же так нельзя?
То есть вот как даже можно!..

Сразу шубу с плеч — рывком,
Достает инструмент.— Ну-ка...—
Печь голландскую кругом,
Точно доктор, всю обстукал.

В чем причина, в чем беда
Догадался — и за дело.
Закипела тут вода,
Глина свежая поспела.

Все нашлось — песок, кирпич,
И спорится труд как надо.
Тут печник, а там Ильич
За стеною пишет рядом.

И привычная легка
Печнику работа.
Отличиться велика
У него охота.

Только будь, Ильич, здоров,
Сладим любо-мило,
Чтоб, каких ни сунуть дров,
Грела, не дымила.

Чтоб в тепле писать тебе
Все твои бумаги,
Чтобы ветер пел в трубе
От веселой тяги.

Тяга слабая сейчас —
Дело поправимо,
Дело это — плюнуть раз,
Друг ты наш любимый...

Так он думает, кладет
Кирпичи по струнке ровно.
Мастерит легко, любовно,
Словно песенку поет...

Печь исправлена. Под вечер
В ней защелкали дрова.
Тут и вышел Ленин к печи
И сказал свои слова.

Он сказал, — тех слов дороже
Не слышал еще печник:
— Хорошо работать можешь,
Очень хорошо, старик.

И у мастера от пыли
Зачесались вдруг глаза.
Ну, а руки в глине были —
Значит, вытереть нельзя.

В горле где-то все запнулось,
Что хотел сказать в ответ,
А когда слеза смигнулась, —
Посмотрел — его уж нет...

За столом сидели вместе,
Пили чай, велася речь
По порядку, честь по чести,
Про дела, про ту же печь.

Успокоившись немного,
Разогревшись за столом,
Приступил старик с тревогой
К разговору об ином.

Мол, за добрым угощением
Умолчать я не могу,
Мол, прошу, Ильич, прощенья
За ошибку на лугу.

Сознаю свою ошибку...
Только Ленин перебил:
— Вон ты что, — сказал с улыбкой, —
Я про то давно забыл...

По морозцу мастер вышел,
Оглянулся не спеша:
Дым столбом стоит над крышей,—
То-то тяга хороша.

Счастлив, доверху доволен,
Как идет — не чувствует сам.
Старым садом, белым полем
На деревню зачесал...

Не спала жена, встречает:
— Где ты, как?— душа горит...
— Да у Ленина за чаем
Засиделся,— говорит...

1938—1940

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

(Глава «Переправа»)

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый. Кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода —
Ни приметы, ни следа.

Ночью первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыхнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой...

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята —
Сразу будто не они,
Сразу будто не похожи

На своих, на тех ребят,
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад...

Поглядеть — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат...
Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто,
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом,
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине,
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый лед в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.
Позади шумит протока,
И кругом — чужая ночь,
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь.
И чернеет там зубчатый,
За холодную чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый — как стена.

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.
Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди, теплые, живые,
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо,—
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,—
А наверно был такой.

Переправа, переправа!
Темень, холод. Ночь — как год.
Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу...

Не видать конца ночлегу,
За ночь грудую взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было — жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой,
Сапогами пахнет, потом.
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег. этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом.
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит на лицах —
Мертвым все равно.
Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,
Что еще ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы. Свое сказали
И уже навек правы.
И тверда, как камень, груда,
Где застыли их следы...

Может, так, а может — чудо?

Хоть бы знак какой оттуда —
И беда б за полбеда.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.
То ли снится, то ли мнится —
Показалось что нивесть.
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят, маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка,—
Просто глазу маята.

— Не пловец ли одиночка?
— Шутишь, брат. Вода не та!
— Да, вода. Помыслить страшно,
Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец...

Оба здорово продрогли:
Как бы ни было — впервой.

Подошел сержант с биноклем,
Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без гимнастерки...
— А не фриц? Не к нам ли в тыл?
— Нет. А может, это Теркин?—
Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться.
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться!
— Братцы,— он!

И у заберегов корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой,— добрался вплавь.
Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — свело!

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали:
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.
Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?
Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,—
Переправу обеспечим...—

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад...
— Молодец,— сказал полковник,—
Молодец! Спасибо, брат!

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?..

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.
Бой идет, святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

1941—1945

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки,—
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна, ни покрышки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет...
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю:
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за Родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос,—
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное слово
Нам навеки дано,—
И за нами оно —
Это горькое право.

Летом в сорок втором
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была несомненно
Там последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за нашей спины
Пламя кузниц Урала.

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой!—
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие,
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг,

О товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали,—
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу.

Я убит подо Ржевом,
Тот — еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
Не на нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жить завещаю,—
Что я больше могу!

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

1945—1946

МОСТ

В рассветный час во мгле сухой,
Одетый инеем Сибири,
Мост пробудился над рекой,
Одной из самых славных в мире.

И, бережно приняв экспресс,
С великой справившийся далью,
Под ним он грянул, как оркестр,
Своей озвученною сталью.

Гремела, пела эта сталь
Согласно и многоголосо
И шла, как под резец деталь,
Громадой цельной под колеса.

И, над рекою вознесен,
Состав столичный медлил будто,
И из вагона тек в вагон
Озноб торжественной минуты...

А звон, а грохот возрастал.
Казалось, в этот мост певучий
Вмещал свой голос весь Урал,
Нет, весь металл страны могучей:

И гром иных ее мостов,
И горделивый скрежет кранов,
И пенье в поле проводов,
И тяжкий гул прокатных станов,

И стук движка в глухом краю,
Где стала жизнь людей светлее,
И танков рокот, что в строю
Проходят мимо Мавзолея.

Со всех концов родной земли
Все голоса, что есть в металле,
Сюда, казалось, дотекли
По чутким рельсам магистрали.

Чтоб прозвучать им над рекой,
Загроможденной ледоставом,
Над берегами, над тайгой
В победном ритме величавом.

Великих лет бессмертный труд,
Твои высокие свершенья
Как будто песнь в себе несут
От нас в иные поколенья.

Как будто в завтра нашу весть
Несут — и с ней сегодня краше —
О том, что мы в грядущем есть —
Мосты, дворцы и песни наши!

...Еще один, другой пролет.
Река теснится в берег льдами.
И поезд по земле идет,
Но и земля поет под нами.

1950

О ЮНОСТИ

Мы знаем грядущему цену
И знаем, что юность права
Не как молодая трава,
Что старой приходит на смену,
Чтоб также отжить до зимы.

Нет, юность с другою задачей
В наш след заступает горячий,
В то дело, что начали мы,
К заветной направившись цели.

Дано ей на том же пути
За нами, но дальше идти,
Исполнить, что мы не успели,
И вспомнить, возможно, о нас
С вершины иных пятилеток —
О наших героях, поэтах,
Министрах — с улыбкой подчас.

Но пусть она, юность родная,
Поднявшись стремительно ввысь,
Не вздумает там занестись,
Отметки отцам выставляя.

Нет, пусть она в душу возьмет,
Что в славе ее безграничной
Мы все же повинны частично
И знали о ней наперед.

И знали о ней и мечтали,
Когда еще были юнцы,
А ранее — наши отцы
Смотрели в те самые дали.

И, подвиг свершая один
За времени навесью дымной,
Без нас они брали свой Зимний,
А мы еще с ними — Берлин.

Ей, юности, тоже известно,
Что мы без нее для Земли
Урало-Кузбасс возвели,
А Волгу впрягаем совместно.

И пусть еще юность учтет,
Что следом за нею иная,
Грядущая юность идет,
Ее на работе сменяя,
Неся назначенье свое.

А нам — так и той не завидно,
А нам и ее уже видно —
И мы не старше ее.

1951

К ПОРТРЕТУ

Глаза, опущенные к трубке,
Знакомой людям всей земли.
И эти занятые руки,
Что спичку с трубкою свели.
Они крепки и сухощавы,
И строгой жилки вьется нить.
В нелегкий век судьбу державы
И мира им пришлось вершить.

Усов нависнувшею тенью
Лицо внизу притемнено.
Какое слово на мгновенье
Под ней от нас утаено?
Совет? Наказ? Упрек тяжелый?
Неодобренья строгий тон?
Иль с шуткой мудрой и веселой
Сейчас глаза поднимет он?

1950—1952

ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

(Глава «Две кузницы»)

На хуторском глухом подворье,
В тени обкуренных берез
Стояла кузница в Загорье,
И я при ней с рожденья рос.

И ответ жара горнового
Под закопченным потолком,
И свежесть пола земляного,
И запах дыма с деготком —
Привычны мне с тех пор, пожалуй,
Как там, взойдя к отцу в обед,
Мать на руках меня держала,
Когда ей было двадцать лет...

Я помню нашей наковальни
В лесной тиши сиротский звон,
Такой усталый и печальный,
По вечерам, как будто он
Вещал вокруг о жизни трудной,
О скудном выручкою дне
В той небогатой, малолюдной,
Негромкой нашей стороне,
Где меж болот, кустов и леса
Терялись бойкие пути;
Где мог бы все свое железо
Мужик под мышкой унести,
Где был заказчик — гость случайный,
Что к кузнецу раз в десять лет
Ходил, как к доктору, от крайней
Нужды — когда уж мочи нет.
И этот голос наковальни,
Да скрип мехов, да шум огня

С далекой той поры начальной
В ушах не молкнет у меня.
Не молкнет память жизни бедной,
Обидной, горькой и глухой,
Пускай исчезнувшей бесследно,
С отцом ушедшей на покой.

И пусть она не повторится,
Но я с нее свой начал путь,
Я и добром, как говорится,
Ее обязан помянуть.
За все ребячьи впечатленья,
Что в зрелый век с собой принес,
За эту кузницу под тенью
Дымком обкуренных берез.

На малой той частице света
Была она для всех вокруг
Тогдашним клубом, и газетой,
И академией наук.

И с топором отхожим плотник,
И старый воин — грудь в крестах,
И местный мученик — охотник
С ружьишком ветхим на гвоздях,
И землемер, и дьякон медный,
И в блестках сбруи коновал,
И скупщик лиха — Ицка бедный, —
И кто там только не бывал!

Там был приют суждений ярых
О недалекой старине,
О прежних выдумщиках — барах,
Об ихней пище и вине;
О загранице и России,
О хлебных сказочных краях,
О боге, о нечистой силе,
О полководцах и царях;
О нуждах мира волостного,
Затмениях солнца и луны,
О наставленьях Льва Толстого
И притеснениях от казны...

Там человеческой природе
Отрада редкая была
Побыть в охоту на народе,
Забуть, что жизнь невесела.

Сиди, пристроившись в прохладе,
Чужой махоркою дыми,
Кряхти, вздыхай — не скуки ради,
А за компанию с людьми.

И словно всяк — хозяин-барин,
И ни к чему спешить домой...

Но я особо благодарен
Тем дням за ранний навык мой.

За то, что там ребенком малым
Познал, какие чудеса
Творит союз огня с металлом
В согласье с волей кузнеца.

Я видел в яви это диво,
Как у него под молотком
Рождалось все, чем пашут ниву,
Корчуют лес и рубят дом.

Я им гордился бесконечно,
Я знал уже, что мастер мог
Тем молотком своим кузнечным
Сковать такой же молоток.

Я знал не только понаслышке,
Что труд его в большой чести,
Что без железной кочедышки
И лаптя толком не сплести.

Мне с той поры в привычку стали
Дутья тугой, бодрящий рев,
Тревожный свет кипящей стали
И под ударом взрыв паров.
И садкий бой кувалды древней,
Что с горделивою тоской
Звенела там, в глуши деревни,
Как отзвук славы заводской...

Полжизни с лишком миновало,
И дался случай мне судьбой
Кувалду главную Урала
В работе видеть боевой.

Неторопливые ребята
Там управлялися шутя,
Болванку стали в три обхвата,
Как гвоздь, под молотом вертя.

И хоть волною грозной жара
Я был далеко отстранен,
Земля отчетливо дрожала
Под той кувалдой в тыщи тонн.

Казалось, с каждого удара
У всех под пятками она
С угрюмым стоном припадала,
До скальных недр потрясена...

И пусть тем грохотом вселенским
Я был вначале оглушен,
Своей кувалды деревенской
Я в нем родной расслышал звон.

Я запах издавна знакомый
Огня с окалиной вдыхал,
Я был в той кузнице, как дома,
Хоть знал, что это был Урал.

Урал! Завет веков — и вместе —
Предвестье будущих времен.
И в наши души, точно песня,
Могучим басом входит он —

Урал! Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней боец.

Когда на запад эшелоны,
На край пылающей земли,
Ту мощь брони незачехленной,
Стволов и гусениц везли,—

Тогда, бывало, поголовно
Весь фронт огромный повторял
Со вздохом нежности сыновней
Два слова:

— Батюшка-Урал...

Урал! И ныне люд вагонный,
Среди своих бесед, забав,
Когда добром его груженный
На встречной воздух рвет состав.—
Невольно связь речей теряя,
На миг как будто шапку снял,
Примолкнет, сердцем повторяя
Два слова:

— Батюшка-Урал...

Урал! Я нынче еду мимо.
И что-то сжалось в груди:
Тебя, как будто край родимый,
Я оставляю позади.
Но сколько раз в дороге дальней
Я повторю — как лег, как встал —
И все теплей и благодарней
Два слова:

— Батюшка-Урал...

Урал! Невольною печалью
Я отдаю прощанью дань...
А за Уралом —
Зауралье,
А там своя, иная даль.

1953

* * *

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла,
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла.

И сказок в трепетную память,
И песен стороны родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.

И в захолустье, потрясенном
Всемирным чудом новых дней,
Старинных зим с певучим стоном
Далеких — за лесом — саней.

И весен в дружном развороте,
Морей и речек на дворе,
Икры лягушечьей в болоте,
Смолы у сосен на коре.

И летних гроз, грибов и ягод,
Росистых троп в траве глухой,
Пастушьих радостей и тягот,
И слез над книгой дорогой.

И ранней горечи и боли,
И детской мстительной мечты,
И дней, не высиженных в школе,
И босоты и наготы.

Всего — и скудости унылой
В потемках отчего угла...

Нет, жизнь меня не обделила,
Ничем в ряду не обошла.
Ни щедрой выдачей здоровья
И сил надолго про запас.
Ни первой дружбой и любовью,
Что во второй не встретишь раз.

Ни славы замыслом зеленым —
Отравой сладкой строк и слов,
Ни кружкой с дымным самогоном
В кругу певцов и мудрецов,
Тихонь и спорщиков до страсти,
Чей толк не прост и речь остра
Насчет былой и новой власти,
Насчет добра и недобра...

Чтоб жил и был всегда с народом,
Чтоб ведал все, что станет с ним,
Не обошла тридцатым годом,
И сорок первым, и иным...

И столько в сердце поместила,
Что диву даваться до поры,
Какие резкие под силу
Ему ознобы и жары.

И что мне малые напасти
И незадачи на пути,
Когда я знаю: это счастье —
Не мимоходом жизнь пройти.

Не мимоедом стороною
Ее увидеть без хлопот,
Но знать горбом и всей спиною
Ее крутой и жесткий пот.

И будто дело молодое —
Все, что затеял и слепил,
Считать одной ничтожной долей
Того, что людям должен был.

Зато порукой обоюдной
Любая скрашена страда.

Еще и впредь мне будет трудно,
Но чтобы страшно — никогда.

1955

Степан Щипачев

* * *

Лил дождь осенний. Сад грустил о лете.
За мной вода заравнивала след.
Мне подсказала дата в партбилете:
Тогда мне было девятнадцать лет.

На город шел Колчак. У мыловарни
Чернел окоп; в грязи была сирень;
А я сиял: я стал партийным парнем
В осенний тот благословенный день.

1937

БЕРЕЗКА

Ее к земле сгибает ливень
Почти нагую, а она
Рванется, глянет молчаливо,—
И дождь уймется у окна.

И в непроглядный зимний вечер,
В победу веря наперед,
Ее буран берет за плечи,
За руки белые берет.

Но, тонкую, ее ломая,
Из силы выбьются... Она,
Видать, характером прямая,
Кому-то третьему верна.

1937

НА ПАРТКОМЕ

Еще и на парткоме так
Сидеть случается, друзья.
Заметишь дома, сняв пиджак,
Что ты прокурен до белья.
На улице весна давно,
Дождем обрызгана трава,
А тут еще зима в правах...
Но секретарь рванул окно —
И ветки бросились к рукам,
К его горячему лицу.
Гул самолетов, детский гам.
Землей пахнуло, как в лесу.
Земля от яблони бела,
И годы впереди ясны...
Решать партийные дела
Нельзя, не чувствуя весны.

1938

* * *

Начало пятого, но мне не спится.
Мутнеет вьюга; ночь летит в рассвет.
Земля, как заведённая, вертётся...
Пройдет и пять и десять тысяч лет,
И дальний век (мы и о нем мечтали)
Вот так же станет вьюгами трубить.
В той, даже мыслям недоступной, дали
Хотел бы я хотя б снежинкой быть,
Чтоб, над землею с ветром пролетая,
На жизнь тогдашнюю хоть раз взглянуть,
В морозный день над тополем порхнуть
И у ребенка на щеке растаять.

1938

МИЧУРИН

Пригнула ветки вишен
Тяжелая роса.
Больной, ругая старость,
Мичурин входит в сад.
Черешни и рябина,
Смыкая листьев круг,

Касаются ветвями
Его хозяйских рук.
И он шагает... Снова
Как будто молодой.
Он к яблоне подходит,
К «Китайке золотой».
...В саду порошей белой
Июнь пылил в лицо.
Из семечка-гибрида
Пробилось деревцо.
Оно росло, мужало,
Цвело, роняло цвет
И яблонею стало,
Которой — сорок лет,
Которая в народе
Прославилась давно.
Ее родней полмира
Уже заселено...
Он в руки взял природу,
Запальчивый, живой.
Сады на всех широтах
О нем шумят листвою.
Но не успел одну он
Осуществить мечту:
Он яблоко на старости
Хотел взрастить в саду,
В котором удалось бы
Открыть такой секрет,
Чтоб, яблока отведав,
Прожить еще сто лет.

1938

ЗЕМЛЯ С ВЫСОТЫ

Такое видишь и во сне не часто;
Во все глаза гляжу на белый свет:
Земля открылась километров на сто —
Огромной карты глиняный макет.
Плывет над реденькими облаками
Спокойный четырехмоторный гром.
Земля, возделанная нашими руками,
Нет-нет, и покачивается под крылом.
Давно мечтал я видеть эти дали,
Взглянуть на землю с этой высоты, —
Не мелочи, не частные детали,
Увидеть главные ее черты.

И вот дивлюсь — какой размах и смелость!
Такое с чем сравнишь по широте?
Но есть какая-то окаменелость
В величественной этой красоте.
И понял я, что землю молодую,
За много лет исхоженную мной,
Родную нашу землю, обжитую,
Люблю во всей подробности земной.

1939

* * *

Здесь было горе горькое бездонным,
Нуждой исхожен невеселый шлях,
Где каменные польские мадонны
С младенцами грудными на руках.

Они глядели в сельские просторы,
Где за сохой крошился тощий пласт,
Единственные матери, которым
Слезами горе не мутило глаз.

1939

ПОТОМКАМ

Вас нет еще: вы — воздух, глина, свет;
О вас, далеких, лишь гадать могли мы,—
Но перед вами нам держать ответ.
Потомки, вы от нас неотделимы.

Был труден бой. Казались нам не раз
Незащищенными столетий дали.
Когда враги гранатой били в нас,
То и до вас осколки долетали.

1940

СОЛОВЕЙ

Марии Петровых

Где березняк, рябой и редкий,
Где тает дымка лозняка,
Он, серенький, сидит на ветке
И держит в клюве червяка.

Но это он, простой, невзрачный,
Озябший ночью от росы,
Заворожит поселок дачный
У пригородной полосы.

1940

* * *

Пускай умру, пускай летят года,
Пускай я прахом стану навсегда.

Полями девушка пойдет босая.
Я встрепенусь, преодолевая тлен,
Горячей пылью ног ее касаясь,
Ромашкою пропахших до колен.

1940

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Казалось, было холодно цветам,
И от росы они слегка поблѣкли.
Зарю, что шла по травам и кустам,
Обшарили немецкие бинокли.

Цветок, в росинках весь, к цветку приник,
И пограничник протянул к ним руки.
А немцы, кончив кофе пить, в тот миг
Влезали в танки, закрывали люки.

Такою все дышало тишиной,
Что вся земля еще спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
Всего каких-то пять минут осталось.

Я о другом не пел бы ни о чем,
А славил бы всю жизнь свою дорогу,
Когда б армейским скромным трубачом
Я эти пять минут трубил тревогу.

1943

СОСЕДКА

Я да соседка за стеной,
Во всей квартире — только двое,
А ветер в поздний час ночной
То вдруг засвищет, то завоет.
Вот в комнате моей, вздохнув,
Он ищет в темноте опору,
Он ходит, двери распахнув,
По кухне и по коридору,
Он звонкую посуду бьет
И створкой хлопает, задорен.
Соседка, слышу я, встает,
В испуге голос подает, —
И вот — мы оба в коридоре.
И я не знаю (всё жильё
Насквозь пробрало сквозняками),
Как руки теплые ее
С моими встретились руками.
В продутой ветром темноте
Она легка, полуодета.
Где дверь на кухню? Створка где?
Стоим, не зажигая света.
А ветер, северный, седой,
Шумит, свистит в подзвездном мире,
И мы с соседкой молодой
В такую ночь одни в квартире.

1944

* * *

Себя не видят синие просторы,
И в вечном холоде светлы, чисты,
Себя не видят снеговые горы,
Цветок своей не видит красоты.

И сладко знать, идешь ли ты лесами,
Спускаешься ли горною тропой:
Твоими ненасытными глазами
Природа восхищается собой.

1945

ПЕРВАЯ ВЕСНА

Март при советской власти шел впервые.
Капель дробилась на ветру пылью.
Входила в Кремль машина. Часовые
Еще не знали Ленина в лицо.

Был Кремль пустым. Стояли в тишине
Повозки брошенные, с ними рядом
Валялись гильзы, ящики. В стене
Зияли выбоины от снарядов.

И тут и там не то темнела кровь,
Не то следы кирпичной красной пыли.
Таким остался Кремль от юнкеров.
Такими дни весны далекой были.

У стен зубчатая лежала тень.
В ботинках и обмотках часовые
Переминались у ворот. Впервые
В Кремль въехал Ленин.
Был прекрасный день!

Даль за бойницами была ясна.
Он из машины вышел, кепку тронул.
Шла по земле великая весна —
И падали правительства и троны.

1946

СТРОКИ ЛЮБВИ

*

Своей любви перебирая даты,
Я не могу представить одного:
Что ты чужою мне была когда-то
И о тебе не знал я ничего.

Какие бы ни миновали сроки
И сколько б я ни исходил земли,
Мне вновь и вновь благословлять дороги,
Что нас с тобою к встрече привели.

*

Ты со мной, и каждый миг мне дорог,
Может, впереди у нас — года,
Но придет разлука, за которой
Не бывает встречи никогда.

Только звезды в чей-то час свиданья
Будут так же лить свой тихий свет.
Где тогда в холодном мирозданье,
Милый друг, я отыщу твой след?

*

Как хочешь это назови.
Друг другу стали мы дорожке,
Заботливей, нежней в любви,
Но почему я так тревожен?
Стал придавать значенье снам,
Порой задумаюсь, мрачней...
Уж видно, чем любовь сильнее,
Тем за нее страшнее нам.

*

Опять тревожно, больно сердцу стало,
И я не знаю, чем помочь ему.
Опять старуха-ревность нашептала
Черт знает что рассудку моему:
Чтоб я ни поцелуям, ни слезам,
Ни гневным оправданиям не верил,
Ходил бы по твоим следам —
И на ее аршин все мерил.

У ревности душа темна.
Опасная советчица она.

*

Любовью дорожить умеете,
С годами дорожить вдвойне.
Любовь — не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.
Всё будет: слякоть и пороша.
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню не легко сложить.

*

Ты порой целуешь ту, порою — эту
В папиросном голубом дыму.
Может быть, в упреках толку нету,
Да читать мораль и не к лицу поэту,—
Только страшно стариться тому,
Кто любовь, как мелкую монету,
Раздавал, не зная сам кому.

*

Мы строим коммунизм. Что в мире краше,
Чем этот труд! Где доблести предел?
Предела нет! А кто сказал, что наша
Любовь должна быть мельче наших дел?

Я, может, сам такой любви не стою,
Но, принимая бури и ветра,
Живет, сияет чистой красотой
Любовь — высоким помыслам сестра.

1937—1947

ЧИТАЯ МЕНДЕЛЕЕВА

I

Другого ничего в природе нет
Ни здесь, ни там, в космических глубинах:
Все — от песчинок малых до планет —
Из элементов состоит единых.

Как формула, как график трудовой,
Строй менделеевской системы строгой.
Вокруг тебя творится мир живой,
Входи в него, вдыхай, руками трогай.

Есть просто газ легчайший — водород,
Есть просто кислород, а вместе это —
Июньский дождь от всех своих щедрот,
Сентябрьские туманы на рассветах.

Кипит железо, серебро, сурьма
И темно-бурые растворы брома,
И кажется вселенная сама
Одной лабораторией огромной.

II

Тут мало оптикой поможешь глазу,
Тут мысль пытливая всего верней.
Пылинку и увидишь-то не сразу —
Глубины мироздания скрыты в ней.

Будь то вода, что поле оросила,
Будь то железо, медь или гранит —
Все страшную космическую силу,
Закованную в атомы, хранит.

Мы не отступим, мы пробьем дорогу
Туда, где замкнут мироздания круг,—
И что приписывалось раньше богу,
Все будет делом наших грешных рук!

1946—1948

ПАВШИМ

Весь под ногами шар земной.
Живу. Дышу. Пою.
Но в памяти всегда со мной
Погибшие в бою.

Пусть всех имен не назову,
Нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?

Была б кошунственной моя
Тоскливая строка
О том, что вот старею я,
Что, может, смерть близка.

Я мог давно не жить уже:
В бою, под свист и вой,
Мог пасть в соленом Сиваше
Иль где-то под Уфой.

Но там упал ровесник мой.
Когда б не он, как знать,—
Вернулся ли бы я домой
Обнять старуху мать.

Кулацкий выстрел, ослепив,
Жизнь погасил бы враз,

Но был не я убит в степи,
Где обелиск сейчас.

На подвиг вновь звала страна.
Солдатский путь далек.
Изрыли бомбы дочерна
Обочины дорог.

Я сам воочью смерть видал.
Шел от воронок дым.
Горячим запахом металл
Запомнился живым.

Но все ж у многих на войне
Был тяжелее путь,
И Черняховскому — не мне —
Пробил осколок грудь.

Не я — в крови, полуживой,
Растерзан и раздет,—
Молчал на пытках Кошевой
В свои шестнадцать лет.

Пусть всех имен не назову,
Нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?

Чем им обязан — знаю я.
И пусть не только стих,
Достойна будет жизнь моя
Солдатской смерти их.

1948

В ОКЕАНЕ

Мириады водяных пылинок
Подымаются над океаном,
Чтобы тут же в путь пуститься длинный
По широтам и меридианам,
Стать сгустившимися облаками,
Тучами — чтоб тяжестью воды
Где-то падать на пески и камни,
На поля и на сады.
От могучих океанских вод,
Оросив материки и страны,
На восток гонимая ветрами,

Эта влага и туда дойдет,
Где любимые простились с нами,
Где росли мы, где нам все родное.
Океан ворочает волнами
Весь в испарине. Легко ль на зное!

1951

* * *

На ней простая блузка в клетку.
Идет, покусывает ветку.
Горчит, должно быть, на губах.
Июнь черемухой пропах.
Он сыплет легким белым цветом
На плечи женщине, на грудь.
Она совсем легко одета,
Идет поживаясь чуть;
То с горки тропкою сбегает,
То затеряется в листве.
Коса тяжелая, тугая
Лежит венком на голове.
Мы встретились, в глаза взглянули
В такой тиши, наедине,—
И в жизни вдруг не потому ли
Чего-то жалко стало мне.
Чего? И сам я не отвечу.
Не то ль, что голова бела,
Не то ль, что женщина при встрече
Глаза спокойно отвела?..
Не потому ль слова об этом,
Как терпкий привкус на губах.
Под северным холодным небом
Июнь черемухой пропах.

1952

СЕДОВ

Он умирал, сжимая компас верный.
Природа мертвая, закованная льдом,
Лежала вокруг него, и солнца лик пещерный
Через туман просвечивал с трудом.
Лохматые, с ремнями на груди,
Свой легкий груз собаки чуть влачили.
Корабль, затертый в ледяной могиле,
Уж далеко остался позади.
И целый мир остался за спиною!
В страну безмолвия, где полюс-великан,
Увенчанный тиарой ледяною,
С меридианом свел меридиан;
Где полукруг полярного сиянья
Копьем алмазным небо пересек;
Где вековое мертвое молчанье
Нарушить мог один лишь человек,—
Туда, туда! В страну туманных бредней,
Где обрывается последней жизни нить!
И сердца стон и жизни миг последний —
Все, все отдать, но полюс победить!

Он умирал посереде дороги,
Болезнями и голодом томим.
В цинготных пятнах ледяные ноги,
Как бревна, мертвые, лежали перед ним.
Но странно! В этом полумертвом теле
Еще жила великая душа.
Превозмогая боль, едва дыша,
К лицу приблизив компас еле-еле,
Он проверял по стрелке свой маршрут
И гнал вперед свой поезд погребальный...
О край земли, угрюмый и печальный!
Какие люди побывали тут!

И есть на дальнем Севере могила...
Вдали от мира высится она.
Один лишь ветер воеет там уныло
И снега ровная блистает пелена.
Два верных друга, чуть живые оба,
Среди камней героя погребли,
И не было ему простого даже гроба,
Щепотки не было родной ему земли.
И не было ему ни почестей военных,
Ни траурных салютов, ни венков,
Лишь два матроса, стоя на коленях,
Как дети плакали, одни среди снегов.

Но люди мужества, друзья, не умирают!
Теперь, когда над нашей головой
Стальные вихри воздух рассекают
И пропадают в дымке голубой;
Когда, достигнув снежного зенита,
Наш флаг над полюсом колеблется, крылат,
И обозначены углом теодолита
Восход луны и солнечный закат,—
Друзья мои, на торжестве народном
Помянем тех, кто пал в краю холодном!

Вставай, Седов, отважный сын земли!
Твой старый компас мы сменили новым,
Но твой поход на Севере суровом
Забыть в своих походах не могли.
И жить бы нам на свете без предела,
Вгрызаясь в льды, меняя русла рек,—
Отчизна воспитала нас и в тело
Живую душу вдунула навек.
И мы пойдем в урочища любые,
И, если смерть застигнет у снегов,
Лишь одного просил бы у судьбы я:
Так умереть, как умерал Седов.

1937

УСТУПИ МНЕ, СКВОРЕЦ, УГОЛОК

Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворешнике.
Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники.

И свистит и бормочет весна
По колено затоплены тополи.

Пробуждаются клены от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали.

И такой на полях кавардак,
И такая ручьев околёсица,
Что попробуй, покинув чердак,
Слома голову в рощу не броситься!

Начинай серенаду, скворец!
Сквозь литавры и бубны истории
Ты — наш первый весенний певец
Из березовой консерватории.

Открывай представленье, свистун!
Запрокинься головкою розовой,
Разрывая сияние струн
В самом горле у рощи березовой.

Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница:
— Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется.

А весна хороша, хороша!
Охватило всю душу сиренями.
Поднимай же скворешню, душа,
Над твоими садами весенними.

Поселись на высоком шесте,
Полыхая по небу восторгами,
Прилепись паутинкой к звезде
Вместе с птичьими скороговорками.

Повернись к мирозданию лицом,
Голубые подснежники чествуя,
С потерявшим сознание скворцом
По весенним полям путешествуя.

1946

ГОРОД В СТЕПИ

1

Степным ветрам не писаны законы.
Пирамидальный склон воспламеня.
Всю ночь над нами тлеют терриконы —
Живые горы дыма и огня.

Куда ни глянь, от края и до края
На пьедесталах каменных пород
Стальные краны, в воздухе ныряя,
Свой медленный свершают оборот.
И вьется дым в искусственном ущелье,
И за составом движется состав,
И свищет ветер в бешеном веселье,
Над Казахстаном крылья распластав.

2

Какой простор для мысли и труда!
Какая сила дерзости и воли!
Кто, чародей, в необозримом поле
Воздвиг потомству эти города?
Кто выстроил пролеты колоннад,
Кто вылепил гирлянды на фронтонах,
Кто среди степей разбил испеленных
Фонтанами взрывающийся сад?
А ветер стонет, свищет и гудит,
Рвет вымпела, над башнями играя,
И изваянье Ленина стоит,
В седые степи руку простирая.
И степь пылает на исходе дня,
И тень руки ложится на равнины,
И в честь вождя заводят песнь акыны,
Над инструментом голову склоня.
И затихают шорохи и вздохи,
И замолкают птичьи голоса,
И вопль певца из струнной суматохи,
Как вольный беркут, мчится в небеса.
Летит, летит, летит... остановился...
И замер где-то в солнце... А внизу
Переполох восторга прокатился,
С туманных струн рассыпав бирюзу.
Но странный голос, полный ликования,
Уже вступил в особый мир чудес,
И целый город, затаив дыханье,
Следит за ним под куполом небес.
И Ленин смотрит в глубь седых степей,
И думаю чело его объято,
И песнь летит, привольна и крылата,
И, кажется, конца не будет ей.
И далеко в сиянии зари
В своих широких шляпах из брезента
Шахтеры вторят звону инструмента
И поднимают к небу фонари.

Гомер степей на пегой лошаденке
 Несется вдаль, стремительно красив.
 Вослед ему летят сизоворонки,
 Головки на закат поворотив.
 И вот, ступив ногой на солончак,
 Стоит верблюду, Ассаргадон пустыни,
 Дитя печали, гнева и гордыни,
 С тысячелетней тяжестью в очах.
 Косматый лебедь каменного века,
 Он плачет так, что слушать нету сил,
 Как будто он, скиталец и калека,
 Вкусив пространства, счастья не вкусил.
 Закинув темя за предел земной,
 Он медленно ворочает глазами,
 И тамариск, обрызганный слезами,
 Шумит пред ним серебряной волной.

Надев остроконечные папахи
 И наклонясь на гриву скакуна,
 Вокруг отар во весь опор казахи
 Несутся, выются, стиснув стремяна.
 И стрепет, вылетев из-под копыт,
 Шарахается в поле, как лазутчик,
 И солнце жжет верхи сухих колючек,
 И на сто верст простор вокруг открыт.
 И Ленин на холме Караганды
 Глядит в необозримые просторы,
 И вокруг него ликуют птичьи хоры,
 Звенит домбра и плещет ток воды.
 И за составом движется состав,
 И льется уголь из подземной клетки,
 И ветер гонит мглу тысячеклетий,
 Над Казахстаном крылья распластав.

1947

ЖУРАВЛИ

Вылетев из Африки в апреле
 К берегам отеческой земли,
 Длинным треугольником летели,
 Утопая в небе, журавли.

Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вел вожак в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.

Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Черное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.

Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.

Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И, рыданию горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.

Там, вверху, где движутся светила,
В искупленье собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:

Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе —
Все, что от бывшего поколенья
Переходит, молодость, к тебе.

А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.

1948

ЛЕБЕДЬ В ЗООПАРКЕ

Сквозь летние сумерки парка
По краю искусственных вод
Красавица, дева, дикарка,
Высокая лебедь плывет.

Плывет белоснежное диво,
Животное, полное грез.
Коллебя на лоне залива
Лиловые тени берез.

Головка ее шелковиста,
И мантия снега белей,
И дивные два аметиста
Мерцают в глазницах у ней.

И светлое льется сиянье
Над белым изгибом спины,
И вся она как изваянье
Приподнятой к небу волны.

Скрежещут над парком трамваи,
Скрипит под машинами мост,
Истошно кричат попугаи,
Подняв перламутровый хвост.

И звери сидят в отдаленье,
Приделаны к выступам нор,
И смотрят фигуры оленье
На воду сквозь тонкий забор.

И вся мировая столица,
Весь город сверкающий наш,
Над маленьким парком теснится,
Этаж громоздя на этаж.

И слышит, как в сказочном мире
У самого края стены
Крылатое диво на лире
Поет нам о счастье весны.

1948

НА РЕЙДЕ

Был поздний вечер. На террасах
Горы, сползающей на дно,
Дремал поселок, опоясав
Лазурной бухточки пятно.

Туманным кругом акварели
Лежала в облаке луна,
И звезды еле-еле тлели,
И еле двигалась волна.

Под равномерный шум прибоя
Качались в бухте корабли.

И вдруг, утробным воем воя,
Все море вспыхнуло вдали.

И в ослепительном сплетенье
Огней, пронзивших небосвод,
Гигантский лебедь, белый гений,
На рейде встал электроход.

Он встал над бездной вертикальной
В тройном созвучии октав,
Обрывки бури музыкальной
Из окон щедро раскидав.

Он весь дрожал от этой бури,
Он с морем был в одном ключе,
Но тяготел к архитектуре,
Подняв антенну на плече.

Он в море был явленьем смысла,
Где электричество и звук,
Как равнозначащие числа,
Передо мной предстали вдруг.

1949

* * *

Я воспитан природой суровой,
Мне довольно заметить у ног
Одуванчика шарик пуховый,
Подорожника твердый клинок.

Чем обычной простое растение,
Тем живее волнует меня
Первых листьев его появление
На рассвете весеннего дня.

В государстве ромашек, у края,
Где ручей, задыхаясь, поет,
Пролежал бы всю ночь до утра я,
Запрокинув лицо в небосвод.

Жизнь потоком светящейся пыли
Все текла бы, текла сквозь листья,
И туманные звезды светили,
Заливая лучами кусты.

И, внимая весеннему шуму
Посреди очарованных трав,
Все лежал бы и думал я думу
Беспредельных полей и дубрав.

1953

ХОДОКИ

В зипунах домашнего покроя,
Из далеких сел, из-за Оки,
Шли они, неведомые, трое —
По мирскому делу ходоки.

Русь металась в голоде и буре,
Все смешалось, сдвинутое враз.
Гул вокзалов, крик в комендатуре,
Человечье горе без прикрас.

Только эти трое почему-то
Выделялись в скопище людей,
Не кричали бешено и люто,
Не ломали строй очередей.

Всматриваясь старыми глазами
В то, что здесь наделала нужда,
Горевали путники, а сами
Говорили мало, как всегда.

Есть черта, присущая народу:
Мыслит он не разумом одним, —
Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Оттого прекрасны наши сказки,
Наши песни, сложенные в лад.
В них и ум и сердце без опаски
На одном наречье говорят.

Эти трое мало говорили.
Что слова! Была не в этом суть.
Но зато в душе они скопили
Многое за долгий этот путь.

Потому, быть может, и таились
В их глазах тревожные огни
В поздний час, когда остановились
У порога Смольного они.

Но когда радушный их хозяин,
Человек в потертом пиджаке,
Сам работой до смерти измаян,
С ними говорил накоротке,

Говорил о скудном их районе,
Говорил о той поре, когда
Выйдут электрические кони
На поля народного труда,

Говорил, как жизнь расправит крылья,
Как, воспрянув духом, весь народ
Золотые хлебы изобилья
По стране, ликуя, понесет,—

Лишь тогда тяжелая тревога
В трех сердцах растаяла, как сон,
И внезапно видно стало много
Из того, что видел только он.

И котомки сами развязались,
Серой пылью в комнате пыля,
И в руках стыдливо показались
Черствые ржаные кренделя.

С этим угощением безыскусным
К Ленину крестьяне подошли.
Ели все. И горьким был и вкусным
Скудный дар истерзанной земли.

1954

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам ее,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про нее,
Она ж за ними бегаёт по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,

И девочка ликует и смеется,
Схваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Еще не знает это существо.
Ей все на свете так безмерно ново,
Так живо все, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине ее горит,
Всю боль всюю один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты ее нехороши
И нечем ей прельстить восбращенье,
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движенье
А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

1955

ВЕСНА В МИЛИЦИИ

Я шел не просто,—
я свистел.
И думалось о том,
что вот природа не у дел
и мокнет под дождем,
что птички песенки поют,
и речка глубока,
и флегматичные плывут
по небу облака,
и слышно, подрастает как,
шурша листвою, лес.

И под полою нес кулак
откопанный обрез,
набитый смертью.
Птичий свист
по всем кустам летел.
И на фордзоне тракторист
четыре дня сидел
и резал землю.
(Двадцать лет,
девчонка у ворот.)

Но заседают сельсовет
две ночи напролет.
Перебирая имена,
охрипнув, окосев,
они орут про семена,
и про весенний сев,
и про разбавленный удой,
и про свью беду.

А я тропинкою кривой
задумчиво иду.

Иду.
И думаю, что вот
природа не у дел,
что теплый ветер у ворот
немножко похудел,
и расстояние велико
от ветра и весны
до практики большевиков,
до помыслов страны.
И что товарищам порой
на звезды наплевать.
И должен все-таки герой
уметь согласовать
весну расчерченных работ
с дыханием ветерка,
любовью у сырых ворот
и смертью кулака,
и лесом в золотом огне.
А через две версты
стоит милиция.
В окне
милиции цветы
весенние.
И за столом
милиции допрос
того, кто вместе с кулаком
глухую злобу нес,
того, кто портит и вредит,
того, кто старый враг.
И раскулаченный сидит
в милиции кулак
и искренно желает нам
с весной околеть.

А у начальника — весна
в стакане на столе.

И сразу понимаю я,
что этот человек
умеет планы выполнять,
валяться на траве,
ночами за столом не спать,
часами говорить,
умеет звезды понимать
и девушек любить.
Я веселею.
Я бреду
дорожкой кривой

и сочиняю на ходу
рассказы про него.

И принимаю целиком
дыхание весны, —
борьбу с раскосым кулаком
и первые цветы.

И радуюсь, когда слова,
когда моя строка
и зеленеют, как трава,
и душат кулака.

1932

МАМА

Добра моя мать. Добра, сердечна.
Приди к ней — увенчанный и увечный —
делиться удачей, печаль скрывать, —
чайник согреет, обед поставит,
выслушает, ночевать оставит:
сама — на сундук, гостям — кровать.

Старенькая: ведь видала виды,
знала обманы, хулу, обиды.
Но не пошло ей ученье впрок.
Окна погасли. Фонарь погашен,
только до позднего в комнате нашей
теплится радостный огонек.

Это она над письмом склонилась.
Не позабыла, не поленилась —
пишет ответы во все края:
кого — пожалеет, кого — поздравит,
кого — подбодрит, а кого — поправит.
Совесь людская. Мама моя.

Долго сидит она над тетрадкой,
отодвигая седую прядку
(дельная — рано ей на покой),
глаз утомленных не закрывая,
ближних и дальних оберегая
своею лучистою доброгой.

Всех бы приветила, всех сдружила,
всех бы знакомых переженила.
Всех бы людей за столом собрать,

а самой оказаться — как будто! — лишней,
сесть в уголок и оттуда неслышно
за шумным праздником наблюдать.

Мне бы с тобою все время ладить.
Мне бы морщинки твои разгладить.
Может, затем и стихи пишу,
что, сознавая мужскую силу,
так, как у сердца меня носила,
в сердце своем я тебя ношу.

1939

МИЧУРИНСКИЙ САД

*(Из стихов о Всесоюзной
сельскохозяйственной выставке)*

Оценив строителей старанье,
оглядев все дальние углы,
я услышал ровное жужжанье,
тонкое гудение пчелы.

За пчелой пришел я в это царство
посмотреть внимательно, как тут
возле гряд целебного лекарства
тоненькие яблони растут;

как стоит, не слыша пташек певчих,
в старомодном длинном сюртуке
каменный молчащий человечек
с яблоком, прикованным к руке.

Он молчит, воитель и ваятель,
сморщенных не опуская век,—
царь садов, самой земли приятель,
седенький сутулый человек.

Снял он с ветки вяжущую грушу,
на две половинки разделил,
и ее таинственную душу
в золотое яблоко вложил.

Я слезу, томительно и длинно,
как на солнце светится пыльца
и стучат, сливаясь воедино,
их миндалевидные сердца.

Рассыпая маленькие зерна,
по колено в северных снегах,
ковыляет деревце покорно
на кривых беспомощных ногах.

Я молчу, волнуясь в отдаленье:
я бы отдал лучшие слова,
чтоб достигнуть твоего умения,
твоего, учитель, мастерства.

Я бы сделал горбуна красивым,
слабовольным силу бы привил,
дал бы храбрым — нежность, а трусливых —
храбрыми сердцами наделил.

А себе б одно оставил свойство:
жизнь прожить, как ты прожил ее,
творческое слыша беспокойство,
вечное волнение свое.

1940

ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ЛИДА

Вдоль маленьких домиков белых
Акация душно цветет.
Хорошая девочка Лида
На улице Южной живет.

Ее золотые косицы
Затянуты, будто жгуты.
По платью, по синему ситцу,
Как в поле, мелькают цветы.

И вовсе, представьте, неплохо,
Что рыжий пройдоха Апрель
Бесшумной пыльюцо веснушек
Засыпал ей утром постель.

В оконном стекле отражаясь,
По миру идет не спеша
Хорошая девочка Лида,
Да чем же

она
хороша?

Спросите об этом мальчишку,
Что в доме напротив живет:

Он с именем этим ложится
И с именем этим встает.

Недаром на каменных плитах,
Где милый ботинок ступал,
«Хорошая девочка Лида»,—
В отчаянье он написал.

Не может людей не растрогать
Мальчишки упрямого пыл.
Так Пушкин влюблялся, должно быть,
Так Гейне, наверно, любил.

Он вырастет, станет известным,
Покинет пенаты свои.
Окажется улица тесной
Для этой огромной любви.

Преграды влюбленному нету:
Смущенье и робость — вранье!
На всех перекрестках планеты
Напишет он имя ее:

На полюсе Южном — огнями,
Пшеницей — в кубанских степях,
На русских полянах — цветами
И пеной морской — на морях.

Он в небо залезет ночное,
Все пальцы себе обожжет,
Но вскоре над тихой землею
Созвездие Лиды взойдет.

Пусть будут ночами светиться
Над снами твоими, Москва,
На синих небесных страницах
Красивые эти слова.

1941

ЗЕМЛИ

Тихо прожил я жизнь человечью,
ни бурана, ни шторма не знал,
по волнам океана не плывал,
в облаках и во сне не летал.

Но зато, словно юность вторую,
полюбил я в просторном краю
эту черную землю сырую,
эту милую землю мою.

Для нее, ничего не жалея,
я лишился покоя и сна,
стали руки большие темнее,
но зато посветлела она.

Чтоб ее не кручинились кручи
и глядела она веселей,
я возил ее в тачке скрипучей
так, как женщины возят детей.

Я себя признаю виноватым,
но прощенья не требую в том,
что ее подымал я лопатой
и валил на колени кайлом.

Ведь и сам я, от счастья бледнея,
зажимая гранату свою,
в полный рост поднимался над нею
и, простреленный, падал в бою.

Ты дала мне вершину и бездну,
подарила свою широту.
Стал я сильным, как терн, и железным,
словно окиси привкус во рту.

Даже жесткие эти морщины,
что по лбу и по щекам прошли,
как отцовские руки у сына —
по наследству я взял у земли.

Человек с голубыми глазами,
не стыжусь и не радуюсь я,
что осталась земля под ногтями
и под сердцем осталась земля.

Ты мне небом и волнами стала,
колыбель и последний приют...
Видно, значишь ты в жизни немало,
если жизнь за тебя отдают.

1945

МИЛЫЕ КРАСАВИЦЫ РОССИИ

В буре электрического света
Умирает юная Джульетта.

Праздничные ярусы и ложи
Голосок Офелии тревожит.

В золотых и темно-синих блестках
Золушка танцует на подмостках.

Наши сестры в полутемном зале,
Мы о вас еще не написали.

В блиндажах подземных, а не в сказке
Наши жены примеряли каски.

Не в садах Перро, а на Урале
Вы золою землю удобряли.

На носилках длинных под навесом
Умирали русские принцессы.

Возле, в государственной печали,
Тихо пулеметчики стояли.

Сняли вы бушлаты и шинели,
Старенькие тувельки надели.

Мы еще оденем вас шелками,
Плечи вам согреем соболями.

Мы построим вам дворцы большие,
Милые красавицы России.

Мы о вас напишем сочиненья,
Полные любви и удивленья.

1945

НАШ ГЕРБ

Случилось это
в тот великий год,
когда восстал
и победил народ.

В нетопленный
кремлевский кабинет
пришли вожди державы
на Совет.

Сидели с ними
за одним столом
кузнец с жнеей,
ткачиха с батраком.

А у дверей —
отважен и усат —
стоял с винтовкой
на посту солдат.

Совет решил:
— Мы на земле живем
и нашу землю
сделаем гербом.

Пусть на гербе,
как в небе, навсегда
сияет солнце
и горит звезда.

А остальное —
трижды славься труд! —
пусть делегаты
сами принесут.

*

Принес кузнец
из дымной мастерской
свое богатство —
вечный молот свой.

В куске холста
из дальнего села
свой острый серп
крестьянка принесла.

И, сапогами
мерзлыми стуча,
внесла ткачиха
свиток кумача.

И молот тот,
что кузнецу служил,
с большим серпом
Совет соединил.

Тяжелый сноп,
наполненный зерном,
Совет обвил
Октябрьским кумачом.

И лозунг наш,
по слову Ильича,
начертан был
на лентах кумача.

Хотел солдат —
не смог солдат смолчать —
свою винтовку
для герба отдать.

Но вождь народа
всину сказал,
чтоб он ее
из рук не выпускал.

С тех пор солдат —
почетная судьба —
стоит на страже
нашего герба.

1948

СТРОГАЯ ЛЮБОВЬ

(Из повести в стихах)

О узенькая будка автомата,
встань предо мной среди этих строгих строк,
весь в померах, фамилиях и датах
общенья душ фанерный уголок!

Укромная обитель телефона
от уличной толпы невдалеке,
и очередь снабженцев и влюбленных
с блестящими монетками в руке.

Не раз и я, как возле двери рая,
среди аптечных банок и зеркал,
заветный номер молча повторяя,
в той очереди маленькой стоял.

Идут года и кажутся веками;
давно я стал иною страстью жить,
и поздними влюбленными звонками
мне некого и незачем будить.

Под звездами вечерними России —
настала их волшебная пора! —
вбегают в будку юноши другие,
другие повторяя номера.

У автомата по пути помешкав,
припоминая молодость свою,
я счастья их не омрачу усмешкой,
а только так, без дела постою.

Я счастья их не оскорблю улыбкой —
пускай они в твоих огнях, Арбат,
проходят рядом, медленно и зыбко,
как Лизка с Яшкой двадцать лет назад.

Под синезвездным куполом вселенной,
то говоря, то затихая вновь,
они кружились робко и блаженно
в твоих владеньях, первая любовь.

В кругу твоих полууснувших улиц,
твоих мостов, молчащих над рекой,
и на пустом бульварике очнулись
пред струганою длинною скамьей.

На гравии, уже слегка подталом,
осыпанная блестками луны,
она одна отчетливо стояла
среди голых веток ночи и весны.

(Скамья любви, приют недолгий счастья,
когда светло и празднично вокруг,
ты целый день находишься во власти
горластых нянек, призрачных старух.

Но лишь затихнет шум дневных событий
и в синем небе звезды заблестят,
из кухонек, казарм и общежитий
сюда толпой влюбленные спешат.

Недаром же в аллее полутемной
тебя воздвигли плотник и кузнец —
тесовый трон любовников бездомных,
пючной приют пылающих сердец.)

Подвижница райкомовских отделов,
десятки дел хранящая в уме,
конечно же, ни разу не сидела
на этой подозрительной скамье.

Еще вчера с презрительной опаской,
не вынимая из карманов рук,
она глядела издали на сказку
записочек, свиданий и разлук.

И вот, сама винясь перед собою,
страдая от гражданского стыда,
протоптанной влюбленными тропею
она пришла за Яшкой сюда.

Но, раз уж это все-таки случилось,
ей не к лицу топтаться на краю,
и, словно в бездну, Лизка опустилась
на старую волшебную скамью.

Струясь, мерцала лунная тропинка,
от нежности кружилась голова...
Чуть наклонясь, ничтожную пушинку
она сняла у Яшки с рукава.

Но смысл сего до боли понял Яшка:
свершилось то, чего он так хотел!
Высокий лоб, увенчанный фуражкой,
в предчувствии любви похолодел.

Его душе, измученной желаньем,
томящейся без славы и побед,
оно сказала больше, чем признание,
и требовало большего в ответ.

И в обнаженной липовой аллее
(актив Москвы, шуми и протестуй!),
идя на все и все-таки робея,
он ей нанес свой первый поцелуй...

Такое ощущение едва ли
кому из нас случалось испытать.
Мы никого тогда не целовали,
и нас никто не смел поцеловать.

Был поцелуй решением подростков
искоренен, как чуждый и пустой.
Мы жали руки весело и жестко —
взамен всего — тяжелой пятерней.

Той, что в ожогах, ссадинах, порезах,
уже верша недетские дела,
у пахоты и грозного железа
свой темный цвет и силу заняла.

Той пятерней подростка-малолетки,
что, огрубев и выросши в труде,
была, как малый слепок пятилетки,
пятиугольной родственна звезде.

Той самую рукою пятипалой,
что кровью жил и мускулами уз
все пять частей земли уже связала
в одной ладони дружеский союз.

1954

ПРИЗНАНИЕ

Не в смысле каких деклараций,
не пафоса ради, ей-ей,—
мне хочется просто признаться,
что очень люблю лошадей.

Силнее люблю, по другому,
чем разных животных иных...
Не тех кобылиц ипподрома,
солисток кругов беговых.

Не тех жеребцов знаменитых,
что это считая за труд —
на дьявольских пляшут копытах
и как оглашенные ржут.

Не их, до успехов охочих,
блистающих статью своей,—
Люблю неказистых, рабочих,
двужильных кобыл и коней.

Забудется нами едва ли,
что вовсе в недавние дни
всю русскую землю пахали
и жатву свозили они.

Недаром же в старой России,
пока еще памятной нам,
старухи по ним голосили,
почти как по мертвым мужьям.

Их есть и теперь по Союзу
немало в различных местах,
таких кобыленок кургузых
в разбитых больших хомутах.

Недели не знавшая праздной,
прошедшая сотни работ,
она и сейчас безотказно
любую поклажу свезет.

Но только, в отличие от прежней,
косясь не шарахнется в бок,
когда на дороге проезжей
раздастся победный гудок.

Свой путь уступая трехтонке,
права понимая свои,
она оглядит жеребенка
и трудно свернет с колеи.

Мне праздника лучшего нету,
когда во дворе, до темна,
я смутно работницу эту
уввижу зимой из окна.

Я выйду из душевой конторки,
заранее радуясь сам,
и вынесу хлебные корки,
и сахар последний отдам.

Стою с неумелой заботой,
ослабив улыбкою рот
и глупо шепчу ей чего-то,
пока она мирно жует.

КРУЖЕВА

Я не знаю,— она жива или в северный ветер ушла,
Та искусница, что кружева удивительные плела
В Кружевецком сельсовете над тишайшею речкой Нить.
Кружева не такие, как эти, а какие — не объяснить!
Я пошел в Кружевной союз, попросил показать альбом,
Говорил я, что разберусь без труда в узоре любом.
Мне показывали альбом. Он велик, в нем страницы горбом,
И, как древних преданий слова, по страницам бегут кружева.
Разгадал я узор сполóх, разгадал серебряный мох,
Разгадал горностаевый мех,
Но узоров не видел тех,
Что когда-то видал в сельсовете
Над тишайшею речкой Нить,—
Кружева, не такие, как эти, а какие — не объяснить!
Я моторную лодку беру,
Отправляюсь я в путь поутру — ниже, ниже по темной реке.
Сельсовет вижу я вдалеке.
Не умеют нигде на свете эти древние тайны хранить,
Как хранили их здесь, в сельсовете, над тишайшею речкой Нить.
Славен древний северный лес, озаренный майским огнем!
Белый свиток льняных чудес мы медлительно развернем.
Столько кружева здесь сплели, что обтянешь вокруг земли —
Опояшешь весь шар земной, а концы меж землей и луной
Понесутся, мерцаая вдали...
Славен промысел кружевной!
Это те иль не те кружева?
— Мастерница! Она жива?
— Да, жива!
И выходит она, свитой девушек окружена.
Говорит она:
— Кружева мои те же самые, те же самые,
Что и девушки и молодухи. Не склевали наш лен воробушки!
Не склевали лен черны вороны, разлетелись они во все стороны!

Кружева плету я снова. Вот он, свиток мой льняной.
Я из сумрака лесного, молода, встаю весной.
Я иду! Я — на рассвете!
Встретьте девицу-красу
В Кружевецком сельсовете, в древнем северном лесу!

1932

РАССКАЗ О РУССКОМ ИНЖЕНЕРЕ

1

В центре города Знойного, в Александровском сквере,
Храм огромный стоит. В высочайшие двери
Мог бы, крылья раскинув, влететь небожитель.
Свод просторен, широк. Постарался строитель!
Похоронен он тут же, поблизости храма,
Беспокойные руки скрестил он упрямо
На широкой груди, чтоб вовек не разжать их;
Он ни в чьих не нуждается рукопожатьях.

.....

Это было во дни Александра Второго,
Над пустынями польмя плыло багрово.
Шло к востоку российское войско. И вскоре
Вышло к стенам Хивы, за Аральское море,
И грозило Коканду из южной Сибири.

.....

Деревянное зданье, крупнейшее в мире,
Победители, в память законченным войнам,
Вознамерились выстроить в городе Знойном.

2

Инженер из столицы явился весной.
Прибыл он не один, — с молодою женою,
И, оставив жену на заезжей квартире,
Едет сам инженер в голубом вицмундире
К старику генерал-губернатору прямо.
Происходит беседа по поводу храма:
Деревянным то здание будет недаром —
Здесь подвержена местность подземным ударам.
Рухнет каменный свод. По условиям природы
Здесь гораздо надежней древесные своды.
И сказал генерал: — Принимайтесь за дело,
Чтобы церковь крестами за тучи задела.
Воссияет сей крест на востоке и юге...
До свиданья. Поклон передайте супруге!

За работу он взялся. И года в четыре
 Деревянное зданье, крупнейшее в мире,
 Деревянный собор, величайший на свете,
 Он воздвиг.

И жена располнела. И дети
 Появляются в доме. Их нынче уж двое,
 И режутся они, золотые от зноя.
 Мальчик с саблей в ручонках, в казачьей папахе,
 Лихо ездит по дворику на черепaxe.
 Длится теплое, светлое, южное лето.
 В сарафан из китайского шелка одета,
 Белокурая дочка идет горделиво
 По аллеям садочка. Там яблоки, сливы
 Ей денщик преподносит. Зовут его Ванька.
 Он и повар, и дворник, и детская нянька.
 И к тому ж обладает тончайшим он слухом.
 Он туземцами прозван «Внимательным ухом».
 Все способен Иван разузнать на базаре:
 Как дела в Фергане, что творится в Кашгаре,
 Знает горы, где снег даже летом не тает,
 Знает степь, где воды и зимой не хватает...
 Нет житья без воды кочевому народу!

.....
 И сказал инженер: — Мы добудем им воду!

Впереди экспедиции гнали баранов.
 По широкой тропе меж песчаных барханов
 Мясо, бляя, бежало на собственных ножках
 И соленая пыль оседала на рожках.
 А вода, пленена в преогромных посудах,
 В путь пошла, холодна, позади на верблюдах.
 Пересекли пустыню, в аулы приходят,
 Держит речь инженер, а денщик переводит.
 Говорит инженер: — Господа аксакалы!
 Мы в безводной пустыне пророем каналы!
 Вам понятно? Пророем большие канавы!
 Их устроим для славы Российской державы!
 Будет много воды, сейте рис и пшеницу,
 Пусть никто не идет кочевать за границу!

.....
 Чтоб никто не ушел кочевать за границу,
 Инженер рапорта направляет в столицу,
 Излагает мечтания пылкие эти,
 Прилагает чертеж оросительной сети.

..... —
Но закончился замысел тот неудачей —
Был ответ: «Вы не справитесь с этой задачей.
Инородцы немирны и любят безделье,
И едва ль они примутся за земледелье.
Посему, инженер молодой и горячий,
Потрудитесь вы госпиталь строить казачий,
Чтоб, в карательных кто пострадает походах,
В госпитальной палате обрел себе отдых!»

5

Не хватало железа, кирпич воровали,
Где-то слышал денщик, что стекло продавали
Неизвестные люди кому-то за складом.
Инженер к губернатору ездил с докладом.
Не застал генерала. В то ясное лето
В город Знойный приехала оперетта.
В силу этих причин старику-генералу
От утра до утра было хлопот немало:
Он устроил катанье актрис на верблюдах,
Звал на ловлю форели в горных запрудах,
И тончайшими блюдами кухни джюнгарской
Всех певиц угощал он со щедростью царской.
А строитель писал рапорты и доклады...
Толк какой! Пустовали по-прежнему склады.
Но однажды явился военный чиновник.
Он сказал: — Да, я знаю, кто бедам виновник!
Виноваты не вы. Но случились просчеты,
Не вполне оправдываются наши расчеты,
Потому и в снабжении нету порядка.
Возводимое нами строение шатко!
Подпишитесь, пожалуйста, под донесеньем,
Что постройка разрушена землетрясеньем!
Отвечал инженер: — Нет, заведомо стойки
Возводимые мною древесны постройки!
То, что строю, едва ли разрушит стихия.
Знайτε, сударь, что шутки со мною плохие!

6

Возвратился домой и жене говорит он:
— Был сегодня мной гнев величайший испытан.
Мне известно, кто вор! Воровал не подрядчик,
Явно вижу теперь я, кто вору потатчик!
О! Не только брильянты милы для певичек,—

Впрок для них и стекло и казенный кирпичик!
К их ногам недостроенный госпиталь бросим,
А потом преспокойно в столицу доносим:
Что построено было в сезоне весеннем,
То разрушено к осени землетрясеньем!
Неужель, интенданты, вы так небогаты,
Что воруете ныне гроши у солдата?
Нет, друзья сослуживцы! Нет, так не годится!
И за письменный стол он тотчас же садится,
Что-то пишет и пишет весь день неустанно,
А под вечер кричит: — Позовите Ивана!—
Но Ивана нет дома.

7

Несчастье с Иваном:
В кабаке он повздорил, напился он пьяным,
И его, в наказание за дерзость и пьянство,
Повели почему-то в подвал интендантства.
Офицеры явились сюда со спектакля.
Вот засунута в горло Иваново пакля,
Денщика интенданты пинают, ругают.
А потом огнестрельным оружием пугают.
Слишком острый язык, слишком длинное ухо,
Говорят: — Эх ты, Ванька! Ты тюха-пантюха.
С инженером ты ездил смущать инородцев,
Вам, мол, надо каналов да новых колодцев!
В бунтовские проделки, денщик, ты замешан.
Коль не будешь расстрелян, так будешь повешен!—
Тут взмолился Иван: — Отпустите, простите!
Не казните! И жизни моей не губите!
— Не погубим, коль будешь во всем ты покорен,
Коль нам иссыккульский добудешь ты корень!

.....
Не имеет он запаха, вкуса и цвета,
Корешок иссыккульский. Но каждое лето
Добывают его каракольские люди
И хранят осторожно в стеклянной посуде.
Если дать ту приправу в еде иль в напитке,
Сохнет враг, подвергаемый медленной пытке.

8

Врач сказал: — Непонятны мне эти припадки,
Что-то вроде тропической лихорадки.
Господин инженер! Не вставайте вы с койки.
Подождут возводимые вами постройки.

А больному все хуже становится. Бредит.
Повторяет он часто: «Кто едет? Кто едет?
Ревизор это мчится. Он скачет на тройке.
Послан он для ревизии нашей постройки.
Что ж, начните ревизию! Сделайте милость.
Ах, исчезла! Сквозь землю она провалилась.
Провалилась сквозь землю курьерская тройка,
Провалилась сквозь землю вся наша постройка!
Значит, должно теперь подписать донесенье,
Что постройку разрушило землетрясение?»
...Тихо в доме. Прохладно в покинутой детской.
Сын давно в Оренбурге. Он в корпус кадетский
Принят нынче. И с лета туда он направлен.
Дочь сдана в пансион. А отец их — отравлен.

9

Раз остался денщик при больном. Он дежурит,
Сидя возле дверей. Хмуро трубку он курит.
Он сидит, все вздыхая, о чем-то тоскуя,
И внезапно он исповедь слышит такую:
«Государь мои! Не был я легкомыслен.
Я к военному ведомству с детства причислен.
Верьте, некогда было резвиться на воле,
В кантонистской, в суровой учился я школе.
Говорю вам — не нянчились много со мною!
Знайте: я, инженер ваш, воспитан казною.
И казна — утверждаю — довольно богата!
Ей постыдно гроши воровать у солдата.
Жажда, жажда томит! В окна смотрят калмыки,
Говорят: «Обманул! Не провел ты арыки!»
Умеревши, и то не найду я покоя —
В деревянном соборе деревянной рукою
Пригрозит инвалид, искалеченный воин,
Спросит он: «Где же гошпиталь? Что ж не достроен?»
Тут поднялся денщик. И, как дикая кошка,
Он усы ошетилил и прыгнул в окошко.
Не посмел проводить инженера к могиле!
...Денщика-дезертира заочно судили.
И была коротка с дезертиром расправа:
Был изъят он из списков живого состава,
Как без вести пропавший в горах Алатава,
Где клокочет под почвой кипящая лава.

1936

Замечали —
По городу ходит прохожий?
Вы встречали —
По городу ходит прохожий,
Вероятно, приезжий, на нас не похожий.
То вблизи он появится, то в отдаленье,
То в кафе, то в почтовом мелькнет отделенье,
Опускает он гривенник в щель автомата,
Крутит пальцем он шаткий кружок циферблата
И всегда об одном затевает беседу:
— Успокойтесь, утешьтесь — я скоро уеду!

Это — я!
Тридцать три мне исполнилось года.
Проникал к вам в квартиры я с черного хода,
На потертых диванах я спал у знакомых,
Преклонивши главу на семейных альбомах.
Выходил по утрам я из комнаты ванной.
«Это — гость,— вспоминали вы,— гость не незваный,
Но, с другой стороны, и не слишком желанный.
Ничего! Беспорядок у нас постоянный!»
— Это — гость, — поясняли вы мельком соседу
И попутно со мной затевали беседу:

— Вы надолго к нам снова?
— Я скоро уеду!
— Почему же? Гостите. Придете к обеду?
— Нет.
— Напрасно торопитесь! Чаю попейте!
Отдохните да, кстати, сыграйте на флейте!

Да! Имел я такую волшебную флейту.
За мильоны рублей ту я не продал бы флейту.
Разучил же на ней лишь одну я из песен:
«В Лукоморье далеко чертог есть чудесен!»
Вот о чем вечерами играл я на флейте.
Убеждал я: поймите, уразумейте,
Расскажите знакомым, шепните соседу,
Но, друзья, торопитесь,— я скоро уеду!
Я уеду туда, где горят изумруды,
Где лежат под землей драгоценные руды,
Где шары янтаря тяжелеют у моря!
Собирайтесь со мною туда, в Лукоморье!
О! Нигде не найдете вы края чудесней!
И являлись тогда, возбужденные песней,

Люди. Разные люди. Я видел их много.
Чередой появлялись они у порога.
Помню — некий строитель допрашивал строго:
— Где чертог? Каковы очертанья чертога?
Помню также: истории некий учитель
Все пытал: — Лукоморья кто был покоритель?—
И не мог ему связно ответить тогда я...
Появлялся еще плановик, утверждая,
Что не так велики уж ресурсы Л у к к р а я,
Чтобы петь о них песни, на флейте играя.
И в крылатке влетал еще старец хохлатый,
Непосредственно связанный с Книжной Палатой.
— Лукоморье! Извольте звать в Лукоморье!
Лукоморье отыщете только в фольклоре!—
А бездельник в своей полосатой пижамке
Хохотал: — Вы воздушные строите замки!—
И соседи, никак не участвуя в споре,
За стеной толковали:

— А?
— Что?
— Лукоморье?
— Мукомолье?
— Какое еще Мухоморье?
— Да о чем вы толкуете? Что за история?
— Рукомойня? В исправности.
— На пол не лейте!
— Погодите — в соседях играют на флейте!

Флейта, флейта!
Охотно я брал тебя в руки.
Дети, севши у ног моих, делали луки,
Но, нахмурившись, их отбирали мамыши:
— Ваши сказки, а дети-то все-таки наши!
Вот сначала своих воспитать вы сумеете,
А потом в Лукоморье зовите на флейте!—
Флейту прятал в карман.
Почему ж до сих пор я не уехал с экспрессом
туда, в Лукоморье?
Ведь давным бы давно уж добрался до гор я,
Уж давно на широкий бы вышел простор я.
Объясните знакомым, шепните соседу.
Успокойте, утешьте, — я скоро уеду!
Я уеду, и гнев стариков прекратится,
Злая мать на ребенка не станет сердиться,
Смолкнут толки соседей, забулькает ванна,
Распрямятся со звоном пружины дивана.

Но сознайтесь!
Недаром я звал вас, недаром!
Пробил час— по проспектам, садам и бульварам
Все пошли вы за мною, пошли вы за мною,
За моею спиною, за моею спиною.
Все вы тут! Все вы тут! Даже старец крылатый,
И бездельник в пижаме своей полосатой,
И невинные дети, и женщина эта —
Злая спорщица с нами, и клоп из дивана...
О холодная ясность в чертоге рассвета,
Мерный грохот валов — голоса океана.
 Так случилось —
 Мы вместе!
 Ничуть не колдуя,
 В силу разных причин за собой вас веду я.
 Успокойтесь, утешьтесь! Не надо тревоги!

Я веду вас по ясной широкой дороге.
Убедитесь: не к бездне ведет вас прохожий,
Скороходу подобный, на вас не похожий,—
Так прохожий, который стеснялся в прихожей,
Тот приезжий, что пахнет коричневой кожей,
Неуклюжий, но дюжий, в тужурке медвежьей.
...Реки, рощи, равнины, печаль побережий...
Разглядели? В тумане алеют предгорья.
Где-то там, за горами, волнуется море.
Горе, море... Но где же оно, Лукоморье?

Где оно, Лукоморье, твое Лукоморье?

1935—1945

ЦАРЬ ПРИРОДЫ

И вдруг мне вспомнилось:
Я — царь!
Об этом забывал я годы...
Но как же быть?
Любой букварь
Свидетельствовал это встарь,
Что человек есть царь природы!

Надевши ткани и меха,
На улицу я молча вышел.
Прислушиваюсь.
Ночь тиха.
Себе я гимнов не слышал.
Но посмотрел тогда я ввысь,
Уверенности не теряя,

И вижу:
Звезды вдруг зажглись,
Как будто путь мне озаряя
И благосклонно повторяя:
«Ты — царь природы! Убедись!»

Что ж, хорошо!
Не торопясь,

Как будто просто так я, некто,
Не царь и даже и не князь,
Дошел я молча до проспекта.
Как убедиться мне скорей.
Высок удел мой иль плачевен?
При свете фар и фонарей
Толпу подобных мне царей,
Цариц, царевичей, царевен
Я наблюдал. Со всех сторон
Шли властелины без корон.

Я знал, что в этот поздний час
Царь воздуха, забыв про нас,
Витал меж туч. Владыка касс
Свои расчеты вел сейчас,
Царь лыж блуждал по снежным тропам,
Царь звезд владычил телескопом,
А царь бацилл над микроскопом
Склонился, щуря мудрый глаз.

Я наблюдал. Издалека
Заметил я: царь-оборванец,
Великий князь запойных пьяниц
Ничком лежит у кабака.
А тоже царь. Не самозванец.

А вот я вижу пешехода,
Одетого вдвойне пестрей
Всех этих остальных царей
И при короне. Бладобрей
Ему корону на полгода
Завил, как то диктует мода.
Эй вы! Подвластна вам природа?
Ну, отвечайте поскорей!

Вам сотворили чудеса
В искусствах, равно как в науке,
Вам покорили небеса,
Вам атом передали в руки.

Цари вы или не цари,
А существа иной породы?
Быть может вдали буквари,
Что человек есть царь природы
Во множестве своем один?
Эй ты, природы господин!
Скажи мне: царь ты или князь?
Дерзаешь ты природой править?
А он в ответ: «Прошу оставить
Меня в покое!» И, боясь,
Что может быть его ударю,
Что кулаки я, вздрогнув, сжал,
Он, недостойно государя,
По-мышьи пискнув, отбежал.

О царь! Прошу тебя: цари!
Вынь из ушей скорее вату!
К тебе, возлюбленному брату,
Я обращаюсь — посмотри!
Разбужен оттепелью ранней,
Услышишь завтра даже ты:
Она трубит из темноты
Со снежных крыш высоких зданий
В свой серебристый звонкий рог,
Сама Весна! Ясак, оброк —
Как звать, не знаю, эту дань —
И ты берешь с природы. Встань!
Ведь это же твоя земля!
Твои обрубки — тополя
Стоят, сучками шевели,
Тебя о милости моля!
Прислушайся к хвалу ручьев,
Прими посольство соловьев,
И через задние дворы
Иди, о царь своей свободы,
Принять высокие дары
От верноподданной природы!

1945

СЛЕД

А ты?
Входя в дома любые —
И в серые,
И в голубые,
Всходя на лестницы крутые,

В квартиры, светом залитые,
Прислушиваясь к звону клавиш
И на вопрос даря ответ,
Скажи:
Какой ты след оставишь?
След,
Чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет?

1946

ПЕСНЯ

Пабло Неруде

Этой песне внимали Стокгольм и Марсель...
Через греческий дым и турецкую пыль
Была в цель
Эта песня грядущего.
Но, упорно исследуя каждую щель,
Где-то в Чили,
В ущельях, за тысячи миль,
Дни и ночи ловил полицейский патруль
Человека, о мире поющего.

Потому что решили,
Что именно там —
Где-то в Чили —
Удобней идти по пятам
За певцом и травить его гончими
И в безлюдном ущелье заоблачных гор
Навалиться оравой — и весь разговор!
И разделаться с песней — и кончено!

«Песню эту поймай, песню эту казни
И к началу кровавой, безумной резни
В тот же час приступай в нетерпении,
И тогда уж не будет тревожить сердца
Эта песня, в которую всажен свинец!»

И казалось, что замерло пение.
Но тому, кто готов был скомандовать: «Пли!»
Заявили шахтеры, выходя из земли:

— Что тут ищет патруль? Что случилось, сеньор?
Почему в сердце гор вы палите в упор?—
А убийца ответил уклончиво.
— Я имею инструкции... Конечно!—
Так в заоблачном Чили
Меж каменных глыб
Белый свет омрачили...
Но певец не погиб —
Он ушел поднебесными тропами.
И, сквозь землю пройдя,
Появился он будто секунду спустя
В самолете над старой Европою.

А в заоблачном Чили кричали:
— Он здесь!—
Ибо здесь, на какую ты гору ни влезь,
Из-за каждого камня и кустика
Эта песня! И каждый пастух, и шахтер,
И хозяева лам за вершинами гор
Слышат песню! Вы поняли это, сеньор?
Очевидно, такая акустика!

И не радио это, а голос живой!
Всюду слышится песня грядущего.
Не убьют ни свинец, ни удар ножевой
Человека, отважно поющего!

1951

ЗАВОДЫ

Похолоданье,
Вихри пыльные,
И солнце, голову склонив,
Свои лучи, уже бессильные,
Дарит пространству сжатых нив.
Вода в канавах стынет ржавая,
Вот-вот замерзнут все пруды,
Но за заставой,
Величавые,
Шумят заводы,
Как сады!

1954

* * *

Я помню:
Целый день
Все время
Падал снег
И всюю тяжестью
Висел на черных сучьях,
Но это шла весна:
Тянуло влагой с рек,
Едва проснувшихся
И прячущихся в тучах.

Тянуло
Влагой
С рек
И внутренних морей,
И пахло льдом, водой
И масляною краской.
Казалось — шли часы
Ни тише. ни быстрее,
А так же, как всегда.
Над старой башней Спасской.

Но
Время
Мчалось так,
Как будто целый век
Прошел за этот день...
И не мешала вьюга,
Чтоб нес по улице
Какой-то человек
Мимозы веточку,
Доставленную с юга.

1954

СЕДЬМОЕ ЧУВСТВО

Строятся разные небоскребы.—
Зодчим слава и честь,
Но человек уже хочет иного,—
Лучше того, что есть.

Лучше и лучше пишутся книги,
Всех их не перечесть,
Но человек уже хочет иного,—
Лучше того, что есть.

Тоньше и тоньше становятся чувства,
Их уж не пять, а шесть,
Но человек уже хочет иного,—
Лучше того, что есть.

Знать о причинах, которые скрыты,
Тайные ведать пути —
Этому чувству шестому на смену,
Чувство седьмое, расти!

Определить это чувство седьмое
Каждый по-своему прав.
Может быть, это простое уменье
Видеть грядущее въявь!

1947—1955

НАШ СОСЕД ИВАН ПЕТРОВИЧ

Знают нашего соседа
Все ребята со двора.
Он им даже до обеда
Говорит, что спать пора

Он на всех глядит сердито,
Всё не нравится ему:
— Почему окно открыто?
Мы в Москве, а не в Крыму!

На минуту дверь откроешь —
Говорит он, что сквозняк.
Наш сосед Иван Петрович,
Видит все всегда не так.

Вот сегодня день хороший,
Тучки в небе ни одной.
Он ворчит: — Надень калоши,
Будет дождик проливной!

Я поправился за лето,
Я прибавил пять кило.
Я и сам заметил это:
Бегать стало тяжело.

— Ах ты, мишка косолапый,—
Мне сказали мама с папой,—
Ты прибавил целый пуд!
— Нет,— сказал Иван Петрович,—
Ваш ребенок слишком худ!

Мы давно твердили маме:
«Книжный шкаф купить пора!

На столах и под столами
Книжек целая гора».

У стены с диваном рядом
Новый шкаф стоит теперь.
Нам его прислали на дом
И с трудом втащили в дверь.

Так обрадовался папа:
— Стенки крепкие у шкапа,
Он отделан под орех!—
Но пришел Иван Петрович —
Как всегда, расстроил всех.

Он сказал, что все не так,
Что со шкапа слезет лак,
Что совсем он нехорош,
Что цена такому грош,
Что пойдет он на дрова
Через месяц или два!

Есть шенок у нас в квартире,
Спит он возле сундука.
Нет, пожалуй, в целом мире
Добродушнее шенка.

Он не пьет еще из блюда,
В коридоре все смеются:
Соску я ему несу.
— Нет,— кричит Иван Петрович, —
Цепь нужна такому псу!

Но однажды все ребята
Подошли к нему гурьбой,
Подошли к нему ребята
И спросили: — Что с тобой?

Почему ты видишь тучи
Даже в солнечные дни?
Ты очки протри получше —
Может, грязные они?
Может, кто-нибудь назло
Дал неверное стекло?

— Прочь! — сказал Иван Петрович.—
Я сейчас вас проучу!
Я,— сказал Иван Петрович,—
Вижу то, что я хочу.

Отошли подальше дети:
— Вот сосед какой чудак!—
Очень плохо жить на свете,
Если видеть все не так.

1938

СНЕГИРЬ

На Арбате, в магазине,
За окном устроен сад.
Там летает голубь синий,
Снегири в саду свистят.

Я одну такую птицу
За стеклом видал в окне,
Я видал такую птицу.
Что теперь не спится мне.

Ярко-розовая грудка,
Два блестящие крыла...
Я не мог ни на минутку
Оторваться от стекла.

Из-за этой самой птицы
Я ревел четыре дня.
Думал, мама согласится —
Будет птица у меня.

Но у мамы есть привычка
Отвечать всегда не то:
Говорю я ей про птичку,
А она мне про пальто,

Что в карманах по дыре,
Что дерусь я во дворе,
Что поэтому я должен
Позабить о снегире.

Я ходил за мамой следом,
Подждал ее в дверях,
Я нарочно за обедом
Говорил о снегирах.

Было сухо, но калоши
Я послушно надевал.
До того я был хорошим —
Сам себя не узнавал!

Я почти не спорил с дедом,
Не вертелся за обедом,
Я «спасибо» говорил,
Всех за все благодарил.

Трудно было жить на свете
И, по правде говоря,
Я терпел мученья эти
Только ради снегиря.

До чего же я старался,
Я с девчонками не дрался!

Как увижу я девчонку,
Погрожу ей кулаком
И скорей иду в сторонку,—
Будто я с ней незнаком.

Мама очень удивилась:
— Что с тобой, скажи на милость?
Может, ты у нас больной —
Ты не дрался в выходной!

И ответил я с тоской:
— Я теперь всегда такой.

Добивался я упрямо,
Повозился я не зря.
— Чудеса!— сказала мама
И купила снегиря.

Я принес его домой.
Наконец теперь он мой!
Я кричал на всю квартиру:
— У меня снегирь живой!

Я им буду любоваться,
Будет петь он на заре...
Может, снова можно драться
Завтра утром во дворе?

1938

ТРИДЦАТЬ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР

(Из поэмы «Звенигород»)

1

Летом весь Звенигород
Полон птичьим свистом,
Там синицы прыгают
По садам тенистым.

Там дома со ставнями
На горе поставлены,
Лавочка под кленами,
Новый дом с балконами.

Новый двухэтажный
На пригорке дом,
Тридцать юных граждан
Проживают в нем.

На реке с восьми часов
Затевают игры,
И от звонких голосов
Весь звенит Звенигород.

.

2

Лелька выбежала в сад
Утром, перед чаем.
Хором девочки кричат:
— Хочешь — покачаем?

Любит Лельку вся семья —
Маленькая Лелька...
Ей от старших нет житья.
Ей три года только!

Стоит девочкам начать,
Дай им только волю —
Будут целый день качать
И баюкать Лелю.

Пристают к ней целый день,
Тащат на колени,
То в гамак уложат в тень,
То под куст сирени,
То посадят на ковер,
Принесут ей кукол.

А недавно целый хор
Из двенадцати сестер
Лелю убаюкал.

Дочки тут и сыновья —
Что же это за семья?

.

4

Дети требуют забот,
Ведь на то и дети,
Анна Павловна встает
Рано, на рассвете.

Тишиной наполнен сад,
И, как будто в сказке,
Три медведя мирно спят
На пустой терраске.

Беготни пока тут нет,
Непривычно тихо,
Но приходит на совет
Настя-повариха.

Сарафаны принесла
Тетя Шура, прачка.
Начинаются дела,
И пойдет горячка.

Дети встанут, прибегут,
Сто вопросов зададут,
Тысячу вопросов:
— Сколько лет слоны живут?
— Кто был Ломоносов?
— Где течет река Нева?
— А когда же спит сова?

Лейки выстроятся в ряд,
Садоводы мчатся в сад.
Пусть работают в саду,
Приучаются к труду!

Дети требуют забот,
Ведь на то и дети.
Анна Павловна встает
Рано, на рассвете.

Видит всех она насквозь...
Вот подходит к Ване,
Говорит: — Лягушку брось,
Не держи в кармане.

А кто болен, кто здоров —
Узнает без докторов.

Что же это за семья?
Дочки тут и сыновья.

5

Здесь со всех концов страны
Собраны ребята.
В этот дом их в дни войны
Привезли когда-то...

После, чуть не целый год,
Дети рисовали
Сбитый черный самолет,
Дом среди развалин.

Вдруг настанет тишина,
Что-то вспомнят дети,
И, как взрослый, у окна
Вдруг притихнет Петя.

До сих пор он помнит мать...
Это только Лелька
Не умеет вспоминать —
Ей три года только.

У Никиты нет отца,
Мать его убита.
Подобрали два бойца
У сожженного крыльца
Мальчика Никиту.

Был у Клавы старший брат,
Лейтенант кудрявый,
Вот на карточке он снят
С годовалой Клавой:
Защищал он Сталинград,
Дрался под Полтавой.

Дети воинов, бойцов
В этом детском доме.
Здесь портреты их отцов,
Карточки в альбоме.

Вот какая тут семья —
Дочки тут и сыновья.

1947

ДВЕ БАБУШКИ

Две бабушки на лавочке
Сидели на пригорке.
Рассказывали бабушки:
— У нас одни пятерки!

Друг друга поздравляли,
Друг другу жали руки,
Хотя экзамен сдали
Не бабушки, а внуки!

1952

ДЕДУШКИНА ВНУЧКА

Шагает утром в школы
Вся юная Москва.
Народ твердит глаголы
И сложные слова.

А Клава-ученица
С утра в машине мчится
По Садовому кольцу
Прямо к школьному крыльцу.

Распахнется в «зисе»
Дверка—
Выйдет Клава-
Пионерка,
Глянет важно
Сверху вниз
И в гараж
Отпустит «зис».

Учитель
Седовласый
Пешком приходит
В классы.

А Клавочка — в машине.
А по какой причине
И по какому праву
Везет машина Клаву?

«Я дедушкина внучка,
Мой дед — Герой Труда...»
Но внучка — белоручка,
И в этом вся беда!

Сидит она, скучая
И отложив тетрадь,
Но деду чашки чая
Не вздумает подать.

Зато попросит деда:
«Ты мне машину дашь?
Я на каток поеду!» —
И позвонит в гараж.

Случается порою,
Дивится весь народ:
У дедушки-героя
Бездельница растет.

1954

ЛЕНОЧКА С БУКЕТОМ

Вышла Леночка на сцену,
Шум пронесся по рядам.
— От детей, — сказала Лена, —
Я привет вам передам.

Лена в день Восьмого марта
Говорила мамам речь.
Всех растрогал белый фартук,
Банты, локоны до плеч.

Не нарадуются мамы:
— До чего она мила!—
Лучшим номером программы
Эта девочка была.

Как-то в зале райсовета
Депутаты собрались,
Лена, девочка с букетом,
Вышла к ним из-за кулис.

Лена держится так смело,
Всем привет передает.
Ей знакомо это дело:
Выступает третий год.

Третий год, зимой и летом,
Появляется с букетом.
То придет на юбилей,
То на съезд учителей.

Ночью Леночке не спится,
Днем она не пьет, не ест:
— Ой, другую ученицу
Не послали бы на съезд!

Говорит спокойно Лена:
— Завтра двойку получу,
У меня районный пленум,
Я приветствия учу.

Лена, девочка с букетом,
Отстает по всем предметам!
Ну, когда учиться ей?
Завтра снова юбилей.

ЛИСТОПАД

Осенью в Москве на буль-
варах вывешивают дощечки
с издписью: «Осторожно, ли-
стопад!»

Осень, осень! Над Москвою
журавли, туман и дым.
Златосумрачной листвою
загораются сады,
и дощечки на бульварах
всем прохожим говорят,
одиночкам или парам:
— Осторожно, листопад!

О, как сердцу одиноко
в переулочке чужом!
Вечер бродит мимо окон,
вздрагивая под дождем.
Для кого же здесь одна я,
кто мне дорог, кто мне рад?
Почему припоминаю:
«Осторожно, листопад»?

Ничего не нужно было,—
значит, нечего терять:
даже близким, даже милым,
даже другом не назвать.
Почему же мне тоскливо,
что прощаемся навек,
невеселый, несчастливый,
одинокий человек?

Что усмешки, что небрежность?
Перетерпишь, переждешь...

Нет,— всего страшнее нежность
на прощание, как дождь.
Темный ливень, теплый ливень,
весь — сверкание и дрожь!
Будь веселым, будь счастливым
за прощание, как дождь...

...Я одна пойду к вокзалу,
проводатым откажу.
Я не все тебе сказала,
но теперь уж не скажу.
Переулок полон ночью,
а дощечки говорят
проходящим одиночкам:
— Осторожно, листопад!

1938

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДРУГУ

Сосны чуть качаются —
мачты корабельные.
Бродит, озирается
песня колыбельная.

Во белых снежках.
в валяных
 сапожках,
шубка пестрая,
ушки вострые:
слышит снега шепоток,
слышит сердца ропоток...

Бродит песенка в лесу,
держит лапки на весу.
В теплых варежках она,
в мягких, гарусных,
и шумит над ней сосна
черным парусом...

Вот подкралась песня к дому,
смотрит в комнату мою...
Хочешь, я тебе, большому,
хочешь, я тебе, чужому,
колыбельную спою?

Колыбельную...
Корабельную...

Тихо песенка войдет,—
ласковая, строгая.
Ушками поведет,
варежкой потрогает:
чтоб с отрадой ты вздохнул,
на руке моей уснул,
чтоб ни страшных снов,
чтоб не стало слов,—
только снега шепоток,
только сердца бормоток...

1940

РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Дарья Власьевна, соседка по квартире,
сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода,
полтора ста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа —
наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О ночное воющее небо,
дрожь земли, обвал невдалеке,
бедный ленинградский ломтик хлеба—
он почти не весит на руке...

Для того чтоб жить в кольце блокады,
ежедневно смертный слушать свист,—
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько ненависти и любви...

Столько, что минутами в смятенье
ты сама себя не узнаешь:
— Вынесу ли? Хватит ли терпенья?
— Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь.

Дарья Власьевна, — еще немного,
день придет — над нашей головой
пролетит последняя тревога
и последний прозвучит отбой.

И какой далекой, давней-давней
нам с тобой покажется война
в миг, когда толкнем рукою ставни,
сдернем шторы черные с окна.

Пусть жилище светится и дышит,
полнится покоем и весной...
Плачьте тише, смейтесь тише, тише,
будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
темно-золотистый и ржаной.
Медленными, крупными глотками
будем пить румяное вино.

А тебе — да ведь тебе ж поставят
памятник на площади большой!
Нержавеющей, бессмертной сталью
облик твой запечатлят простой.

Вот такой же: исхудавшей, смелой,
в наскоро повязанном платке,
вот такой, когда под артобстрелом
ты идешь с кошелкою в руке.

Дарья Власьева, твоею силою
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия.
Стой же и мужайся, как она!

5 декабря 1941

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

I

Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова?
Я тоже — ленинградская вдова.

Мы съели хлеб, что был отложен на день,
в один платок закутались вдвоем,
и тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном.

И стыли ноги, и томила свечка...
Вокруг ее слепого огонька
образовалось лунное колечко,
похожее на радугу слегка.

Когда немного посветлело небо,
мы вместе вышли за водой и хлебом
и услышали дальней канонады
рыдающий, тяжелый, мерный гул:
то армия рвала кольцо блокады,
вела огонь по нашему врагу.

II

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина...
Не отыскать в снегах трамвайных линий,
одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья:
на детских санках, узеньких, смешных,
в кастрюльках воду голубую возят,
дрова и скарб, умерших и больных.

Так с декабря кочуют горожане
за много верст, в густой туманной мгле,
в глуши слепых обледеневших зданий
отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа:
седая полумаска на лице,
в руках бидончик, — это суп на ужин...
Свистят снаряды, свирепеет стужа.
Товарищи, мы в огненном кольце!

А девушка с лицом заиндевелым,
упрямо стиснув почерневший рот,
завернутое в одеяло тело
на Охтенское кладбище везет.
Везет, качаясь, — к вечеру добраться б...
Глаза бесстрастно смотрят в темноту.
Скинь шапку, гражданин.

Провозят ленинградца,
погибшего на боевом посту.

Скрипят полозья в городе, скрипят...
Как многих нам уже не досчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
что слезы вымерзли у ленинградцев.

Нет, мы не плачем. Слез для сердца мало.
Нам ненависть заплакать не дает.

Нам ненависть залогом жизни стала:
объединяет, греет и ведет.

О том, чтоб не прощала, не щадила,
чтоб мстила, мстила, мстила, как могу,—
ко мне вызывает братская могила
на охтенском, на правом берегу.

III

Как мы в ту ночь молчали, как молчали...
Но я должна, мне надо говорить
с тобой, сестра по гневу и печали:
прозрачны мысли, и душа горит.

Уже страданиям нашим не найти
ни меры, ни названья, ни сравненья.
Но мы в конце тернистого пути
и знаем — близок день освобожденья.

Наверно, будет грозный этот день
давно забытой радостью отмечен:
наверное, огонь дадут везде,
во все дома дадут, на целый вечер.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
в грязи, во мраке, в голоде, в печали,
мы дышим завтрашним —
свободным, щедрым днем.
Мы этот день уже завоевали.

IV

Враги ломались в город наш свободный,
крошились камни городских ворот..
Но вышел на проспект Международный
вооруженный трудовой народ.
Он шел с бессмертным

возгласом

в груди:

— Умрем, но Красный Питер
не сдадим!

Красногвардейцы, вспомнив о былом,
формировали новые отряды,
и собирал бутылки каждый дом
и собственную строил баррикаду.

И вот за это — долгими ночами
пытал нас враг железом и огнем...
— Ты сдашься, струсешь, — бомбы нам кричали,—
забьешься в землю, упадешь ничком.
Дрожа, запросят плена, как пощады,
не только люди — камни Ленинграда!

Но мы стояли на высоких крышах
с закинутою к небу головой,
не покидали хрупких наших вышек,
лопату сжав немеющей рукой.

...Настанет день, и, радуясь, спеша,
еще печальных не убрав развалин,
мы будем так наш город украшать,
как люди никогда не украшали.

И вот тогда на самом стройном зданье
лицом к восходу солнца самого
поставим мраморное изваянье
простого труженика ПВО.

Пускай стоит, всегда зарей объятый,
так, как стоял, держа неравный бой:
с закинутою к небу головой,
с единственным оружием — лопатой.

У

О древнее орудие земное,
лопата, верная сестра земли,
какой мы путь немислимый с тобою
от баррикад до кладбища прошли!

Мне и самой порою не понять
всего, что выдержали мы с тобою.
Пройдя сквозь пытки страха и огня,—
мы выдержали испытанье боем.

И каждый, защищавший Ленинград,
вложивший руку в пламенные раны,—
не просто горожанин, а солдат,
по мужеству подобный ветерану.

Но тот, кто не жил с нами,— не поверит,
что в сотни раз почетней и трудней
в блокаде, в окруженьи палачей
не превратиться в оборотня, в зверя...

.....

VI

Я никогда героем не была.
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не геройствовала, а жила.

И не хвалюсь я тем, что в дни блокады
не изменяла радости земной,
что, как роса, сияла эта радость,
угрюмо озаренная войной.

И если чем-нибудь могу гордиться,
то, как и все друзья мои вокруг,
горжусь, что до сих пор могу трудиться,
не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
мы знали вдохновение труда.

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурною дышали,
что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли,—
достойно не воспетое пока,
когда последней коркою делились,
последнею щепоткой табака,
когда вели полночные беседы
у бедного и дымного огня,
как будем жить, когда придет победа,
всю нашу жизнь по-новому ценя.

И ты, мой друг, ты даже в годы мира,
как полдень жизни будешь вспоминать
дом на проспекте Красных Командиров,
где тлел огонь и дуло от окна.
Ты выпрямишься вновь, как нынче, молод.
Ликуя, плача, сердце позовет
и эту тьму, и голос мой, и холод,
и баррикаду около ворот.

Да здравствует, да царствует всегда
простая человеческая радость,
основа обороны и труда,
бессмертие и сила Ленинграда!

Она пришла ко мне в тот самый вечер,
когда как раз два года исполнялось
со дня жестокой гибели твоей.

Она не знала этого, конечно.
Стараясь быть спокойной, строгой, взрослой,
она просила написать о брате,
три дня назад убитом в Дудергофе.

Он пал, Воронью гору атакуя,
ту высоту проклятую, откуда
два года вел фашист корректировку
всего артиллерийского огня.

Стараясь быть суровой, как большие,
она портрет из сумочки достала:
— Вот мальчик наш,
мой младший брат Володя...—
И я безмолвно ахнула: с портрета
глядели на меня твои глаза.

Не те, уже обугленные смертью,
не те, безумья полные и муки,
но те, которыми глядел мне в сердце
в дни юности, тринадцать лет назад.

Она не знала этого, конечно.
Она просила только: — Напишите
не для того, чтобы его прославить,
но чтоб над ним могли чужие плакать
со мной и мамой, — точно о родном...

Она, чужая девочка, не знала,
какое сердцу предложила бремя.
Ведь до сих пор еще за это время
я реквием тебе — тебе! — не написала...

II

Ты в двери мои постучала,
доверчивая и прямая.
Во имя народной печали
твой тяжкий заказ принимаю.
Позволь же правдиво и прямо,
своим неукрашенным словом

поведать сегодня
о самом
обычном,
простом и суровом...

III

Когда прижимались солдаты, как тени,
к земле и уже не могли оторваться, —
всегда находился в такое мгновенье
один безымянный, Сумевший Подняться.

Правдива грядущая гордая повесть:
она подтвердит, не прикрасив нимало, —
о д и н поднимался, но был он, как совесть,
и всех за такими с земли поднимало.

Не все имена поколение запомнит.
Но в тот иступленный, клокочущий полдень
безусый мальчишка, гвардеец и школьник,
поднялся — и цепи штурмующих поднял.

Он знал, что такое Воронья гора.
Он встал и шепнул, а не крикнул: — Пора!

Он полз и бежал, распрямлялся и гнулся,
он звал, и храпел, и карабкался в гору,
он первым взлетел на нее, обернулся, —
и ахнул, увидев открывшийся город.

И, может быть, самый счастливый на свете,
всей жизнью в тот миг торжествуя победу,
он смерти мгновенной своей не заметил,
ни страха, ни боли ее не изведав.

Он падал лицом к Ленинграду. Он падал,
а город стремительно мчался навстречу...
...Впервые за долгие годы снаряды
на улицу к нам не ложились в тот вечер.

И звезды мерцали, как в детстве, отрадно,
над городом темным, уставшим от бедствий.
— Как тихо сегодня у нас в Ленинграде, —
сказала сестра и уснула, как в детстве.

«Как тихо», — подумала мать и вздохнула.
Так вольно давно никому не вздыхалось.
Но сердце, привыкшее к смертному гулу,
забытой земной тишины испугалось.

IV

...Как одинок убитый человек
на поле боя, стихшем и морозном.
Кто б ни пришел к нему,
кто ни придет,—
ему теперь все будет поздно, поздно.

Еще мгновенье, может быть, назад
он ждал родных, в такое чудо веря...
Теперь лежит — всеобщий сын и брат,
пока что не опознанный солдат,
пока одной лишь Родины потеря.

Еще не плачут близкие в дому.
Еще, приказу вечером внимая,
никто не слышит и не понимает,
что ведь уже о нем,
уже к нему
обращены от имени Державы
прощальные слова любви и вечной славы.

Судьба щадит перед ударом нас.
Мудрей, наверно, не смогли бы люди...
А он — он отдан Родине сейчас,
она одна сегодня с ним пробудет.

Единственная мать, сестра, вдова,
единственные заявив права,—
всю ночь пробудет у сыновних ног
земля распластанная,
тьма ночная,
одна за всех горяя, плача,
зная,
что сын — непоправимо одинок.

V

Мертвый, мертвый... Он лежит и слышит
все, что недоступно нам, живым:
слышит — ветер облако колышет,
высоко идущее над ним.

Слышит все, что движется без шума,
что молчит и дремлет на земле;

и глубокая застыла дума
на его разглаженном челе.

Этой думы больше не нарушить...
О, не плачь над ним,— не беспокой
тихо торжествующую душу,
услышавшую земной покой.

VI

Знаю: утешеньем и отрадой
этим строчкам быть не суждено.
Павшим с честью ничего не надо,
утешать утративших — грешно.

По своей — такой же скорби,— знаю,
что, неукротимую, ее
сильные сердца не обменяют
на забвенье и небытие.

Пусть она, чистейшая, святая,
душу нечествеющей хранит.
Пусть, любовь и мужество питая,
навсегда с народом породнит.

Незабвенной спаянное кровью,
лишь оно — народное родство —
Обещает в будущем любому
обновление и торжество.

...Девочка, в январские морозы
прибегавшая ко мне домой,—
вот — прими печаль мою и слезы,
реквием несовершенный мой.

Все горчайшее в своей утрате,
все, душе светившее во мгле,
я вложила в плач о нашем брате,
брате всех живущих на земле...

...Неоплаканный и невоспетый,
самый дорогой из дорогих,
знаю, ты простишь меня за это,
ты, отдавший душу за других.

Апрель 1944

ПЕСНЯ О «ВАНЕ-КОММУНИСТЕ»

*Памяти Всеволода Вишневого,
служившего пулеметчиком на «Ване-коммунисте»
в 1918 году.*

Был он складный волжский пароходик,
рядовой царицынский бурлак.
В ураган семнадцатого года
сразу поднял большевистский флаг.

И, когда на волжские откосы
защищать новорожденный мир
прибыли кронштадтские матросы,—
приглянулся им лихой буксир.

И проходит срок, совсем недолгий,—
тот буксир — храбрей команды нет! —
флагманом флотилии на Волге
назначает Реввоенсовет.

Выбирали флагману название,—
дважды гимн исполнил гармонист.
Дали имя ласковое — Ваня,
уточнив партийность: коммунист.

«Ваня» был во всем слуга народа,
свято Революции служил.
«Ваня» в легендарные походы
волжскую флотилию водил.

И, когда в Царицыне настали
самые отчаянные дни,—
говорят, что и товарищ Сталин
знал, как бьется «Ваня-коммунист».

А страна истерзана врагами...
И пришел, пришел момент такой,—
у деревни Пьяный Бор на Каме
флагман в одиночку принял бой...

...Ой ты, красное, родное знамя,
над рекой на миг один склонись:
у деревни Пьяный Бор на Каме
тонет, тонет «Ваня-коммунист».

Он лежал на дне четыре года,
но, когда оправилась страна,—

«Ваня-коммунист», слуга народа,
поднят был торжественно со дна.

Дышит родина трудом и миром,
и по милой Волге вверх и вниз
девятнадцать лет простым буксиром
ходит-ходит «Ваня-коммунист».

Тянет грузы — все, что поручают,
работящ, прилежен, голосист...
Люди понемножку забывают,
чем он славен — «Ваня-коммунист».

Только взглянут — что за парходик,
с виду старомоден, неказист?
Точно все еще в кожанке ходит
бывший флагман «Ваня-коммунист».

Он живет — не тужит, воду роет,
многих непрославленных скромней,—
вплоть до августа сорок второго,
вплоть до грозных сталинградских дней.

Дни огня, страдания и славы,
ливни бомб, и скрежет их, и свист...
И становится на переправу
старый флагман — «Ваня-коммунист».

Из пылающего Сталинграда
он вывозит женщин и ребят,
а гранаты, мины и снаряды
тащит из-за Волги в Сталинград.

Так он ходит, ветеран «гражданки»,
точно не был никогда убит,
в комиссарской старенькой кожанке,
лентой пулеметною обвит.

Так, при выполнении задания,
беззаветен, всей душой чист,
ночью от прямого попадания
погибает «Ваня-коммунист».

Тонет, тонет вновь — теперь навеки,—
обе жизни вспомнив заодно,
торжествуя, что родные реки
перейти врагам не суждено...

...Друг, не предавайся грустной думе!
Ты вздохни над песней и скажи:
«Ничего, что «Ваня» дважды умер.
Очень хорошо, что дважды жил!»

1953

ПОБРАТИМЫ

М. Светлову

Мы шли Сталинградом, была тишина,
был вечер, был воздух морозный кристален.
Высоко крещенская стыла луна
над стрелами строек, над щебнем развалин.

Мы шли по каленой гвардейской земле,
по набережной, озаренной луною,
когда перед нами в серебряной мгле,
чернея, возник монумент Хользунова.

Так вот он, земляк сталинградцев, стоит,
участник воздушных боев за Мадрид...

И вспомнилась песня — как будто б о нем,—
о хлопце, солдате гражданской войны,
о хлопце, под белогвардейским огнем
мечтавшем о счастье далекой страны.
Он пел, озирая
родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!..»

Но только, наверно, ошибся поэт:
тот хлопец — он белыми не был убит.
Прошло девятнадцать немыслимых лет,—
он все-таки дрался за город Мадрид.

И вот он — стоит к Сталинграду лицом,
и смотрит, бессмертный,
сквозь годы,
сквозь бури
туда, где на площади Павших Борцов
испанец лежит — лейтенант Ибаррури.

Пассионарии сын и солдат,
он в сорок втором защищал Сталинград,
он пел, умирая

за эти края.
«Россия, Россия,
Россия моя...»

И смотрят друг другу в лицо — на века —
два побратима, два земляка.

1952

СОЛДАТЫ ВОЛХОВА

Мы не верим, что горы на свете есть,
Мы не верим, что есть холмы.
Может, с Марса о них долетела весть,
И ее услышали мы.
Только сосны да мхи окружают нас,
Да болота — куда ни глянь.
Ты заврался, друг, что видал Кавказ,
Вру и я, что видал Тянь-Шань.

Мы забыли, что улицы в мире есть,
Городских домов этажи, —
Только низкий блиндаж, где ни стать ни сесть,
Как сменился с поста — лежи.
А пойдешь на пост да, неровен час,
Соскользнул в темноте с мостков —
Значит, снова по пояс в грязи увяз,
Вот у нас тротуар каков.

Мы не верим, что где-то на свете есть
Шелест платья и женский смех —
Может, в книжке про то довелось прочесть,
Да и вспомнилось, как на грех.
В мертвом свете ракеты нам снится сон.
Снятся лампы домашний свет,
И у края земли освещает он
Все, чего уже больше нет.

Мы забыли, что отдых на свете есть,
Тишина и тенистый сад,
И не дятел стучит на рассвете здесь —
Пулеметы во мгле стучат.

А дожدهшься, что в полк привезут кино,
Неохота глядеть глазам,

Потому что пальбы и огня давно
Без кино тут хватает нам.

Но мы знаем, что мужество в мире есть,
Что ведет нас оно из тьмы.
И не дрогнет солдатская наша честь,
Хоть о ней не болтаем мы.
Не болтаем, а терпим, в грязи скользя
И не веря ни в ад ни в рай,
Потому что мы Волховский фронт, друзья,
И на фронте — передний край.

Июнь 1943

ХОБЕЙ

Еще вверху, на горных тропках,
Бой не погас,
И смертники стреляли в сопках,
В тылу у нас,

Но здесь взяла свое атака,
Путь проложив,
Чтоб автоматчики на танках
Ушли в прорыв.

Да будет свят закон погони:
Настиг — добей!
И вот внизу, как на ладони,
Лежит Хобей.

Он, к западу долину сузив,
Насколько мог,
Не просто город был, но узел
Пяти дорог.

Он их собрал и свел в долину,
Готовый в бой,
И ту, что нас вела к Мулину,
Закрыл собой.

В систему вражеских расчетов
Он был включен
Как дверь в Мулин, и стали доты
Ее ключом.

«Но быстрота сильнее бетона», —
Сказал комдив,

Все сроки танковой колонной
Опередив.

«Задача тут, с любых позиций,
Ясна теперь:
Нам некогда с ключом возиться —
Взломаем дверь!»

Взломаем дверь! Закон отваги
Да будет свят!
Как столб огня, как наши стяги,
Пылал закат.

И пыль была почти багряной,
И в той пыли
Орлы комдива Казаряна
В Хобей вошли.

*Август 1945
Маньчжурия.*

ДЯДЯ СТЕПА

1

В доме восемь дробь один
У заставы Ильича
Жил высокий гражданин
По прозванию «Каланча»,

По фамилии Степанов
И по имени Степан,
Из районных великанов
Самый главный великан.

Уважали дядю Степу
За такую высоту,
Шел с работы дядя Степа —
Видно было за версту.

Лихо мерили шаги
Две огромные ноги:
Сорок пятого размера
Покупал он сапоги.

Он разыскивал на рынке
Величайшие ботинки,
Он разыскивал штаны
Небывалой ширины.

Купит с горем пополам,
Повернется к зеркалам —
Вся портновская работа
Разъезжается по швам!

Он через любой забор
С мостовой глядел во двор.

Лай собаки поднимали:
Думали, что лезет вор.

Брал в столовой дядя Степа
Для себя двойной обед.
Спать ложился дядя Степа —
Ноги клал на табурет.

Сидя книги брал со шкапа.
И не раз ему в кино
Говорили: — Сядьте на пол —
Вам, товарищ, все равно!

Но зато на стадион
Проходил бесплатно он:
Пропускали дядю Степу,
Думали, что чемпион.

От ворот и до ворот
Знал в районе весь народ,
Где работает Степанов,
Где прописан,
Как живет,

Потому что всех быстрее,
Без особенных трудов
Он снимал ребятам змея
С телеграфных проводов.

И того, кто ростом мал.
На параде поднимал,
Потому что все должны
Видеть армию страны.

Все любили дядю Степу,
Уважали дядю Степу:
Был он самым лучшим другом
Всех ребят со всех дворов.

Он домой спешит с Арбата.
— Как живешь? — кричат ребята.
Он чихнет — ребята хором:
— Дядя Степа, будь здоров!

Дядя Степа утром рано
Быстро вскакивал с дивана,
Окна настежь открывал,
Душ холодный принимал.

Чистить зубы дядя Степа
Никогда не забывал.

Человек сидит в седле,
Ноги тащит по земле —
Это едет дядя Степа
По бульвару на осле.
— Вам,— кричат Степану люди,—
Нужно ехать на верблюде!

На верблюде он поехал —
Люди давятся от смеха:
— Эй, товарищ, вы откуда?
Вы раздавите верблюда!
Вам, при вашей вышине,
Нужно ехать на слоне!

Дяде Степе две минуты
Остается до прыжка.
Он стоит под парашютом
И волнуется слегка.
А внизу народ хохочет:
Вышка с вышки прыгать хочет!

В тир, под низенький навес,
Дядя Степа еле влез.
— Разрешите расплатиться,
Получите два рубля!
Я стреляю в эту птицу
И в названье корабля!

Оглядев с тревогой тир,
Говорит в ответ кассир:
— Вам придется на колени,
Дорогой товарищ, встать —
Вы же можете мишени
Без ружья рукой достать!

До утра в аллеях парка
Будет весело и ярко,
Будет музыка греметь,
Будет публика шуметь.

Дядя Степа просит кассу:
— Я пришел на карнавал.
Дайте мне такую маску,
Чтоб никто не узнавал!

— Вас узнать довольно просто,—
Раздается дружный смех,—
Мы узнаем вас по росту:
Вы, товарищ, выше всех!

Что случилось?
Что за крик?
— Это тонет ученик!
Он упал с обрыва в реку —
Помогите человеку!

На глазах всего народа
Дядя Степа лезет в воду.

— Это необыкновенно! —
Все кричат ему с моста.—
Вам, товарищ, по колено
Все глубокие места!

Жив, здоров и невредим
Мальчик Вася Бородин.
Дядя Степа в этот раз
Утопающего спас.

За поступок благородный
Все его благодарят.
— Попросите что угодно,—
Дяде Степе говорят.

— Мне не нужно ничего —
Я задаром спас его!

Паровоз летит, гудит,
Машинист вперед глядит,
Машинист у полустанка
Кочегару говорит:

— От вокзала до вокзала
Сделал рейсов я немало,
Но готов идти на спор —
Это новый семафор.

Подъезжают к семафору.
Что такое за обман?
Никакого семафора —
У пути стоит Степан.

Он стоит и говорит:
— Здесь дождями путь размыт,
Я нарочно поднял руку —
Показать, что путь закрыт.

Что за дым над головой?
Что за гром по мостовой?

Дом пылает за углом,
Сто зевак стоит кругом,
Ставит лестницы команда,
Из брандспойтов тушат дом.

Весь чердак уже в огне,
Бьются голуби в окне.

На дворе в толпе ребят
Дяде Степе говорят:

— Неужели вместе с домом
Наши голуби сгорят?

Дядя Степа с тротуара
Достает до чердака.
Сквозь огонь и дым пожара
Тянется его рука.

Он окошко открывает.
Из окошка вылетают
Восемнадцать голубей,
А за ними — воробей.

Все Степану благодарны:
Спас он птиц, и потому
Стать немедленно пожарным
Все советуют ему.

Но пожарникам в ответ
Говорит Степанов: — Нет!
Я на флот служить пойду.
Если ростом подойду!

В коридоре смех и шепот.
В коридоре гул речей.
В кабинете — дядя Степа
На осмотре у врачей.

Он стоит. Его нагнуться
Просит вежливо сестра.
— Мы не можем дотянуться! —
Объясняют доктора.

Все, от зрения до слуха,
Мы исследуем у вас:
Хорошо ли слышит ухо,
Далеко ли видит глаз.

Дядю Степу осмотрели,
Проводили на весы
И сказали: — В этом теле
Сердце бьется, как часы!

Рост велик, но ничего —
Примем в армию его!

Но вы в танкисты не годитесь:
В танке вы не поместитесь!
Вы в пехоту не годны:
Из окопа вы видны!

С вашим ростом в самолете
Неудобно быть в полете:
Ноги будут уставать —
Вам их некуда девать!

Для таких, как вы, людей
Не бывает лошадей,
А на флоте вы нужны —
Послужите для страны!

— Я готов служить народу,—
Раздается Степин бас.—
Я пойду в огонь и в воду!
Посылайте хоть сейчас!

Вот прошли зима и лето,
И опять пришла зима.
— Дядя Степа, как ты? Где ты?
Нету с моря нам ответа,
Ни открытки, ни письма...

И однажды мимо моста
К дому восемь дробь один
Дядистепиного роста
Двигается гражданин.

Кто, товарищи, знаком
С этим видным моряком?
Он идет.
Скрипят снежинки
У него под каблуком.

В складку форменные брюки,
Он в шинели под ремнем.
В шерстяных перчатках руки,
Якоря блестят на нем.

Вот моряк подходит к дому,
Всем ребятам незнакомый,
И ребята тут ему
Говорят: — А вы к кому?

Дядя Степа обернулся,
Поднял руку к козырьку
И ответил:— Я вернулся.
Дали отпуск моряку.
Ночь не спал. Устал с дороги.
Не привыкли к суше ноги.
Отдохну. Надену китель.
На диване полежу.
После чаю заходите —
Сто историй расскажу!
Про войну и про бомбежку,
Про большой линкор «Марат».
Как я ранен был немножко,
Защищая Ленинград.

И теперь горды ребята —
Пионеры, октябрюта,—
Что знакомы с краснофлотцем,
С настоящим моряком.
Он домой идет с Арбата.
— Как живешь? — кричат ребята.
И теперь зовут ребята
Дядю Степу «Маяком».

1935

ФОМА

В одном переулке
Стояли дома.
В одном из домов
Жил упрямый Фома.

Ни дома, ни в школе,
Нигде, никому —
Не верил
Упрямый Фома
Ничему.

На улицах слякоть,
И дождик,
И град.
«Наденьте калоши»,—
Ему говорят.

«Неправда,—
Не верит Фома,—
Это ложь...»
И прямо по лужам
Идет без калош.

Мороз.
Надевают ребята коньки.
Прохожие подняли воротники.
Фоме говорят:
«Наступила зима».
В трусах
На прогулку выходит Фома.

Идет в зоопарке
С экскурсией он.
«Смотрите,—ему говорят,—
Это слон».
И снова не верит Фома:
«Это ложь».
Совсем этот слон
На слона не похож».

Однажды
Приснился упрямому сон,
Как будто шагает по Африке он.

С небес
Африканское солнце печет,
Река под названием Конго
Течет.

Подходит к реке
Пионерский отряд.
Ребята Фоме
У реки говорят:
«Купаться нельзя:
Аллигаторов тьма».
«Неправда»,—
Друзьям отвечает Фома.

Трусы и рубашка
Лежат на песке.
Упрямец плывет
По опасной реке.

Близка
Аллигатора хищная
Пасть.
«Спасайся, несчастный,
Ты можешь пропасть!»

Но слышен ребятам
Знакомый ответ:
«Прошу не учить,
Мне одиннадцать лет!»

Уже крокодил
У Фомы за спиной,
Уже крокодил
Поперхнулся Фомой;
Из пасти у зверя
Торчит голова.
До берега
Ветер доносит слова:
«Непра...
Я не ве...»

Аллигатор вздохнул
И, сытый,
В зеленую воду нырнул.

Трусы и рубашка
Лежат на песке.
Никто не плывет
По опасной реке.

Проснулся Фома,
Ничего не поймет,
Трусы и рубашку
Со стула берет.

Фома удивлен,
Фома возмущен:
«Неправда, товарищи,
Это не сон!»

Ребята,
Найдите такого Фому
И эти стихи
Прочитайте ему.

1936

РИСУНОК

Я карандаш с бумагой взял,
Нарисовал дорогу,
На ней быка нарисовал,
А рядом с ним корову.

Направо дождь, налево сад,
В саду пятнадцать точек,
Как будто яблоки висят,
И дождик их не мочит.

Я сделал розовым быка,
Оранжевой — дорогу,
Потом над ними облака
Подрисовал немного.

И эти тучи я потом
Проткнул стрелой. Так надо,
Чтоб на рисунке вышел гром
И молния над садом.

Я черным точки зачеркнул,
И означало это,
Как будто ветер вдруг подул
И яблок больше негу.

Еще я дождик удлинил —
Он сразу в сад ворвался,
Но не хватило мне чернил,
А карандаш сломался.

И я поставил стул на стол,
Залез как можно выше
И там рисунок приколот,
Хотя он плохо вышел.

1936

СЛОН-ЖИВОПИСЕЦ

(Басня)

Слон-живописец написал пейзаж,
Но раньше, чем послать его на вернисаж,
Он пригласил друзей взглянуть на полотно:
Что, если вдруг не удалось оно?
Вниманием гостей художник наш польщен!
Какую критику сейчас услышит он?
Не будет ли жесток звериный суд?
Низвергнут? Или вознесут?

Ценители пришли. Картину Слон открыл.
Кто дальше встал, кто подошел поближе.
«Ну, что же,— начал Крокодил,—
Пейзаж хорош! Но Нила я не вижу!..»
«Что Нила нет, в том нет большой беды! —
Сказал Тюлень.— Но где снега? Где льды?»
«Позвольте! — удивился Крот,—
Есть кое-что важней, чем лед!
Забыл художник огород».
«Хрю-хрю,— заметила Свинья.—
Картина удалась, друзья!
Но с точки зренья нас, Свиной,
Должны быть желуди на ней».
Все пожеванья принял Слон.
Опять за краски взялся он
И всем друзьям по мере сил
Слоновъей кистью угодил,
Изобразив снега, и лед,
И Нил, и дуб, и огород.
И даже — мед!
(На случай, если вдруг Медведь
Придет картину посмотреть...)

Картина у Слона готова,
Друзей созвал художник снова.
Взглянули гости на пейзаж
И прошептали: «Ералаш!»

*

Мой друг! Не будь таким Слоном:
Советам следуй, но с умом!
На всех друзей не угодишь,
Себе же только навредишь.

1945

ЗАЯЦ ВО ХМЕЛЮ

(Басня)

В день именин, а может быть рожденья,
Был Заяц приглашен к Ежу на угощенье.
В кругу друзей, за шумною беседой,
Вино лилось рекой. Сосед поил соседа.
И Заяц наш, как сел,
Так, с места не сходя, настолько окосел,
Что, отвалившись от стола с трудом,
Сказал: «Пшли домой!» — «Да ты найдешь ли дом? —
Спросил радушный Еж.—
Поди, как ты хорош?
Уж лег бы лучше спать, пока не протрезвился!
В лесу один ты пропадешь:
Все говорят, что Лев в округе объявился!»
Что Заяца убеждать? Заячишка захмелел.
«Да что мне Лев! — кричит.— Да мне ль его бояться?
Я как бы сам его не съел!
Подать его сюда! Пора с ним рассчитаться!
Да я семь шкур с него спущу
И голым в Африку пущу!..»
Покинув шумный дом, шатаясь меж стволов,
Как меж столов,
Идет Косой, шумит по лесу темной ночью:
«Видали мы в лесах зверей почище Львов,
От них и то летели клочья!..»
Проснулся Лев, услышав пьяный крик,—
Наш Заяц в этот миг сквозь чашу продирался.
Лев — цап его за воротник!
«Так вот кто в лапы мне попался!
Так это ты шумел, болван?»

Постой, да ты, я вижу, пьян —
Какой-то дряни нализался!»
Весь хмель из головы у Зайца вышел вон!
«Да я... Да вы... Да мы... Позвольте объясниться!
Помилуйте меня! Я был в гостях сейчас.
Там лишнего хватил. Но все за Вас!
За Ваших Львят! За Вашу Львицу! —
Ну, как тут было не напиться?!»
И, когти подобрав, Лев отпустил Косого.
Спасен был хвастунишка наш!

*

Лев пьяных не терпел, сам в рот не брал хмельного,
Но обожал... подхалимаж.

1945

ЛИСА И БОБЕР

(Басня)

Лиса заметила Бобра:
И в шубе у него довольно серебра,
И он один из тех Бобров,
Что из семейства мастеров, —
Ну, словом, с некоторых пор
Лисе понравился Бобер!
Лиса ночей не спит: «Уж я ли не хитра?
Уж я ли не ловка к тому же?
Чем я своих подружек хуже?
Мне тоже при себе пора
Иметь Бобра!»
Вот Лисанька моя, охотясь за Бобром,
Знай вертит перед ним хвостом.
Знай шепчет нежные слова
О том, о сем...
Седая у Бобра вскружилась голова.
И, потеряв покой и сон,
Свою Бобриху бросил он,
Решив, что для него, Бобра,
Глупа Бобриха и стара...
Спускаясь как-то к водою,
Окликнул друга старый Еж:
Привет, Бобер! Ну, как живешь
Ты с этой... как ее... с Лисою?»
«Эх, друг! — Бобер ему в ответ. —
Житья-то у меня и нет!
Лишь утки на уме у ней да куры:

То ужин — там, то здесь — обед!
Из рыжей стала чернубурой!
Ей все гулять бы и рядиться,
Я — в дом, она, плутовка, — в дверь.
Скажу тебе, как зверю зверь:

Поверь,

Сейчас мне в пору хоть топиться!..
Уж я подумывал, признаться,
Назад к себе домой податься!
Жена простит меня, Бобра, —
Я знаю, как она добра...»
«Беги домой, — заметил Еж, —
Не то, дружище, пропадешь!..
Вот прибежал Бобер домой:
«Бобриха, двери мне открой!»
А та в ответ: «Не отопру!
Иди к своей Лисе в нору!»
Что делать? Он к Лисе во двор!
Пришел. А там — другой Бобер!

*

Смысл басни сей полезен и здоров
Не так для рыжих Лис, как для седых Бобров!

1945

ИВАН ИВАНЫЧ ЗАБОЛЕЛ

(Басня)

Иван Иваныч заболел, —
Не потому, что он дурное что-то съел
Иль сквозняком его продуло, —
Но уж едва-едва он привстает со стула
И еле-еле руку подает,
А многих вообще не узнает.
Что спросишь, он в ответ то промычит невнятно,
А то возьмет да заорет:
«Я занят! Нет меня! Закройте дверь! Понятно?..»
Жену оставил он. В семье он не живет...
Ближайшие друзья ему дают советы:
Один рекомендует спорт,
Другой — поехать на курорт,
А третий соблюдать диету...
Больному нашему не впрок ни то ни это!
Но вот

Иван Иваныча взялся лечить народ:
В один прекрасный день его освободили
 От всех забот,
Что у бедняги были,
 От всех хлопот
 И даже от
 Автомобиля,
Что день и ночь дежурил у ворот!
 И все пошло наоборот:
Иван Иваныча как будто подменили:
Кого не узнавал — теперь он узнает,
Кого не принимал — тех в гости сам зовет,
С людьми он говорит охотно, просто, внятно,
Вернулся он в семью, отлично в ней живет...

*

Понятно?
Вот!

Не худо бы иным, смотрящим сверху вниз,
Мечтающим иметь свой персональный «зис»,
Не только изрекать, мол, мне с горы виднее,
Но быть на той горе чем выше, тем скромнее!

1950—1953

Константин Симонов

ГЕНЕРАЛ

Памяти Матэ Залка

В горах этой ночью прохладно.
В разведке намаявшись днем,
Он греет холодные руки
Над желтым походным огнем.

В кофейнике кофе клокочет,
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвой шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвой
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

Давно уж он в Венгрии не был, —
С тех пор как попал на войну,
С тех пор как он стал коммунистом
В далеком сибирском плену.

Он знал уже грохот тачанок
И дважды был ранен, когда
На запад, к горящей отчизне,
Мадьяр повезли поезда.

Зачем в Будапешт он вернулся?
Чтоб драться за каждую пядь,
Чтоб плакать, чтоб, стиснувши зубы,
Бежать за границу опять.

Он этот приезд не считает,
Он помнит все эти года,
Что должен задолго до смерти
Вернуться домой навсегда.

С тех пор он повсюду воюет:
Он в Гамбурге был под огнем,
В Чапее о нем говорили,
В Хараме слышали о нем.

Давно уж он в Венгрии не был,
Но где бы он ни был — над ним
Венгерское синее небо,
Венгерская почва под ним.

Венгерское красное знамя
Его освящает в бою.
И где б он ни бился — он всюду
За Венгрию бьется свою.

Недавно в Москве говорили,
Я слышал от многих, что он
Осколком немецкой гранаты
В бою под Уэской сражен.

Но я никому не поверю:
Он должен еще воевать,
Он должен в своем Будапеште
До смерти еще побывать.

Пока еще в небе испанском
Германские птицы видны,
Не верьте: ни письма, ни слухи
О смерти его неверны.

Он жив. Он сейчас под Уэской.
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвой шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвой
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

1937

Всю жизнь любил он рисовать войну,
Беззвездной ночью наскочив на мину,
Он вместе с кораблем пошел ко дну,
Не дописав последнюю картину.

Всю жизнь лечиться люди шли к нему,
Всю жизнь он смерть преследовал жестоко
И умер, сам привив себе чуму,
Последний опыт кончив раньше срока.

Всю жизнь привык он пробовать сердца.
Начав еще мальчишкой с «нюпоры»,
Он в сорок лет разбился, до конца
Не испытал последнего мотора.

Никак не можем помириться с тем,
Что люди умирают не в постели,
Что гибнут вдруг, не дописав поэм,
Не долечив, не долетев до цели.

Как будто есть последние дела,
Как будто можно, кончив все заботы,
В кругу семьи усесться у стола
И отдыхать под старость от работы...

1939

КУКЛА

Мы сняли куклу со штабной машины.
Спасая жизнь, ссылаясь на войну,
Три офицера — храбрые мужчины —
Ее в машине бросили одну.

Привязанная ниточкой за шею,
Она, бежать отчаявшись давно,
Смотрела на разбитые траншеи,
Дрожа в своем холодном кимоно.

Земли и бревен взорванные глыбы;
Кто не был мертв, тот был у нас в плену.
В тот день они и женщину могли бы,
Как эту куклу, бросить здесь одну...

Когда я вспоминаю поражение,
Всю горечь их отчаянья и страх,

Я вижу не воронки в три сажени,
Не трупы на дымящихся кострах,—

Я вижу глаз ее косые щелки,
Пучок волос, затянутый узлом,
Я вижу куклу, на крученом шелке
Висящую за выбитым стеклом.

1939

* * *

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси...

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась.

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти поселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовой слезою и песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну, что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем».

«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» — говорили леса,
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За русскую землю, где я родился.

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

1941

* * *

В. С.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди...
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.

Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло».
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,—
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

* * *

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...

Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

За тридевять земель, в горах Урала,
Твой мальчик спит. Испытанный судьбой,
Я верю: мы во что бы то ни стало
В конце концов увидимся с тобой.

Но если нет, когда наступит дата,
Ему, как мне, идти в такие дни,
Вслед за отцом, по праву, как солдата,
Прощаясь с ним, меня ты помяни.

1941

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке,
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке.

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

1941

* * *

Я, верно, был упрямей всех,
Не слушал клеветы
И не считал по пальцам тех,
Кто звал тебя на «ты».

Я, верно, был честней других,
Моложе, может быть,
Я не хотел причуд твоих
Прощать или судить.

Я девочкой тебя не звал,
Не рвал с тобой цветы,
В твоих глазах я не искал
Девичьей чистоты.

Я не жалел, что ты во сне
Годами не ждала,
Что ты не девочкой ко мне,
А женщиной пришла.

Я знал, честнее тайных снов
И робких слов честней
Нас приютивший на ночь кров,
Прямой язык страстей.

И, если будет суждено
Тебя мне удержать,
Не потому, что не дано
Тебе других узнать,

Не потому, что я — пока,
А лучше — не нашлось,
Не потому, что ты робка,
И так уж повелось...

Нет, если будет суждено
Тебя мне удержать,
Тебя не буду все равно
Я девочкою звать.

И встречу я в твоих глазах
Не с голубой, пустой,
А с храброй — в горе и страстях
Рожденной чистотой.

Не с чистотой закрытых глаз,
Неведеньем детей,
А с чистотою женских ласк,
Бессонницей ночей...

Будь хоть бедой в моей судьбе,
Но кто б нас ни судил,
Я сам пожизненно к тебе
Себя приговорил.

1941

* * *

Если бог нас своим могуществом
После смерти отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: выбирай?

Мне не надо в раю тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла,
Я бы взял с собой в рай такую же,
Что на грешной земле жила,—

Злую, ветреную, колючую,
Хоть ненадолго, да мою!
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю.

В рай, наверно, таких отчаянных
Мало кто приведет с собой,
Будут праведники нечаянно
Там подглядывать за тобой.

Взял бы в рай с собой расстояния,
Чтобы мучиться от разлук,
Чтобы помнить при расставании
Боль сведенных на шее рук.

Взял бы в рай с собой все опасности,
Чтоб вернее меня ждала,
Чтобы глаз своих синей ясности
Дома трусу не отдала.

Взял бы в рай с собой друга верного,
Чтобы было с кем пировать,
И врага, чтоб в минуту скверную
По-земному с ним враждовать.

Ни любви, ни тоски, ни жалости,
Даже курского соловья,
Никакой, самой малой малости
На земле бы не бросил я.

Даже смерть, если б было мыслимо,
Я б на землю не отпустил,
Все, что к нам на земле причислено.
В рай с собою бы захватил.

И за эти земные корысти,
Удивленно меня кляня,
Я уверен, что бог бы вскорости
Вновь на землю столкнул меня.

1941

НЕМЕЦ

В Берлине на холодной сцене
Пел немец, раненный в Испании,
По обвинению в измене
Казненный за глаза заранее,
Пять раз друзьями похороненный,
Пять раз гестапо провороненный,
То гримированный, то в тюрьмах ломанный,
То вновь иголкой в стог оброненный.
Воскресший, бледный, как видение,
Стоял он, шрамом изуродованный,
Как документ сопротивления,
Вдруг в этом зале обнародованный.
Он пел в разрушенном Берлине
Все, что когда-то пел в Испании,
Все, что внутри, как в карантине,
Сидело в нем семь лет молчания.
Менялись оболочки тела,
Походки, паспорта и платья,

Но, молча душу сжав в объятья,
В нем песня еле слышно пела,
Она охрипла и болела,
Она в жару на досках билась,
Она в застенках огрубела
И в одиночках простудилась.
Она явилась в этом зале,
Где так давно ее не пели.
Одни, узнав ее, рыдали,
Другие глаз поднять не смели.
Над тем, кто предал ее на муки,
Она в молчанье постояла
И тихо положила руки
На плечи тех, кого узнала.
Все видели, она одета
Из-под Мадрида, прямо с фронта:
В плащ и кожанку с пистолетом
И тельманку с значком Рот Фронта.
А тот, кто пел ее, казалось,
Не пел ее, а шел в сраженье,
И пересохших губ движенье,
Как ветер боя, лиц касалось.

.....
Мы шли с концерта с ним, усталым,
Обнявшись, как солдат с солдатом,
По тем разрушенным кварталам,
Где я шел в мае в сорок пятом.
Я с этим немцем шел, как с братом,
Шел длинным каменным кладбищем,
Недавно — взятым и проклятым,
Сегодня — просто пепелищем.
И я скорбел с ним, с немцем этим,
Что, в тюрьмы загнан и поборот,
Давно когда-то, в тридцать третьем,
Он не сумел спасти свой город.

1946—1949

МИТИНГ В КАНАДЕ

Я вышел на трибуну, в зал,
Мне зал напоминал войну,
А тишина — ту тишину,
Что обрывает первый залп.
Мы были предупреждены
О том, что первых три ряда
Нас освистать пришли сюда

В знак объявленья нам войны.
Я вышел и увидел их,
Их в трех рядах, их в двух шагах,
Их — злобных, сытых, молодых,
В плащах, со жвачками в зубах,
В карман — рука, зубов оскал,
Подошвы — на погу нога...
Так вот оно, лицо врага!
А сзади только черный зал,
И я не вижу лиц друзей,
Хотя они, наверно, есть,
Хотя они, наверно, здесь.
Но их ряды — там, где темней,
Наверно там, наверно так,
Но пусть хоть их глаза горят,
Чтоб я их видел, как маяк!
За третьим рядом полный мрак,
В лицо мне курит первый ряд.
Почувствовав почти ожог,
Шагнув, я начинаю речь,
Ее начало — как прыжок
В атаку, чтоб уже не лечь:
— Россия, Сталин, Сталинград! —
Три первые ряда молчат.
Но где-то сзади легкий шум,
И, прежде чем пришло на ум,
Через молчащие ряды,
Вдруг, как обвал, как вал воды,
Как сдвинувшаяся гора,
Навстречу рушится «ура»!
Уж за полночь, и далеко,
А митинг все еще идет,
И зал встает, и зал поет,
И в зале дышится легко.
А первых три ряда молчат,
Молчат, чтоб не было беды.
Молчат, набравши в рот воды,
Молчат четвертый час подряд!
.....
Но я конца не рассказал,
А он простой: теперь, когда
Войной грозят нам, я всегда
Припоминаю этот зал,
Зал!

А не первых три ряда.

1946—1949

КРАСНОЕ И БЕЛОЕ

Мне в этот день была обещана
Поездка в черные кварталы,
Прыжок сквозь город, через трещину,
Что никогда не зарастала,
Прикрыта, но не зарубцована,
Ни повестями сердобольными,
Ни честной кровью Джона Броуна,
Ни Бичер-Стоу, ни Линкольнами.
Мы жили в той большой гостинице
(И это важно для рассказа),
Куда не каждый сразу кинется
И каждого не примут сразу,
Где ежедневно на рекламе,
От типографской краски влажной,
Отмечен номерами каждый,
Кто осчастливлен номерами;
Конечно — только знаменитый,
А знаменитых тут — засилие:
Два короля из недобитых,
Три президента из Бразилии,
Пять из подшефных стран помельче
И уж, конечно, мистер Черчилль.

И в этот самый дом-святилище,
Что нас в себя, скривясь, пустил еще,
Чтобы в Гарлем везти меня,
За мною среди бела дня
Должна
заехать
негритянка.

Я предложил: не будет лучше ли
Спуститься — ей и нам короче.
Но мой бывалый переводчик
Отрезал — что ни в коем случае,
Что это может вызвать вздорную,
А впрочем — здесь вполне обычную,
Мысль, что считаю неприличным я,
Чтоб в номер мой входила черная.
— Но я ж советский! — Что ж, тем более,
Она поднимется намеренно,
Чтоб в вас, в советском, всюю болью
Души и сердца быть уверенной. —
И я послушно час сидел еще,
Когда явилась провожатая,

Немолодая, чуть седеющая,
Спокойная, с губами сжатыми.
Там, у себя, — учитель в школе,
Здесь — и швейцар в дверях не сдвинется,
Здесь — черная, лишь силой воли
Прошедшая сквозь строй гостиницы.

Лифт занят был одними нами.
Чтоб с нами сократить общение,
Лифтер летел, от возмущения
Минуя цифры с этажами.

Обычно шумен, но не весел,
Был вестибюль окутан дымом
И ждал кого-то в сотнях кресел,
Не замечая шедших мимо.
Обычно.

Но на этот раз
Весь вестибюль глядел на нас.

Глазел на нас, вывертывая головы,
Глазел, сигар до рта не доташив,
Глазел, как вдруг на улице на голого,
Как на возникший перед носом взрыв.

Мы двое были белы цветом кожи,
А женщина была черна,
И все же с нами цветом схожа
Среди всех них
была одна она.

Мы шли втроем навстречу глаз свинцу,
Шли, взявшись под руки, через расстрел их,
Шли трое красных
через сотни белых,
Шли, как пощечина по их лицу.

Я шкурой знал, когда сквозь строй прошел там,
Знал кожей сжатых кулаков своих:
Мир неделим на черных, смуглых, желтых,
А лишь на красных — нас,
и белых — их.

На белых — тех, что, если приглядеться,
Их вид на всех материках знаком,
На белых — тех, как мы их помним с детства,
В том самом смысле. Больше ни в каком.

На белых — тех, что в Африке ль, в Европе,
Мы, красные, — в пороховом дыму,
В последний раз прорвем на Перекопе
И сбросим в море, с берега, в Крыму!

1950

В ГОСТЯХ У ШОУ

Мы хозяина, кажется, утомили...
Пора уезжать — бьют часы на камине.
Надо встать, и проститься, —
и долгие мили
вновь считать на английской зеленой равнине.
Нас сначала сюда
и пускать не хотели,
мы уже тут встречались с подобными штуками:
«Мистер Шоу не сможет»,
«Мистер Шоу — в постели», —
так гласил их отказ,
на машинке отстуканный.
Но постом
вдруг по почте —
письмо от руки
с приглашением,
со схемой,
как ехать получше нам,
с тем особым педантством,
с каким в этих случаях
пишут великие старики,
зная цену себе, но, от многих в отличие,
не меняя привычек с приходом величия.
И вот мы доехали —
за три часа —
от дымного Лондона
до этого домика,
где на полках, как мертвых друзей голоса,
собрались порыжелые старые томики,
где усопший давно
девятнадцатый век
еще бродит по тихим коврам в кабинете,
и стоит у камина
седой человек,
самый старей писатель
на целой планете.
Он и сам —
на столетье чем-то похожий.

нагибается,
 нас отстранив руками,
 вынимает из гнезд
 два толстых запора
 и ногою сдвигает
 приваленный камень.
 Нам вовсе не до того,
 чтоб гордиться.
 Мы знаем одно лишь чувство простое:
 мы спешим уехать —
 чтоб простудиться
 он не успел,
 под дождем тут стоя.
 Но он,
 как будто его не трогает
 ни этот дождь,
 ни мартовский ветер,
 выходит за нами вслед на дорогу,
 словно остался
 один на свете,
 словно о чем-то
 еще жалея,
 словно что-то
 договорить осталось...
 Никогда не забуду этой аллеи,
 длинной, как жизнь,
 одинокой, как старость.
 Не забуду, как, выехав к повороту,
 мы увидели
 с нежностью
 и печалью,
 как все еще
 стоит у ворот он,
 высоко
 руку
 подняв на прощанье.

1954

ПАМЯТИ БОРИСА ГОРБАТОВА

1

Умер друг у меня — вот какая беда...
 Как мне быть — не могу и ума приложить.
 Я не думал, не верил, не ждал никогда,
 Что без этого друга придется мне жить.

Был в отъезде, когда схоронили его,
В день прощанья у гроба не смог постоять.
А теперь вот — приеду — и нет ничего;
Нет его. Нет совсем. Нет. Нигде не видеть.
На квартиру пойду к нему — там его нет.
Есть та улица, дом, есть подъезд тот и дверь,
Есть дощечка, где имя его — и теперь.
Есть на вешалке палка его и пальто,
Есть налево за дверью его кабинет...
Все тут есть. Только все это вовсе не то,
Потому что он был, а теперь его нет!
Раньше как говорили друг другу мы с ним?
Говорили: «Споем», «Посидим», «Позвоним»,
Говорили: «Скажи», говорили: «Прочти»,
Говорили: «Зайди ко мне завтра к пяти».
А теперь привыкать надо к слову: «Он был».
Привыкать говорить про него: «Говорил»,
Говорил, приходил, помогал, выручал,
Чтобы я не грустил — долго жить обещал,
Еще в памяти все твои живы черты,
А уже не могу я сказать тебе «ты».
Говорят: раз ты умер — таков уж закон —
Вместо «ты» про тебя говорить надо: «он»,
Вместо слов — что люблю тебя — надо: «любил»,
Вместо слов — что есть друг у меня — надо: «был».
Так ли это? Не знаю. По-моему — нет!
Свет погасшей звезды еще тысячу лет
К нам доходит. А что ей, звезде, до людей?
Ты добрей был ее, и теплей, и светлей,
Да и срок не велик — тыщу лет мне не жить,
На мой век тебя хватит — мне по дружбе светить.

2

Умер молча, сразу, как от пули,
Побледнев, лежит — уже ничей.
И стоят в почетном карауле
Четверо немолодых людей.

Четверо, не верящие в бога,
Провожают раз и навсегда
Пятого в последнюю дорогу,
Зная, что не встретят никогда.

А в глазах — такое выражение,
Словно верят, что еще спасут,
Словно в год войны из окруженья,
На шинель подняв, его несут.

Дружба настоящая не старится,
За небо ветвями не цепляется —
Если уж приходит срок, так валится
С грохотом, как дубу полагается.
От ветров при жизни не качается,
Смертью одного из двух кончается.

1954

СТОЙБИЩЕ УРМИ

Жилка этой реки
Не сумела пробиться на карты.
Псы в упряжке бегут,
Синеватый вдыхая мороз.
Семь учебников алгебры
Крепко привязаны к нарте.
Синеглазая девушка
Едет средь черных берез.

Как успела из Анки
Ты сделаться Анной Петровной?
Вот январскою ночью
Ты едешь одна сквозь тайгу.
Ты давно ль научилась
Так мчаться дорогой неровной,
Громким окриком «хо!»
Усмиряя собак на бегу?

Вот и стойбище Урми.
Сушеная рыба юкола
Возле темных домов
Под холодной-холодной луной.
Входит Анна Петровна
В неполную среднюю школу...
Пахнет рыбой и хлебом,
Морошкой и свежей сосной.

Поднимается Анна Петровна
На позднем рассвете,
Пробужденная шарканьем
Мехом обернутых ног,
И ее окружают
Нанайские смуглые дети...

Сняв учебники с нарты,
Она начинает урок.

На большой перемене
Мальчишки колдуют с виктролой ¹
И заводят пластинку.
И вот из неясных глубин
Входит в комнату голос,
Протяжный, родной, невеселый,—
Это русская песня,
Которую Ленин любил.

Зимний день на исходе.
Морозно. Тропинкою хрупкой
С голубыми тетрадами
В школу идут старики.
Крепкоскулые женщины
Курят тяжелые трубки.
Вся их жизнь протекла
У течения таежной реки.

За столами сидят они,
Словно притихшие дети.
К потолку поднимается
Сизый махорочный дым.
Об испанских событиях
И о Верховном Совете
Будет Анна Петровна
Сегодня рассказывать им.

Я в глаза этой девушки
Стану смотреть осторожно,
Чтоб найти на мгновенье
Твои дорогие черты.
Здесь, в далеком краю,
На тебя она чем-то похожа.
Хорошо б — на нее
Там, в Москве, походила и ты...

Коль взгрустнется тебе
Или сердце забьется неровно,
Потеплее оденься,
На лыжах в леса побегу,
Вспомни стойбище Урми,
Веселую Анну Петровну —
Синеглазую девушку
Дальневосточной тайги.

1938

¹ В и к т р о л а — дальневосточное прозвище патефона.

ГЕРОЙ

Легко дыша, серебряной зимой
Товарищ возвращается домой.

Вот, наконец, и материнский дом,
Колючий садик, крыша с петушком.

Он распахнул тяжелую шинель,
И дверь за ним захлопнула метель.

Роняет штопку, суетится мать.
Какое счастье — сына обнимать.

У всех соседей — дочки и сыны,
А этот назван сыном всей страны!

Но ей одной сгибаться от тревог
И печь слоеный яблочный пирог.

...Снимает мальчик свой высокий шлем,
И видит мать, что он седой совсем.

1938

ПИСЬМО

Вчера пятнадцать шли в наряд.
Четырнадцать пришли назад.

В одной тарелке борщ остыл...
Обед был всем бойцам постыл.

Четырнадцать ложились спать.
Была пуста одна кровать.

Стоял, уставший от хлопот,
У изголовья пулемет.

Белея в темно-синей мгле,
Письмо лежало на столе.

Над неоконченной строкой
Сгущались горе и покой.

Бойцы вставали поутру
И умывались на ветру.

И лишь на полочке одной
Остался порошок зубной.

Наш экспедитор шел пешком
В штаб с недописанным письмом.

О, если б вам, жена и мать,
Того письма не получать!

1938

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Комсомольская площадь — вокзалов созвездье.
Сколько раз я прощался с тобой при отъезде.

Сколько раз выходил на асфальт раскаленный,
Как на место свиданья впервые влюбленный.

Хорошо машинистам,— их дело простое:
В Ленинграде — сегодня, а завтра — в Ростове.

Я же с дальней дорогой знаком по-другому:
Как уеду, так тянет к далекому дому.

А едва подойду к дорожному порогу —
Ничего не поделаешь — тянет в дорогу.

Счастья я не искал: все мне некогда было,
И оно меня, кажется, не находило.

Но была мне тревожной и радостной вестью
Комсомольская площадь — вокзалов созвездье.

Расставанья и встречи — две главные части,
Из которых когда-нибудь сложится счастье.

1938

ДАЛЬНЯЯ СТОРОЖКА

Идет состав за составом,
За годом катится год.
На сорок втором разъезде лесном
Старик седой живет.
Давно живет он в сторожке,
Давно он сделался сед,
Сынов он взрастил, внучат обучил
За эти сорок лет.

Дальняя дорожка...
Поезд, лети, лети.
Тихая сторожка
На краю пути.

Под вечер старый обходчик
Идет, по рельсам стучит.
У стыков стальных он видит двоих,
Один он к ним бежит.
Заносит он молоток свой...
Волной вздымается грудь,
Пусть жизнь он отдаст, но только не даст
Врагу разрушить путь.

Дальняя дорожка...
Поезд, лети, лети.
Тихая сторожка
На краю пути.

Но подвиги не бывают
Родной забыты страной.
Эй, поезд, лети — к наркому пути
Поехал наш герой.
Его на дальних разъездах
Встречают, словно отца.
Высок он и прям, но горестный шрам
Проходит вдоль лица.

Дальняя дорожка...
Поезд, лети, лети.
Тихая сторожка
На краю пути.

Идет состав за составом,
Бежит откосами тень.
Обходчик опять вагоны встречать
Выходит каждый день.

Как солнце, орден сияет,
Идет старик с молотком.
Увидишь его, узнаешь его,
Махни ему платком.

Дальняя дорожка...
Поезд, лети, лети.
Тихая сторожка
На краю пути.

1939

ГРОЗА

Хоть и не все, но мы домой вернулись.
Война окончена. Зима прошла.
Опять хожу я вдоль широких улиц
По волнам долгожданного тепла.

И вдруг по небу проползают рокот.
Иль это пушек отдаленный гром?
Сейчас по камню будет дождик цокать,
Иль вдалеке промчится эскадрон?

Никак не можем мы сдружиться с маем,
Забывать зимы порядок боевой —
Грозу за канонаду принимаем,
С тяжелою завесой дымовой.

Отучимся ль? А может быть, в июле
По легкому жужжащему крылу
Пчелу мы будем принимать за пулю,
Как принимали пулю за пчелу?

Так, значит, забывать еще не время
О днях войны?

И, может быть, опять
Не дописав последних строк в поэме,
Уеду (и тебе не привыкать!).

Когда на броневых автомобилях
Вернемся мы, изъездив полземли,
Не спрашивайте, скольких мы убили, —
Спросите раньше — скольких мы спасли.

1940

ПЕСНЯ О ДНЕПРЕ

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.

Ты увидел бой, Днепр — отец-река,
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он, как герой.

Враг напал на нас, мы с Днепра ушли.
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя — как слеза.

Из твоих стремнин ворог воду пьет,
Захлебнется он той водой.
Славный день настал, мы идем вперед
И увидимся вновь с тобой.

Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг советский край не возьмет.
Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

1941

ЦЕЛЕНГ

Певица по радио пела,
И голос летел далеко,
Сперва осторожно, несмело,
А дальше, как птица, легко.

Был город в тугие объятия
Тревожного сна погружен...
Была она в бархатном платье,
Стоял перед ней микрофон.

А где-то в небесном молчанье,
Стараясь держаться прямой,
С далекого бомбометанья
Летят самолеты домой.

Несут они много пробоин,
Идут тяжело в облаках.
Сидит за приборами воин
В своих марсианских очках.

Певица о юности пела,
О лебеде и о тоске.
Катодная лампа горела
На аспидно-черной доске.

Из Гамбурга яростный «зуммер»
В неистовой злобе урчал.
Но голос певички не умер,
Он только сильнее звучал.

Два мира в эфире боролись.
Сквозь бурю, сквозь грохот и свист
Услышал серебряный голос
В наушниках юный радист.

Узнав позывной Украины,
Над крышами горестных сел
Пилот утомленный машину
По песне, как лебедя, вел.

Пришли самолеты на базу,
Родные найдя берега,
И песня, пожалуй, ни разу
Им так не была дорога.

1942

СИРЕНЬ

В окоп донес июньский день
Умытых листьев шорох,
И пахнет юная сирень
Сильней, чем старый порох.

Хоть вдоль садов проходит фронт,
Но все цветет в сирени:
Село, и нежный горизонт,
И голубые тени.

Ты далеко. Тебя здесь нет.
Но для тебя я снова
Собрал трепещущий букет,
Прохладный и лиловый.

В снарядной гильзе он стоит
В землянке батальонной,
Холодным пламенем горит,
Как будто спирт зажженный.

Придут усталые друзья,—
Им тут светлее станет.
Любовь моя, сирень твоя
Сияет и не вянет.

Под Курском, 1943

ДЕЛО О ПОДЖОГЕ РЕЙХСТАГА

Ты помнишь это дело о поджоге
Рейхстага?
Давний тридцать третий год...
Огромный Геринг, как кабан двуногий,
На прокурорской кафедре встает.
Еще не взят историей к ответу,
Он хочет доказать неправду свету:
«Рейхстаг большевиками подожжен!»
Но вот пред всеми — смуглый, чернобровый —
Встал подсудимый. Чистый и суровый,
Он в кандалах, но обвиняет — он!
Он держит речь, неистовый болгарин.
Его слова секут врагов, как жгут.
А воздух так удушлив, так угарен,—
На площадях, должно быть, книги жгут.

...В тот грозный год я только кончил школу.
Вихрастые посланцы комсомола
Вели метро под утренней Москвой.
Мы никогда не видели рейхстага.
Нас восхищала львиная отвага
Болгарина с могучей головой.

Прошло немало лет.
А в сорок пятом
Тем самым, только выросшим ребятам
Пришлось в далеких побывать местах.
Пришлось ползти берлинским зоосадам...
«Ударим зажигательным снарядам!»
«Горит рейхстаг! Смотри, горит рейхстаг!»

Прекрасный день — тридцатое апреля.
Тяжелый дым валит из-за колонн.
Теперь — не выдумка — на самом деле
Рейхстаг большевиками подожжен!

1947

МОРЕ ПРИДЕТ

Выйдя на Волгу, я встал над откосом,
Около крайних домов Сталинграда.
Этот участок был отдан матросам,
Здесь воевала морская бригада.
Тихие всплески, потоков журчанье,
Волнами, волнами — воспоминанья!

Шли из Одессы пешком экипажи,
Из севастопольской каменной дали.
Их ненавидели в лагере вражьем,
«Черными дьяволами» называли.
На бескозырках — пехотные каски.
К ранам набухшим присохли повязки.

Было у хлопцев особое горе.
Старый матрос говорил перед боем:
«Коль погибать, так уж лучше на море,
Если могила, пусть рядом с прибоем!»
Но умирали матросы на суше —
«Черные дьяволы», светлые души.

Вот их могила. Гранитная призма.
Острая вышка геологов рядом.
Стройка великая коммунизма
Здесь развернулась, под Сталинградом.
...Входит в плотину могила над плесом.
Море идет к сталинградским матросам.

1951

МЕДАЛЬ ЗА ФОРСИРОВАНИЕ ЯНЦЫ

Китайцы приехали в снегопад,
Хоть дело было весной.
Они увидели Сталинград
За белую пленой.

Как ни старался мягкий снежок,
Летевший гостям в лицо,
Он след разрушений укрыть не смог
На площади Павших борцов.

И город в суровости прежней своей
Вставал пред глазами друзей.
Был среди них офицер молодой
В курточке из чесучи.
На квадратном кармане
Медаль со звездой,
Иероглифы и лучи.

С трибуны на площадь смотрел офицер...
Вид города гостя потряс.

На спокойном точеном его лице
Сверкнули молнии глаз.
Он словно сразу — в военную даль
И в завтрашний день заглянул...
Вдруг, отвинтив от кармана медаль,
Он нам ее протянул.

И так сказал, не скрывая слезы,
Комсомольскому секретарю:
«Медаль за форсирование Янцзы
Я Сталинграду дарю!»

А мы зашумели: «Ну что вы, друг!
Эта медаль — в честь ваших заслуг,
Не можем ее мы взять!»

Но он настаивал. И медаль
Из ладони в ладонь пошла по рядам
И к трибуне вернулась опять.

А после ее, как решил горком,
Отдали
В Киквидзенский детский дом,
И в пионерском строю
Теперь у сирот, сталинградских ребят,
Ее получает лучший отряд
За школьную доблесть свою.

Потому что родители этих детей
В годы недавней грозы
Подготовили
Жизнью и смертью своей
Форсированье Янцзы.

1951

БУРЕВЕСТНИК

(Из романа в стихах «Добровольцы»)

Великого времени гулкое эхо
Звучало в туннелях той юной порою.
К товарищу Горькому просят приехать
Ударниц московского Метростроя.
В парткоме волнение: девочки увидят
Его самого и Роллана на даче.
Ребята, конечно, немного в обиде,
Но Леле и Маше желают удачи.

Цветочного ветра прохладная ласка,
И щеки пылают в счастливой тревоге.
Расхлябанный «газик» — смешная коляска —
Несется по старой Смоленской дороге.
Летят, как в кино, перелески, пригорки,
И Леля бодрится: — Держись, не теряйся!

И вдруг, словно книга ожившая, Горький
Стоит на высокой открытой террасе.
Он в сером костюме, немного сутулый,
Рукою приветливо машет девочкам.
Усы они видят, и острые скулы,
И чистые искорки глаз грустноватых.
Над пепельным ежиком выются несмело
Табачного дыма прозрачные нити:
— Приехали! Я оторвал вас от дела?
Но вы уж меня, старика, извините! —
Тут Леля, как выстрелом, бахнула сразу
Еще из Москвы припасенную фразу:
— Мы прибыли к вам с комсомольским приветом,
Вы наш Буревестник! — Но Горький при этом
Такую гримасу соорил, что Леле
Пришлось перестраиваться поневоле.
А Горький сказал: — Вы живете по планам,
И план нашей встречи я так намечаю:
Я вас познакомлю с Роменом Ролланом,
Потом посудачим немного за чаем,
Потом погуляем... Согласны, девицы?
(Но слово «девицы» звучало как «дети».)
Тут вышел навстречу старик тонколицый
И подал им руку в крахмальной манжете.
Хозяин подвинул плетеные кресла,
На стол положил он рабочие руки.
Расселись, и сразу неловкость исчезла.

И Леля, прильнув на мгновенье к подруге,
Скороговоркою ей прошептала:
— Ой, Маша, Роллана-то я не читала!

А Горький в мундштук заложил папиросу.
Как солнце сквозь дым, нашу жизнь осветили
Раздумьем пронизанные вопросы:
— Как будете жить? Как живете? Как жили? —
И девушки стали рассказывать бойко
О том, как трудна была первая сбойка,
О том, как пловун отжимают в кессоне...

И видели ошеломленные гости,
Что Горький их жизни кладет на ладони
И словно сгребает в могучие горсти.
— А как у вас дружат, встречаются, любят? —
Спросил он у Маши. Но вместо ответа
Призналась девчонка, что в аэроклубе
Летать она учится целое лето
И завтра ей прыгать. Конечно, впервые!
Бойтся ль? — Не очень! Ну, самую малость...

— Да, девушки, вижу, что вы боевые,
И много вам счастья на долю досталось!

И Горький задорно взглянул на Роллана,
Как будто отец, представляющий дочек,
И хмыкнул неловко, достав из кармана
Батистовый, в крупную клетку, платочек.

Накинув крылатку со львами из меди,
Роллан оставался бесстрастен и бледен.
Душа, очарованная навеки,
Что видел он в образе девушек наших:
Аннету Ривьер или новые реки?
Не знали об этом ни Леля, ни Маша.

Заранее кем-то был хворост подобран
И сложен в чащобе старинного парка.
И Горький, склонившись с улыбкою доброй,
Костер распалил, небольшой и неяркий.

Вокруг разместились хозяин и гости,
И каждый читал по-особому пламя,
Оно то суставы ломало со злостью,
То рдело цветочными лепестками.
Быть может, Роллану, укрытому тенью
Спокойной и чистой печали,

Как зримая музыка, эти сплетенья
Симфонией нового мира звучали?
Что Леля в извивах костра находила?
Одно лишь сиянье, одно лишь горенье
Открытой души своего бригадира,
А с ним и всего поколенья.
А Маша?.. Зачем она в пламя смотрела?
Не стоило этого делать, быть может...
Зеленая ветка в костер залетела
И вспыхнула тоже.

...И Горький шепнул: — Я решил почему-то,
Что вы оробели, смутились вначале,
И стал ваш рассказ о прыжке с парашютом
Неточным: небось, о любви умолчали? —
Откуда он знает? И девушка сразу
Поведала Горькому в светлом восторге
О Славе Уфимцеве синеглазом,
Красавце, проходчике и комсорге.

Ах, Слава Уфимцев! Когда бы ты слышал
Признания эти! В земные высоты
Взлетел бы ты сердцем, наверное выше
Предела, что могут достичь самолеты.

Вились над костром золотые извивы,
Сливаясь с вечерним сиянием зорьки.
И Леля поглядывала ревниво:
О чем это шепчутся Маша и Горький?
Однако к концу подходила беседа.
— Друзья! Расставаться не хочется с вами.
На шахту я к вам непременно приеду,
Хотя поругаться придется с врачами. —
А Маше шепнул: — Разговор между нами,
Я в этих делах молчаливей могилы.

В костре пробежало по веточкам пламя,
Темнея, теряя последние силы.

Как жаль, что так быстро окончилась сказка!..
И лица подружек задумчиво-строги.
Расхлябанный «газик» — смешная коляска —
Несется в Москву по Смоленской дороге.

СОЛЬ

Во всех морях, как правило,
Валы всегда горчат.
Недаром нынче славить нам
Эльтон и Баскунчак.

Нас истомила жажда.
Причина тут ясна:
Недаром соль у каждого
В крови растворена.

Над преснотою мира
Ты, соль, сверкни, когда
На остриях градирен
Разодрана вода,

Чтоб жизнь была нам краше,
И чтоб остра, как боль,
Чтоб вечно в жилах наших
Свирепствовала соль.

В градириях ветер примется
Свистать... он будет прав,
Всю пресноту, все примеси
Водой отмежевав.

Ровней ложитесь, кубики,
Приподнимайся, соль!
Ты будешь по Республике
И отзыв и пароль.

Мы соль земли, мы вкус земли...
Спрессованы в пласты,

И мы мириться не могли
С позором пресноты.

Другой пример не същем,
Он горек, свеж, и зол...
И взболтан, и насыщен,
И выварен рассол.

1928

СНЕГИРЕК

Над землянкой сосна вековая,
Артогнем перепаханный лог,
А на ветке сосны, распевая,
Красногрудый сидит снегирек.

Весь он алого пуха комочек,
Весь он рдеет в морозном огне,
Улыбнулся боец-пулеметчик,
Душу тронула песня и мне.

Звук протяжный, задумчивый, милый
Чутким слухом прилежно ловлю,
Ах, с какою внезапною силой
В сердце хлынуло все, что люблю.

Над землянкой сосна вековая,
Артогнем перепаханный лог,
Что сулишь ты нам в песне, не знаю,
Но спасибо тебе, снегирек!

1940

КАМЕНЬ

Он выщерблен ветром,
Облизан метелью,
Он голый и синий, как лед.
Все камень да камень,
Он был нам постелью
Средь этих полярных широт.

Все камень да камень,
От Западной Лицы
До моря лишь камни видны.

Ни дома, ни дыма,
Ни зверя, ни птицы,
Куда ни взгляни — валуны.

Из них мы себе
Воздвигали жилище.
А с полюса хлынет зима —
И выюга заплачет,
Застонет, засвищет,
И стужа нагрянет и тьма.

Но градом по камню
Ударили пули,
От грома качнулась гора,
Мы с камня поднялись,
По камню шагнули,
Когда нам настала пора.

Об этом словами
Не скажешь сегодня,
Об этом лишь буря гремит.

И те, кто остались
В той преисподней,
Не в землю легли,
А в гранит.

Его мы запомним
В краю невеселом:
Блестит он в полярной ночи,—
Все камень да камень,
Холодный и голый...
— Мы тверже, чем камень,
Молчи!

1944

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Вся в багрянце сияет полночная высь,
В красоте несказанной и строгой.
Столько было огня на земле, что зажглись
Небеса и погаснуть не могут.

Словно там, в вышине,— разгорается бой,
Польхая то ярче, то глуше.
И живут продолжением жизни земной
С честью павших бессмертные души.

Это вечная почеть героям горит
Над полярною тундрой глухою,
Это — небо земли отраженье хранит
И гордится отвагой земною.

1945

ПОДАРОК БОЙЦА

I

Комната Ленина в Смольном
Помнит былые года.
Молча, с волнением невольным
Каждый вступает сюда.

Сердцем становится чище,
Здесь побывав, человек.
Это простое жилище
Ты не забудешь вовек.

Стулья в чехлах полотняных,
Коврик потертый для ног,
И за окошком туманный,
Наш, ленинградский денек...

Комнату эту не тесной
Ленин для жизни считал.
Рядом с кроватью железной
Кресло, в котором читал.

С яркой каймою дорожка,
Чтобы не пачкался пол,
Старый диван у окошка,
С лампою письменный стол.

Да над окном драпировка —
Дуло зимой от него —
Вот вам и вся обстановка,
Лишнего нет ничего...

Это убранство простое —
Ленинской жизни черты.
Ленина сердце живое
Сердцем почувствуешь ты!

Все в этой комнате скромной
Нам о родном говорит...
В рамке ореховой темной
Зеркальце Крупской висит.

II

Надежде Константиновне в подарок
Красноармеец зеркальце принес.
Как этот миг сердечен был и жарок,
И как солдат был искренен и прост!

Стоял он в серой латаной шинели.
В руке ружье — оружие бойца,
Но с каждым словом сказанным светлели
Черты его сурового лица.

— Надежда Константиновна, простите, —
Сказал солдат, — прощанья краток час.
От всех бойцов подарок наш примите,
Мы знаем: нету зеркальца у вас.

Так пусть оно не забывать поможет
О чувствах тех, сильнее которых нет,
О том, что весь наш полк забыть не сможет
И слово Ильича и ваш привет.

Над нами тьма как будто поредела,
Скорее бы в родной вернуться дом,
Но, если революция велела,
Сначала мы ее врагов добьем.

Опять гудит, бушует непогода,
Опять враги грозят родной стране.
Берег я это зеркальце в походах,
На вашей пусть висит оно стене.

Идем на фронт, и с Лениным проститься
Хотели бы товарищи мои...

Всего один подарок здесь хранится,
Но сколько в нем твоей, народ, любви!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ

На траве степной душистой
лежал убитый партизан.
На траве степной душистой
лежал убитый партизан...

Вот и конь его пасется,
черным ухом шевелит.
Мертвый конник не проснется,
смерть подняться не велит...

В головах сидела мать...
Только солнце подымалось.
Бедной матери казалось,—
завалился парень спать.

Вот проснется, повернется,
станет руки подымать...

Ходят мухи синей стаей
по небритому лицу.
Бродят мухи, спать мешают,
не дают уснуть бойцу...
— Аа-а.

Аа-а.
Колька, спи!
Коленька!
А ведь был ты голенький...

Мать в корытце купала,—
расти, расти большой,—
головку поливала
тепленькой водой...

Аа-а!
Аа-а!
Идет курица ряба,
идет курица ряба,
перешиблена нога...

А я в людях жила,
на соломе спала —
ой, постель жестка
возле дымного шестка.
Мое время шло,
меня солнце жгло.
А я в поле была,
а я сено гребла,
полюбилась молодцу —
твоему отцу...

Горит трава, зеленый шелк,—
берут отца в сибирский полк.
Ах, вот он труд солдатский, горький —
страдательное ремесло.
Из-за сопки, да из-за горки
тятке пулю принесло...

Сердце билось, становилось.
Я у почты повалилась, —
моя зорька закатилась
за японский океан...
На степной траве душистой
лежал убитый партизан...

1933

ДАВАЙ ЗАКУРИМ!

Теплый ветер дует. Развезло дороги,
И на Южном фронте оттепель опять.
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге,—
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь
Когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,

И тебя — за то,
Что дал мне закурить...
Давай закурим
По одной!
Давай закурим,
Товарищ мой!..

Снова нас Одесса встретит как хозяев,
Звезды Черноморья будут нам сиять.
Славную Каховку, город Николаев, —
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь
Когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя — за то,
Что дал мне закурить...
Давай закурим
По одной!
Давай закурим,
Товарищ мой!..

А когда врагов не будет и в помине
И к своим любимым мы придем опять,
Вспомним, как на запад шли по Украине, —
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь
Когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя — за то,
Что дал мне закурить...
Давай закурим
По одной!
Давай закурим,
Товарищ мой!..

1941

ЗАСТОЛЬНАЯ

Вешний ручей был со мною в бою.
Желтый листок был со мною в бою.
И травинка была со мной в бою.
И снежинка была со мной в бою.

У кого неполон стакан — налью:
выпьем за всех, кто был в бою!
Выпьем за все, что было в бою!
Выпьем за победу свою!..

Вешний ручей шумел между выстрелов.
Желтый лист падал после осколков.
И травинка росла на бруствере.
И снежинка таяла на штыке.

У кого неполон стакан — долью...

Вешний ручей высох в траншее.
Лист унесло взрывной волной.
Травинку в бруствер танк втоптал.
А снежинка растаяла на штыке.

Выпьем за всех, кто был в бою!

Но весна-то была на войне у нас.
И лето было на фронте у нас.
И осень была на войне у нас.
И зима была на войне у нас.

Выпьем за все, что было в бою!..

Закипала и стыла солдатская кровь.
Выгорала и крылась инеем бровь.
С миром сейчас мы идем в свой дом.
Мир идет своим чередом.

У кого неполон стакан — дольем!
Выпьем за тех, кто идет в свой дом!
Выпьем за все, что идет чередом!
Выпьем
и снова нальем!

СОЛДАТ МЕЧТАЛ

Тепла выпрашивала кровь,—
солдат мечтал о кружке чая:
все позабыл, о ней мечтая,
куда там первая любовь!
— За лошадь,— вспомнил он,—

однажды

полцарства царь сулил в бою.
Я — царь природы, и от жажды
за чай все царство отдаю.
Все, сколько есть его:

с дождями,
с травой увядшей и сырой,
с пристреленными лошадьми,
с глубокой грязной колеей...
Деревню взяли. Перестрелка
все глуше. Самовар поет.
Чай на столе. Свершилась сделка:
солдат — не царь. Зато он пьет!
А месяц, тучи растолкав,
сквозь мокрый тополь в окна глянет,
и вдруг — задумчив и лукав —
лучом солдата за рукав
берет и тянет,

тянет,

тянет...

1946

* * *

Я достоверно знаю сам:
Один лишь малый уголочек
Задет полетом этих строчек —
Одно село среди многих прочих
Открылось вдруг моим глазам.
И то не вдруг. За книгой годы
Военных бурь и мирных дел.
Я это пиршество природы
Из щели танка рассмотрел,
И по приказу помкомвзвода
Взял на прицел и под обстрел:
И то не я. Мой друг в пилотке
С табачной желтизной в усах
И копотью на подбородке.

Я посвящаю эти строки
Тебе, товарищ Дигусар.

Не откажись принять их в дар,
Герой советских Дубосар,
Передовик колхозной стройки.
Не забывай, что мы с тобой
Сдружились в первый год военный,
Сдружились дружбой откровенной,
Несокрушимой, неизменной,—
Солдатской дружбой фронтовой.
Тогда, товарищ незабвенный,
В морозный лунный час ночной
Нас подружил припев простой,
Спросонок выдуманный мной:
«Давай, закурим по одной!»
Ты эту песенку мою,
Возможно, повторял в бою.

И ты прошел огонь и воду,
И в медных трубах не застрял.
Солдат всегда служил народу —
Народ солдату доверял
Свое добро, свою свободу.
И ты доверье оправдал.
Тогда взрывал, теперь построил.
Чего не знал — теперь освоил.
Послала партия в село —
И тут у воина пошло:
Ты строишь клуб, пруды копаешь,
Сажаешь лес, проводишь свет,
И побеждаешь, наступаешь—
Твоим псбедам счету нет!

1954

* * *

Из объятых пламенем хлебов
С криком вылетали перепелки,
И впивались в мякоть кавунов
Минные горячие осколки.

«Юнкерсы» на бреющем лету
Дымным громом землю обдавали,
Рослые подсолнухи в цвету
Молча, как солдаты, умирали...

.
И вздохнул баян в тени садов,
Запеваает скрипка о походах,
И выдавший виды рыболов
Снова сеть раскинул в синих водах.

Погляди — свиарка боровку
Пойло льет в заржавленную каску,
Дед Ион подходит к погребку,
Не боясь нарваться на фугаску.

Дети смотрят вслед грузовику,
Что везет артистов на собрание.
Вот скользят неслышно по песку
Девушки на раннее свиданье.

Вот садится за изгиб Днестра
Розовое мирное светило,
И солдату в сумерках двора
Все знакомо, дорого и мило.

1954

РОДИНЕ

(Надпись на книге)

Трижды яблоки попевали.
И, пока я искал слова,
Трижды жатву с полей собирали
И в четвертый всходит
Трава.

Но не только сапог каблуками
Я к земле прикасался
И жил
Не с бумагами да пузырьками
Черных, синих и красных чернил!

Но, певец твой, я хлеба и крова
Добивался всегда не стихом,
И умру я в бою
Не от слова,
Материнским клянусь молоком.

Да пройду я веселым шагом,
Ненавистный лжецам и скрягам,
Славя яблоко над землей,

Тонкой красной материи флагом
Защищенный, как толстой стеной.

1936

ДВЕРИ НАСТЕЖЬ

Отворила девушка окно,
В целый мир распахнуто оно,—
Стекол между нами больше нет.
Сквозь цветы и листья вижу я:
Краснощекая сидит семья.
В комнате гитара. Хохот, свет.

Эти люди незнакомы мне.
Но изображенья на стене —
Моря, винограда, кузнецов —
Говорят:
— Здесь сильная семья.
И ее судьба — судьба твоя,
Самовар и для тебя готов.

Что мешает мне пойти вперед?
Как сверкает лестницы пролет!
Почему бы в дверь не постучать?
Что же стало на моем пути?
Почему мне в двери не войти,
Сесть за стол и тоже хохотать,
Будто мы знакомы с давних лет?
Что с того, что я им не сосед!

Я всегда молился на друзей,
На сердца, на руки их, на рот.
...Как сверкает лестницы пролет!
Эй, хозяйка,
Открывай скорей!

1936

МОЯ ФОТОГРАФИЯ

На фотографии мужчина снят.
Вокруг него растения торчат,
Вокруг него разросся молочай —
И больше ничего... Безлюдный край!
И больше ничего, как будто он
И вправду под капустою рожден...

Я с удивлением гляжу на свой портрет:
Черты похожи, а меня и нет!
Со мной на фотографии моей
Должна бы сняться тысяча людей,
Людей, составивших мою семью.

Пусть мать качает колыбель мою!
Пускай доярки с молоком стоят,
Которое я выпил год назад,
Оно белело, чисто и светло,
Оно когда-то жизнь мою спасло.

Матрос огромный, с марлей на виске,
Качающийся на грузовике
В гробу открытом лунной ночью... Он
Сошел на землю охранять мой сон,
Акацию и школьную скамью —
И навсегда вошел в мою семью.

А где-то сзади моего лица
Найдется место и для подлеца,
Чей прах в земле — и тот враждебен мне:
Явись, Деникин, тенью на стене!

Торговка Марья станет в уголке, —
Купоны, боны, кроны в кошельке, —
Рука воровки тянется к плодам...
Я враг скупцам, лжецам и торгашам!

Со мною должен сняться и солдат,
Мной встреченный семнадцать лет назад.
(Такое шло сиянье по волне,
Что стыдно было плюнуть в воду мне).
Солдат французский в куртке голубой,
Который дыню поделил со мной,
Почуяв мальчика голодный взгляд...
Шумело море... Где же ты, солдат?
Забыв твои глаза, улыбку, рот —
Я полюбил всей Франции народ.

Так я пишу. И предо мной портрет, —
Ему уже конца и края нет:
Явитесь, хохоча и говоря,
Матросы, прачки, швеи, слесаря.
Без вас меня не радует портрет:
Как будто бы руки иль глаза нет.

Учителя, любившие меня!
Прохожие, дававшие огня!

Со мною вы. Без вас, мои друзья, —
Что стоит фотография моя!

СМОТРИТЕЛЮ ДОМА

Если постучится у ворот —
От ветров и солнца темнокожий —
С книжкой моих стихов прохожий,
Спрашивая громко:
— Тут живет
Человек, который всюду
Славить будет землю и людей
На земле трудящихся, —
Покуда
Не земля — на нем,
А он — на ней;
И который, хоть писал годами,
Обыскав карманы брюк своих, —
Вытащит не кошелек с деньгами,
Только сильных две руки мужских;
И не птичьим посвистом гордится, —
Яблоком, киркой в руках людей,
Потому что больше пеня птицы
Любит смех и голоса друзей,
И затем лишь и живет на свете?.

Увидав в моем окошке свет,
Вы тому товарищу ответьте:
— В этом доме есть такой поэт.

1936

ПРИГЛАШЕНИЕ В ТУРКМЕНИЮ

Ты ведь слышал о солнце песчаной страны,
О просторах в горючей тиши...
Там, как всюду, умелые люди нужны.
Приезжай, приезжай! Поспеши.

Если дан тебе с детства торжественный дар
Крепко строить дома для людей,
То есть если ты каменщик, плотник, маляр, —
Приезжай! Приезжай поскорей.

Если ты полюбил и коня и овцу
Так, что дружат с тобою стада,
А телята бегут словно дети к отцу, —
Зоотехник, пожалуй сюда!

Если в книгах прочел и узнал от людей
Тайны светлого ты ремесла,

Что спасает людей от ненужных смертей
И здоровье вдувает в тела,
То есть если ты фельдшер, а может быть, врач,
Приезжай поскорее! Мы ждем!

...Пусть воды маловато и воздух горяч,—
Ничего! Ты узнаешь потом
Всю страну, где акация трижды цветет,
Долог день, ночь светла и мала.
А колючки, конечно, не розы...
Но мед
И в колючках находит пчела.

Ты присядешь, как равный, к любому котлу, —
Всюду знание почетно и труд.
И полюбят тебя. И в твою пиалу,
Что захочешь, того и нальют.

Дни пойдут... И когда, вечерами, из мглы
Вдруг по воздуху перед тобой
Поплывут позабытые хата, волны,
Горицвет и горошек степной,—
Будет совесть твоя и ясна и чиста.

Хоть слезою глаза заблестят,
С благодарностью вспомнишь родные места,
Но уже не захочешь назад.

1938

РАБОТНИКИ ПЕРЕПИСИ

... В труднодоступные районы
Центральных Кара-Кумов досрочно по-
сланы работники переписи.

(Газета «Туркменская искра»)

Они уже пятнадцать дней назад
Покинули столицу Ашхабад,—
Пятнадцать дней пустыни и пути.

Им полагалось в списки занести,
Им разыскать велели всех людей,
Что родились в песках
От матерей,
Родившихся в песках,

А потому —
Живут в пустыне, как в большом доме.
Их возраст, средства жизни, имена
Хотела знать Советская страна.

О том, проштемпелеван и цветист,
Всем встречным говорил бумажный лист,—
Командировка — попросту сказать,
На ней стояла круглая печать,
Где молот скрещивается с серпом,
А солнце озаряет их лучом.

Три счетчика пятнадцать дней назад
Покинули столицу Ашхабад.

Порой раскачивала их арба,
Порой — волна верблюжьего горба.
Пустынный мир являлся каждый час:
Джейраны попадались им не раз,
Пустынный ворон посылал привет,
И ящерица им глядела вслед,
И тени рыб мелькали в мути рек...

Но им был нужен только человек.

Да! Только к человеку шли они.
Людей, людей искали в эти дни
По всем дорогам (там, где нет дорог,
Брели по следу человеческих ног,
На отзвук песни, запахи костра,
На лай собаки, звездный свет шатра).

Они шагали по путям людским,
Скорбя о мертвых, радуясь живым.

И всюду были куполы шатров,
И женщины варили жаркий плов.
Хозяин разливал верблюжий чал,
Потом приезжим имя открывал
И место, где его родила мать...
И были все горды:
Ведь важно знать,
Что широка страна, велик народ,
Но каждое людское сердце —
В счет.

1939

ВАЛЕНТИН

(Из поэмы)

1

Ты рожден. Все слепяще и ново.
Есть глаза,
Но мешаются тени и свет.
Есть язык, но не высказать слова.
Есть и ноги и руки,
А силы в них нет.

Что кричишь ты? Никто не узнаст...
Громче, громче!
И вдруг — бесконечно легко:
Что-то близится, рот закрывает.
Тише...
Сладко коснулось тебя молоко.

А порой колыханье, журчанье...
Ты рванешься, забьешься
И все-таки ты
В этой маленькой цинковой ванне
Примешь заповедь нашу
Людской чистоты.

Вот исчезли горячие струи,
Ты дрожишь в полотенцах,
Ресницы смежив,
Губы выпятил, как в поцелуе.
Я стою над тобою.
«Ты с нами!
Ты жив».

Разговоров уже не вести нам —
«Сколько будет их:
Двое или один?
Ольгою назовем? Валентином?
А по-моему, дочь.
А по-твоему?» — «Сын».

Покупая до срока пеленки,
Неизвестную тяжесть
Впервые неся,
Мать — она не хотела девчонки —
Почему-то хотела,
Чтоб сын родился.

.

За июльской ольхой, за сосною
 Нам с тобой
 И не увидеть из окна
 Все зеленое, голубое,
 Многолюдное, круглое...
 Спи. Тишина.

Ты не слышишь гудение пара.
 Это поезд ведут
 Две людские руки.
 А за ним барабанов удары:
 Бьют дубовыми молотами
 Мостовщики,

Чуть примолкнут — в траве оживает
 Жизни малое воинство,
 Жук и пчела:
 Человеческий слух различает
 Прорубанье, копанье,
 Шорох сверла.

В небе — гул заводской: самолеты!
 Нам не надо покоя!
 Покоя и нет.
 В этот мир многорукой работы
 Ты войдешь
 Через двадцать, наверное, лет.

Спи, пока от работы в сторонке.
 Отлежишься
 В пеленочном узком тепле,
 Мы научим кривые ножонки
 Неустанно и прямо
 Шагать по земле.

...Мозг затеплится по-человечьи,
 За отцом повторишь ты
 (Как эхо вдали!)
 Буквы всюду прославленной речи,
 Пред которой
 За морем дрожат короли.

— Привыкай. Упивайся вначале
 Сонной белою каплей, —
 Шепчу я любя. —
 Девять месяцев мы ожидали
 Ведь недаром тебя,
 Мы хотели тебя!

Девять месяцев ожидания!
 ...Осень (держатся слабо
 На ветках плоды...)
 ...Вот январь (белизна и мельканье).
 ...Май (и травы
 И вечная песня воды!).

Девять месяцев мчался по кругу
 Шар земной,
 А на нем уносило и нас.
 Я украдкой глядел на подругу
 И увидел:
 Не та она стала сейчас.

Гребень, пудра, флаконов мерцанье —
 Все, как прежде, на столике.
 Даже сильнее
 Стало женское это желанье —
 Быть как можно моложе,
 Красивей, стройней.

Украшалась лентой, браслетом
 И подолгу причесывалась
 По утрам.
 А уж новым загадочным светом
 Тихий луч
 Подымался от сердца к глазам.

И светила в них не забота
 О корзинах, о доме,
 Не боли в крестце.
 Величавое, легкое что-то
 Загоралось
 В ее потемневшем лице.

Это зрела великая сила,
 За которую —
 Юность не жалко отдать.

Это Девочка уходила
 В тихий мир фотографий.
 Являлась Мать.

Клава! В нашем зеленом альбоме
 Есть одна фотокарточка:
 ...Кажется, сад

(Иль обои цветочные в доме),
Вкруг большого мяча
Пионерки сидят.
Лет по десять вихрастым девчонкам.
Схожи галстуки.

Детски-улыбчивы рты...
Мать, несущая миру ребенка!
Разве та тонкорукая девочка —
Ты?

4

Ну, а я? Ведь и сам я порою
Видел: новое сердце
Вошло в мою грудь.
Каждой женщине, встреченной мною,
Уступаю любовней
На улицах путь.

Каждый лист, повернувшийся к свету,
Все живущее —
Кровь оживляет мою.
Не глазами — всем телом планету
Ощущаю, как солнце, теперь —
И люблю.

Все мне стало родней и знакомей.
Стали зорче глаза мои,
Тверже слова.
И заботой о хлебе, о доме
Наконец-то наполнилась
Голова.

Что тут скажешь?.. И в радостной дрожи
Я сказал,
Приоткрыв, как при пении, рот:
— Эй, мальчишество! Юность! Ну что же...
Ты уходишь?
Прощай. До свиданья.

Ну вот,
Все прощай: торопливые речи,
Впопыхах необдуманные слова,
Беспокойство и узкие плечи...
Понемногу яснее
Моя голова.

.....

.
 ...Человечек под кисеею,
 Ты узнаёшь:
 Не мне одному ты родня,—
 Миллионы своею семьею
 Назовешь ты...
 Но ты ведь не слышишь меня,
 Ты, вбирающий соску-пустышку,
 Неподвижный лицом,
 Разрумяненный сном...
 Сероглазого коротышку
 Не увижу,
 Как сверстника, я за столом.

Разом станем —
 Он юношей, я стариком.

Дети, дети! Пока вырастаем,
 Все мелькает, мелькает:
 Фигуры людей,
 Птиц, деревьев... И долго не знаем
 Ни отца мы,
 Ни матери даже своей.
 И потом лишь, как станем мужчины,
 Мы отца с благодарностью видим
 И мать.
 Да... Но их исказили морщины
 И седины,
 И трудно уже угадать,
 Что чудесница, давшая право
 Тут родиться,
 Где люди, и солнце, и мгла,
 Море, звезды, высокие травы,—
 Что тогда она
 Девочкою была.
 Что и тот, от кого переняли
 Мы походку, и голос,
 И мужества пыл,
 Он (отец наш!) в далеком начале
 (В год рождения нашего!) —
 Юношей был.

Что сказать? Мне бы просто хотелось,
 Чтобы меж Валентином,
 И мной, и женой
 Не распалась бы юности целость, —

Чтоб не даром дышали
Под крышей одной,
Чтобы зажили сердцем единым!

Что — года!
Ведь не сам же себя человек
Разукрашивает в седины!
...Я стремился к друзьям,
Неподкупным навек.

С детства жил я своими трудами,
Если ж надобны годы
Забот и труда,
Чтоб родить и своими руками
Друга вырастить, —
Что же, потратим года!

6

...Дни промчатся. И станет он взрослым,
Посмотрев на черты
Молодого лица,
Люди скажут: глазами и носом
Валентин так похож
На меня — на отца.

Что ж, отрадно подумать заранее,
Что мелькнет
И в сиянье далекого дня
Головы моей очертанье...

Да, но будет ли мальчик
Похож на меня?

Много ль общего будет меж нами?
Ну, того, что сближает
Сильнее, чем кровь,
Что не меряют носами иль ртами...
Новый житель!
В тебе повторится ли вновь
Вся любовь моя к этой планете
И любовь к человеку,
К нему одному?
Что сулит тебе это столетье?
Ты родился на свет

В подмосковном доме,—
За тебя мне бояться не надо,—
В мире вольном
Шахтеров, литейщиков, швей.
(Пусть боится японский микадо
Иль английский король
За своих сыновей.)

Ты не будешь владеть одиноко
Ни стадами скота,
Ни водой, ни землей.
Но земля, округлившись широко,
Как и с каждым работником,
Будет с тобой.

Что мудрить над твоею судьбою?
Так живи, Валентин,
На просторах земли,
Чтобы люди дружили с тобою,
Чтобы вместе...
Чтоб жить без тебя не могли!

Помни, Валя: за волком — волчица
И цыплята бегут
За наседкой всегда.
Но сердцами — не кровью — родниться
Могут только работники,
Люди труда.

Может быть, не минет тебя горе.
Может, даже
Слезой затуманится глаз...
Но ведь будут и радости...
Вскоре
Засверкают глаза твои.
Сын мой! Не раз
Ты воздашь благодарную славу
Той, что мыла, кормила,
Держала в тепле
И дала тебе долгое право
Меж людьми человеком
Пожить на земле.

Мать! Пока сохранится на свете
Нежность в теле ее
И глоток молока,
И в любви зачинаются дети,—
Смерть над жизнью
Не властна наверняка.

В час, когда зародилось круженье,
Вышло солнце,
Земля из туманов всплыла,—
Ведь сначала явилось рожденье,
И не первую смерть
На планету пришла!

Всех нас долго держали у груди.
Всех с любовью и верой
Несли на руках.
Все живые и сильные люди,
Славьте мать человека!
Да будет так.

1939—1940

ГОЛУБЬ МОЕГО ДЕТСТВА

Прямо с лёта, прямо с хода,
поражая опереньем,
словно вестник от восхода,
он летит в стихотворенье.

Он такой, что не обидит,
он такой, что видит место,—
он находит для насеста
самый лучший мой эпитет.
И ворчит, и колобродит,
и хвостом широким водит,
и сверкает до озноба
всеми радугами зоба.
Мне бы надо затвориться,
не пускать балунью-птицу,
но я так скажу: ни разу
птицам не было отказу!
С милым гостем по соседству
любо сердцу и перу!..

Встань, далекий образ детства,
белый голубь на ветру.
...Было за полдень. В ограду
на саврасом жеребце
въехал всадник с мутным взглядом
на обветренном лице.
Всадник спешился. Оставил
у поленницы коня
и усталый шаг направил
сразу прямо на меня.

И, оправя лопотину ¹,
он такую начал речь:
«Понимаешь, парень, в спину
угодила мне картечь.
Понимаешь... мне того...
Плоховато малость.
Понимаешь... жить всего
ерунду осталось.
Воевал я не за этим!..»
Он придвинулся ко мне,
и я в ужасе заметил
кровь на раненой спине.
Я — от страха в палисадник,
пал в крыжовник и реву...

Только вижу: бледный всадник
опустился на траву.
Только вижу, как баранья
шапка валится на чуб,
только слышу, как страданья
улетают тихо с губ.
Мне, конечно, стало горько,
стало тягостно до слез —
я к нему из-за пригорка,
побеждая страх, пополз.
«Понимаю, — говорю, —
понимаю дюже...
Может, спину, — говорю, —
затянуть потуже?
Понимаю, — говорю —
но куда ж деваться?»
(Говорю, а сам горю —
не могу сдержаться.)

Теребя траву руками,
всадник веки опустил
и, тяжелую, как камень,
чуя смерть, заговорил:
«Ты челдон, и я челдон.
Оба мы челдоны...
Положи свою ладонь
на мои ладони.
Слышишь, сполохи гудут
по всему заречью —
беяки по нашим бьют
рассыпной картечью.

¹ Л о п о т и н а — по-сибирски: верхняя одежда.

На семнадцать верст окрест
белые в селеньях,
так что, кроме этих мест,
нашим нет спасенья.
Я, родной мой, прискакал
на заимку эту,
чтобы дать своим сигнал,
если белых нету.
Мы бы стали по врагу
бить из-за прикрытья...
Понимаешь, не могу
дальше говорить я».

Было душно. К придорожью
медом веяло с гречих.
Всадник вздрогнул страшной дрожью,
отвернулся — и затих.

Я, конечно, пónял сразу
то, что он не досказал.
И решил как по приказу:
надо выбросить сигнал!
Я — домой. Комод у входа.
Открываю я комод!
Вижу: в ящиках комода —
свалка, черт не разберет!
В верхнем пусто. В среднем тесно.
В нижнем? В ворохе тряпья
теткин шелковый воскресный
полушалок вижу я!
Мне не жалко полушалка —
разрываю пополам!
Полушалка мне не жалко...
На чердак бегу. А там
со своей подругой вместе,
боевой и злой на вид,
на березовом насесте
голубь мраморный сидит!
«Что ж! — кричу, — послужим, дядя!
Повоюем на лету!»
И, багровый клочок прилядя
к голубиному хвосту,
я свищу: «Вали на волю!»

И пошел винтить трубач
по воздушному по полю
по кривой рывками вскачь!

То петлями, то кругами,
то в разлете холостом!
И багровый шелк, как пламя,
За его густым хвостом.
То на выпад, то на спинку,
то как ястреб от ворон!..

Вихрем прибыл на заимку
партизанский эскадрон.

Солнце падало. Смеркалось.
Скрылись белые за мыс.
Восемь раз разбить пытались —
восемь раз стекали вниз.
Над заимкой тучи плыли.
У заката на виду
люди всадника зарыли
под калиною в саду.
И поставили подсолнух
у него над головой.
И не дрогнул тот подсолнух
и стоял, как часовой.
А когда дневное лихо
заступили тьма и тишь,
эскадрон ушел по тихой
дальним бродом за Иртыш.
И не мог я наглядеться
На подсолнух ввечеру.

О далекий образ детства —
белый голубь на ветру!

1934

ПРЯМЫЕ УЛИЦЫ КУРГАНА

Сестре Марии

Кургана улицы прямые!
Увидев вновь вас, понял я
с особой ясностью впервые,
что это родина моя.
Все тот же дом последний с края,
все та же верба сторожит.
Здесь дым младенчества витает
и прах родительский лежит.

Босыми шлепая ногами
по теплой пыли городской,
я здесь пронес сиротства камень
и холодок любви мирской.
Но я ничуть не укоряю
ни мрак нужды, ни холод зим,—
я все теперь благословляю
и все считаю дорогим.
Здесь знаю я любые вышки,
любой забор, любой квартал,
здесь я читал еще не книжки,
а только вывески читал.
Я здесь могу найти вслепую
любое прясло с деревцом,
любую лесенку, любую
калитку с кованым крыльцом.
Здесь дождевой порою вешней
на толстых сучьях тополей
крепил я легкие скворешни,
гонял со свистом голубей.
Да, я люблю любовью давней,
без всякой ложной похвальбы
и эти створчатые ставни,
и телеграфные столбы,
и крыш убранство жестяное,
и звон бубенчиков в ночи,
и в небо ввинченный ночное
бурав пожарной каланчи
Прямые улицы Кургана!
Я вновь и вновь на вас смотрю
и говорю вам без обмана,
как сестрам брат, вам говорю:
хотя внезапная разлука
и разделила вас со мной,
мне не забыть родного звука,
метели посвист ледяной.
И если есть во мне хоть малость
того, что следует беречь,—
так это ваша власть сказалась
и отложилась ваша речь.
И если ярость азиата
во мне, как брага, разлита,—
так эта ваша виновата
сквозная даль и прямота.

Курган, 1946

ДОРОЖНАЯ

Лучами красит солнышко
стальное полотно.
Без устали, без устали
смотрю, смотрю в окно.
Леса, равнины русские,
пригорки да кусты,
платформы деревянные,
железные мосты.

Любимая, знакомая,
зеленая, бескрайная
земля родная — Родина!
Привольное житье.
Эх, сколько мною езжено,
эх, сколько мною видено,
эх, сколько мною пройдено,—
и все вокруг мое!

То фабрика кирпичная —
высокая труба,
то хата побеленная,
то в поле молотья.
И все-то сердцу дорого,
и нет версты такой,
поселка или города,
чтоб был тебе чужой.

Уже роса за стеклами,
уже видать луну,
а я стою прикованный
к вагонному окну.
Уже пора освещивать
ночному фонарю,
а я гляжу на сумерки
и тихо говорю:

Любимая, знакомая,
зеленая, бескрайная
земля родная — Родина!
Привольное житье.
Эх, сколько мною езжено,
эх, сколько мною видено,
эх, сколько мною пройдено,—
и все вокруг мое!

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Я помню, ранило березу
осколком бомбы на заре.
Студеный сок бежал, как слезы,
по изувеченной коре.

За лесом пушки грохотали,
клубился дым пороховой.
Но мы столицу отстояли,
спасли березу под Москвой.

И рано-раненько весной
береза белая опять
оделась новой листвою
и стала землю украшать.

И с той поры на все угрозы
мы неизменно говорим:
родную русскую березу
в обиду больше не дадим!

1951

ПЕРВЫЙ В МИРЕ

(Из поэмы)

В окрестностях Питера, в Красном Селе,
в июле, в отменно сухую погоду,
за новым забором, на голой земле
стоял самолет головою к восходу.

.....
Можайский донельзя пропах керосином,
смешались за воротом копоть и пот...

А в небе июля,

погожем и синем,

высокое солнце на полдень идет.

Безветренным зноем нещадно палимы,
у взлетной дорожки уже собрались
взволнованный Спицын,

профессор Алымов

и много еще уважаемых лиц.

Ученые люди.

Военная знать.

Ну что же! Приблизился час испытанья.

Держись, капитан,

только, чур, не пенять,

пора, наконец, уяснить и понять,

что подан сигнал исполненья желанья.

Он разом привстал над притихшей толпою,
веселый,

открытый,

простой, как всегда.

Псмедлил немного, тряхнул головою
и громко, с душой произнес:

— Господа!

Мы должный восторг отдаем появлению
воздушного шара.

Но как его бег

направить вперед не по злему велению,
не просто по ветру, а в том направлении,
в котором желает лететь человек?

Столетиями дерзкие люди земли
на разных широтах огромного света
упорно и долго искали ответа
на этот вопрос. И найти не смогли.

Но надо ж кому-то ответить! Ведь надо?

Довольно по ветру летать без рулей.

И тут победит не словесный елей,
не нудная жвачка кустарных идей,
а мощная тяга такого снаряда,
чтоб воздуха был он всегда тяжелей.

Я бился над тайною двадцать семь лет.

Угрюмая тайна коварно молчала.

Я веру терял.

Убеждался сначала.

Вы видите:

я уже сторблен и сед,

но я ни о чем не жалею нимало.

Признаюсь:

мой путь был тернист и тяжел,

я насмерть сражался с теорией ложной,
измучился в поисках силы надежной...

И я,

господа,

эту силу нашел!

Я прежде всего благодарен друзьям,
всем тем, кто в тяжелую, горькую пору
крепил во мне веру, давал мне опору...—
Можайский поднес было руку к глазам,
почувствовал близкие слезы, смутился,
но взял себя в руки, вздохнул, оживился:
— Я кланяюсь тем, кто поверил в мечту,
кто вместе со мною надежду упрочил:
друзьям морякам,

инженерам,

рабочим,

которых вы видите здесь, на посту.
Я счастлив сегодня, я искренне рад.
И верю, что вы эту радость поймете...
Сейчас вы увидите мой аппарат
в полете!

Придет еще время, — я знаю, придет, —
Россия расправит широкие плечи,
и вылетит

утренней правде навстречу
ее от рожденья крылатый народ! —
При этих словах его голос взлетел
на самую верхнюю звонкую ноту,
как будто упрямо окликнуть хотел
всю землю,

весь мир, погруженный в дремоту.
Вся жизнь,
как буран,

пронеслась перед ним.
Все ранние радости, все огорченья,
хождение по мукам, по тропам глухим.
Но это теперь не имело значенья.
Эх, сесть бы сейчас самому на корму,
ведь есть еще силы немалый остаток!..
Эх, если б ему полететь самому!
Да поздно...

шестой истекает десяток.
Все в полном порядке.

Открыты ворота.
Снаряд водружен на дощатый настил.
— Ну, пробуем, с богом! —

Винтов обороты
достигли предела. Как конь без удиц,
крылатый, поджарый,

закутанный в дым,
снаряд словно чуял открытое поле.
И все, кто стояли вокруг, поневоле,
не смея дыхнуть, любовались им.
Проснулась в машинах могучая сила,
снаряд весь напрягся,

запел,
задрожал
и, как бы очнувшись, легко побежал
по твердой дорожке прямого настила,
по струганным доскам,
с уклона,
с уклона.

Мгновенье —

колеса вприпрыжку пошли
навстречу ромашкам, над кромкой зеленой —
и вдруг отделились от грешной земли.
— Летит! —

раздалось над полынным простором.
— Глядите же!

Честное слово, летит!
«Ура!» раскатилось.

Не помня обид,
не чуя от радости ног под собою,
внезапно и сказочно став молодым,
Можайский бежал за созданием своим,
за тяжкой, прекрасной своею судьбою,
за гордой мечтой, завоеванной с бою,
за первой, последней любовью хмельною,
за ясным, волшебным рождением вторым.
Бежал, как безумный, не чувствуя ноши,
всей грудью дыша,

приминая цветы,
не видя, не слыша, как били в ладоши,
как в знойное небо цветастой порошей
летели фуражки,

перчатки,

зонты.

Бежал, как безусый юнец, без оглядки,
шепча неприкаянной клятвы слова,
по знойному полю до места посадки,
до ближней межи своего торжества.
Его поздравляли,

его обнимали,
бросали ему за вопросом вопрос,
но он поздравляющих видел едва ли
сквозь радостный ливень

прорвавшихся слез.

В тот миг он, конечно, и думать не мог,
что вскорости будет обманут, оболган,
что счастье его погрузится надолго
в бездонную тьму непосильных тревог.
Что подвиг его будет продан и предан
и злобным стараньем чужих языков
объявлен обычным несбыточным бредом
и заперт от правды на тыщи замков.

1949—1952

ПАРОДИИ

БУРБОНЫ ИЗ СОРБОННЫ

(Павел Антокольский)

Здесь побывали все под сводом книжной арки:
Аркебузиры, лучники прошли.
Вийоны. Дон-Кихоты. Тьеры. Жанны д'Арки.
В жабо. В ботфортах. В пудре. И в пыли.

Здесь были все. Голландцы. Турки. Негры. Греки.
Здесь пили пунш. И били баккара.
Глотали сэндвичи. Бананы. Чебуреки.
Альфонсы. Франты. Шлюхи. Шулера.

Здесь пропивали всё: и кебы и фургоны.
Лечили люнс. Нюхали цветы
Магистры. Пэры. Мэры. Сэры. Гарпагоны.
Призетки в капюшонах. И шуты.

Здесь морг времен. Кладбище. Свалка. Нашу жалость
К усопшим завернем в остатки от портьер.
Здесь все перемешалось и слежалось:
Макс Линдер, Командор и Робеспьер.

Здесь пахло аглицким, немецким и французским.
Здесь, кто хотел, блудил и ночевал.
Здесь только мало пахло духом русским,
Поскольку Поль де Антоколь не пожелал.

1937

КАЗАКИ С БАГРОМ

(Анатолий Софронов)

В погожий день в лампасах да в погонах
Казачи ехали над Доном табуном.
Глядят казаки: вниз плывет бочонок...
Один кричит: — Да он никак с вином?! —
Поднялся шум, поднялся спор законный:
— Коньяк, братва!
— Какой коньяк! Кагор!
И подал тут команду эскадронный:
— Э-гей, э-гей! Давай сюда багор! —
Нашли багор. Догнали, зацепили ловко.
Хорош бочонок! Весь в смоле на вид.

Какие обручи, какая упаковка!
Клеймо на нем московское стоит.
Ловки казаки. Вскрыли днище дружно.
Отведал первым командир-отец.
Глотнул глоток и вымолвил натужно:
— Обман, братва! В бочонке-то сырец!
— Ховай, казаки, кружечки-жестянки! —
Весь эскадрон, как улей, загудел.
— Его не пить, а мыть бы в нем портянки!
Ну, попадись нам этот винодел!
По коням, конники, братишки да сестренки!
Цимля-Цимлянская виднеется вдали.
Э-гей, э-гей, подшлейники-постромки,
Э-гей, э-гей, копыта-ковыли!

1948

БЕЛЬЕ НА ВЕРЕВКЕ

(Степан Щипачев)

Все сердцу любо. Все ласкает взор.
Я на простор хочу, я выхожу во двор.
Вот воробей чирикнул.
Сколько в нем сноровки!
Вот сушится соседское бельишко на веревке.
Подумать только: грязь на нем была!
А вот отмылось же бельишко добела.
Каким оно мне кажется приветливым и милым!
Как замечательно, что есть торговля мылом!

1949

ВОЛОГОДСКОЕ НОВОГОДНЕЕ

С новой запевкой на Новый год
Девка на лавке веревку вьет.
Косы у девки до полу, до пят,
В ковте булавки — головки горят,
Брошка на ковте, пуговики в ряд,
Цветики на ковте.
Добер наряд!

А вьюга по окнам ставнями бьет,
В ров за деревней набит сумет,
Снег повсюду — не видно дров,
И вочки воют у самых дворов.
Гавкают собаки, боров ревет...

А девка на лавке веревку вьет,
Вережку вьет да припевку поет,
Припевку-запевку на Новый год.

«Вейся-повейся, крепка, ловка,
Вейся, свивайся на смерть возкам.
Справлю обновку, взамуж пойду —
На эту веревку лиху беду,
Чтобы свекровка была не зла,
Чтобы золовка подружкой была,
Чтоб не терять мне девичью стать,
С милым в ладу годов не считать,
Чтобы от сдобных печных пирогов
Духом парным распирало кров.
Вейся ж, свивайся...»

А вьюга ревет.
Девка на лавке веревку вьет.

1935—1936

ВОЛОГДА

1

«Ты проедешь волок, еще волок, да
Еще волок — будет город Вологда.

Как подъедешь ты ко городу ко Вологде,
Где хотел царь Грозной править-володеть,
По постоям не ходи, а правь по площади,
По базарной, где в продаже скот и лошади,
Где воза с ржаной соломой и с сенцом стоят,
Где водой стоялой бабы скот поят.
Проезжай, где горы лому, горы хворосту,
По-над речкой Золотухой прямо по мосту
По сосновому, еловому, по шаткому
Со своим конем соловым, со лошаdkою.
Про Овdotью Олексеевну поспрашивай.
Все укажут, где хоромы охрой крашены.
В кружева ее хоромы вплетены.
У светелки окна в прошвах платяных.
Старопрежняя Овdotья у окна.
Мастерица-рукодельница она,
Всяку-всячину коклюшками плетет:
Косорядку, пучеглазку, волчий рот...
Расскажи ты ей, Овdotье Олексеевне,
Как живем мы здесь в колхозе, что посеяли.
Мол, пшеницу мы посеяли на севере,
Хорошо живем, мол, нонче, Олексеевна.
И про сына моего скажи, что знатен он...
Как живет дочурка ваша, кстати, мол?
Что хвальба, мол, это, да не похваляба.
Передай Овdotьюшке поклон от баб...»

2

Словно из-за моря воротился
Из родимой Вологды сосед.
День за днем — конца рассказам нет:
— Город изменился,
Обновился
За пять лет, как будто за сто лет.

Евдокия ходит в белой блузе,
Строгая от счастья и забот,
Кадры мастериц в кружевсоюзе

Обучает.
А уж как живет!

Говорит: «Была не в чине долго,
А теперь вот — на большом счету:
Завела сношенья со Внешторгом,
Новую тематику плету».

Я и дочку повидал. У Насти,
Прямо скажем, недоступный вид.
Говорит: на льнозаводе мастер.
А еще учиться норовит.

Что ей старопрежняя недоля!
На закате, перестав летать,
Прямо с неба к ней приходит дроля,
До смерти готов зацеловать.

Сыну твоему привет велела
Передать:
«Владимиру — салют!»

Вологда теперь разбогатела,
Вологжане, брат, взялись за дело,
Только окать не перестают.

1935—1936

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Лежал песок, и солнце пекло
Рыхлое желтое темя.
Щепотку одну запаяли в стекло,
И вот:
Земля измеряет время.

Завод у часов на минуты — не дни,
Но время под нашим началом:
Стечет песок — часы поверни
И станет конец
Началом.

И кажется мне, что и я таков:
Вечером еле сидишь на стуле,
Падаешь в полог мертвым, без слов,
А утром поднимешься — жив-здоров,
Словно перевернули.

Может, и смерть такая придет:
Друзья наготовят тесу,
А смерть тебя, как часы, повернет —
И снова несется за годом год,
И нету тебе износу.

1939

ПУГОВКА

В доме окраинном, при свече,
У самоварной трубы,
Вздыхая,
Бабушка ласковая, седая
Детям рассказывает об Ильиче,
Всякую мелочь припоминая.

«Видела, милые вы мои,
Видела!
Руку ему пожала.
Тут вот, к примеру, Ильич стоит,
Рядышком — этак вот — я стояла.

Он обещал приехать к семи,
Ждать на заводе с полудня стали.
Мне поручили:
«Пальто прими!..»
Нашего люду полнехонько в зале.

Ленин в озябшие руки подул,
Мокрую кепкой хлестнул по колену,
Скинул пальто и повесил на стул.
Я подхватила и — марш за сцену.

Пблы раскинула на столе:
Вычищу, мол, пока выступает...
Чищу и вижу:
На левой поле
Средней пуговицы не хватает.

Перепугалась я: пуговики нет!..
И отпороть от жакетки решила
Да толстой ниткой — на много лет —
На Ильичево пальто пришила.

Свою пришила. От всех тайком.
А пуговики были разного сорта:

Моя — негладкая, с ободком,
И потемнее — меньше потерта.

За полночь все распрощались с ним.
Пуговики Ленин моей не заметил,
А мне приятно:
Даже родным
Не говорю о своем секрете.

Много ли, мало ли дней прошло,
Топаю раз за Неву на рынок
И замечаю:
Во все стекло
С облика Ленина новый снимок.

В длинном, приметном своем пальто...
Я пригляделась:
Скажи на милость!
Вижу: потертое... самое то...
Черное...
Сердце мое забилося,

Остановилась, сама не своя,
В стекла дышу, припала к витрине:
Пуговка — самая та, моя,
С левого боку посередине...

Дали такой же снимок и мне.
Рамочку я резную достала,
Дома повесила на стене,
И до того хорошо мне стало.

Гляну тихонько на Ильича —
Он улыбается: что, мол, хитрить-то!..
Вижу, вся тайна моя открыта:
Значит, заметил, только смолчал,
Что пуговка-то моя пришита».

1939

ЗВЕРОЛОВ

Рыжий парнище сел на пенек,
Семечки жареные шелушит.
Сосны шумят промеж двух дорог.
Складный да ладный такой паренек:
Руки —
Медведя за горло душишь

И корчевать на нови пеньки,
Ноги — по мерке сапог не найти...
Как опаленные мотыльки,
С губ на траву шелуха летит.

Он неподвижен.
А перед ним,
Косы развеяв по ветерку,
Девушка — белое с золотым —
Белкой сидит на низком суку.

«Ах,— говорит, — до чего ж он мил! —
(И зверолов глаза опустил.) —
С вами не страшно,
За вашей спиной
Я бы смеялась над сатаной.

Вы сатану согнете в дугу.
Ну, поведите ж меня в тайгу,
В выломки, в глушь, под хвойный навес,
Это же вотчина ваша — лес».

Рыжий чуть слышно шепчет:
«Ага!»
Роет песок носком сапога,
Перестает шелушить меледу
И отвечает:
«Не поведу!»

Но продолжается разговор.
«Слышала, вы по родне — помор.
Вам с измалетства своя — волна,
Кровь ваша, как волна, солона.

В море, когда зашумит прибой,
В море возьмите меня с собой.
Парус свистел бы, а я несусь...»
Парень чуть слышно мычит:
«Боюсь!»

Девушка смотрит ему в глаза
И удивляется: вот бирюк!..
Мимо, треща, летит стрекоза,
Дикие пчелы гудят вокруг.

Как этот увалень ей смешон:
Жметя, краснеет средь бела дня.
«Что вам бояться?»

Такой большой.
Ну, проведите в горы меня.

Там, говорят, и медведи есть,
Ходят к подножью малину есть.
Горные склоны в густом хмелю...
Может быть, там я вас полюблю...

У зверолова дрожит рука.
Смотрит на девушку:
Как легка!
В пуговках вся, в стеклянном огне...
И не сидится ему на пне.

Если теперь пареньку запеть —
Склонится бор, засвистят стрижи,
В чашу пойти —
Никакой медведь
Лучше и глаз ему не кажи.

Так у него вся душа горит,
Словно кто шепчет ему:
«Не трусь!..»

Долго на девушку он глядит
И говорит ей:
«Тебя боюсь!»

1940

ВЫСОТА

Волжские в дымке степной места,
Желто-зеленые редкие травы.
Очень красивая высота
В двух километрах от переправы.

Утром прозрачные облака
Ветер над самой вершиной гонит.
Как на ладони отсюда река,
Город рабочий — как на ладони.

В полдень безветренный сводят с ума
Запахи чёбра и молочая.
А у подножья — балки, дома,
Крики летящих над Волгой чаек.

А у подножья — дубы, ручей,
Заячьи тропки и птичьи гнезда.
В тихом теченье летних ночей
Виден струящийся лунный воздух.

Все в незапятнанной чистоте,
Словно бои здесь не проходили,—
Небо без копоти,
Ветер без пыли...

Но у меня на той высоте
Брата родного в войну убили.

1942

ДАЛЕКИЕ ПОХОДЫ

Желтые дороженьки,
Далекие походы.
Ноженьки вы, ноженьки,
Ботинки-скороходы!

Дубленые, солдатские,—
Шнурки в пыли багровой,
Подошвы ленинградские,
Уральские подковы.

Низы, лощины грязные,
Болото на болоте,
Завалы непролазные,—
А вы себе идете!

А вы себе шагаете
И удержу не знаете,
И горы вам не горы,
Озера не озера.

Дорог и троп исхожено —
Самим не надивиться!
Но нам было положено
Пройти по заграницам,

Чтоб воздухом свободы
Вздохнули все народы.

Над Польшей, над Румынией
Все шире небо синее.

Огорчил старик людей:
Раз тебе награду дали,
Должен молвить —
Про себя ли,
Или что про лошадей...
Может быть, одной медали
Мало этой бороде?

Взял и сунул под пиджак,
Да еще нахмурил брови,
Будто выпил натошак,
Словно все ему не так
Да не внове.

«Приколоть медаль-то надо! —
Зашептали деду все. —
Аль не по сердцу награда?»
Но старик не поднял взгляда.
«Ничего!» — сказал.
И сел.

Многим даже стало жаль,
Что пришла ему медаль.

А потом, когда с собранья
Вышел конюх, как из бани,
Мокрый весь,—
Никто в ограде
В темноте не разглядел,
Как он бороду разгладил,
Как на грудь медаль приладил,
Как он вдруг помолодел.

Хорошо мужик работал,
Было много старику
И вниманья
И почета,
Но такого поворота
Не случалось на веку.
В первый раз за много лет
Не стерпел — заплакал дед.

Не домой пошел — в конюшню,
С лошадьми поговорить,
Кстати, пару непослушных
Случай выпал пристыдить.

Кони радостно заржали
И, взглядевшись в полутьму,—
По всему — из-за медали —
Головами закивали,
Как бы кланяясь ему.

Он сказал им:
«То-то вот!
И меня народ отметил.
Заодно и вам почет.
Я гляжу: на этом свете
Честный труд не пропадет.
Это вам не то, что встарь!..»

И зажег в углу фонарь.

Вдоль конюшни от порога,
Как вдоль строя генерал,
Он шагал — хозяин строгий,
Лошадей журил, трепал,
Крупы гладил, гривы трогал,
И для каждой хоть немного,
Хоть два слова да сказал.

Сосунок, еще без толку,
Маленький, как горбунок,
Мокрой мордой ткнулся в бок.
Он схватил его за челку:
«Признаешь теперь, сынок?!»

Напоследок ярового
Всем засыпал:
«Ешьте всыть!
Чур, меня не подводить:
Поутру — за дело снова.
Вам за конюха такого
Бога надобно молить!»

1947

УТРОМ НЕ УМИРАЮТ

Даже представить трудно,
Как я смогу опять
С вечера беспробудно,
Без сновидений спать.

Страшно, что сил не хватит
Выдержать до утра.
Сядьте на край кровати,
Дайте руку, сестра.

Все, кто болели, знают
Тяжесть ночных минут...

Утром не умирают,
Утром живут, живут.

Утро раздвинет стены,
Окна откроет в сад,
Пчелы из первой смены
В комнату залетят.

Птицы разбудят пеньем
Всю глубину двора,
Чей-нибудь день рожденья
Будут справлять с утра.

Только бы до рассвета
Выдюжить как-нибудь.
Утренняя газета
В новый поманит путь.

Да позвонят из дому,
Справятся:
— Как дела?
Да навестит знакомый.
Только б ночь прошла!

Тени в углах растают,
Тяжесть с души спадет.
Утром не умирают —
Солнце начнет обход.

1954—1955

Маргарита Алигер

ЧЕЛОВЕКУ В ПУТИ

(Из цикла)

1

Я хочу быть твоею милой,
я хочу быть твоею силой,
свежим ветром,
насушным хлебом,
над тобою летящим небом.

Если ты собьешься с дороги,
брошусь тропкой тебе под ноги,—
без оглядки иди по ней.
Если ты устанешь от жажды,
я ручьем обернусь однажды,—
подойди, наклонись, испей.

Если ты отдохнуть захочешь
посредине кромешной ночи,
все равно — в горах ли, в лесах ли,—
встану дымом над кровлей сакли,
вспыхну теплым цветком огня,
чтобы ты увидал меня.

Всем, что любо тебе на свете,
обернуться готова я.
Подойди к окну на рассвете
и во всем угадай меня.

Это я, вступив в поединок
с целым войском сухих травинок,
встала лютиком у плетня,
чтобы ты пожалел меня.

Это я обернулась птицей,
переливчатую синицей,

и пою у истока дня,
чтобы ты услышал меня.

Это я в обратном свисте
соловья.

Распустились листья,
в лепестках роса.

Это — я.

Это — я.

Облака над садом...
Хорошо тебе?

Значит, рядом,
над тобою — любовь моя!

Я узнала тебя из многих,
нераздельны наши дороги,
понимаешь, мой человек?
Где б ты ни был, меня ты встретишь,
все равно ты меня заметишь
и полюбишь меня навек.

2

Мне раньше казалось, что наша любовь — это дом,
под маленьким небом поставленный нами с трудом.
Там сброшена ноша, озябшие руки согреты,
там милые вещи, уюта смешные приметы.
Прозрачное дерево тихо дрожит у порога,
и, может быть, тут и кончается наша дорога.

Потом я решила, что наша любовь — это сад,
где ясные дни на коричневых ветках висят,
где каждый росток существует спокойно и мудро,
где круглые сутки — осеннее раннее утро.
А тихое небо, знакомое, наше, такое,
что кажется, облачко можно поправить рукою.
И дождиком пахнет, и слушают ветер травинки,
из мхов и кустарников в мир вытекают тропинки.

Теперь я уверена: наша любовь — это путь,
чуть видная тропка и снова большая дорога,
почевки под звездами, вздох, наполняющий грудь,
усталость и счастье — сладчайшая в мире тревога.
Нам служит пристанищем наша большая земля,
Взлетают рассветы... Сырые брезенты палаток...
В туманных долинах дымок кочевого жилья
и легких заплечных мешков дорогой беспорядок.

Пусть камни теснятся, пусть скачет и плачет вода.
Пусть ливни, и громы, и радуга, словно ворота.
Пусть наша любовь остается такой навсегда,
вперед уводя неразгаданностью поворота.

3

Я не хочу тебя встречать зимой.
В моей душе ты будешь жить отныне
весенний, с непокрытой головой,
как лучший день мой, как мечта о сыне.

Я не хочу тебя встречать зимой.
Боюсь понять, что ты старей и суше,
услышать, как ты ссоришься с женой,
увидеть, как ты к другу равнодушен.

Боюсь узнать, что хоть короткий миг
случается тебе прожить скучая,
увидеть, как, поднявши воротник,
спешишь ты, облаков не замечая.

Хочу тебя запомнить навсегда
моим знакомцем, путником, влюбленным
в дороги, реки, горы, города,
беспечным, ненасытным, изумленным.

Живи таким, как в памяти моей,
подверженный порывам и тревогам,
всегда люби деревья и зверей,
и много знай, и спрашивай о многом.

Заглядывайся так же далеко
прозрачными бродячими глазами.
Мне иногда бывает так легко —
я вспоминаю: ты живешь меж нами.

Покуда день, покуда будут течь
стремительные, вспененные реки,
таким тебя мечтаю я сберечь,
тебя такого я люблю навеки.

И если даже ты придуман мной,
такой, какого встретить мне хотелось,
я не хочу тебя встречать зимой,
чтоб выдумка моя не разлетелась.

1939

* * *

С пулей в сердце
я живу на свете.
Мне еще не скоро умереть.
Снег идет.
Светло.
Играют дети.
Можно плакать,
можно песни петь.

Только петь и плакать я не буду.
В городе живем мы, не в лесу.

Ничего, как есть, не позабуду.
Все, что знаю, в сердце пронесу.

Спрашивает снежная, сквозная,
светлая казанская зима:

— Как ты будешь жить? —

Сама не знаю.

— Выживешь? —

Не знаю и сама.

— Как же ты не умерла от пули?

От конца уже невдалеке
я осталась жить,
не потому ли,
что в далеком камском городке,
там, где полночи светлы от снега,
где лихой мороз берет свое,
начинает говорить и бегать
счастье и бессмертие мое.

— Как же ты не умерла от пули,
выдержала огненный свинец?

Я осталась жить,
не потому ли,
что, когда увидела конец,
частыми, горячими толчками
сердце мне успело подсказать,
что смогу когда-нибудь стихами
о таком страданье рассказать.

— Как же ты не умерла от пули?
Как тебя удар не подкосил?

Я осталась жить,
не потому ли,

что, когда совсем не стало сил,
увидала
с дальних полустанков,
из забытых снегом тупиков:
за горами
движущихся танков,
за лесами
вскинутых штыков
занялся,
забрёзжил
день победы,
землю осенил своим крылом.

Сквозь свои
и сквозь чужие беды
в этот день пошла я напролом.

1941

МУЗЫКА

Я в комнате той,
на диване промятом,
где пахнет мастикой и кленом сухим,
наполненной музыкой и закатом,
движеньями,
голосом,
шумом твоим.

Я в комнате той,
где смущенно и чинно
стоит у стены, прижимается к ней
чужое, заигранное пианино,
как маленький памятник жизни твоей.
Всей жизни твоей.

До чего же немного!

Неистовый,
жадный,
земной,
молодой,
ты засветло вышел.
Лежала дорога
по вольному полю,
над ясной водой.
Все музыкой было —
взвивался ли ветер,
плескалась ли рыба,
текла ли вода.

И счастье играло в рожок на рассвете,
и в бубен безжалостный била беда.
И сердце твое грохотало, любило,
и в солнечном дождике смеха и слез
все музыкой было, все музыкой было,
все пело, гремело, летело, рвалось.
И ты,

как присягу,
влюбленно и честно,
почти без дыхания слушал ее.
В победное медное сердце оркестра
как верило бедное сердце твое!

На миг очутиться бы рядом с тобою,
чтоб всей своей силою, нежностью всей
понять и услышать симфонию боя,
последнюю музыку жизни твоей.
Она загремела,

святая и злая,
и не было звуков над миром грозней.
И, музыки чище и проще не зная,
ты, раненный в сердце,
склонился пред ней.

Навеки.

И вот уже больше не будет
ни славы,
ни бед,
ни обид,

ни молвы...

И ласка моя никогда не остудит
горячей, бедовой твоей головы.
Навеки.

Мои опускаются руки.

Мои одинокие руки лежат...

Я в комнате той, где последние звуки,
как крылья подстреленной птицы, дрожат.
Я в комнате той,

у дверей,
у порога,
у нашего прошлого на краю...

Но ты мне оставил так много, так много:
две вольные жизни, мою и твою.
Но ты мне оставил не жалобу вдовью,—
мою неуступчивую судьбу,
с ее задыханьями,

жаром,
любовью,

Вот когда я с ребятами встречу, когда я...»
Сердце весело прыгает в жаркой груди,
и счастливей колотится кровь молодая.

Ах, какая большая стоит тишина!
Приглушенные елочки к шороху чутки.
«Как досадно, что я еще крыл лишена.
Я бы к маме слетала хоть на две минутки.
Мама, мама,

какой я была до сих пор?
Может быть, недостаточно мягкой и нежной?
Я другую вернусь...

Догорает костер.
Я одна остаюсь в этой полночи снежной.
Я вернусь,
я найду себе верных подруг,
Стану сразу доверчивей и откровенней...»

Тишина, тишина нарастает вокруг.
Ты сидишь, обхвативши руками колени.
Ты одна.

Ах, какая стоит тишина!
Но не верь ей, прислушайся к ней, дорогая.
Тихо так, что отчетливо станет слышна
вся страна,

вся война,
до переднего края.
Ты услышишь все то, что не слышно врагу.
...Под защитным крылом этой ночи вороньей
заскрипели полозья на зябком снегу,
тащат трудную тягу разумные кони.
Мимо сосенок четких и лунных берез,
через линию фронта, огонь и блокаду,
нагруженный продуктами красный обоз
осторожно и верно ползет к Ленинграду.
Люди, может быть, месяц в пути, и назад
не вернет их ни страх, ни железная сила.
Это наша тоска по тебе, Ленинград,
наша русская боль из фашистского тыла,
Чем мы можем тебе хоть немного помочь?
Мы пошлем тебе хлеба, и мяса, и сала.

Он стоит,
погруженный в осадную ночь,
этот город,
которого ты не видала.
Он стоит под обстрелом чужих батарей.
Рассказать тебе, как он на холоде дышит?

Про его матерей,
 потерявших детей,
на груди согревавших чужих ребятишек.
Люди поняли цену того, что зовут
немудреным таинственным именем жизни,
и они испуганно ее берегут,
потому что,— а вдруг? — пригодится отчизне.
Это проще — усталое тело сложить,
никогда и не выйдя к переднему краю.
Слава тем, кто решил до победы дожить.
Понимаешь ли, Зоя?

— Я все понимаю.

Понимаю.

 Я завтра проникну к врагу,
и меня не заметят,
 не схватят,
 не свяжут.

Ленинград, Ленинград!

 Я тебе помогу.

Прикажи мне!

 Я сделаю все, что прикажут...

И как будто в ответ тебе,

 будто бы в лад
застучавшему сердцу

 услышь канонаду.
На высоких басах начинается Кронштадт,
и Малахов курган отвечает Кронштадту.
Проплывают больших облаков паруса
через тысячи верст человеческого горя.
Артиллерии русской гремят голоса
от Балтийского моря до Черного моря.
Севастополь.

 Но как рассказать мне о нем?
На светящемся гребне девятого вала
он причалил к земле боевым кораблем,
это город,

 которого ты не видала.
Сходят на берег люди.

 Вздыхает вода.
Что такое геройство?

 Я так и не знаю.

Севастополь...

 Давай помолчим.
 Но тогда,
понимаешь, он был еще жив.

— Понимаю.

Понимаю.

Я завтра пойду и зажгу
и конюшни и склады согласно приказу.
Севастополь, я завтра тебе помогу!
Я ловка и невидима вражьему глазу.

Ты невидима вражьему глазу?
А вдруг?

Как тогда?

Что тогда?

Ты готова на это?

Тишина, тишина нарастает вокруг
Подымается девочка вместо ответа.

Далеко-далеко умирает боец...
Задыхается мать, исступленно рыдая,
страшной глыбой заваленный, стонет отец,
и сирот обнимает вдова молодая.
Тихо так, что ты все это слышишь в ту ночь,
потрясенного мира взволнованный житель:
— Дорогие мои, я хочу вам помочь!
Я готова.

Я выдержу все.

Прикажите!—

А кругом тишина, тишина, тишина.

И мороз

не дрожит,

не слабеет,

не тает...

И судьба твоя завтрашним днем решена.

И дыханья

и голоса

мне не хватает.

1942

ХОЗЯЙКА

Отклонились мы маленько.
Путь-дороги не видать.
Деревенька Лутовенька,—
до войны рукой подать.

Высоки леса Валдая,
по колено крепкий снег.
Нас хозяйка молодая
приютила на ночлег.

Занялась своей работой,
самовар внесла большой,
с напускною неохотой
и с открытою душой.

Вот ее обитель в мире.
Дом и прибран и обжит.
— Сколько деток-то?

— Четыре.

— А хозяин где?

— Убит.

Молвила и замолчала,
и, не опуская глаз,
колыбельку покачала,
села прямо против нас.

Говорила ясность взгляда,
проникавшего до дна:
этой — жалости не надо,
эта — справится одна.

Гордо голову носила,
плавно двигалась она
и ни разу не спросила,
скоро ль кончится война.

Неохоча к пустословью,
не роняя лишних фраз,
видно, всей душой, всей кровью,
знала это лучше нас.

Знала тем спокойным знаньем,
что навек хранит народ:
вслед за горем и страданьем
облегчение придет.

Чтобы не было иначе,
кровью плачено большой.
Потому она не плачет,
устоявшая душой.

Потому она не хочет
пасть под натиском беды.
Мы легли, она хлопочет,—
звон посуды, плеск воды.

Вот и вымыта посуда.
Гасит лампочку она.

А рукой подать отсюда
продолжается война.

Пусть же будет трижды свято
знамя гнева твоего,
женщина, жена солдата,
мать народа моего.

1943

ТВОЯ ПОБЕДА

(Из поэмы)

Мои подружки, сестры, однолетки,
девичества родные голоса!
Встают пейзажи первой пятилетки:
тайга, пустыня, трубы и леса.
Все расставанья, проводы, объятья...
Фанерные баульчики легки.
Застиранные старенькие платья,
уродливые толстые чулки.
Красавицы мои, и вам к лицу бы,
и вам бы по плечу бы да с руки
лукавый бархат, ласковые шубы
да тоненькие злые каблуки.
Как в сказке, чернобровы, белолицы,
ни словом, ни пером не описать,
и вы свои мохнатые ресницы
умели бы по-царски подымать.
И вы бы выступали, словно павы,
прекрасные, как летняя гроза.
Но свет другой, холодной, трудной славы
безжалостно ударил вам в глаза.
На белом теле жесткие рубашки,
ремни на гимнастерке вперекрест...
Сиротки, бесприданницы, бедняжки, —
а где найти прекраснее невест?
Таких надежных, верных и горячих,
строителям и воинам под стать.
В какие хочешь рублища упрячь их,
проглянет их особенная статья.
И тот, кто приходился вам по нраву,
не мог пройти сторонкой никогда.
Любимые давались вам по праву,
за годы беззаветного труда.
Мы путать да хитрить не обучились,
не опускали засиявших глаз,

и, если мы на чувства не скупимся,
и, если жить на свете торопились,
кто попрекнет и кто осудит нас?
Спешили мы,— авралы да тревоги,
да сердца переполненного стук,
мобилизаций дальние дороги
и горькое предчувствие разлук,
да песенные наши расставанья, —
транзиты, пересадки, поезда —
да русские большие расстоянья, —
над белым полем чистая звезда.
Пустыни, горы, стойбища олени...
Прощай, прощай и помни обо мне!

Так торопилось наше поколение
навстречу неминуемой войне.

1944—1945

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

В южном городе был день морозный.
Море поседело в этот день.
Нам прочла учительница грозный,
краткий бюллетень.
Умер Ленин.

Слушали мы стоя,
октябрюта, первый класс.
С новым смыслом, с новой теплотою
отовсюду он смотрел на нас.
Он был нарисован на тетради,
он глядел из наших первых книг,
и в его знакомом, остром взгляде
жизнь не угасала ни на миг.
Со стены,
с портрета в хвойной раме,
замкнутого траурной каймой,
он следил внимательно за нами,
проводил по улицам домой
школьников, мальчишек и девчонок,
октябрют своих, внучат своих,
мимо жалких мелочных лавчонок,
мимо магазинов дорогих.

На витринах — фрукты и конфеты,
шубки и шелка...

А ребята кое-как одеты,
кое-как накормлены пока.
Город южный, город многолюдный,
жил и расточительно и скудно.
Кто кого?! — суровые года.

...Как ему, должно быть, было трудно
оставлять нас именно тогда!
Всей своей душою человеческой
он тревожился о нас.

Может, потому-то каждый встречный
в этот смутный час
на гурьбу озябших ребяташек
пристальной глядел, шагая тише,
думая о них.

Это были люди трудовые —
рыбаки, ребята портовые,
железнодорожники седые
из Январских мастерских.

Мы им стали ближе и дороже,
а они для нас —
все как есть на Ленина похожи
были в этот час.

Кто — лица характерною лепкой,
кто — улыбкой,
кто — примятой кепкой,
кто — прищуром глаз.

Ленинской заботою горячей,
доброй думой о судьбе ребячьей
нас они старались окружить.

Не умея, видимо, иначе
горе пережить,
не умея первое волненье
скрыть или сдержать,
первое свое стихотворенье
вечером писала я в тетрадь.
Я писала первыми словами,
первый в жизни раз:
«Он не умер. Он живет. Он с нами».

Я наутро с первыми стихами
прибежала в класс.
И, робея, с гордостью невольной,
до того, как прозвенел звонок,
отдала учительнице школьной
вкривь и вкось исписанный листок.
Поглядела ласково и строго
на меня она из-под очков.

Перед ней уже лежало много
вкривь и вкось исписанных листков,
на которых первыми словами,
так же как и я, —
«Он не умер. Он живет. Он с нами»,—
написали все мои друзья.

За окном мела и выла вьюга.
Мы сидели, слушая друг друга,
сдержанны, тихи.
Друг за другом мы читали стоя.
Детских строк звучание простое...
Это было больше, чем стихи!

Сколько весен в море убежало,
прошумело гроз, взошло хлебов!
Но точнее не найти, пожалуй,
первых чувств и слов.
Если оглянуться:
как мы жили?
Как мы нашей родине служили,
чувствам тем верны?
Может быть, помедлить нам с ответом?
Может быть, не нам судить об этом?
Может быть, видней со стороны?
А по-моему,
как в раннем детстве,
в дни трудов, и праздников, и бедствий,
и вперед на тысячу годин
первыми горячими словами —
«Он не умер. Он живет. Он с нами» —
вправе мы ответить, как один!

1953—1954

* * *

Люди мне ошибок не прощают.
Что же, я учусь держать ответ.
Легкой жизни мне не обещают
телеграммы утренних газет.

Щедрые на праздные приветы,
дни горят, как бабочки в огне.
Никакие добрые приметы
легкой жизни не пророчат мне.

Что могу я знать о легкой жизни?
Разве только из чужих стихов.

Но уж коль гулять, так, хоть на тризне,
я люблю до третьих петухов.

Но летит и светится пороша,
светят огоньки издалека;
но, судьбы моей большая ноша,
все же ты, как перышко, легка.

Пусть я старше, пусть все гуще просесть,—
если я посетую — прости,—
пусть ты все весомее, но сбросить
мне тебя труднее, чем нести.

1946—1955

ДЕРЕВНЯ КУКОЙ

Есть в Восточной Сибири деревня Кукой —
горстка изб над таежной рекой.

За деревней на взгорье — поля и луга,
а за ними стеною тайга.

В сорок первом, когда наступали враги,
проводила деревня от милой тайги
взвод отцов и мужей, взвод сибирских солдат.

Ни один не вернулся назад.

И остались в Кукое, у светлой реки,
только дети, да женщины, да старики.

Молодые ребята, едва подросли,
на большие сибирские стройки ушли.

Не играют тут свадеб, не родят детей...
Жизнь без всяких прикрас, безо всяких затей.

Ранним-рано кукоевцы гасят огонь,
никогда не играет в Кукое гармонь.

Ни вечорки какой, ни гуляния нет.
Только вдовья кручина — считай сколько лет.

А кругом синева, а кругом красота,
заповедные, хлебные наши места,

незакатные зори, ангарская ширь,
необъятная наша Сибирь.

Наезжает в Кукой по дороге лесной
человек дорогой — секретарь областной.
Собираются люди, — уж так повелось.
Разговор по душам... За вопросом вопрос...
Сколько раз он в заботе своей
предлагал переехать в соседний колхоз:
дескать, все-таки там веселей.

— Нет,— ему отвечали — не стоит труда.
Ни к чему. От себя не уйдешь никуда.

Это — наше родное, земля наша, труд...
Никуда не поедем, останемся тут.

Обойдется! Сиротки, гляди как растут!
И вечерки начнутся, гулянки пойдут.

И гармонь заиграет, и хватит окрест
молодцов женихов и красавиц невест.
Станет весело, людно, тоска нипочем...

Так о чем моя дума, о чем?

А о том, что прошли молодые года,
не согреть никогда, не вернуть никогда...

А о том, что одна у нас доля с тобой,
друг мой сильный и мудрый, деревня Кукой.

Мы свое испытанье достойно снесли,
но ребята у нас без отцов подросли.

Но еще не утихла душевная боль,
но еще на ресницах не высохла соль.

Не забыли, не справились мы до конца —
все горят обожженные наши сердца.

Кто же, где же, в какой нелюдской стороне
заикнуться посмеет о новой войне!

СОСЕДКА

Хороша была соседка.
К ней я хаживал нередко,
Помогал ей сеть плести;
Издевалась все, плутовка,
Что работаю неловко —
Так, что острая бечевка
Руки режет до кости!

«Государыня-соседка,
Беломорская кокетка!
Не в корысть, не в лесть, не в честь,—
Ради ласкового слова —
Полюби меня такого
Вот, каков сейчас я есть!»

«На мою ли участь вдовью
Со своей пристал любовью? —
Хоть путину пропусти!
Мы с тобою, чай, не дети;
Помоги сначала сети
Поскорее доплести.

К берегам идет селедка,
В море вышла вся Слободка —
Рыбу черпают ведром;
Третий день все лодки в сборе,
Третий день играет море,
Отливает серебром!»

Показал я тут отвагу!
Вот, когда цедил я брагу,
Ел гречишные блины.
Мы с соседкою не спали,

Сеть надежную вязали —
Сажень в десять долины...
У сударушки в Поморье
Теплый дом стоит на взгорье
В бревнах — ясная смола...
У сударушки в светлице
Свет лежит на половице,
Печь просторна да бела...

Взводень ¹ ходит в море яром,
Угли светят алым жаром,
Злится синяя зима...
Пусть смолою дышат сени —
Уезжаю из Мезени,
Проводи меня сама!

Ветер льды гоняет в море,
Мерзлый невод на заборе —
До весны ему висеть...
Если б я тебя не встретил,
Первой ласки не заметил —
Я в снегах бы мог сгореть!

Я в иных краях нередко
Вспоминал тебя, соседка, —
Свет архангельской зари!
И теперь подчас тоскую;
Хорошо б найти такую
В славном городе Твери...

1935

* * *

Знаю я — малиновою ранью
Лебеди плывут над Лебедянью,
А в Медыни золотится мед,
Птица-скопа кружится в Скопине,
А в Серпейске ржавой смерти ждет
Серп горбатый в дедовском овине.

Наливные яблоки висят
В палисадах тихой Обояни,
Город спит, но в утреннем сиянье —
Чей-нибудь благоуханный сад.

¹ В з в о д е н ь — высокая волна (поморск.).

И туман рябиновый во сне
Зыблется, дороги окружая,
Горечь можжевельная мне
Жжет глаза в заброшенном Можае.

На заре Звенигород звенит —
Будто пчелы обновляют соты,
Все поет — деревья, камни, воды,
Облака и ребра древних плит.

Ты проснулась... И лебяжий пух
Лепестком на брови соболиной,
Губы веют теплою малиной,
Звоном утра околдован слух.

Белое окошко отвори! —
От тебя, от ветра, от зари
Вздогнут ветви яблони тяжелой,
И росой омытые плоды
В грудь толкнут, чтоб засмеялась ты
И цвела у солнечной черты,
Босоногой, теплой и веселой.

Я тебя не видел никогда...
В Темникове темная вода
В омуте холодном ходит кругом;
Может быть, над омутом седым
Ты поешь, а золотистый дым
В три столба встает над чистым лугом.

На Шехонь дорога пролегла.
Пыльная, кремнистая дорога.
Сторона веснянская светла.
И не ты ль по косогору шла
В час, когда, как молоко, бела
Медленная тихая Молога?

Кто же ты, что в жизнь мою вошла:
Горлица из древнего Орла?
Любушка из тихого Любима?
Не ответит, пролетая мимо,
Лебедь — будто белая стрела.

Или ты в Архангельской земле
Рождена, зовешься Ангелиной,
Где морские волны с мерзлой глиной
Осенью грызутся в звонкой мгле?
Зимний ветер и упруг и свеж,
По сугробам заходили тени,

В ишее серебряном олени,
А мороз всю ночь ломился в сени.
Льдинкою мизинца не обрежь,
Утром умываючись в Мезени!

На перилах синеватый лед.
Слабая снежинка упадет —
Таять на плече или реснице.
Посмотри! На севере туман,
Ветер, гром, как будто океан,
Небом, тундрой и тобою пьян,
Ринулся к бревенчатой светлице.

Я узнаю, где стоит твой дом!
Я люблю тебя, как любят гром,
Яблоко, сосну в седом узоре.
Если я когда-нибудь умру,
Все равно услышишь по ветру
Голос мой в серебряном просторе.

1940

РЯБИНИН-ГОРОД

Цветет в Рябинине герань,
И на столе вздыхает ткань
Камчатой скатертью с кистями...

Смеются алые уста,
Когда — нарядна и проста —
Ты пьешь рябиновку с гостями.

В ковригу воткнут синий нож,
И чарка алою слезою
Блестит...

Я знаю — ты живешь
За малой речкой Бирюзою.

К тебе за Бирюзу пойду,
Щеколду у дверей найду,
Сдержу — чтоб не раздалось звона...

Ушли ли гости? Все ли спят?
Не спишь ли ты? Считает сад
Хладеющие листья клена...

Рябинин-город! Явь иль сон? —
И смех, и волосы, что лен,
И рассудительные речи.

В светлице — шитые холсты,
И вздохи теплой темноты,
И в полотне прохладном плечи!

Не зря в Рябинине подряд
Семь дней сверкает листопад,
Не быть ли заморозку ныне?

И не сочтешь ли ясным сном
Ты утром иней за окном
И снег туманный на рябине?..

1940

СУСАНИН

Поет синеволодая зима
Под окнами сусанинской светлицы...
Приснились — золотая Кострома,
Колокола Ипатьевской звонницы.

Трещат лучины ровные пучки,
Стучит о кровлю мерзлая береза.
Всю ночь звенят запечные сверчки,
И лопаются бревна от мороза.

А на полу под ворохом овчин
Кричат во сне похмельные гусары —
И ляхи, и оборванный немчин,
И черные усаые мадьяры.

«Добро... Пойдем... Я знаю верный путь». —
Сусанин будит толстого немчина...
И скоро кровью обольется грудь,
И скоро жизнь погаснет, как лучина.

«Прощайте, избы, мерзлые луга,
И темный пруд в серебряной оправе...
Сколь радостно идти через снега
Навстречу смерти, подвигу и славе...»

Блещат пищалей длинные стволы,
А впереди, раскинувшись, как полог,

Дыханьем снега, ветра и смолы
Гостей встречает необъятный волок.

Сверкает ледяная бахрома.
Сусанин смотрит зоркими глазами
На полдень, где укрылась Кострома
За древними брусничными лесами.

И верная союзница — метель
По соснам вдруг ударила с размаху.
«Скорей стели мне свежую постель,
Не зря надел я смертную рубаху...»

И почему-то вспомнил тут старик
Свой теплый кров... «Оборони, владыко:
Вчера забыл на лавке кочедык
И золотое липовое лыко.

И кочедык для озорных затей
Утащат неразумные ребята.
Ленился, грешник, не доплел лаптей,
Не сколотил дубового ушата...»

Остановились ляхи и немчин...
Нет ни бахвальства, ни спесивой власти,
Когда глядят из-под людских личин
Звериные затравленные пасти.

И вздрогнул лес, и засветился снег,
Далеким звоном огласились дали,
И завершился стариковский век
Причастьем крови и туманной стали.

...Страна могуча, и народ велик,
И для народа лучшей нет награды,
Когда безвестный костромской мужик
Бессмертен, как предания Эллады.

Его душа — в морях спокойных нив,
В простой красе природы полудикой,
Где Судиславль и тихий Кологрив,
Где дышит утро медом и брусничкой.

Горжусь, что золотая Кострома
И у моей звенела колыбели,
В просторах, где лесные терема
Встают навстречу солнцу и метели.

1943

ПОСИДЕЛКИ

Всю ночь на деревенских посиделках
Шумит веселый молодой народ.
Хозяйка белозубая, как белка,
Смеясь, орешек кедровый грызет.

Здесь нет конца частушкам-коротушкам.
И пусть пропели третьи петухи,—
Еще подходят к девицам-подружкам,
На танцы приглашая, женихи.

На них звенят медали боевые,
На них сияют ярко ордена.
И песни их и пляски удалые
Пьянят меня без браги и вина.

И пляшут парни.
Дым от самокруток
Плывет в избе. Играет баянист.
...А на дворе — ноябрьский первопуток
И лунный свет, как мех песцовый, мглист.

А на дворе снежок порхает мелкий.
Все любо мне в родном моем краю.
— Играй, баян!
Шумите, посиделки!—
Я вспоминаю молодость свою...

1945

ГОСТЕПРИИМСТВО

Эвенк ушел из чума на охоту.
Но, уходя, как будто ждал кого-то:
(«Быть может, путник забредет какой»)
Охапку веток в камелек подкинул,
И добрый кус сушеной сохатины
Он положил заботливой рукой.

Эвенк ушел. Бредет в снегах, тайгою...
Но уголек, засыпанный золою,
Я раскопал в потухшем камельке.
Я долго дул на уголек губами.
И расцвело и зашумело пламя.
Кипит вода в походном котелке.
Сижу в тепле, вдыхая запах дымный.
Кому за этот кров гостеприимный,
Когда, какую отплачу ценой?
Эвенк идет и отгибает ветки,
Ножом на кедрах оставляет метки,
Ведь позади, за ним, — идет другой...

По нраву мне обычай юрт и чумов:

Не о себе, ты о другом подумай:

«Усталый путник, гостем будь, входи!..»

...И пусть глаза слепит порою вьюга,
За сотни верст в пути мы видим друга,
Что где-то там шагает позади...

1949

ТАЕЖНЫЙ «ПАЛ»¹

Сухие, вялые ветра
Тревожной напахнули гарью.
Багровым маревом с утра
Повис пожар над Заангарьем...
Казалось, в небе солнца нет.
И мы смотрели в изумленье
На мертвенный и серый свет,
Какой бывает при затменье.
Исчезли птицы.
И тайга
На миг замолкла.

И на просек
Метнулась дико кабарга;²
Олень ветвистые рога

¹ Пал — таежный пожар.

² Кабарга — горная коза.

Пронес в кусты.
Лисицы, лоси
Помчались в страхе по горам,
Покинув норы и берлоги.
Огонь за ними — по пятам,
Зверь многоглавый, многоногий.
Оскалив острые клыки,
То брел он среди лесных делянок;
То полз на брюхе до реки,
Как издыхающий подранок...

*

Но люди из окрестных сел
Канавы на пути копали.

.....

— Гляди: назад огонь пошел.

Ну, братцы...

Все же... Отстояли!..

И отступал чадящий пал,

Пригнулся, выгибая спину,

К земле.

И сам себя пожрал

В смертельной ярости звериной.

Еще кой-где хвостатый дым

Бродил тайгою-погорелкой...

...А в городе по мостовым

Металась загнанная белка.

Рыжá, легка, — огню под масть —

На тополь, что среди бульвара,

Она с разбега взобралась

И... промелькнула мимо нас

Последней искрой от пожара.

1935—1955

ДЖОРДАНО БРУНО

Лес шумел. Синел ручей овражный,
Поднимались аисты с земли.
А его вели в цепях, под стражей,
К многолюдной площади вели.
Пойман был. С поличным. Был опознан
И вину признал перед судом.
А всему виною были звезды,
Но о них подробнее потом...
По земле сырой и сущесчаной,
Край родной покинув навсегда,
Юноша веселый и курчавый
Проходил, минуя города.
Было сердце теплым. Был пытливым
Взгляд его упрямый и сквозной.
Он внимал приливам и отливам
Моря, неразлучного с весной.
Узнавал листвы зеленой шорох,
Облаков различные цвета,
Берега отлогие, в которых
Беспокойно плещется вода,
Вспоминал забытых дней печали
И друзей, не вспомнивших о нем.
Видел мир, который был вначале
Населен лишь ветром и огнем:
Приозерный, лиственный, болотный,
Ставший солнцем, звездами, луной,
Теплыми туманами и плотной
Грунтовой породой земляной.

«Пусть звезда дотлеет одиноко,
Истребляя нежилую тьму.
Все равно безбрежен мир. Иного
Нет ему названья. Потому,

Что леса таят от взоров наших
Буйные весенние пиры.
Дерева несут в плетеных чашах
Животворной зелени пары,
Птицы спят, покачиваясь в гнездах,
Гром гремит, нешаден и суров,
Пронсясь с планетой мимо звездных
Теплых и померкнувших миров».

Мир велик. Сжигает солнце степи.
Белый снег метелицы метут.
А его, закованного в цепи,
К многолюдной площади ведут.

И Земля в пути. Шумят долины.
Тихо осыпаются цветы.
Впереди кометы, как павлины,
Расправляют сизые хвосты.
Освещая путь, неповторимо
Метеоры падают в простор.
Все дороги в Рим ведут. А в Риме
Человек восходит на костер.
В этот миг он вспомнил вновь, быть может,
То, с чем он смирился на суде:
Он отныне губы не приложит
Ни к девичьей коже, ни к воде.
Не увидит радуги над лесом,
Тополей шумящую толпу.
Он стоит, прикрученный железом
К площадному голому столбу.
Шел бы он за тучей дождевою,
И, отраду в этом находя,
Слушал бы шумливое, живое
Беспокойство доброе дождя.
На его пути трава росла бы.
Он опять увидел бы в лесу,
Как звереныш стряхивает с лапы
Колкую, холодную росу,
Как в ночи кочуют в иноземье,
Словно первобытные стада,
Семьи звезд — единственные семьи,
Что отца не знали никогда.
Он внимал бы снова шуму вишен,
Ни тоски не зная, ни обид.
Значит, снова был бы мир недвижим,
Сферами хрустальными накрыт.
Но живет, горда, неодолима
Им произнесенная хула.

Вероятно, плачет Саволина,
В воздухе плывут колокола.
Все живет. Подножья гор покатых
Свежей покрываются травой,
И стоят дубы в зеленых латах,
Небо подпирая головой,
Пролетают аисты над лесом...

Выпрямясь, не глядя на толпу,
Он стоит, прикрученный железом
К площадному голому столбу.

1935

* * *

Когда на город сицилийский ¹
Войною римляне пошли
И в чаянье победы близкой
Осаду с моря повели,
Они, привыкшие к победам,
Забыли, злобою горя,
Что ты отчизной Архимеда
Была, опальная земля.
И этот своевластный гений,
Доныне чтимый меж людей,
Винovníк смелых откровений
И хитроумнейших затей,
Строитель, полный дерзновенья,
И в числа верящий мудрец,
Явил высокого служенья
Неповторимый образец:
Тогда орудия восстали
На осажденном берегу
И камни тяжкие метали
Навстречу гордому врагу.
И было воздано сторицей
За посрамленье и хулу,
И краны мощною десницей
Корабль кидали на скалу ².
Любуюсь воли устремленьем,
С которым сверстник молодой,
Охвачен трезвым вдохновеньем,
Рисует облик черновой
Машины новой иль строений,
И мощи полных и красы.

¹ Сиракузы.

² Буквально.

Люблю часы уединений,
Раздумий милые часы,
Люблю — и все тому порука —
Мои студенческие дни.
Люблю сынов твоих, Наука,
Нам равно дороги они —
Будь то мрачайшие лингвисты,
Иль те, что атомы дробят,
Иль те, что в Пулковке холмистом
Планет движение следят:
Ведь если в древних Сиракузах
Ученый воином предстал, —
И нам не будешь ты обузой,
Науки грозный арсенал!

1938

ГОРНАЯ РЕЧКА

Я глянул вниз. Блестя, на дне ущелья
Змеился речки узкий поясок.
Тысячелетья, будто с ясной целью —
Плечо горы рассечь наискосок, —
Трудилась речка.
Дело шло неспоро,
Но медленно точась среди камней,
За веком век пилила речка гору
Серебряною пилочкой своей.
Одним упорством в давнем поединке
Была она, чуть видная, сильна.
Преграду размывала по песчинке.
И вот смотри, что сделала она.
Стоит гора, унижена в гордыне,
Как будто бы рассечена мечом.
Красе ущелья мы дивимся ныне.
А речка, будто вовсе ни при чем,
Течет себе, так кончив спор с горою,
Как не могли б ни порох, ни тротил.
Так труженик не верит сам порою,
Что он за век свой горы своротил.

Ущелью дали имя. Словно в сказке,
В полдневный час оно открылось нам.
Скажи мне, друг, как будет по-абхазски
Настойчивость — я речке имя дам.

1951

ВАСЯ-ВАСИЛЕК

— Что ты, Вася, приуныл,
Голову повесил,
Ясны очи замутил,
Хмуришься, невесел?
С прибауткой-шуткой в бой
Хаживал, дружок,
Что случилось вдруг с тобой,
Вася-Василечек?

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

— Бить врага — вопрос другой, —
С шуткой веселее.
Нет письма от дорогой —
Думушки темнее.
Письмеца недель пяток
Почта не приносит.
Понимаешь ли, браток,
Сердце ласки просит.

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

— Что ж ты, Вася, друг большой,
Зря себя так мучишь!
Если любит всей душой —
Весточку получишь.

Не захочет написать —
Значит позабыла.
Значит — надо понимать —
Вовсе не любила.

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

Прижимай к плечу плечо —
Дружба остается,
Если сердце горячо —
Девушка найдется.
Нынче больно — не тужи,
Завтра твой денечек,
Выше голову держи,
Вася-Василечек!

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

ХОРОШИ ВЕСНОЙ В САДУ ЦВЕТОЧКИ...

Хороши весной в саду цветочки,
Еще лучше девушки весной.
Встретишь вечерочком
Милую в садочке —
Сразу жизнь становится иной.

Мое счастье где-то недалечко,
Подойду да постучу в окно.
Выйди на крылечко
Ты, мое сердечко,
Без тебя тоскую я давно.

В нашей жизни всякое бывает,
Набегают с тучами грозы.
Туча уплывает,
Ветер утихает,
И опять синют небеса.

Хороши весной в саду цветочки,
Еще лучше девушки весной.
Встретишь вечерочком
Милую в садочке —
Сразу жизнь становится иной.

ЛЕВИТАН

1

Мы возмужаем и верней оценим
Простые краски, точные слова.
Вот снова светит в золоте осеннем
Чуть тронутая солнцем синева.

И если ты художник, если зорок
Твой меткий глаз и обострен твой слух,—
Туманной тропкой выйди на пригорок,
Прислушайся и оглянись вокруг.

Перед тобой, как странницы босые,
Воспоминанья летние тая,
Бредут березы в дальние края,
А ветер тени путает косые,
Шумят грачи. Так вот она, Россия,
Твоя любовь, бессонница твоя.

2

Смерть не страшна. Безделье хуже смерти.
С тоской не разлучается оно.
Раскинуто окно. И на мольберте
Укреплено тугое полотно.

Прозрачен день. Вглядись и кисти вытри.
Ты мастер. Будь расчетлив, строг и прост.
Есть тишина, есть краски на палитре,
Чтоб звон листвы перенести на холст.

Повесить паутинки золотые,
Пустить тропинки по лугу витые,

Ключей щеткой выровнять жнивье
И, оглянув пустынное жилье,
Забыть про все. Перед тобой Россия,
Твоя любовь, бессмертие твое.

3

Где б ни был ты — душа природы русской
Была с тобой. Ты позабыть не мог
Ни пруд забытый с мельницей-раструской,
Ни ветхий дворик, ни туманный стог.

Преодолев житейские тревоги,
Ты видел: сыновья моей земли
По каторжной Владимирской дороге
В распахнутое будущее шли.

Над их судьбой задумавшись впервые,
Ты вспомнил все тропинки полевые
И ответ зорь на берегу ручья.
Ты понял: сны и чаянья людские
Такой же явью сделает Россия,
Твоя любовь, бессонница твоя.

1940—1942

* * *

Ире

Бой шел всю ночь, а на рассвете
Вступил в село наш батальон.
Спешили женщины и дети
Навстречу нам со всех сторон.

Я на околице приметил
Одну девчонку, лет пяти.
Она в тени столетних ветел
Стояла прямо на пути.

Пока прошли за ротой рота,
Она не опустила глаз
И взглядом пристальным кого-то
Разыскивала среди нас.

Дрожал росой рассвет погожий
В ее ресницах золотых.
Она на дочь мою похожей
Мне показалась в этот миг.

Казалось, все дороги мира
Сошлись к седой ветле, и я,
Себя не помня, крикнул: «Ира,
Мой птенчик, ласточка моя!»

Девчонка вздрогнула и, глядя
Колонне, уходящей вслед,
«Меня зовут Марусей, дядя»,—
Сказала тихо мне в ответ.

«Марусей? Ах, какая жалость!» —
И поднял на руки ее.
Она к груди моей прижалась,
Дыханье слушала мое.

Я сбросил груз дорожных тягот.
«Ну что же, Ира, не ревнуй!» —
Всю нежность, что скопилась за год,
Вложил я в долгий поцелуй.

И по дорогам пропыленным
Вновь от села и до села
Шагал я дальше с батальоном
Туда, где дочь меня ждала.

1942

* * *

В юности мы спрашивали часто:
На какой тропе искать нам счастья?
И постигли, побродив по свету,
Что особых троп у счастья нету.

Где б ни шли мы — счастье с нами рядом,
Только надо видеть зорким взглядом,
Только слышать чутким ухом надо,
Чтоб узнать его, моя отрада.

Счастье — непредвиденный заране
Огонек, мерцающий в тумане,
В знойный полдень родничок студеньи,
Путь далекий, до конца пройденный.

Сладкий вздох перегоревшей муки,
Верность, сохраненная в разлуке,
Встреча у отцовского порога,
А наутро — новая дорога.

Новые тревоги и заботы,
Новых троп крутые повороты,
Что всегда ведут к родному краю, —
А иного счастья я не знаю.

1946

ХОДИТ ПО ПОЛЮ ДЕВЧОНКА

Вешним солнцем окроплен,
Прорастает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Та девчонка — егоза,
Золоченые глаза,
Про которую над речкой
С ветром шепчется лоза.

Я поклон от них принес
Дружной паре русских кос
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорей пророс.

Синим утром удивлен,
Зацветает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Ходит вдоль и поперек,
До заката путь далек.
Заглянуть в глаза девчонке
Хочет каждый стебелек.

На виду окрестных сел
Я в одну все тропки свел
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорей зацвел.

Ярым солнцем опален,
Поспевает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Ветер, что ли, виноват,
Что девичьим думам в лад
Золоченые головки,
Как бубенчики, звенят.

Кое-что сказать успел
Я девчонке между дел
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорей поспел.

Льются, льются голоса —
Лен на славу удался,
Волокнистый, шелковистый,
Словно девичья коса.

Слышишь полных чарок звон,—
Пей до дна за долгий лен,
За девчонку-сговоренку,
Ту, в чьи косы я влюблен.

1948

БАЛЛАДА О ПОРТРЕТЕ

Не в мастерской художника, где краскам
Дано грустить и радоваться, нет,—
В глухом лесу, в становье партизанском,
Тот необычный создан был портрет.

Когда над лесом проносились грозы
И гром гремел на языке чужом,
Среди поляны на коре березы
Его разведчик вырезал ножом.

И стало вдруг светло под небом хмурым.
И сразу все поверили — он здесь.
Глядит сквозь чашу точный глаз с прищуром,
И мир пред ним — как на ладони весь...

К нему тянулись тропки по оврагу,
Где шепотком деревья говорят,
Ему спешили принести присягу
Все, кто отныне приходил в отряд.

Что были им немецкие угрозы,
Кто мог их след невидимый найти,
Когда в лесу из-под шатра березы
Сам Ленин им указывал пути!

И час возмездья видел мститель грозный,
Одним его присутствием согрет...
Не зря теперь меж мрамором и бронзой
Поставили в музей тот портрет.

1948

* * *

Когда в Москве в концертном зале
Ты песню русскую поешь,
К твоим ногам из дальней дали
Косые волны гонит рожь.

Мерцают жнивья за дорогой
У непротоптанной тропы,
Где ты девчонкой босоногой
Вязала первые снопы.

Где, забывая про усталость,
Ты запевала на ветру
О том, что в поле примечталось
Под звон колосьев поутру.

О скорой встрече у колодца,
У ключевого родника...
И песня льется, песня льется,
Как летний полдень, широка.

Ей тесно там, в концертном зале,
И, всем ветрам наперекор,
Она летит в родные дали,
Как эхо рвется на простор.

Ей все пути открыты в мире,
Где горизонт высок и чист,
И ловит голос твой в эфире
На полевом стану радист.

Вот он кружится над дорогой,
Над тонкой прошвой той тропы,
Где ты девчонкой босоногой
Вязала первые снопы.

Где за тобой сияло лето
У синих роц, у ясных вод...
Девчата слушают: ведь это
Сестра их юности поет!

1950

* * *

Шумит зеленый ветер мая,
Вчерашний след зарос травой.
Девчата, рук не разнимая,
Идут дорожкой полевой.

Тепла дорожка полевая,
Видна, куда ни поверни,
И, о разлуке запевая,
О встречах думают они.

Их, как мечты о счастье, манят,
Так далеки и так близки,
Чуть уловимые в тумане
Блуждающие огоньки.

То за рекой, за речкой быстрой,
Там, где черемухе цвести,
В полночном поле трактористы
Спешат зарю с зарей свести.

1952

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Он первый, самый первый, ранний,
Ему еще знаком покой,
Ведь он еще не знал свиданий
С полями, рощами, рекой.

Ведь он земли едва коснулся —
И всюду радостно ему.
Он в небе спал, а здесь проснулся...
Еще он первый потому,

Что принял утром на морозе
Не танковые колеи,
А мирный ровный бег полозьев,
Шаги мои, шаги твои.

При нем деревья будто выше,
При нем воздушнее мосты,
Синей дымок над дальней крышей,
Моложе и красивей ты.

Опушка, утро, косогоры,
Речная гладь, тропинка, смех,
И тишина, и наши взоры —
Все это первый ранний снег.

Идем, а он кружится, белый,
Легчайшей из земных утех.
Что хочешь пой, что хочешь делай —
И не пятнай свой первый снег.

1945

БЕЛЫМ-БЕЛО

Твержу задание свое:
На карте есть деревня Эн,
И нужно отыскать ее,
Не угодить ни в смерть, ни в плен...
Закат пургою замело —
И тьма и ни звезды взамен!
Белым-бело, белым-бело...

Все снег да снег, все снег да снег.
Захлебываюсь, но иду.
Я шел бы даже и в бреду —
И целый час, и день, и век,
Назло пурге, себе назло, —
Так скроен русский человек.
Белым-бело, белым-бело...

Прошел заставу вражью я,
И кто-то громко закричал,
И в ногу мне свинец попал, —
И ногу мне насквозь прожгло.
Спасла пурга-ворожея.
Идти мне, братцы, тяжело.
Белым-бело, белым-бело...

Мороз и ветер. Я продрог.
По горло снег, все снег да снег!
Нет сил моих и нет дорог —
Кружусь, наверно, целый век.
Ползти мне, братцы, тяжело.
Не вижу неба и земли.
Ворчат орудия вдали.
Белым-бело, белым-бело...

Хочу, чтоб знал мой генерал,
Что не попал солдат впросак,
Что я не умер просто так —
Что много раз я умирал,
Что много раз я воскресал,
Что я искал, искал, искал,
Что вправду было тяжело...

Белым-бело, белым-бело...

1945

АИСТЕНОК

Орешник. Поле. Тихо-тихо
Простился август невзначай,
И аистенка аистиха,
Взлетая, манит в дальний край.

А он поводит носом длинным,
Не в силах ей в глаза глядеть:
Привыкший к рощам и долинам,
Не хочет никуда лететь.

Но знает мать, кружась в печали:
Сын лишь неведеньем храним.
Вот он взлетит, увидит дали —
И не угнаться ей за ним!

1945

ТОНЯ

Синий домик в предместье,
Стены старые голы.
Вобла с чаем и песни
На мотив Карманьолы.

И отсюда к вокзалу
Со ступенек скрипучих
Комсомольцы, бывало,
Мимо ветел плакучих .
Уходили в сраженья,
Расставались без срока...
В предвечернем свеченье
Плыло небо высоко.

Кто б сказал, что когда-то
По забытым приметам,
По угасшим закатам,
По истлевшим газетам
В тихих сумерках комнат
Городского музея
Нашу юность припомнят,
Вновь подружатся с нею?

...По ступенькам всхожу я
(Их давно починили),
Снявши каску, гляжу я,
Кем мы в юности были.

Вот они, протоколы
Самых первых собраний,
Вот листки Карманьолы
Неизвестных изданий.
Письма с фронта. Гранаты.
«Смит-Вессон». Портупея.
Возле карточки Наты
Строгий профиль Сергея.

В черной рамке, в овале,
В легком облачке тонет
Та, которую звали
Нашей тоненькой Тоней.
Непослушные косы!
Дней былых запевала!
От дымка папиросы
Ты, зажмурясь, чихала.
Руки девичьи ловко
Заплетали ромашки,
Из тяжелой винтовки
Била ты без промашки.
Ты ходила в походы,
Как в грядущие годы,
Самодельное знамя
Поднимая над нами.
Помню, как ты к крылечку
Прибывала дощечку,
Хмурия лоб деловито,
Так наивно-знакомо:
«Все на фронте. Губкома
Помещение закрыто».

...Грустью веяли росы
На поблекших купавах,
И раскинулись косы
Мертвым золотом в травах.
Где грозой у сторожки
Подпалило ракиты,
Песню, в платье с горошком,
Растрезали бандиты.

...В синем доме хожу я,
Снявши каску, гляжу я,
Как мы жили, дружили,
Кем мы в юности были!

Нас в буране крутило —
Не сорвало с причала;

Пуля в поле ловила —
Все равно не догнала.
В битвах падая с седел
У раскидистых ветел,
Прорывалось сквозь время
Наше дружное племя.

...За рекой, на пригорке,
Батарея грохочет.
Мой шофер в гимнастерке
У машины хлопочет.
До свиданья, ребята,
До свиданья, девчата,
До свиданья, родные!
Нам врага-супостата
На смерть бить не впервые.
Даже смерти ладони
Тронем мы хладнокровно.
Правда, Тонечка, Тоня,
Антонина Петровна?

Реет в ветре над нами
Светлой юности знамя.

1945

ПЕРВАЯ В ЯКУТИИ

Когда заметно потеплело
И стала глубь тайги светла,
Тогда из зернышка несмело
Былинка тонкая взошла.

О ней была статья в газете,
О ней по радио поэт
Стихи читал, и строки эти
Запомню я на много лет.

Былинка крепла и, кудрявясь,
Солнцелюбива и стройна,
Она дала листки и завязь,
Она с крыльца была видна.

Чтоб яблоньку пурга не смяла
И ветры не свалили с ног,
Склонясь, республика дышала
На драгоценный черенок.

А тот, кто зернышко впервые
Сажал с тревогой у воды,
Кто сберегал цветы живые,—
Тот слышит, как шумят сады...

Когда-то дед его отсюда,
Сжав лук, смотрел вослед стреле.
А внук сегодня создал чудо
И подарил скупой земле.

1948

Лев Ошанин

* * *

Кем я был на войне?
Полузрячим посланцем из тыла,
Забракованный напрочно всеми врачами земли.
Только песня моя
с батальоном в атаку ходила, —
Ясноглазые люди ее сквозь огонь пронесли.
Я подслушал в народной душе
эту песню когда-то
И, ничем не украсив, тихонько сказал ей: «Лети!»
И за песню солдаты
встречали меня как солдата,
А враги нас обоих старались убить на пути.
Что я делал в тылу?
Резал сталь огневыми резцами.
Взявшись за руки,
в тундре шагали мы в белую мглу.
Город строили мы, воевали с водой и снегами.
С комсомольских времен никогда не бывал я в тылу.
Дай же силу мне, время, —
сверкающим словом и чистым
Так пропеть, чтоб цвели небывалым цветеньем поля,
Где танкисты и конники
шляхом прошли каменистым,
Где за тем батальоном дымилась дорога — земля.

1945

ДОРОГИ

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В степь убегает родная дорога,
В синие дали,
В милые дали.
Мать ожидает меня у порога
В тихой печали,
В женской печали.
Смотрит, вздыхая,
Вновь вспоминая,
Как на березах листья шелестели,
Как уходил я в походной шинели
Пасмурным утром в туманную даль.

А быть может, ты, мама, как встарь,
Все глядишь на родную сторонку:
Не идет ли знакомый почтарь,
Не несет ли тебе «похоронку»?
Дорогая! Не плачь обо мне
В одинокой своей тишине,
Не смотри на дорогу с тоской, —
Я, как прежде, с тобой.

Ты и не ждешь, а дороженька вьется
К милому дому,
Дому родному.
Вот и плетень и журавль у колодца, —
Все тут знакомо,
С детства знакомо.
Ставни резные,
Двери родные...
Ты на крылечко бежишь мне навстречу.
Дай обниму твои старые плечи.
Руки в морщинах поглажу твои.

Что же ты плачешь? Взгляни — это я.
Не навек нас война разделила.
Материнская дума твоя
И любовь твоя сына хранила.
Ну, а хочешь — поплачь, не стыдись.
Сквозь слезу на меня наглядись.
Эти слезы, как дождик весной,
Пробегут надо мной.

1945

УЩЕЛЬЕ

Тихо в молибденовом ущелье,
Залитом полярной белой мглой.
Спит гора под снеговой шинелью,
Елочки прикрыв одной полой.
И палатку на знакомом склоне
Отыскать я сразу не могу.
Вот она — дымком зовет и тонет,
Как землянка, глубоко в снегу.
Тает на моих ресницах иней,
Мне картошка обжигает рот.
Как ямщик замерз в глухой пустыне,
Из Москвы нам Лемешев поет:
«Степь да степь...» Но, песню прерывая,
Рядом,

 в толще каменной гряды,
Ворвалась внезапно буровая
В самый твердый в мире пласт руды.
А Москва лишь слышится и снится.
Что Москва! В холодной мгле дорог
Из палатки чудится столицей
Даже наш полярный городок.
А уйдешь в снега под звезд мерцанье —
Там, в пустыне белой, неживой,
Кажется, что в центре мирозданья
Огонек палатки буровой.

Тихо в молибденовом ущелье,
Лишь копыт оленьих перебор.
Я спешу к другому новоселью
В белых складках непочатых гор.

Путь олений однотонен, долог
По хрустящей снежной целине.
И уже полярный звездный холод
Заглянул под малицу¹ ко мне.
То как руки белых великанов,
То как тени башни ледяной,
Сполохи — предвестники буранов —
По небу проходят надо мной.
Маленький под тенью млечных башен,
По-хозяйски я гляжу во мглу.
Мрак не вечен и мороз не страшен,
Если едешь от тепла к теплу.

1946

¹ М а л и ц а — меховая верхняя одежда.

ОЛЕНЕНОК

Мы олененка взяли на руки
И тропами глухой земли
С сырых камней Медвежьей вараки ¹
В наш новый город принесли.

На одеялах, щедро посланных,
Он вырос в городском дому.
И мы вчера, уже как взрослому,
Овса насыпали ему.

А он стучал рогами новыми, —
В тепле согреться он не мог, —
За дверь с непрочными засовами
Ушел на снежный холодок.

За речкой, в нашем старом лагере,
Забыв про дружбу и ночлег,
Искал он сладкий стебель ягеля,
Копытцем разрывая снег.

Глядим мы на гору из форточки —
На меркнувший полярный день.
Наш край такой же несговорчивый,
Как этот маленький олень.

1946

ГИМН ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ МИРА

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем.
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем.
В разных землях и странах,
На морях-океанах
Каждый, кто молод,
Дайте нам руки, —
В наши ряды, друзья!

Песню дружбы запекает молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь!
Нам, молодым,
Вторит песней той
Весь шар земной.
Эту песню не задушишь, не убьешь!

¹ В а р а к а — маленькая гора.

Помним грохот металла
И друзей боевых имена.
Кровью праведной алой
Наша дружба навек скреплена.
Всех, кто честен душою,
Мы зовем за собою.
Счастье народов,
Светлое завтра
В наших руках, друзья!

Молодыми сердцами
Повторяем мы клятвы слова.
Подымаем мы знамя
За священные наши права!
Снова черные силы
Роют миру могилу,—
Каждый, кто честен,
Встань с нами вместе
Против огня войны!

Песню дружбы запеваеt молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь!
Нам, молодым,
Вторит песней той
Весь шар земной.
Эту песню не задушишь, не убьешь!

1947

НА ОСТРОВЕ МАРГАРИТЫ¹

Кустами зелеными сцена покрыта,
Над зрительным залом звезды цветут.
Сегодня на острове Маргариты
Дальние страны концерт дают.

Непривычная музыка, крупные бусы...
Глядим мы и слушаем в тишине,
Как поют мальгаши², как танцуют индусы,
Как малайцы звенят на одной струне!
И под яркими прожекторами,
В таинственной зелени южных широт,
С халатами, гонгами и чалмами,
Всплывает Индия перед нами,

¹ Остров на Дунае, в Будапеште, где происходила часть концертов Всемирного фестиваля молодежи.

² Мальгаши — жители острова Мадагаскар.

ДОЧЬ

Разутюжила платье и ленты. С платочком —
К материнским духам... И шумит. И поет.
Ничего не поделаешь, выросла дочка —
Комсомольский значок и шестнадцатый год.
— Ты куда собралась? — я спросить ее вправо.
— Мама знает, — тряхнула она головой.
— Мама — мамой. Но что ж ты со мною лукавишь?
Я ведь, девочка, тоже тебе не чужой! —
А Татьяна краснеет. Вовек не забыть ей
То, о чем я сейчас так случайно спросил:
У девчонки сегодня большое событие —
Первый раз ее мальчик в театр пригласил.
Кто такой? Я смотрю мимо глаз ее, на пол.
Парень славный и дельный. Но тихая грусть
Заполняет мне душу.
— Ты сердисься, папа?
— Что ты, дочка! Иди. Я совсем не сержусь.

Белый фартук нарядный надела она.
Звучно хлопнула дверь. Тишина.

Почему же так грустно? Что выросла Таня?
А ведь Танина мама, чей смех по весне
Так же звонок и светел, как в юности ранней,
Все порой еще девочкой кажется мне.
Долго тянется вечер — секунды заметней...
Я сижу, вспоминая сквозь тысячи дней,
Был ли бережен с тою, шестнадцатилетней,
С полудетскою, с первой любовью моей.

1953

НАЧАЛЬНИК РАЙОНА ПРОЩАЕТСЯ С НАМИ

Начальник района прощается с нами.
Немного сутулый, немного усталый,
Идет, как бывало, большими шагами
Над кромкою шлюза, над трассой канала.
Подрубленный тяжкой глубокой болезнью,
Он знает, что больше работать не сможет.
Забыть о бетоне, забыть о железе
Строителю в жизни ничто не поможет.
Немного сутулый, немного усталый,
Он так же вот шел Беломорским каналом.
Он так же фуражку снимал с головы
И лоб вытирал на канале Москвы.

И все становилось понятнее сразу,
Едва промелькнет его выцветший китель.
А папки его рапортов и приказов —
История наших великих строителей.
И вновь вспоминает начальник суровый
Всю жизнь кочевую, что с ветром промчалась,
Дорогу, которую — дай ему снова —
Он снова ее повторил бы сначала.

И только одно его душу тревожит,
И только одно возратить он не может:
Опять вспоминаются милые руки
В заботливой спешке, в прощальной печали.
Не слишком ли часто они провожали,
Не слишком ли длинными были разлуки?
А если и вместе —

ночей не считая,
С рассвета в делах и порой до рассвета,
Он виделся с ней лишь за чашкою чая,
Склонясь над тарелкой, уткнувшись в газету.
В заботах о людях, о Доне и Волге
Над Ольгиной он и не думал судьбою.
А сколько ночей прождала она долгих,
А как расцветала под лаской скупой...
Казалось ему — это личное дело,
Оно не влезало в расчеты и планы,
А Ольга Андреевна пока поседела,
И, может быть, слишком и, может быть, рано.
Он понял все это на койке больничной,
Когда она, слезы и жалобы пряча,
Ладонь ему клала движеньем привычным
На лоб дорогой, нестерпимо горячий.
А дети —

их трое росло-подрастало.
Любил он их сильно, а видел их мало.

Начальник района прощается с нами,
Впервые за жизнь не закончив работы:
Еще не шумят берега тополями,
Не собраны к шлюзу стальные ворота.
А рядом с начальником в эту минуту
Прораб «восемнадцать» идет по каналу.
Давно ли птенец со скамьи института —
Он прожил немного, а сделал немало.
Сегодня, волнуясь, по трассе идет он,
Глядит на дорогу воды и бетона.
Мечты и надежды, мосты и ворота
Ему доверяет начальник района.

Выходит он в путь беспокойный и дальний.
Что скажет ему на прощанье начальник?

О том, как расставить теперь инженеров?
Как сделать, чтоб паводок — вечный обманщик —
Пришел не врагом, а помощником верным?
Об этом не раз уже сказано раньше.
И так необычно для этой минуты
Начальник спросил:

— Вы женаты как будто?

И слышит вчерашний прораб удивленно,
Растерянно глядя на выцветший китель,
Как старый суровый начальник района
Ему говорит:

— А любовь берегите.

Над кромкою шлюза стоят они двое.
Отсюда сейчас разойдутся дороги.
И старший, как прежде кивнув головою,
Уйдет навсегда, похудевший и строгий.
Сдвигает сочувственно молодость брови,
Слова утешенья уже наготове.
Но сильные слов утешенья боятся.
Чтоб только не дать с языка им сорваться,
Начальник его оборвал на полслове.
Горячую руку ему подает,
А сам говорит, сколько рыбы наловит
И как он Толстого всего перечтет.
В тенистом саду под кустами сирени
Он будет и рад не спешить никуда,
Припомнить промчавшиеся года,
Внучонка-вьюна посадить на колени...
Починят, подправят врачи на покое,
И, может быть, снова здоровье вернется, —
Пускай небольшое, пускай не такое,
Но дело строителю всюду найдется.

Немного сутулый, немного усталый,
Идет он к поселку большими шагами.
Ему благодарна земля под ногами
За то, что он строил моря и каналы.
Идет он счастливый, как все полководцы,
Чей путь завершился победой большою.
Идет он к поселку навстречу покою,
А сердце в степи позади остается.
Ему б ни чинов, ни отличий...

Признаться,

Он слишком привык к этим кранам плечистым —
Ему бы остаться, хоть на год остаться
Прорабом, десятником, машинистом...
А дышится тяжело, а дышится худо.
Последняя ночь. Он уедет отсюда.
Но здесь он останется прочным бетоном,
Бегущей водой, нержавеющей сталью,
Людьми, что он вырастил, целым районом,
Великой любовью и светлой печалью.

1953

ЗОЯ ПАВЛОВНА

Все уже в конторе этой новой
Знают, что над ней шутить нельзя,
Что у Зои Павловны Стрельцовой
Тихие и грустные глаза.
Серенькое платье в полдень летний,
Серенькая кофточка зимой...
Все старается понезаметней,
Все молчком, сутулясь, стороной.
Словно все, что в жизни ей осталось,—
Тоненько поскрипывать пером.
Словно села здесь и попрощалась
С тем, что в жизни радостью зовем.
А сегодня...

Нет, на самом деле,
Что случилось?

Плавен взмах руки.
Щеки у нее порозовели
И в глазах мелькнули огоньки.
Что случилось?

Просто к ним в контору,
На плечах неся веселый снег,
По пути зашел Иван Егорыч —
Мало ей знакомый человек.
Оказалось, что улыбкой можно
В женском сердце вдруг разрушить мир.
Для чего же так неосторожно
Ты ей улыбнулся, бригадир?
Угадал в ней что-нибудь такое,
Что закрыто для других людей?
Или, полный радостью другою,
Невзначай ты подшутил над ней?

А она могла бы быть красивой,
Только надо посмелей глядеть,

Не бежать от радости пугливо,
Понарядней кофточку надеть.
И была-то Зоя не такой.
Вспомним юность над родной рекой.
Зоя, зайка, зайныка, зайчонок!
Был ли кто звончей среди девчонок!
Счастье пело над лесистой Камой
В сочных травах, в блеске снеговом,
Закружило и помчало замуж
В солнечном году сороковым.
Как ловил он каждый взгляд невесты,
Как хмелел от робких ласк жены.
Вася, Вася...

Он погиб под Брестом
Хмурым летом в первый год войны.
Девочка еще наполовину,
Вся любовью полная живой,
В девятнадцать, в час рожденья сына,
Матерью ты стала и вдовой.
Так сломалась песня с полуслова.
Сколько вас —

огнем обожжена —
Чуть не сразу из невест во вдовы
Записала горькая война!
В комнате, где все о нем шептало.
Сколько Зоя плакала сначала,
Недоцеловав, недолюбив.
Сколько лет, по-прежнему влюбленной,
Все ждала, не веря почтальону,
Все хранила думку, что он жив.
А когда однажды на закате
Поняла, что больше ждать нельзя, —
Смастерила серенькое платье,
Потушила карие глаза.
А сынок растет, как яшень.

Можно
В материнстве обрести свой мир.
Для чего же так неосторожно
Ты ей улыбнулся бригадир?

А быть может, угадаешь ты,
Что не встретишь сердца ты заветней.
До ее высокой красоты
Далеко иной двадцатилетней.

1954

РУБАШКА

Я верную руку почувствовать рад.
О Пабло Неруда, мой названный брат!
На празднике двадцатилетних юнцов
Мы встретились, съехались с дальних концов.
За правду в могучих стихах,

как и вы,

Его я любил издалёка,
А я для него был частицей Москвы,
Был просто приветом с Востока.
И мы подружались у юных костров,
Где чувства острее и прямее.
И мы понимали друг друга без слов,
Слова понимать не умея.
Стук братского сердца я слышать был рад,
О Пабло Неруда, мой названный брат!

Забить ли, как, в путь собираясь опять.
Для жизни изгнанника тяжкой,
Мне Пабло вручил перед тем, как обнять,
На память вот эту рубашку.
А я подарил ему папку в ответ,
Платок фестивальный, всем флагам под цвет.
И только в Москве лишь узнал я о том,
Какой мне подарок вручили, —
Как прежде в России нательным крестом,
Рубашкой

братаются

в Чили.

И если ты братство согласен принять —
Обязан ты с тела рубашку отдать.
Не знал он, а было мне горько до слез, —
Хоть я не показывал виду, —
Что гордый чилийский изгнанник увез
С костра нашей дружбы обиду.

Пусть ложным был стыд, а не виделся я
С Нерудою года четыре,
Он едет в Москву, я в иные края.
Дороги не считаны в мире.
Но разве по мне эти прятки, друзья?
Любовь к нему разве ослабла?
Не лучше ли прямо сказать, не тая,
При людях:

— Прости меня, Пабло!

С народной вышивкой нашей — в ответ —
Возьми-ка вот эту рубашку, поэт,

Носить ее в Чили тебя я прошу,
Как я твой подарок люблю и ношу.

Пускай мне немного она широка,
Пускай рукава длинноваты слегка, —
Но чувствую в ней я, далекий мой друг,
Бугры твоих мышц и тепло твоих рук,
Я слышу, как сердца удары гремят,
О Пабло Неруда, мой названный брат!

1956

ПАРОДИИ

НЕ ЛЮБОВЬ, А КАРТОШКА

(Евгений Долматовский)

Девчонка из нашей бражки
Работала в многотиражке,
И часто по вечерам,
Схвативши под мышку книжку,
Она бежала вприпрыжку
На репетицию в ТРАМ.

Как лучшую из девчонок,
Я, кажется, с самых пеленок
Безумно ее любил...
(Чему вы смеетесь, девчонки?!)
Она жила на Волхонке,
А я на Арбате жил.

И вышло такое дело:
Она играла в «Отелло»
С большим подъемом. И вдруг —
В ее золотые кудряшки
И стоптанные туфляшки
Влюбился мой лучший друг.

И вот, постольку-поскольку
В Вальку влюбился Колька,
Ударник и бригадир,
Вскоре на почве ТРАМа
У нас разыгралась драма,
Какой не знавал Шекспир!

Чтоб в корне замаять это дело,
Пришли мы к заворготделу
(На сердце такая мурал!)
И просим послать надолго:
Меня на Нижнюю Волгу,
А Кольку на Верхний Урал...

Заворг, улыбнувшись неловко,
Сказал нам, вручая путевку:
— Ребята! Бросьте бузить!
На Курском в дырявых вагошках
Лежит не любовь, а картошка,
И надо ее разгрузить!

И вот мы с Колькой на пару
Ссыпали картошку в тару.
Картошка была на ять!
Потом, разгрузив картошку,
Мы вместе пошли в киношку
И дали друг другу пять!

1934

О СУХОВЕЕ И „МОСКВОШВЕЕ“

(Сергей Смирнов)

Я живу в квартире коммунальной,
Где нашел буквально рай земной
Со своею индивидуальной,
Интеллектуальной женой.

И живут в квартире вместе с нами
Старый слесарь, в прошлом молодой,
Плотник с антикварными усами,
Токарь с уникальной бородой.

Давний враг степного суховея,
Безусловно я иду вперед
В пиджаке системы «Москвошвея»
И в ботинках фирмы «Скороход».

Муза нестандартного размера
Мне открыла к славе все пути.
Я спрошу у милиционера:
— Где тут ближе в классики пройти?

А в стране — снимают урожай,
Ставят телеграфные столбы,
Добывают нефть, детей рожают,
Удят рыбу, ходят по грибы.

И еще скажу, что прошлым летом
Волго-Дон, сооруженный в срок,
Был открыт. Присутствовал при этом
Персонально автор данных строк.

Там, где экскаватор и бульдозер
Перевыполняли план работ,
Я стоял в весьма активной позе —
Шум плотины заносил в блокнот.

Между тем, шутя и балагуря,
Нашим планам всем в противовес,
Антигосударственная буря
Поломала дефицитный лес...

Мимо котлована, мимо тына
Я шагаю, не жалея ног,
Есть на то особая причина:
Тороплюсь в подшефный «Огонёк»!

1953

КОЛОСЬЯ

На Волгу, станется, поеду,
туда, где ранен, стыл на льду,
и по проложенному следу
я в полдень по полю пройду.

Мне кажется, я разрыдаюсь,
когда, касаясь щек и лба,
на грудь, на шею мне кидаясь,
со мной заговорят хлеба.

Не я бросал здесь в землю зерна,
а вот стоят, как сыновья,
хлебá, в чьи крохотные корни
вошла весною кровь моя.

1943

ЗАПАСНЫЙ ПОЛК

Расквартированный на лето,
где ели сшиблись в тесноте,
полк поднимался до рассвета,
а спать ложился в темноте.

Свое он помнил назначенье —
фронт управлял его судьбой.
Поход, на местности ученье
чередовал он со стрельбой...

Но это — дѣла половина!
Нужны траншеи в полный рост, —
берешь кирку: земля не глина,
а камень, брат, не так-то прост!

Скалистый пласт искрѣт под ломом,
рубашка сохнет на траве,
удар наносишь по изломам,—
он отдается в голове...

Но это — дѣла половина!
На лесопилке склад пустой,
берешь пилу, а лес — машина,
кондовый спелый древостой!

Такое дерево повалишь,
что обнимаешь ствол вдвоем,
но ты ругаешь, а не хвалишь
его в усердии своем...

Но это — дѣла половина!
Хлеб осыпается в полях, —
берешь косу, покос — лавина
и на тебя идет впотьмах!

Росой униженный шиповник
шумит у леса под луной,—
не отличил бы и полковник
овса от пыли водяной...

Косить все горше без рубахи —
свет блещет резко, как стекло...
А хлеб такой, что только взмахи
видны идущему в село.

На горизонте гаснут скалы,
стекает с них последний блеск,
и косы на плечах усталых
уносит полк в еловый лес.

И та дорожка полевая,
которой в сумерки брести,
стремится в сердце, как живая,
навек место обрести.

Ты самой долгою любовью
преисполняешься к земле,
где камень ставишь в изголовье
и спишь под елями в тепле.

Не высыхает пот соленый
в той академии наук,

куда, под твой шатер зеленый,
не залетает с фронта звук...

Но это — дѣла половина!
Другая в тыщи раз трудней —
дойти до самого Берлина
с пехотной выкладкой своей!

1956

ВЕЧЕР НА БАЗЕ

Оттого, что не бывает тихо
Ни зимой, ни летом, никогда,
Город называется Гремиха —
Ты видал такие города:

Их кружком не отмечают карты,
Снег их заметает с головой —
И олени, впряженные в нарты,
Пробегают улочкой кривой.

Тральщик затихает у причала —
И, на пристань твердую сойдя,
Люди разминаются сначала
После качки, ветра и дождя.

Клуб набит, толпа стоит у входа —
И под нескончаемый мотив
Тяжело танцуют мореходы,
Девушек румяных подхватив.

Может быть, корабль уйдет с рассветом
В океан суровый... но пока
Девушка не думает об этом,
Прижимаясь к локтю моряка...

Снова ходит вьюга за саамом,
Но и здесь, где только снег и лед,
Мы живем и дышим тем же самым,
Чем живет и дышит весь народ.

Кто сказал, что здесь задворки мира?
Это край, где любят до конца,
Как в седых трагедиях Шекспира,—
Сильные и нежные сердца!

1944

МАЯК

Скала —
И маяк на скале.
И сердце не знает покоя
От чаек, кричащих во мгле,—
Действительно, место глухое!

Куда ни посмотришь,—
Прибой
Взбивает вихрастую пену,
Чтоб воздух тускнел голубой,
Седым становясь постепенно.

Раз в месяц
Появится бот —
И тут же уйдет восвояси.
Но долго хватает забот
Посту наблюденья и связи.

Глядел я,
В Либаву идя,
На пламя в Ирбенском проливе —
Сквозь мутную сетку дождя,
Потом перешедшего
В ливень.

И думал:
«Не весело тут
На камне, торчащем над бездной,
Но люди, что вахту несут,
Душой обладают железной.
И здесь одиночества нет,
Покуда ненастными днями
Маячный беседует свет
С идущими в море огнями».

Анатолий Софронов

КАК У ДУБА СТАРОГО

Как у дуба старого, над лесной криницею,
Кони бьют копытами, гривой шелестя...
Ехали мы, ехали селами, станицами
По-над тихим Доном, по донским степям.

Пел в садах малиновых соловей-соловушка,
Да шумели листьями в рощах тополя...
Поднималось солнышко, молодое солнышко,
Нас встречали девушки песней на полях.

Эх ты, степь широкая, житница колхозная,
Край родимый, радостный, хорошо в нем жить.
Едем мы, казаченьки, едем, краснозвездные,
В конницу Буденного едем мы служить.

Как приедем, скажем мы боевому маршалу:
«Мы пришли, чтоб родину нашу защищать.
Ни земли, ни травушки, ни простора нашего
Иноземным врагам в жизни не видать».

Кони бьют копытами над лесной криницею,
Поседлали конники боевых коней...
Ехали мы, ехали селами, станицами
По-над тихим Доном, в даль родных степей.

1937

СЕДЛО

Сухой ковыль — трава степная
Да тишина со всех сторон...
Казак, тоскуя и стеная,
Идет домой на тихий Дон.

Давно забыл глядеть он чертом,
В глазах страданье залегло;
Он на плече своем потертом
Несет казенное седло.

Был конь... Издох последней ночью.
Казак седло в дорогу взял...
Седой ковыль среди черных точек
Ему тропинку указал.

Он в полутьме на хутор вышел,
Увидел — дом стоит в саду —
И за оградой слышал
Собачий лай, как на беду.

Стучится в дверь рукой больною
И в хату темную идет,
Седло казачье, боевое
За полбуханки отдает.

Перекрестившись на иконы
И разом плечи наклоня,
Белогвардейские погоны
Он рвет сурово с чекменя...

1939

КАДУШКА

Стоит у берега донского
Кадушек выстроганных ряд.
Бока дубовые обновой
Под солнцем молодо блестят.

Они в реке наполовину —
Вбирают влагу, чтоб потом
Принять соленую лавину
Капусты с перцем, с чесноком.

А после скроется в сарай,
Под землю, в склады, в погреба,
Рассолом золотым играя,
Кадушек дружная гурьба.

И будет ждать, покуда желоб
Не забурлит вблизи весной...
...На берег в фартуке тяжелом
Выходит бондарь молодой.

Кадушку глазом выбирает
И наклоняется над ней.
Он молотком стучит по краю,
Чем дальше — громче и сильнее...

Дубок, обтесанный добротнo,
Замечен сразу, — этот вот!
Веселый бондарь беззаботно
Загнутый ножик достает

И, взгляд усмешливый бросая,
Зажав кадушку меж колен,
Не отрываясь, вырезает
Две буквы только «Д» и «Н».

Как по линейке синей, ровной
В тетрадке милою рукой,
Как будто подпись под любовным
Письмом подруге дорогой.

И пусть теперь идет по свету
В дубовом запахе, в соку,
Едва заметную примету
Несет на тесаном боку.

И пусть хозяйка молодая,
Среди хрустящих овощей,
В часы работы угадает,
Кто надписал кадушку ей.

1939

БЕССМЕРТНИК

Спустился на степь предвечерний покой,
Багряное солнце за тучами меркнет...
Растет на кургане над Доном-рекой
Суровый цветок — бессмертник.

Как будто из меди его лепестки,
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

С ним рядом на гребне кургана лежит
Казак молодой, белозубый,
И кровь его темною струйкой бежит
Со лба на холодные губы.

Хотел ухватиться за сизый ковыль
Казак перед самою смертью,
Да все было смято, развеяно в пыль,
Один лишь остался бессмертник.

С ним рядом казак на полоске земли
С разбитым лежит пулеметом;
И он не ушел, и они не ушли —
Полроты фашистской пехоты.

Чтоб смерть мог казак молодой пережить
И в памяти вечной был светел,
Остался бессмертник его сторожить —
Суровой победы свидетель.

Как будто из меди его лепестки,
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

1942

ВИШНЯ

Среди разбитых кирпичей,
Дрожа изодранной корой,
Сто пятьдесят слепых ночей
Она стояла, как герой,—
Как те герои, что кругом
У ног ее лежали в ряд.
Как каждый камень, каждый дом,
Как весь багровый Сталинград.

Война ушла, весна пришла,
И вишня снова расцвела
И отцвела... И вот — висят,
Под солнцем ягоды блестят.
Уже не кровь — вишневый цвет,
Уже не дым — вдали рассвет,
Уже не бред — в землянке сон,
Уже не смерть — железа звон.

Искала долго свой очаг
Седая женщина в пыли;
Печаль и гнев в ее очах
Вперед на много дней легли.
Вдруг увидала: среди камней
Стояла вишня в двух шагах,

И догадалась: перед ней
Лежал ее жилища прах.

Но рядом вишня так цвела,
Ветвями так к себе звала,
Что пепел женщина смела,
Шатаясь, к вишне подошла,
Припала к ней...
И с той поры
Здесь зазвенели топоры,
У вишни тонкой, вокруг нее,
Над Волгой — новое жильё.

1943

ХУТОР РУССКИЙ

Есть хутор Русский на Кубани,
Там нет сейчас живых домов,
Там горе плавает в тумане
На гребне вздымленных холмов.

Враги его огнем пытали,
Взрывали толлом каждый дом,
Четвертовали и сметали,
Чтоб память выветрить о нем.

Но он стоял, стеною каждой
За землю русскую держась;
Огнем палим и мучим жаждой,
Он не желал пред немцем пасть.

Они его пытали, будто
Вобрал он русские края,
Не сто домов, не Русский хутор,
А вся в нем русская земля.

Он засыпал им пеплом лица,
Горел огнями, но не гас;
Он звал соседние станицы
К себе на помощь в трудный час...

Остался жив... Дома-калеки,
Пустые окна — сквозняком...
Переплывают люди реки,
Бредут из плавней босиком.

С горы идут тропинкой узкой,
Спешат дорогой через лес.

«Куда идете?» —
«В хутор Русский». —
«Откуда вы?» —
«Из этих мест».

Рассвет в степи встречает тусклый
Людей, идущих чередой...
«Куда идете?» —
«В хутор Русский». —
«К себе домой?» —
«Домой, домой».

Враги его убить хотели,
Но он, как прежде, будет жить.
Убить и хутор не сумели,
А где же землю им убить!

1943

КАЗАКИ ЗА БУГРОМ

Из леса в поле бешеным карьером
Казачий полк летит на скакунах;
Еще клинки в крови не побагтели,
Но казаки стоят на стременах.
И топот плотный по полю несется,
Как с неба павший перекатный гром,
Из края в край над степью раздается:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

Мелькают в поле красные лампы,
Шнурки от бурок вьются на груди,
И перерезанная с лёту насыпь
Уже шуршит песками позади.
Горит, как дом, немецкий бронепоезд,
Касаясь неба дымным языком,
Гремит в степи, в высоких травах кроясь:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

У переправы на речном изломе —
Железный стон и выкрики солдат;
Дивизион немецкий на пароме,
Звонит струной натянутый канат.
Но где ты, левый, где ты, берег правый,
Канат рассечен, вниз идет паром.
И над рекой встает у переправы:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

Стоит печальный придорожный тополь,
Ведет с дорогой долгий разговор...
Но вот он слышит за холмами топот,
Копытный стук, стремянный перебор,
И он шумит от радости ветвями,
Звенит над степью тихим серебром,
Гудит корой и темными корнями:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

Э-гей! Гей-гей! Не скошены, не смяты,
Гремят обвалом грозные полки.
Встают восходы, падают закаты,—
В седле, в седле донские казаки.
Поля, поля, широкие долины —
Мы все пройдем, но с седел не сойдем,
Пока не грянем громом под Берлином:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

1943

ЛАЗ

У меня в саду был лаз
В сад чужой, соседский,—
Вспоминаю, сколько раз
Я бывал там в детстве.

И у нас росли в саду
Яблоки и груши,
Но казалось в пору ту,
Что чужие лучше.

Помню, сад весной в дыму
Цветом весь лучился,
Мне тогда не одному
Лаз мой пригодился.

В полусне, в полубреду
Под вишневой веткой
Я сидел в моем саду
С молодой соседкой.

Целовались мы не раз
Под сияньем белым...
Ох ты, лаз, мой старый лаз,
Что же ты наделал?

Я уехал на войну,
Путь к боям направил,
И любимую одну
Я в саду оставил.

Да, пришлось повоевать
Парню молодому,
Но вернулся я опять
По тропинке к дому.

Только дома говорят:
«Ты не огорчайся
И смотреть в соседний сад,
Милый, не старайся.

Пусть там яблоки висят
Цвета наливного...
Дочь соседки год назад
Вышла за другого».

Вот и юность пронеслась
В горьком разговоре...
Я припомнил старый лаз,
Сделанный в заборе.

Вышел, гвозди захватил,
И в осенний вечер
Старый лаз заколотил
Навсегда, навечно.

Яблок мне не воровать:
Возраст не годится.
Никогда не целовать
Ту, что часто снится...

1945

ОГОНЬКИ

Мотор лопочет у рыбхоза,
Над Доном дремлет старый сад.
Зеленокрылые стрекозы
На камышах, качаясь, спят.

За горизонтом солнце скрылось,
По Дону блики расплескав,
И от воды ночная сырость
Ползет на былки старых трав.

Спешит моторка по теченью,
В ней едет бакенщик седой.
Его прямое назначенье —
Огни поставить над водой.

Пусть, словно в кузне, цвет окалин
Окрасит заревом зрачки...
Один, другой! И замелькали
На глади темной огоньки.

Стучит мотор, как будто мелют
Пшеницу рядом или рожь...
А сбоку здесь — пески и мели,
И сразу сядешь, коль свернешь.

У дома бакенщика дочка.
И сколько здесь еще ей жить?!
Она бы рада этой ночью
Огни над Доном погасить.

Какие мысли ей приходят?
Что делать с юной головой?
На пассажирском пароходе
Стоит, как влитый, рулевой.

Она заметила матроса,
Когда вдоль палубы прошла,
И для него в тугие косы
Ромашку белую вплела.

Хотя б услышать только слово!
Пусть, загудев во тьме, как шмель,
Свернув с фарватера речного,
Хотя бы раз он сел на мель!

Но нет, огни горят над Доном,
И перерыва нет нигде,
Как будто уголь раскаленный, —
Ближайший бакен на воде.

И вдруг вдали огней сиянье,
Гудок над берегом встает....
Идет в Ростов по расписанью,
Горя огнями, пароход.

1955

ГРОЗА В НОВОЧЕРКАССКЕ

Смотря в просторы без опаски,
С лицом, для правнуков открытым,
Стоит Ермак в Новочеркасске
Над вечным камнем, над гранитом.

На голове шелом железный,
И в ножнах меч его булатный.
Он был земле родной полезным
В сраженьях грозных, многократных.

Лежат у памятника цепи,
Под солнцем осени сверкая,
А впереди поля и степи,
Земля — кормилица донская!

Стоят студенты у гранита,
Читая письма на камне
О том, что временем сокрыто, —
Великий подвиг в битве давней.

Они молчат... Клубятся тучи,
И гром грохочет по округе, —
Он так широк, и так он звучен,
Как будто бьет он по кольчуге.

Но неподвижно, прочно, смело
Стоит Ермак на пьедестале!
...Гроза над городом гремела,
И в тучах молнии блистали.

1955

СТАРЫЙ РЫБАК

Старый рыбак по станице идет,
Солнцу осеннему щурится, —
Нет, не идет он, а словно плывет,
Словно плывет он по улице.

Валенки теплые рано надел:
Ветра боится холодного...
Старый рыбак, так сказать, не у дел,
Времени много свободного.

Выйдет на берег, где байды стоят,
Мотофелюги все новые,

Ветер над Доном летит, ветерок,
Тополь над Доном колышется.

Что же о прожитой жизни грустить
И о дорогах исхоженных?
Вот бы и нам по-рыбачьи прожить,
Сделав, что в жизни положено!

1955

ГРИБЫ

Случалось ли вам собирать грибы
В лесу, где тропинки протоптаны лешим?
Где кони тумана встают на дыбы
В проемах полян и зеленых проплешин?
Известно ли вам, как старик подосиновик
В траву загоняет свою детвору,
Как в желтых платочках и ярко-малиновых
Ведут хоровод сыроежки в бору?
Видали ли вы, как под хвойною крышей
Гуляет в сапожках сафьяновых рыжик,
И гриб-боровик входит в сумрак глубокий,
За юбки молоденьких елок держась?
Ложилась ли вам на горячие щеки
Лесных паутинок прохладная вязь?
А если вам это знакомо и дорого,
То, значит, вы знаете, как хороши
Внезапные встречи средь хвойного шороха
В местах, где, казалось бы, нет ни души...

1940

ОГЛНДКА

Вонзилось в память, как заноза:
Есть под Москвой одна береза
Необъяснимой красоты,
Глядит на Истру с высоты.
Она стоит, как утвержденье,
Что жизнь моя не наважденье,
Не грохот мрака и огня
В ночных лесах за Кандалакшей,
Где топчет торф и снег размякший
Войны чугунная ступня,

А неотступная защита
Тебя, чье имя не забыто,
Полей, где детство сказкой стало,
Где юность счастье разыскала,
Но не успела рассмотреть;
Людей, которые мне дали
Любовь, чтоб видеть эти дали,
За что не страшно умереть.

1942

СНЕГИРЬ

Что ж ты заводишь песню военну,
Флейте подобно, милый Снегирь?

Г. Р. Державин «Снегирь».
(Стихи памяти Суворова)

Клубы дыма, танки, самолеты,
Сломанные надвое мосты,
Конские хвосты, штыки пехоты,
Взрывов желто-красные кусты.
Людоед бежит во все лопатки,
Снайпер с елки целится в него.
Войско чужестранцев в беспорядке.
Солнце видит наше торжество...

Вот что нарисовано в тетрадке
У мальчишки — сына моего.

Говорю: — Рисунок сделан смело.
Только что ж бумагу трогать зря:
Кончен бой. Сражение отгремело.
Ты нарисовал бы снегиря.
Или, скажем, лодку, рыболова,
Разные деревья и цветы;
Мало ли хорошего, такого,
Что видал и что запомнил ты.

Но художник явно не согласен;
Смотрит вбок, вздыхает тяжело:
— Что там рисовать скворца иль яшень,
То ли дело сабля наголо.
Лодку, — говорит, — я нарисую.
С парусом. Чтоб плыть в далекий край.
С пушками зенитными. Таковую,
На которой спасся бы Чапай.

- Я пойду гулять.
— Ну что ж, ступай...

Наперед известно по программе,
Что наследник явится домой
Весь в песке, с известкой под ногтями,
С круглою медалью жестяной.

- Здесь пойдет обычная беседа:
— Кто пустил стрелу в окно соседа?
— Кем и чем губа рассечена?
— Почему опять была война?

Вымоют мальчишку. Спать уложат.
Скажут, улыбаясь: «Вот беда,
Каждый вечер все одно и то же,
С девочкой спокойнее куда...»

И возникнет дальней песни эхо:
«Нас не трогай». И приснится ширь,
Где сидит на придорожной вехе
Зоревой суворовский снегирь.

1946

ДВОЕ В ПУТИ

— Скажите, здесь двое не проходили
Так полчаса или час назад?
Не были? Нет, вы, наверно, забыли —
Мальчик и девочка — двое ребят.
Ушли, понимаете ли, из дому,
И, как говорится, — иди догони,
А ваша улица им знакома,
Здесь подружились недавно они.
Видите, вот на площадке в гравий
Воткнул флажок. С детворою вчера
Они в чапаевцев здесь играли.
Я думал, опять увлекла их игра.
— Двое подростков, вы говорите?
— Нет, мальчик и девочка — лет девяти.
Значит, не видели? Ну, извините.
Они далеко не могли уйти.
Где-нибудь здесь... —
Словно узкая речка,
Улица к морю бежала с холма.
Вдруг из листвы выступало крылечко,
Прятались в гуще акаций дома.

Черный в глубинах садов запыленных,
Синий — на белой известке оград,
На тополях, проводах телефонных
Гроздья развешивал виноград.
Камни мерцали от солнечных блесток,
Обломок подковы звездю сверкал.
— Это на счастье, — сказал подросток, —
Возьми. — И подруге находку дал.
— Тебе, я вижу, дарить охота
Мне всякую дрянь.

— Не скажи. Здесь в пыли
Ее потерял Россинант Дон-Кихота. —
Они засмеялись и дальше пошли.
Дальше, туда, где прибрежные горы,
Флаги Артека над вольной волной,
Пламя костра пионерского сбора,
Ранней зари холодок путевой.

— Скажите, здесь двое не проходили,
Так лет девятнадцати — двадцати?
Ушли на вокзал и сказать позабыли,
В котором вагоне их можно найти.
А поезд отходит... —
Мелькнуло окошко,
И юноша, глядя на горы вдали,
Сказал: — Знаешь, все-таки грустно немножко,
Жаль, позади остается дорожка,
Помнишь, где вместе подкову нашли?
— Помню, конечно. Ее продолженье
В этих огнях, что летят за окном,
В песенке ветра, в сердцебиенье,
В том, что мы снова с тобою вдвоем.

«Теперь навсегда. И не будет разлуки.
Сто лет проживете в любви и в ладу...» —
Им говорили колес перестуки
В июньскую ночь. В сорок первом году.

Потом, в сорок пятом, они вспоминали
Со мной, а быть может, товарищ, с тобой,
Как письма при свете огарка писали,
Как годы легли в календарь фронтовой.

В карельских лесах между елок и кочек
Олени ночуют в пустом блиндаже,
Там в трудном бою молодой пулеметчик
На дальнем, забытом теперь рубеже

Остался один...

И когда подоспели
Друзья боевые, сказал невпопад:
— Мы были вдвоем... — И его на шинели
С простреленной грудью снесли в медсанбат.

И в этот же час, там, где Волга бурлила,
Одна санитарка воскликнула вдруг:
— Я слышу тебя! — и в песок уронила
Обломок подковы из дрогнувших рук.
Легенда, конечно. Но кто его знает,
Я сам не видал, но об этом слышал:
Сирень после бури сильнее расцветает,
Хотя ее ветер к земле пригибал.

— Скажите, здесь двое не проходили?
Они мне сказали, что знают вас.
И вы, если помните, говорили,
Что с ними знакомы, встречали не раз
Где-то на юге, в Крыму, на вокзале,
Потом на фронте. И в этом году
На шумном студенческом карнавале.
Я был уверен, что здесь их найду.

Давайте отправимся вместе на поиск,
Ручаюсь, что мы их сейчас найдем.
Пойдемте... —

Но снова отходит поезд,
Корабль отплывает, бежит под крылом
Земля. И стальная громада ракеты
Точечкой кажется в небесах...
Двое в пути. Посмотрите портреты
Утром на свежих газетных листах.
Доброй улыбкой, внимательным взглядом
Вашему сердцу ответят друзья
В солончаках, с экскаватором рядом,
С картой в руках у лесного ручья.
Это они, говорят, на Урале
Молнию в недрах подземных нашли,
Следом за ними деревья бежали,
К новым причалам пришли корабли.
Это о них журавли протрубили
Там, где сады молодые шумят...

— Скажите, здесь двое не проходили
Так полчаса или час назад?

1951

ЛЕРМОНТОВ В ПЯТИГОРСКЕ

1

Дом невелик: почти простая хата,
Давно погасла в горнице свеча.
Клен у крыльца разросся в два обхвата,
Засохла под окошком алыча.

Исчез, умчался в горы постоялец
И до сих пор коня не расседлал;
Следы его в долинах потерялись,
Ушли в лазурь, за дальний перевал.

Его теперь и смерть не может встретить,
И, не вникая в давнюю беду,
Играют на песке горячем дети
У памятника в городском саду.

Но, глядя на венок из бронзы тяжелой,
На лиру, победившую века,
Все чудилась мне белая фуражка,
Забытая на склоне Машука.

Над ней трава все так же зеленела,
Сновали полосатые шмели,
Когда дождем исхлестанное тело
Солдаты на телеге увезли.

2

Прилежно говорят экскурсоводы
О зависти, о ссоре роковой,
О творческом пути певца свободы,
Оборванном злодейскою рукой.

О том, что был он резок и запальчив,
Незащищен, доступен для обид;
Что здесь убит, по сути дела, мальчик,
Седой историограф говорит.

Наверно, и сейчас те речи длятся,
Умны, честны, и, в том сомнений нет,
Их слушая, нельзя не соглашаться,
Что Лермонтов, конечно, был поэт.

Но он тому стихами отвечает,
Кто в день грядущий пристально глядит
И без подсказок сердцем понимает,
О чем звезда с звездой говорит.

1952—1954

ВЕЧНЫЙ СВЕТ

Еще с насеста звал зарю петух,
Пес на крылечке спал, прильнув к порогу,
Еще в окошке месяц не потух,
А паренек собрался в путь-дорогу.
Пятнадцать верст до станции шагать,
А там на поезд...

Сказано в газете,
Что торжество открытья ровно в пять,
— Успею, если выйду на рассвете...

Пожалуй, здесь отметить мы должны,
Что в эту ночь к парнишке приходили
Особо примечательные сны,
Которые его мечтою были.
В листве, в цветах гранитный пьедестал,
И не из бронзы, нет, живой навеки,
Встал Ленин, всех людей к себе позвал
И смотрит вдаль, через леса и реки.

Все дело в том, что паренек хотел
Быть скульптором, но мать не одобряла
Измазанные руки, глину, мел,
Резьбу на крышке школьного пенала.
Ему пришлось скрывать на чердаке
Свои неоцененные творенья:
«Суворова со шпагою в руке»,
«Мичурина в минуту размышленья»,
«Ребят у пионерского костра»,
«Наташу с Петькой у калитки сада»...

Все это обнаружила сестра,
Она сказала, что учиться надо.
А тут как раз заметка, что готов
К открытию новый памятник, что будет
И в нашем городе стоять среди цветов
Тот, кто любил нас всех и вывел в люди.
Вот юный скульптор и собрался в путь,
Чтоб на мечту заветную взглянуть.

Он вышел, окунулся в холодок
Восхода, побеждающего дрему,
Упрямый ясноглазый паренек —
Брат и товарищ небу голубому.
Поля простор открыли перед ним,
Такой простор, что сердце заиграло,
И новый день, от них неотделим,
В земном безбрежье взял свое начало.
Он тронул стекла дальней МТС,
Сверкнул на проводах электролиний,
Червонным гребешком украсил лес
И вспыхнул, зашумел в апрельской сини.

По обжитым местам дорога шла,
Показывая всюду пешеходу,
Как солнце, принимаясь за дела,
Добра желает нашему народу.
Цветы сады, свежели зелены,
А по знакомым улицам поселков
Кто в школу шел, кто вел ковать коня,
Кто за рассадой гнал в район двуколку.

Звучало радио, трудясь стучал движок
На лесопильной пристани совхоза,
И, на речной усевшись бережок,
Парнишка отдохнул у перевоза.
Он увидал, когда пришел паром,
Машину областного агронома;
Хозяин сам сидел в ней за рулем
В соседстве трех каких-то незнакомых.
Они смотрели радостно вокруг,
Как смотрит приглашенный в гости друг,
Не удивлялись, только улыбались
И слишком загорелыми казались.
Китайцы... паренек сообразил,
Припомнив, как в колхоз минувшим годом
Тот агроном албанцев привозил
И гордо их водил по огородам.

Здесь размышленья путника прервал
Веселый голос: «Ты куда, приятель?
На станцию, наверно, на вокзал?
Садись ко мне. В кабине места хватит».
И засвистал дорожный ветерок,
Сопровождая пыльную трехтонку...
И вот уже с платформы паренек
Рукой махнул водителю вдогонку.

Как в поезде он ехал, песни пел,
Рассматривал медали у солдата,
Как подружиться накрепко успел
С механиком из города Кронштадта,
Рассказывать не будем...

Ровно в пять

Он был на месте. Музыка играла,
И невозможно было сосчитать
Знамен и флагов в парке у вокзала.
Сквозь кружево берез и тополей
Был виден город: трубы, кровли зданий,
Бетон, стекло и дальше — синь полей,
Круг горизонта в солнечном тумане.
Казалось, вся земля сплела венки,
Река легла серебряною лентой...
Но не об этом думал паренек,
Когда холсты упали с монумента.
Не с высоты и не поверх голов
Смотрел Ильич. Он к солнцу руку поднял,
Он шел вперед...

И мальчик был готов

Воскликнуть: «Я встречался с ним сегодня!»

ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ

(Из поэмы «Слово о милиционере»)

Друзья, представим день вчерашний,—
Москву в двадцатые года,
с толпой у Сухаревой башни,
с надрывным шумом бирж труда.
Нэп...

у рулетки —
впережку —
авто и пары рысаков.
А с биржи
топают в ночлежку
под вечер группы босяков.
Галдят у входа.

С нетерпением
спешат переступить порог.
И вот уж шепчут по ступеням
шаги босых, невытых ног...
Ночь. С неба месяц исподлобья
Глядит сквозь рваный полог туч
в большой

котел, где сажу хлопья
и липкой ржавчины сургуч.
Лежат клубком

на дне шершавом
в котле мальчишки-босяки.
Вдруг чей-то хриплый крик:

«Облава!» —

и — душу рвущие свистки.
По-волчьи зубы злобно скаля,
не зная, кто им враг, кто друг,
ребята в ход ножи пускали,
стараясь вырваться из рук.

Но,
чтоб вернуть им радость детства,
уверенно работу вел,
наряд милиции советской,
призвав на помощь комсомол.
Наутро
милиционеры
сдавали детдомам
«улов»,
ребят из недр ночлежек серых,
из мглы асфальтовых котлов.
И многие —
расправив крылья
души,
отведавшей тепла,—
милицию благодарили
за то,
что юность им спасла!

1955

НАВЕЧНО ПРАВОФЛАНГОВЫЙ

(Из поэмы «Максим Горький»)

...В августе
тридцать четвертого года
сошлись
на свой первый съезд
писатели
всех советских народов
из ближних и дальних мест.
Здесь белорус
обнимал узбека,
дарил ему
новый роман.
Здесь был
«Гомер двадцатого века»,
колхозник-лезгин Сулейман.
Здесь заседал
ветеран литератор
в седилах, веющих холодом,
а рядом —
поэт — комсомолец Филатов,
токарь с «Серпа и молота».
Люстры —
хрустальные букеты —
струили потоки света.

ВЕЧЕРКОМ НА РЕКЕ

Вечерком на реке
Всякое бывает.
На ветру в холодке
Сердце замирает.
Не пойму, почему,
Что это такое?
Сердцу нет моему
На реке покоя.

Ой ты, Волга-река —
Голубое диво,
До чего ж широка,
До чего красива.
Над волной голубой
Синяя прохлада.
Мне б с тобой, дорогой,
Повидаться надо.

Я тоскую любя,
На сердце обида,
А увижу тебя, —
Не подам и вида.
Проходи стороной,
Не скажу ни слова,
А уйдешь, дорогой,
Затоскую снова.

1950

Я В РОССИИ РОЖДЕН!

Много лет я хожу по дорогам земным.
Много лет неразлучен с пытливой судьбой.
Видел северных стойбищ негнувшийся дым.
Слышал Черного моря соленый прибой.
Всей России моей я слышал голоса.
Каждый вздох ее — сердцем раскрытым ловил.
А когда на леса опускалась роса,
И на тонких, на трепетных струнах овса
Русский ветер напевы свои выводил,
И встающее солнце гасило луну,
И курился дымок, различимый едва,—
Я подолгу вынашивал думу одну:
Перелить красоту в золотые слова!

Я в России рожден. Родила меня мать
В пору яблоч и в пору созревшего хлеба.
И велела мне песню в дорогу позвать.
А дала в изголовье мне синее небо.

Я глядел на него: облака... облака...
Высоту пополам перерезала птица.
Все течет и течет голубая река,
А воды из нее никогда не напиться.

Нет, обратно на землю! Скорее, скорей!
Обнимать ее жаркие травы в июле.
Пить живую прохладу зеленых морей.
На далеких заставах стоять в карауле.

Сторожить ее всю! До цветка-лепестка.
От незваного гостя. От мора. От сглаза.
Пусть ее не коснется лихая рука,
Дводушная песня и лживая фраза.

Пусть живет она в добром здоровье всегда.
Пусть до сердца ее — не достанут печали.
Сорок раз мне кукушка считала года,
Сорок лет... А как будто дорога в начале.

Будто только вчера я отправился в путь.
Мир вокруг удивительно свеж и прекрасен.
Ко всему приглядишься. Ничего не забудь.
Равнодушный, как черная оспа, опасен.

В мире столько еще недоделано дел!
Еще мерзнет земля в ледниках Антарктиды,

И не вторгся никто еще в звездный предел,
И пустыни желтеют от вечной обиды.

Мир еще разгорожен барьером идей.
Еще делят людей на цветных и на белых.
Слышишь, негры поют о России моей?
О земле справедливых, свободных и смелых.

И куда бы судьба ни вела бедняка,
Где бы мать колыбельную песню ни пела,—
Отзывается издали Волга-река,
Словно вечность сама за окном прошумела.

Я в России рожден! Я люблю ее так,
Что словами всего и не скажешь, конечно.
Если друг — так уж друг. Если враг — так уж враг.
А уж если любовь — так уж это навечно.

Зла не помнит Россия. Побитым не мстит.
Может хлебом и песней с тобой поделиться.
Добрым гостем придешь — от души угостит.
Спрячешь камень за пазухой — горе случится.

Посмотри ей в глаза. Не предаст. Не солжет.
Кто слабее ее — никогда не обидит.
И всегда она слово свое сбережет.
И за черною тучею солнце увидит.

Может, солнце вот это вело Ильича
Сквозь жандармскую ночь, сквозь метели косые...
Каторжане брели, кандалами стуча.
Вдоль Владимирки бабы бежали босые.

И какую таил в себе силу народ,
Сколько было в нем светлой мечты и отваги,
Чтобы встать, распрямиться, рвануться вперед
И о солнце зажечь свои красные флаги.

Я в России рожден! И куда ни пойдешь,
Где б мои ни лежали дороги земные,
Все, что в сердце ношу, что вместилось в груди,
Я зову необъятнейшим словом: Россия!

1955

ЖИЗНЬ

Уходит жизнь... Ты этому не верь.
Она, как океан, не убывает.
Однажды слава постучится в дверь,
Любовь вернется... Это всё бывает.

Но никогда, — ты слышишь, никогда, —
Свершив свои извечные маршруты,
Назад не возвращаются года!
Назад не возвращаются минуты!

И если ты их прожил, как скупец —
Таил свой клад, считал себя богатым,
Копил, копил, копил, и наконец —
Стал стариком, беззубым и горбатым,

А годы все катились под уклон,
И нет друзей. И все однообразно.
И в день твоих унылых похорон,
Наверно, будет холодно и грязно.

Кого любил? Что строил на земле?
О чем мечтал? Без отдыха. Без срока.
Все для себя. Весь век в своем дупле.
И жил один. И умер одиноко.

А может, жил иначе жизнь свою?
И скопидомства не было в помине?
Всегда стоять боялся на краю,
А где-то жил поближе к середине?

И всех любил? И с каждым был знаком?
И улыбался каждому приятно?
Старался бойко бегать языком,
Всё по кривой дорожке да обратно?

Тебе мигнут — а ты уж тут как тут.
Угоден всем. Поплачешь. Посмеешься.
Цветок — и тот бессмертником зовут!
Ты — человек! Зачем так низко гнешься?

Ты жалок мне. Ты даром прожил век.
Ты правды говорить не научился.
А годы шли... И падал белый снег
И сединой на волосы ложился.

Кого любил? О чем таил мечту?
Как много знал порывов беспокойных?
Я ненавижу ложь и суету!
Боюсь ханжей, всегда благопристойных!

Мне гадок трус с ухмылкой наглеца.
И тот храбрец, что сильным не перечит.
И тот певец, что дѣвичьи сердца
Своей безгрешной лирикой калечит.

И пусть бывает в жизни нелегко,
И не всегда судьба тебе послушна,—
Живи красиво, вольно, широко,
Люби людей — светло и простодушно.

Ищи свою дорогу с малых лет,
Уверенно вперед иди сквозь годы,
Оставь — на этой лучшей из планет —
Свой яркий след, свои живые всходы,

Не унижай беспечностью свой труд,
Будь правдолюбом — гордым и суровым,
И пусть тебя потомки помянут
Хорошей песней или добрым словом.

1956

ЧУДО-МАСТЕР

(Отрывок из сказки)

Эта сказка с былью схожа,
У нее особый лад.
Все, что в сказке приключится,
Было много лет назад.
Было это на Урале,
На высоком перевале,
На дремучей высоте,
На заснеженном хребте.
Он стоит под синевою,
Он похож на старика,
Он седую головою
Задевает облака.
А вокруг метут метели,
Стынут сосны, стонут ели,
Скачет по полю пурга,
Мечет белые стога,
Ох, и лютая зима!
Даже ежится сама!

В тишине стреляют срубы,
Будто лед ползет с горы,
Будто где-то лесорубы
Сосны взяли в топоры.
Зябнут сны в снегу глубоко,
Птицы спрятали носы,
В подворотнях, ненароком,
Одиноко лают псы,
У околиц жмутся волки,
Чуть потрескивает лед...
Тишина стоит в поселке.
Скоро утро подойдет.
Замело весь белый свет.
Не горит в окошках свет.
Лишь в избе, что встала с края,
Как заснеженный пенек,
Лед на окнах пробивая,
Светит робкий огонек.
То он вытянется очень,
То сожмется в кулачок,
То рванется что есть мочи,
Вскинув красный башлычок,
И пойдет вертеть вьюном,
Разноцветным плясуном.
Значит, щели есть в избушке,
Ветер ходит взад-вперед.
Холодна вода в кадлушке.
По утрам на стенах лед.
Это кто же тут живет?
Раньше солнышка встает?

Кто живет в избушке этой,
У заснеженной сосны,
И до самого рассвета
От порога гонит сны?
Кто такой? Каков на вид?
Люди спят, а он не спит?
Да, не спит! И сон не властен
Погасить его мечты,
Здесь живет чудесный мастер,
Повелитель красоты.
Он из камня неживого
Может сделать в полчаса
Лепестки цветка любого
И другие чудеса.
Дар ему великий дан,
А зовут его Иван.
Кто с искусником сравнится,

Кто умельца превзойдет?
Глянь — летит из камня птица,
Глянь — уже цветок цветет.
Все сверкает. Все горит.
Камень с камнем говорит.
Вот и нынче, ночью этой,
Позабыв нужду и сон,
Птицу радужного цвета
Мастерит из камня он.
Мастерит, не уставая,
На столе светец чадит,
Птица, птица, как живая,
Возле мастера сидит.
Вот сейчас она встряхнется,
Оглядится, встрепенется,
Жарким глазом поведет
И летать, летать пойдет.
Удержи ее тогда,
Улетит — и все! Беда!
Сжал Иван ее в горсти,
Глаз не может отвести.
Будто солнцем разогрета,
Вся в узорчатой резьбе,
Будто даже больше света
Стало в пасмурной избе.
И забыл Иван про холод,
И забыл Иван про голод,
И глядит не наглядится,
И от счастья сам не свой:
Вот так чудо! Вот так птица!
Не найти нигде такой.

Гаснут в небе звезды-свечки,
За окном редеет мгла...
Дочь Аленка слезла с печки.
Глянула... И обмерла:
— Эка птица! Эко диво!
Батя, батя, как красиво!—
И забыла, что босая
На худом стоит полу,
Что в трубе метель косая
Крутит стылую золу,
Что в избе темно и тесно,
Холод. Голод. Неуют...
Нет, она в саду чудесном,
Где жар-птицы гнезда вьют,
Где деревья золотые,
Где хрустальная гора,

Где стоят столбы витые
Целиком из серебра,
Где на ветках изумрудных
Скачут в разные концы
В красных фартучках нагрудных
Бирюзовые птенцы,
И такой толпится свет —
Что конца и края нет.
Замерла Аленка... Счастье!
Будто дивный видит сон...

Только вдруг, как гром в ненастье,
В тишине раздался стон,
Хриплый, громкий... И в мгновенье —
Стало вновь в избе темно.
Не горят в печи поленья.
Льдом заковано окно.
Фитилек чадит, мигая,
Колкий снег сечет стекло...
На полатах мать больная
Застонала тяжело.
— Пи-и-ить... —
И снова тихо стало.
Только слышно в тишине,
Как буран стучит устало
Белой палкой по стене.
От домов уходит ночь.
Улетают

сказки

прочь...

БРАТ

Походкой мелкой, платьем ярким,
полетом вспугнутых ресниц
похожи девушки-болгарки
на молчаливых южных птиц,
а в их прищуренных от зноя
глазах, где смех смущеньем скрыт,
девичье, вечное, земное
желанье нравиться сквозит.

Но здесь славянский строг обычай,
очаг домашний свят, и в нем,
взволнован встречей непривычной,
не вздумай поиграть с огнем:
немного в мире постоянства,
он песни детства не сберег,
но целомудрие славянства —
душевной верности залог.

Знать, потому, в нарядах ярких,
открытый поднимая взгляд,
при встрече русского болгарки
зовут семейным словом: «Брат».

1945

НОВОСЕЛЬЕ

Большого подворья останки:
кирпич, головешки, зола...
Два года в походной землянке
семья по-солдатски жила,

два года сочились с наката
по капле вода и смола.
Уже забывали ребята,
что хата когда-то была.

А нынче у них новоселье,
и медленно шествуют в дом
хозяйка с бельем и постелью,
мальчишка с зеленым ведром,
и сам, в порыжевшей шинели,
сходя по ступенькам крутым,
глядит, как льняною куделью
над крышей расправился дым,
как сладко зевнули ворота,
как, вечный нахлебник людей,
о чем-то чирикнув с разлета,
стрельнул под стреху воробей.
Все стало на прочное место,
свои утверждая права:
в деже поднимается тесто,
в печи запылала дрова,
и даже, неожиданный, незванный,
с тех лет позабытый почти,
в свистульку, в манок деревянный
сверчок заиграл на печи.
И скоро хозяйка в достатке,
тревог не забывши сполна,
припомнит о доле солдаты,
как будто приснилась она.

И резвые эти ребята,
уткнувшись в букварь у стола,
не вспомнят, что хатой когда-то
землянка в овраге была.
И лишь, когда, рощи пронзая,
вдруг скрестятся молний штыки,
на запад посмотрит хозяин
и молча сожмет кулаки.

1945

СТАНЦИЯ ОВИДИЙ

Как отзвук песенки старинной,
нехитрой музыки степей,
над придунайскою равниной
летит осенний суховой;

шуршит трава, скрипит каруца¹,
блуждают тучи наугад,
и на базарах продаются
овечий сыр и виноград.

На тихой станции Овидий
деревьев листовая медь,
экспрессы издали завидев,
в литавры норовит греметь;
но, их причуд не понимая,
вагоны, грохнув, как обвал,
спешат на свежий шум Дуная
и дальше, за Троянов вал.

И вновь равнине осень снится,
и только не хватает ей
прозрачной песенки синицы
и переклички журавлей.
И я, не слыша птиц знакомых,
вдруг чувствую еще острее
тоску по родине, по дому,
по русской осени своей.

1946

ЗЕЛЕНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Моим товарищам гидротехникам

С нивелиром, рейками, блокнотом
целый день бродил я по болотам,
где комар жужжит над головою,
свищет малярийною иглою,
где у ног дымятся окаянно
запахи куги и дурнопьяна
и плывут на водах лягушиных
кукиши трефоли и кувшинок.

В рыжий зной, в гнездовья малярии
прорубал я просеки прямые;
в окуляре, словно в круглой раме,
проносились ольхи вверх ногами,
каждый склон и каждый холм невзрачный
цифрой делался четырехзначной,
цифрой — горизонт воды озерной,
черный торф и поля край зеленый.

¹ Каруца — румынская телега.

Числа, числа, что ни шаг, то числа —
творчества великого начало,
чтобы жизнь, исполненная смысла,
землю в строгой формуле познала,
чтобы здесь, где леший грелся тайно
над летучим пламенем метана,
где над мхами, полыхая ало,
в синих росах клюква проступала,—
чтоб легли здесь гидромагистралли
свежим цветом василька и стали,
чтоб в трясине, проклятой отцами,
желтый колос шевелил усами;
конопляники в щеглином звоне
встали, как подлесок, позади,
чтоб капустник росы и дожди
собирал в скрипучие ладони!..

День обуглился. Чернеют ветки,
зной истаивает постепенно;
как солдат, вернувшись из разведки,
я поглубже зарываюсь в сено,
в теплый запах клевера и тмина,
и, закрыв глаза, не разбираю —
то ль в крови гудит и воет хина,
то ли дождь, к плечу двустволку вскинув,
бьет утиной дробью по сараю...

Дождь. Всплывая над ознобом, слышу —
дождь наваливается на крышу,
каплями постукивает гулко
в лопухи, в заборы переулка,
и вода, в загривки гряд вонзаясь,
огуречную качает завязь,
кукурузу на бахче широкой
наливает солнцем и молокой,
начиняет кабачки икрою,
розовую плотью — кавуны
и всю ночь в двуколке под горою
скачет гром, как ездовой с войны.

А в реке, где муть от смытой пыли,
поверху подлещики поплыли;
сом, как пароходные колеса,
хлопает, бурлит хвостом у плеса;
язь и окунь, старые соседи,
сослепу с разгона лезут в сети;
и в лугах, под болтовню капли,

Все случилось, все, что полагалось;
Как с покоса жаркого домой,
Ощущая легкую усталость,
Я иду тропой береговой.

Соловьи поют — осатанели.
Рощи дремлют. А навстречу мне
В куртке, перешитой из шинели,
Паренек с котомкой на спине.

Сероглазый, русский, крепко сбитый—
День весны моей полузабытый,
Молодость без шрамов и наград.
— Ты куда?
— Учиться в Ленинград!

Сторонюсь, тропинку уступая,
И, забыв тотчас же про меня,
Он уходит, словно утопая
В теплых травах, в синей дымке дня.

И над рощей облака теснятся,
И дорога катится за холм,
И готов я жизнью поменяться
С незнакомым этим пареньком...

1947

ДОЖДЬ

Пыль завилась столбом,
встала листва ребром,
дрогнул перед грозой
сосен зеленый строй;

молний гвардейский залп
поле изрезал сплошь,—
мальчиком поскакал
тонкий веселый дождь,

вытянулся, подрос,
в жаждущий чернозем
сеять пошел вразброс
синим тугим зерном.

Потен, азартен, рус,
в копоты до бровей,
снял тракторист картуз:
— Лей, — кричит, — веселей!

И по округе всей
радуется народ:
— Гуще, помощник, сей,
встанет пшеница в рост;

жатва да молотьба,—
будут у нас в печи
розовые хлеба,
пышные калачи!

С Витебска на Смоленск,
с Рославля на Орел
грохот и переплеск,
радуги возле сел,

и, как бочар лихой,
за голубым бугром
бочки с живой водой
майский катает гром.

1947

ХЛЕБ ИДЕТ!

(Из поэмы «Колхоз «Большевик»)

С кумачом
над плечом —
пыль и ветер нипочем!—
словно маршал с бранной славой,
путь расчислив по часам,
на подводе первой самой
председатель едет сам,
а за ним самим — обоз:
ржи под тонну —
что ни воз...

Ржи?
Ну, не скажи,—
в том зерне, сухом и звонком,
золотого образца,
поле ходит теплым соком,

белым просверком роса,
волны солнечного света,
ливней пенные ковши,
зорь и радуг самоцветы,
щедрость сердца и души.
А еще и так сказать бы —
и закуска

и вино
для пирушки и для свадьбы
упакованы в зерно!

Пыль в колеса бьет, как пламя,
гривы взвиты — хоть лети,
ветлы машут рукавами, —
мол, счастливого пути,
мост горох в копыта сыплет,
а вдогонку, над селом,
бьет ветряк по синей зыби
металлическим крылом.

Телеграф шагает мимо,
травы льются меж берез,
на сигнал гудка и дыма
красный движется обоз.
И о том толкуют люди,
сердцем радуясь простым,
что теперь полегче будет
нашим людям городским,
что за тракторы и «зисы»,
горы ситца и литья
шлет дары земля-землица —
не чужая, а своя!

Мимо леса, вдоль откоса
хмель зеленый бьет в колеса,
скачут рощи пегой масти,
рек зеркальные куски,
машинист, в угле и масле,
сеет искры и свистки!
Засинев над перегоном,
сумерки кладут с поклоном
семафору на ладонь
малахитовый огонь,
и по всей Стране Советов
урожайный славя год,
эхо мчится эстафетой:

— Хлеб идет!

— Хлеб идет!

Синеглазый октябренок
не поймет никак спросонок —
солнце, что ль, явилось на дом,
подает понятный знак,
если полем, если садом,
если летом пахнет так,
если мама дорогая
помолчит —

и снова вот
«Широка страна родная»
утро целое поет.
Мир на ощупь открывая,
он поищет и поймет —
это пахнет караваем,
коркой, розовой как мед,
и — к дверям, и — в кухню прямо,
кошку сбив попутно с ног:
— Это кто принес нам, мама?
— А народ принес, сынок.
Это наша шлет родня —
для тебя и для меня,
та — далече, эта — близко:
ведь страна-то широка!
Это
из «Социализма»,
это
от «Большевика»!..

Словно маршал с бранной славой,
путь расчислив по часам,
на подводе первой самой
председатель едет сам,
а за первой
— пыль в полнеба,
стук копыт
и скрип подвод.
— Хлеб идет,
дорогу хлебу!
— Хлеб идет!
— Хлеб идет!

ОСЕНЬ

От Трубчевска до Брянска
Лета выжжена краска,
От Трубчевска до Брянска
Листьев рыжая пляска:

Золотыми шмелями
Пролетают над нами,
Над ржаною щетиной
Прыщут стайкой щеглиной.

В этом шуме и звоне
Зреет чувство тревоги
За друзей, что сегодня,
Как и сам ты, в дороге:

Может, грустно кому-то,
Одиноко, быть может?
Может, шум этот смутный
Чье-то сердце тревожит?

Может, к другу усталость
Незаметно подкралась?
Может, чувство печали
Журавли накричали?

Разве только мотору
Все равно, что ни делай,
А не сердцу, в котором
Мир вмещается целый,

А не сердцу, когда в нем
В этот полдень багряный
Ноет память о давнем
Зарубцованной раной —

Память первой разлуки
На пути незабытом,
Грусть о брате или друге,
Под Берлином убитом...

Осень радугу листьев
Разорвала на клочья,
Даль туманней, и мгlistей,
И пронзительней к ночи.

И так хочется, чтобы
К землякам моим милым
Этот вечер пришел бы
Не виденьем унылым,

А теплом бы да светом,
Добрым ужином сытным,
Полюбовным советом,
Сердцем друга открытым,

Да мечтой о грядущем
Под шумок листопада,
Ровным шагом идущего
За оградой сада!

1950

ДРУГУ

В. Галактионову

Может, дружба лишилась у нас языка?
Тридцать дней телефонного нету звонка!
Может, где-то нашла себе адрес иной?
Тридцать дней не курил ты, не спорил со мной.

Что ж молчишь? Или жизнь твоя так тяжела —
Одолели заботы, заели дела?
Или женщина, та, что зовется родной,
Все, что есть, забрала для себя для одной?

Не ревную к любви: если вправду сильна,
Не всегда к нам друзей отпускает она;
Бросив срочное дело, гулять не зову —
Сам в делах и делами дышу и живу.

Если ж сам ты не можешь того объяснить,
Почему не приходишь, не хочешь звонить,—
Значит, можно итог подводить не спеша:
У кого-то из нас постарела душа!

1954

ОЖИДАНИЕ

На взбухающих реках ломается лед,
На протоке ольха зацвела.
Где-то к вечеру голос баян подает
На прогретом пригорке села,

Словно птица, что птицу другую зовет —
Для того ей и песня дана,—
Потому что одна ни гнезда не совет,
Ни птенца не согреет одна.

И вздыхает девчонка семнадцати лет,
Поправляя платок на груди.
Ни любви, ни тоски — ничего еще нет,
Но весна приказала ей: — Жди!

Положила на сердце огонь-уголек,
Засветила глаза синевой...
Приходи поскорей, если ты недалеко,
Обними этот пламень живой.

Самым ласковым словом ее назови,
Обнадежь, как домой поведешь,
Может, чище уже и не встретишь любви
И ясней этих глаз не найдешь.

Только раз нам судьба этот выбор дает,
От повторного толку не жди.
Приходи. Слышишь — девичье сердце зовет? —
Приходи... Поскорей приходи!

1954

СВОЕМУ СЕРДЦУ

Сердце мне сказало: я устало,
Не кори меня и не суди,
Вспомни, как нас в жизни помотало,
Глянь, какие дали позади.

Пусть тебя не соблазняют схватки,
Не влекут бессонные дела —
Знаешь сам, что нервы не в порядке,
Что в крови убавилось тепла.

Что хотел бы к тем, кто помоложе,
Да не можешь дотянуться в ряд.
Сдал, видать, отяжелел, похоже,
В землю стал расти, как говорят...

Сердце, ты напрасно разболталось,
Хоть и нету дыма без огня;
Подожди, повремени-ка малость,
Помолчи и выслушай меня.

Не святой глупец и не ханжа я,
И какая б ни была она,
Жизнь моя мне вовсе не чужая,
А своя и позарез нужна.

Только как ты ни кричи об этом
И в какой ни уличай вине,
Не хочу тащиться за кюветом,
От большой дороги в стороне.

Не могу стоять затылком к бою,
Перед новым делом быть в долгу,
С ненавистью давней и любовью —
Плачь не плачь — проститься не могу.

На усталость жалобой моею,
Выходом из строя хоть на миг
Огорчить друзей моих не смею
И врагов порадовать моих.

Значит, бейся, сколько можешь биться,
А когда почувствуешь беду,
Не проси меня остановиться —
Можешь разрываться на ходу!..

1943—1955

ТОЙ, КОТОРУЮ ЛЮБИЛ

Прости за все, что я принес
Не по своей вине... Прости
За боль разлук, за горечь слез,
За письма краткие с пути,

За то, что не хватило сил
Мне удержать тебя, когда
Вдали с фронтами колесил
Недели, месяцы, года.

Умна, честна, ты все поймешь:
Что глубока любовь была,
Что не измена и не ложь —
Нас буря в жизни развела.

Я сердцем и душой все тот,
Опять я в спешке день-деньской,
Лишь сердце радостно замрет,
Чуть мимо женщина пройдет,
Напомнив чем-то облик твой.

И хоть нельзя соединить
Минувших и грядущих дней,
Я все стараюсь лучше быть
Во имя памяти твоей,

Чтоб ты не смела упрекнуть
Сама себя наедине,
Что ошибалась в чем-нибудь,
Протягивая руку мне!

1955

* * *

Было тихо и тепло в избе,—
Нет избы. Котенок на трубе,—
Нет трубы. Испепеленный пень,—
Нет пня. Осиротелый день.
Кованый сундук молчал в углу,—
Нету. Ветер разметал золу.
Глянцевитый черепок в песке.

Больно мне. Но нет тоски в строке.
Есть строка, которая сильна
Тем, что сердцем сказана она.

Нечего стыдиться честных слез!
Пусть слезу оледенит мороз,
Чтоб она, упавшая из глаз,
Стала резкой, острой, как алмаз.

Но алмазу долго надо ждать,
Чтоб таким, как сердце, твердым стать.

1942

ПЕРВОПУТОК

Укутан в сугробы рабочий поселок,
Куда ни посмотришь — бело.
Дорога обычно проходит меж елок,
Ее не видать — замело.

Но из дому вышел рабочий Сельмаша,
В дороге встречая рассвет.

Ступает уверенно школьница наша
В его голубеющий след.

Выходят хозяйки в рассвет еще робкий
И видят, где можно пройти.
Следы постепенно становятся тропкой,—
Идущим не сбиться с пути.

Не тропка змеится — дорога большая,
Как зов издалека — «иди!»
Как связь между теми, кто ныне шагает,
И тем, кто прошел впереди.

1953

ОБЛАКА

Высокий бом¹. Иду по краю.
В глазах рябит. Скользит нога.
Кругом, насупясь, отдыхают
Вздохмаченные облака.

Я наступаю им на лапы.
По желтоватым складкам гор
От них идет болотный запах,
Как от мелеющих озер.

Каким теченьем вас пригнало?
Где растеряли пыл грозы?
Но облака молчат, по скалам
Развесив белые усы.

Пускай молчат — устали... дремлют.
Плывя на север табуном,
Они не раз поили землю
Косым сверкающим дождем.

1936

ГОРЫ

Вот наши горы! Любо поглядеть:
лесисты, зелены!
Здесь водится медведь.
Когда он пробирается тайгою,

¹ Бом — высокая отвесная скала.

Вослед ему цветы летят пургою,
Хрустят колоды, слышатся обвалы...
Порой здесь появляются маралы
Между поджарых елок, точно в раме,
Покачивая синеву рогами.
И от горы
И до горы кочуя,
Там, на поляне, средь булыжин лысых
Полосками огня мелькают лисы.
И, человечесий шум едва почуя,
С деревьев тихих в папоротник мелкий
Тревожно свистнув, упадают белки.
Пройдись травой:
 езде барсучьи норы,
Бурундука дорога столбовая...
Но только ли зверьем богаты горы?
А этот лес
 от края и до края...
На склонах, что изрезаны ручьями,
Чуть шевеля погнутыми сучками,
Стоит пихтач —
Над ним туман клочками.
К реке, чьи берега желты, отлоги,
Спускается березник белоногий.
И, растолкав осины, желтокорый
Взбирается сосняк на косогоры.
А кедры, кедры!—
Тесен, знать, простор им
Речных долин, где тополям — свобода,
Они толпятся на вершинах горных —
Растений богатырская порода.
Бывает,
 грозами себя измучив,
Мохнатые раскинув лапы-плети,
У их подножья отдыхают тучи...
Да, много чем богаты горы эти,
И по молве еще седой, старинной,
Что обошла и села и айлы:
У них серебряная сердцевина
И золотом наполненные жилы.
И оттого в утробах здешней птицы
Находят драгоценные крупицы.
И потому здесь,
 на брусничном скате,
Избу поставил золотоискатель.
Да и не зря живут здесь лесорубы,
Чьи плечи широки, ладони грубы.
Да и недаром каждую зимую

Сюда на лыжах, раздвигая хвою,
От забураненных долинных пашен
Приходят зверобой бородаты...
Так слушай, друг мой, если так богаты,
Богаты всем родные горы наши,
Где каждый склон пересечен ручьями,
То нам ли не назваться богачами?

1945

АНГАРСКИЙ ЛУЧКИСТ

Зима навстречу лесорубу
Ссыпает звезды с облаков,
Плечистый лес укрылся в шубу
Из горностаевых снегов.

Заря — капризная девица —
Спешит на прорубь к Ангаре
Водой хрустальною умыться,
Сверкнуть прической в серебре.

Но что ж ты нынче запоздала?
Ты проспала, заря... Гляди,
У самой кромки лесовала
Бригада наша — впереди!

Спеши, заря, а то отстанешь...
Слышь, на горé и у горы,
По всей тайге, куда ни глянешь,
Постукивают топоры.

Мороз. Погодка бедовая.
Но басовито, как пчела,
Гудит утеха трудовая,
Моя лучковая пила.

Заря, заря! Иди, погрею,
Вставай-ка рядом тут со мной.
Твою сонливость я развею
Стальной певучею струной.

Послушай, как поет! Проворна,
Легка, задориста, остра,
Опилки сыплет, словно зерна,
Моя таежная сестра.

Да, да, сестра! Мы с ней родные.
А ты не веришь? Вот и зря!
У нас характеры стальные:
Вот в чем родство, пойми, заря.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ

Вот какое ты!
Огромное,
Неприветливое, темное,
Диким ветром взбаламучено,
Будто судорогой скручено.

Вечно зыблемое шквалами,
Ты грозишься льдами тальми;
Берега твои бескрайные,
Редки гавани причальные.

Но прекрасно, даже гневное,
Ты, седое море, древнее,
Шапкой облачной покрытое,
Даже летом ледовитое.

Люди русские, — всегдашние, —
Наши прадеды бесстрашные
Из холстины парус ставили,
На судах дощатых плавали;

Зимовать на берег чалились,
Не робели, не печалились,
Проторили тропы правнукам,
Нашим доблестным полярникам.

Имена их светят скромные,
Словно звезды, в ночи темные —
Маяки, сигналы, пристани,
Обозначенные исстари.

Здравствуй, здравствуй, море древнее,
Неприветливое, гневное!
Мы твоей волной умоемся
И еще с тобой поборемся.

Бейте вглубь дороги вольные,
Караваны ледакольные!

МЕДВЕДЬ

Он идет, большой и бурый,
И мотает головой.
Над его мохнатой шкурой
Вьется мух жужжащий рой.

Ищет он прохладной тени,
Недовольно бормоча.
Он заходит по колени
В воду звонкого ключа.

Хорошо в ручье глубоком!
В шубе, в валенках, как был,
Камни сдвинув толстым боком,
Он садится в мягкий ил.

Он насквозь промок — не выжать!
Но, открыв зубастый рот,
Лапой бьет и пеной брызжет,
Пьет и весело ревет.

1937

БАМБУКОВЫЙ ЛЕС

Посадили отводок в почву
И, раскинувши сеть корней,
Жадно рос он и днем и ночью —
Двадцать метров за сорок дней.

Полированную колонной
Желтый ствол в синеву взнесен.
Узких листьев сухая крона
На верхушке раскрыла зонт.

Не один, а сплошною чащей
В наступление шел тростник.
Так над горной рекой гремящей
Удивительный лес возник.

И в полуденный зной прохладно
Под навесом его везде.
Только солнца скупые пятна
Брызнут золотом там и здесь.

С виду мертв он, но жизни шорох
Слышат сонные тростники:
Тут уже расселились в норах
Осторожные барсуки.

И шакалы узнали ходы
В странный лес, что разросся вдруг,
Для засады и для охоты
Словно создан густой бамбук.

Лишь над лесом, светясь опалом,
В небе выплывет лунный диск,
Поднимают во тьме шакалы
Детский плач и протяжный визг.

Но охотничьи их угодыя
Беспокойны бывают днем:
Из совхоза сюда приходят
Лесорубы за тростником.

Ударяет топор со звоном,
И пилы раздается свист,
И трепещет листва на кронах,
И стволы оседают вниз.

Их увозят тропой колесной,
Хоть уклон каменист и крут,
А потом в мастерских совхоза
Пряют их, и прямят, и гнут.

Ни вершка не идет в потери —
Каждый ствол для работы гожд.
Те, что тоньше, кладут, размерив,
Под зубчатый и круглый нож.

Будто искры, опилки брызжут
Из-под лезвий со всех сторон,
И коленчатых палок лыжных
Мчится к северу эшелон.

1945

ЛАНИ

Закрутило, засвистало,
Снегом сеяло-мело,
А потом метель устала,
Горы выбелив белó.

И к утру мороз хороший
Затрещал по всем лесам.
Заковал он в лед порошу
И узором расписал.

Каждый кустик на поляне
В кружевах и серебре.
И идут в сугробах лани
Друг за другом на заре.

Проложить им нужно тропы
В этой толще снеговой
Сквозь высокие сугробы,
Наметенные пургой.

Первой лани утром ранним
Всех труднее впереди
Стену белую таранить,
Что встает на их пути.

И когда сменяться надо —
Лань с тропы слегка свернет
И в конце пристанет стада,
Отдыхая в свой черед.

Та, что следом шла за нею,
Раздувая шумно грудь
И вытягивая шею,
Пробивает дальше путь.

Так, безмолвным уговором
Поделив тяжелый труд,
По снегам в ущелье горном
Лани медленно идут.

1949

СЕРГЕЙ СНЕЖКОВ

(Из поэмы «Пушкинские горы»)

Сто метров лишь до рубежа,
«Ничьей» земли сто метров.
Снежков лежит. Друзья лежат
Под гулким смертным ветром.

Еще минута — заметет
Весь взвод осколков вьюга.
Но выход есть — вперед, вперед
Из огненного круга.

Встать и вперед — путь недалек,
Но воющим железом
Ты будешь вмиг, как стебелек,
Под самый корень срезан.

«Ничьих» сто метров, только сто,
Но нет земли дорожке...
И кто-то должен первым...

Кто?

Подняться первым должен...

*

...В душе, исполненной печали,
Стихи еще не отзвучали:
«Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил...»

Вот где-то здесь — и, может, рядом —
В осенней синей тишине
Блуждал поэт под листопадом
С тоской своей наедине.

«Где я страдал...» Разрывы близко,
И нестерпимей мины вой...
«Где я любил...» А пули с визгом
Снуют над самой головой...

И землю рвут вокруг осколки,
И приподняться нету сил...
А на душе звенит, не молкнет:
«Где сердце я похоронил...»

*

И кажется — над полем схватки,
Над развороченной землей,
В знакомой взвихренной крылатке
Поднялся Пушкин, как живой.

В огне, бушующем по плечи,
Для вражьих пуль неуязвим,
Идет поэт, идет навстречу
Освободителям своим.

Горят глаза отвагой гордой,
И кудри ветер боя вьет,
И на закат рукой простертой
Зовет бойцов, вперед зовет.

А возле вьется черным бесом,
Ползет за Пушкиным вослед
Тень чужеземца, тень Дантеса,
Наводит снова пистолет.

И рвутся мины, завывая,
Чтоб преградить поэту путь.
Но крепнет песня боевая,
Ее назад не повернуть, —

Гремит и рядом и поодаль,
Все ближе, ближе и ясней:
«Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! — взываю к ней...»

Идут, идут на память сами
Стихи, высок их звонкий взлет.
И Пушкин близко — пред глазами
В метели огненной идет...

Снежков уверовал давно,
 Давно мечтал об этом:
 Должно зажечься в нем, должно
 Необычайным светом,

Должно, должно когда-нибудь,
 Хоть на одно мгновение,
 В его простой душе сверкнуть
 Такое вдохновение,

Когда пред ним, светла, ясна,
 Не в вымысле, не в сказке,
 Жизнь молодая, как весна,
 Свои раскроет краски.

И вот сейчас, в огне, в бою,
 Всей жизнью с нею связан,
 Увидел землю он свою,
 Как не видал ни разу.

Как бы сквозь пушкинский кристалл,
 Всю снова открывая,
 Снежков Отчизну увидал
 От края и до края.

Во всей красе ее черты,
 Родные и живые,
 С пушкиногорской высоты
 Он видел, как впервые...

Он ждал давно: когда-нибудь,
 Хоть раз, хоть на мгновение,
 Должно в его душе сверкнуть
 Такое вдохновение,

Чтоб сам собой полился стих,
 Слова такие были б,
 Что заменить иными их
 Уже никто не в силе...

И вот под яростным огнем,
 Под гул и визг неистовый,
 Запело сердце. Пели в нем
 Необычайно чистые,

В неизъяснимой простоте,
 В нечаянных созвучиях
 Слова единственные те,
 Неслыханно певучие.

Все полновзвучней, все слышней
Они в стихи просились,
Слова чудесные — о ней,
О Матери-России...

*

Но не теперь, но не сейчас
Запечатлеть те строки...
И только, только б не угас
Души накал высокий.

Сейчас минута дорога,
Она пришла, настала...
...В глаза багровая пурга
Озлобленно хлестала.

Дохнула снова горячо
В лицо волна взрывная,
Осколок врезался в плечо,
Пронзила боль сквозная...

Землей засыпало... В ушах
Заныли перепонки.
Но не контужена душа,
И стих не молкнет звонкий.

Вперед, вперед! — стихи поют
Над глухотой, над болью.
«Есть упование в бою...»
Не это ль? Не оно ли?

И словно стихло все вокруг,
И только сердце пело.
И невесомым стало вдруг
Контуженное тело...

*

Вперед... Поднялся в полный рост
Среди друзей своих он.
И в тот же миг пилотку снес
И опалил глаза до слез
Горячий, смертный вихорь...

Среди живых и мертвых тел,
Среди огня и воя
Снежков поднялся и запел,
И голос над землей взлетел,
Как знамя боевое.

Запел о Родине Снежков,
Как мать, родной и близкой,
О доблести сибиряков,
Однополчан и земляков,
О верности сибирской...

И звал вперед сквозь дым и гром
Так дерзостно и смело,
Что смерть, вздымая пыль столбом,
Металась в бешенстве слепом,
Но тронуть не посмела.

1946—1949

* * *

От бабки слышала не раз
Я в детстве этот старый сказ:
Узнав, что друг в бою убит,
Подруга уходила в скит,

Чтобы в лесу, в глухом скиту
Свою оплакивать беду
И чтоб любовь свою сберечь
От наважденья жарких встреч.

Мне часто повторяла мать,
Как женской гордости устав:
Коль любишь — мужа потеряв,
Не станешь нового искать.

Так повелось у нас в роду,
Раз полюбила — то навек.
В каком мы встретимся году,
Мой, самый близкий, человек?

На тихом, светлом берегу
Наш мирный приютился кров.
Я так люблю, что не могу
Найти любви достойных слов.

Но если не вернет война
Тебя и будешь ты убит —
Душою любящей сильна,
Я не пойду в тишайший скит,

А буду я работать, жить
И, подвигом твоим горда,
Былому счастьем изменить
Я не посмею никогда.

Скорее горы упадут
И высохнут истоки рек!
Так в нашем повелось роду,
Раз полюбила — то навек.

1945

* * *

На левый бок повернулся медведь.
На убыль зима идет.
А мне все так же в окно смотреть
И ждать, придет — не придет?

А январская ночь холодна и темна,
И не скачет к крылечку твой конь,
И снежинка, как маленькая луна,
Опускается мне на ладонь.

Только верю я в счастье. Ручьям звенеть,
Быть свиданью. Всему свой срок.
Сколь ни злится зима, а в берлоге медведь
Повернулся на левый бок.

1946

УРАЛЬСКИЙ ВИНОГРАД

Барский дом, окованный железом
Кружево чугунное оград.
Повелел хозяин камнерезу
Вырезать из камня виноград.
Чтоб он был совсем как настоящий,
Словно солнцем налитая гроздь.
Только камнерезу, на несчастье,
Видеть виноград не довелось.
Что он видел? Бслые метели,
Острроверхий синий Таганай,
Сосны и нахмуренные ели —
Милый сердцу, но суровый край.
Не плоды цветущей Украины
И не крымских фруктов аромат, —
Знал он только горькую рябину,
Красную, как ветреный закат.
И сказал тогда уральский мастер:
Много бед, мол, а ответ один...
Взял он не прозрачные тумпасы,
Не морской воды аквамарин,
А кроваво-красные рубины

И густой, задумчивый гранат.
Вырезал он гроздь родной рябины.
— Вот вам, барин, местный виноград! —
Были розги мастеру наградой.
Но с тех пор в народе повелось
Называть уральским виноградом
Красную рябиновую гроздь.

1949

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Своенравное, как море,
В стороне от светлых дач,
Дождь и ветер переспоря,
Отдыхает Кисегач¹.
Лишь о каменные глыбы
Еле слышно волны бьют.
Да серебряные рыбы
Возле берега спуют.
Да смуглянке возле сходней
Смотрит юноша в глаза.
— Хорошо-то как сегодня.
Я люблю, когда гроза...—
Платье вымокло до нитки.
Косы — темных два ручья.
— Ты откуда?
— Из Магнитки.
— Чья?
— Пока еще ничья!—
Разговор их стал невнятен...
Тишина.

Но слышно мне,
Как выстукивает дятел
Телеграммы на сосне.
Я иду тропой узкой.
Камни катятся шурша.
Красотою щедрой, русской
До краев полна душа.
Надо мною вьются птицы,
Рук касаются цветы.
Через хвойные ресницы
Смотрит солнце с высоты.
...Этот край мне будет снится
Неотступно, словно ты.

1954

¹ Озеро на Южном Урале

ПИСЬМО

Письмо его написано в пути.
Оно сквозит любовью неподкупной.
То мелко, неразборчиво почти,
То чересчур размашисто и крупно
Ложились на листочке небольшом
Строка к строке, и все с наклоном разным...
Две первых строчки написал он красным,
Другие две — простым карандашом,
Последние — чернилами, с нажимом,
Не сбившись, запятой не пропустив,
Как пишут на предмете недвижимом,
На возвышенье локоть утвердив.
Что было тем устойчивым предметом:
Дорожный камень, ящик иль седло?
За столько миль письмо меня нашло,
И понял я по всем его приметам,
Как иногда в походах тяжело,
Хотя в письме не сказано об этом.

1940

МАГНИТ-ГОРА

Поутру собравшись, помню,
В дальние края,
С вещевым мешком, с гармонью
Прыгнул в поезд я.
Помню, выдали спецовку,
Помню, на заре
Объявили остановку
На Магнит-горе.

Поначалу было вьюжно,
А потом — жара.
И работали мы дружно
С самого утра
Синий дым от папироски,
Блеск на топоре,
Рядом белые березки
На Магнит-горе.

Жили складно и нескладно,
Было все, друзья.
Домну выстроим, и ладно,
Распрощаюсь я.
И уеду, любо-мило,
Может, в сентябре
И забуду, что там было
На Магнит-горе.

Домну выстроили, что же —
Выстроим мартен,
Уезжать никак не гоже
От готовых стен.
Ладно, ссориться не буду.
Осень на дворе,
До весны еще побуду
На Магнит-горе.

Ну, остался, а весною
Заново разлад:
Дай уж, думаю, дострою
Этот их прокат.
Строил я и думал, помню,
Об иной поре,
По ночам сидел с гармонью
На Магнит-горе.

Жил в бараке я, сезонник, —
Темный уголок,
Узковатый подоконник,
Низкий потолок,
Пожелтел барак сосновый
Летом на жаре.
Надо строить город новый
На Магнит-горе.

Я как следует старался,
Строил, а потом
Самым первым перебрался

В самый первый дом.
И пошла со мною Валя —
Ленты в серебре —
Та, с которой мы бывали
На Магнит-горе.

Видно, сила по названью
Есть у той горы,
А какая — я не знаю
И до сей поры...
На вершине в час заката
Сосны в янтаре.
Хорошо у нас, ребята,
На Магнит-горе.

1945

СТАРИННЫЙ ГОРОДОК

— Ты проходил по тысячам дорог
И пролетал по чуть скрепленным рельсам;
Ты непременно где-нибудь продрог
И незаметно где-нибудь согрелся.
Прошел ты всю страну,
Где — с боем, где — мгновенно;
Ты столько перевидел за войну...
Ответь же откровенно:
Ты стал бы жить в старинном городке
И никогда не мучиться душою?
Сбегает он заборами к реке,
Похожий с виду на село большое,—
Село, что в первый день зимы
Надело добрые пимы,
Тулуп, треух и рукавицы;
Снегами все замечено,
В платки закутано оно,
Стоит, заборами кривится;
При смутных утренних лучах
С мороза розовые девки
Несут, качая на плечах,
Обледенелые бадейки.
Меня война забросила сюда,
И помню я свой первый шаг несмелый,—
Луну сквозь дым, осколки льда
Из-под кирки заиндевелей
И первый камень той стены,
Что поднялась у кедровой опушки,

И первый средь таежной тишины
За все века удар из пушки.
Привык я к этой северной реке,
И мне она не кажется чужою...
Ты мог бы жить в старинном городке?
Но только — слышишь? — не криви душою.

— Да, я ходил по тысячам дорог
И пролетал по чуть скрепленным рельсам.
За все четыре года я продрог,
А тут, что называется, согрелся,
Хотя и лед не стаял на реке
И вся в снегу тропа лесная.
Ведь я родился в этом городке
И знаю то, чего другой не знает.
И узнаю: знакомая сосна
Склонилась над рекою в отдаленье.
Ее, как раз вон из того окна,
Когда-то видел — кто б ты думал? — Ленин!
Он был однажды в нашем городке...
И я мечтал, что вырасту героем,
Построю здесь завод недалеко,
Пожалуй, там, где ты его построил.
И счастлив, что сбываются мечты,—
Я так хотел свой городок прославить
И новый дом себе поставить,
Пожалуй, там, где это сделал ты.

1947

В ГОРАХ УРАЛА

С горы видна знакомая долина.
Я снова здесь. А ведь еще вчера
Я проходил по площадям Берлина.
Я снова здесь. Ждала меня гора.

И, молча опускаясь на колени,
Я чувствую тревожный холодок,
Перед зарею вижу в отдаленье
И облаков нетающий ледок,

И озеро свинцовое меж сосен,—
Едва-едва пробилось оно,—
И домик мой на каменном откосе,
И чуть подальше девичье окно,

И первый снег на все еще зеленых,
На не успевших облететь листьях,
Среди камней, столетьями скрепленных,
Я заряжаю скважины в пластах.

Руду берут не ласкою, а спором,
Пускай с породой спорит динамит.
Недаром был я в армии сапером:
С восходом солнца в скалах загремит.

На раннем ветре руки потемнели...
То россыпь щебня, то осколки льда...
Вот пуговка блеснула на шинели,—
И для нее нужна была руда.

От пуговки солдатской до турбины —
Все это здесь, все это подо мной.
Я закреплю высоты и глубины,
Что были взяты памятной весной.

Мне предстоят великие работы,
Я по-солдатски снова на посту.
Я знаю: через энские высоты
Поднялся я на эту высоту.

Я край горы взорву с такою страстью —
На пятилетку хватит нам руды!
Чтобы ее хватило нам на счастье,
Я двину штольню в глубину гряды.

Запал готов. Решающего взрыва
Ждут мастера, чтоб заварить литье
Как можно крепче,— ждут нетерпеливо:
Руда — что кровь. Попробуй без нее?!

Еще секунда — и ударит пламя,
И, как венец горняцкого труда,
Точеными стволами и крылами
На солнце заблестит моя руда.

А ну, запальщик, где ты? Побыстрее!
Лучи пробились, колокол гремит.
И, как бывало гром на батарее,
В уральских скалах грянул динамит.

1947

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

В усах запутался дымок
От старой трубки-носогрейки.
Кузнец искусный — все он мог:
Ковал, бывало, брусья, рейки
И даже мог вязать узлы,
А что полегче — гнуть с колена...
Его глаза бывали злы,
Когда он взглядывал мгновенно
Через плечо на пьедестал,
Где, и сквозь бронзу гордость выдав,
Крестами, звездами блистал,
Двором обласканный, Демидов.
И после этого мрачней
Казался мастер в дымной кузне,
Кувалдой бил еще сильней,
Вязал узлы еще искусней.
Обучен тяжкому труду
И закален кузнечным жаром,
Разбил в семнадцатом году
Тот пьедестал одним ударом.

А сын его в бою погиб.
Он тоже мастер был, — сумей-ка,
Когда, скрывая свой изгиб,
Из-под валов крадется змейка,
Одним движеньем на лету
Сумей, как он, — легко и смело, —
Схватить клещами змейку ту
И под валы загнать умело.
И перед тем как умереть
Ему особенно хотелось
До звона змейку разогреть
И показать былую смелость.
Храбрее не было бойца.
Он пал на севере в двадцатом...

А внук седого кузнеца —
Он тоже мастер и прокатом
Владеет смолоду, но так,
Что умолкаешь, удивленный.
Один рывок — один контакт,
И ожил блюминг. Раскаленный
Поплыл брусок из полумглы,
Пригнув углы, как будто плечи,
Сопrotивляясь, под валы
Полез по воле человеческой.

Тяжелый слиток. Ничего!
И стон средь грохота и лязга,
Лаская слиток, сжал его,—
Не всем под стать такая ласка.
И, приласкав, перевернул
И под валы опять отбросил.
И мастер с радостью вздохнул,
Забыв о смятой папиресе.

А там, где режут брус литой,
Когда он вытянется рейкой,
В толпе рабочих дед седой,
Сутулый, с трубкой-носогрейкой,
Стоял без шапки... Грому в такт,
По-стариковски беспокоен,
Он говорил: — Вот так! Вот так!—
И слабо взмахивал рукою.
Глотая трубочный дымок,
Он вспоминал о дымной кузне
И все шептал:— Я тоже мог!
А внук — смотри!— еще искусней.
А внук — на самой высоте...
И Русь не та, и мы не те!

1948

НА АНГАРЕ

На гранитах инея узоры,
Здесь зима на выдумки щедра.
Справа горы, слева тоже горы,
Посредине Ангара.

Дом как дом, под крышей на два ската,
В изморози весь, как в серебре.
Волгодонцы, видные ребята,
Поселились в нем на Ангаре.

Всем троим пришлось она по нраву,
На дворе мороз под пятьдесят,
А вода клокочет, точно лава,
Как в котле, валы кипят.

Не уgomонится, не уймется,
Забуянит — камни бросит в дрожь.
Видно, с ней придется побороться:
Голыми руками не возьмешь.

На ветвях нахохлились синицы
Под белесым небом декабря.
Жмет мороз, и, чтоб не ознобиться,
Снегом натирается заря.

Без дохи не вылезешь из дома,
Без пимов не ступишь за порог.
По всему по бережку крутому
Снег на спячку зимнюю залег.

Только беспокойно спится снегу:
Не дает река ему уснуть.
День и ночь о берег бьет с разбега
Белый вал, крутую выгнув грудь.

Месяц по-особенному ярок,
Дым из труб, как лиственница, прям.
Песня наших девушек-ангарок
Волгодонцев будит по утрам:

«Дон и море нынче схожи,
Очень Дон нам нравится,
Ну, а все же нам дороже
Ангара-красавица.

Ой, пороги-перекаты,
Ой вы, струи пенные.
Волгодонские ребята —
Мастера отменные!

Свет пошлем во все края,
Аж до моря Карского,
Повсеместно ждут друзья
Огонька ангарского.

Ой вы, горочки крутые,
Будет вам туманиться:
Хватит света всей России
И еще останется».

1952

БАЛЛАДА О ЧЕРСТВОМ КУСКЕ

(Ленинград. Зима 1941—1942 гг.)

По безлюдным проспектам
Оглушительно звонко
Гроыхала
На дьявольской смеси
Трехтонка.
Леденистый брезент
Прикрывал ее кузов —
Драгоценные тонны
Замечательных грузов.

Молчаливый водитель,
Примерзший к баранке,
Вез на фронт концентраты,
Хлеба вез он буханки,
Вез он сало и масло,
Вез консервы и водку,
И махорку он вез,
Проклиная погоду.

Рядом с ним лейтенант
Прятал нос в рукавицу.
Был он худ.
Был похож на голодную птицу.
И казалось ему,
Что водителя нету,
Что забрел грузовик
На другую планету.

Вдруг навстречу лучам —
Синим, трепетным фарам —
Дом из мрака шагнул,
Покарежен пожаром.

А сквозь эти лучи
Снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мукá,—
Плавно,
 медленно,
 сыто...

— Стоп!— сказал лейтенант.—
Погодите, водитель.
Я,— сказал лейтенант,—
Здесьний все-таки житель.—
И шофер осадил
Перед домом машину,
И пронзительный ветер
Ворвался в кабину.

И взбежал лейтенант
По знакомым ступеням.
И вошел...
И сынишка прижался к коленям.
Воробьиные ребрышки...
Бледные губки...
Старичок семилетний
В потрепанной шубке.

— Как живешь, мальчуган?
Отвечай без обмана!..—
И достал лейтенант
Свой паек из кармана.
Хлеба черствый кусок
Дал он сыну:— Пожуй-ка,—
И шагнул он туда,
Где дымила буржуйка.

Там, поверх одеяла,
Распухшие руки.
Там жену он увидел
После долгой разлуки.
Там, боясь разрыдаться,
Взял за бедные плечи
И в глаза заглянул,
Что мерцали, как свечи.

Но не знал лейтенант
Семилетнего сына:
Был мальчишка в отца —
Настоящий мужчина!

И когда замигал
Догоревший огарок,
Маме в руку вложил он
Отцовский подарок.

А когда лейтенант
Вновь садился в трехтонку,
— Приезжай!—
Закричал ему мальчик вдогонку.
И опять сквозь лучи
Снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука,—
Плавно,
медленно,
сыто...

Грузовик отмахал уже
Многие версты.
Освещали ракеты
Неба черного купол.
Тот же самый кусок —
Ненадкушенный,
Черствый —
Лейтенант
В том же самом кармане
Нащупал.

Потому что жена
Не могла быть иною
И кусок этот снова
Ему подложила.
Потому что была
Настоящей женою,
Потому что ждала,
Потому что любила.

Грузовик по мостам
Проносился горбатым,
И внимал лейтенант
Орудийным раскатам,
И ворчал, что глаза
Снегом застит слепящим,
Потому,— что солдатом
Он был настоящим.

1942

Солдат Революции!
Тот,
кого Ленин
когда-то на фронт провожал.

Засунув «лимонок»
за пазуху
пару,
в шинели,
в лаптях он,
такой,
каким пробивался
когда-то к Чонгару,
чтоб дальше рвануть на Джанкой!

И солнце вот так же,
должно быть, вставало...

И шапки сняла молодежь,
и тихо прислушалась,
будто над степью
опять прокатилось: «Дае-е-е-ешь!..»

Даешь! —
и отвага не меркнет во взоре.
Солдат
выполняет
приказ.

Даешь! —
и наемники
сброшены в море,
чтоб солнце сияло для нас!..

И дети народа,
что учатся в школе,
и день,
что, как песня, хорош,
и труженик,
светлой добившийся доли,—
Все было в далеком «дае-е-е-ешь!..»
Мы дважды, товарищ,
в боях победили
и вновь
устремляемся ввысь.

Какие ветра
над тобой протрубили!
Какие года пронеслись!..

Оружье,
служившее нашей державе,
мерцало
пред нами

во мгле.

И подвиг солдата мы отдали Славе,
а тело солдата — Земле.
Земля эта вечно бы мертвой лежала,
Храня свой безрадостный сон,—
Сюда не сумели бы волны канала
Пробиться, когда бы не он!
Бесстрашно служил он
рабочему классу,
шагая
в стрелковой
цепи.

Он первым —
с винтовкой —
прокладывал трассу.

И снова
под солнцем
в степи
гремит экскаватор,
гремит и вонзает
могучие зубья ковша
то в красную глину,
то в бурый суглинок,
то в горькую соль Сиваша.

1955

АИСТ

По траве густой и влажной
ходит аист.
Ходит он походкой важной
и жука ест.

Он зовет свою любимую
подружку,
преподносит ей зеленую
лягушку.

Отошла она с поклонами
в сторонку,—
«Отнеси-ка ты лягушку
аистенку.

Он скучает, наша лапушка,
здоров ли?
Беспокоюсь — не свалился бы он
с кровли...»

Солнце село. Стало сумрачно
и тихо.
Вслед за аистом взлетела
аистиха..

Вот и скрылись две задумчивые
птицы...
Хорошо, что есть на свете
небылицы!

*

Под землей живут кроты,
в подполье — мыши.
То ли дело — аистенок,—
он — на крыше!

У него гнездо покрыто
мягким пухом.
Он лягушку может съесть
единым духом!

Молча аист с аистихой
сели рядом,
оба смотрят на сыночка
нежным взглядом.

Красный клювик аистенок
разевает,—
он наелся, он напился,
он зевает.

Молвит аист аистихе
очень строго:
«Ждет нас осенью
далекая дорога.

Ждет нас осенью
нелегая дорога,—
не пора ли с ним заняться
хоть немного?»

«Что ты, что ты,
он совсем еще ребенок!

Ведь и крылышки малы
и клювик тонок!»

«Надоело отговорки
слушать эти.
Мы к занятиям приступаем
на рассвете!»

*

А теперь я расскажу,
как это было.
Солнце снизу облака
позолотило,

а когда оно взошло
еще повыше,—
сбросил аист аистенка
клювом с крыши!

Испугался аистенок,—
упаду, мол!..
Начал, начал, начал падать —
и раздумал!

Он раздумал — и синиц
увидев стаю,—
«Поглядите,— закричал им,—
я летаю!..»

*

Рассказать мне захотелось
вам про это,
потому что есть народная
примета:

если аисты справляют
новоселье,
значит, будет в доме радость
и веселье,

а не сядет к вам разборчивая
птица,
значит, кто-то на кого-то
очень злится,

значит, будет в доме ссора,
будет сваря,

если мимо пролетает
птичья пара...

Путь приметы сквозь столетья
длинный-длинный.
Показалось людям следствие
причиной.

Просто птицы эти
издавна садились
только там, где не шумели,
не бранились...

Так ли это началось,
или иначе,
я желаю людям счастья
и удачи!

А еще мое желание
такое,
чтобы жить нам, этих птиц
не беспокоя!

Возвратится аистенок
в марте с юга,
прилетит с ним белокрылая
подруга.

Выбирая, где спокойнее
и тише,
пусть гнездо они совьют
на вашей крыше!

Ведь не каждая примета —
суеверье.
Добрый аист, зная это,
чистит перья.

1955

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Забывчивый охотник на привале
Не разметал, не растоптал костра,
Он в лес ушел, а ветки догорали
И нехотя чадили до утра...

А утром ветер разогнал туманы,
И ожил потухающий костер.
И, сыпля искры посреди поляны,
Багровые лохмотья распростер.

Он всю траву с цветами вместе выжег,
Кусты спалил, в зеленый лес вошел.
Как испуганная стая белок рыжих,
Он заметался со ствола на ствол.

И лес гудел от огненной метели,
С морозным треском падали стволы,
И, как снежинки, искры с них летели
Над серыми сугробами золы.

Огонь настиг охотника, и, мучась,
Тот задыхался в огненном плену,—
Он сам себе готовил эту участь,
Но как он искупил свою вину!..

Не такова ли совесть? —

Временами

Мне снится сон среди тишины ночной,
Что где-то мной костер забыт, а пламя
Уже гудит, уже идет за мной...

1940

Нет, почи с тобою мне даже не снятся,—
Мне б только с тобою на карточке сняться.
Мне б только пройти бы с тобою весною
Лазоревым лугом, тропую лесною.

С тобой не мечтаю я утром проснуться,—
Мне б только руки твоей тихо коснуться,
Спросить: дорогая, скажи мне на милость,
Спалось ли спокойно, и снов ли не снилось?..

Спросить: дорогая, за окнами ели
Не слишком ли за полночь долго шумели,
Не слишком ли часто автомобили
На дальнем шоссе понапрасну трубили?..

Не слишком ли долго под вечер смеркалось,
Не слишком ли громко рыба плескалась,
Не слишком ли долго кукушка скучала,
Не слишком ли громко сердце стучало?..

1940

ШИПОВНИК

Здесь фундаментов камень в песок перемолот войной,
В каждой горсти земли затаился смертельный осколок,
Каждый шаг наступленья оплачен кровавой ценой,—
Лишь девятой атакой был взят этот дачный поселок.

Ни домов, ни травы, ни заборов, ни улицы нет,
И кусты и деревья снарядами сбиты с размаха.
Но шиповника куст, потому что он крови под цвет,
Уцелел — и цветет среди мусора, щебня и праха.

Стисни зубы — и молча пройди по печальным местам,
Дальше путь продолжай, забывая и страх и усталость.

А могил не ищи... Предоставь это дело цветам,—
Всё видали они, и цвести им недолго осталось.

Лепестки опадают. Среди этих изрытых дорог
Раскидает, размечет их ветер беспечный и шалый;
Но могилу героя отыщет любой лепесток,
Потому что и некуда больше здесь падать, пожалуй...

1943

* * *

Я мохом серым нарасту на камень,
Где ты пройдешь. Я буду ждать в саду
И яблонь розовыми лепестками
Тебе на плечи тихо опаду.

Я веткой клена в белом блеске молний
В окошко стукну. В полдень на лугу
Тебе молчаньем о себе напомним
И облаком на солнце набегу.

Но, если станет грустно нестерпимо,
Не камнем горя лягу я на грудь,—
Я глаз твоих коснусь смолистым дымом,
Поплачь еще немного — и забудь...

1944

АЛМАЗНЫЙ БУР

От пыли каменистой бур,
Не замедляя ходу,
Вгрызается алмазный бур
В упругую породу.

Ему не нужен блеск пустой,
Не он задался целью
Влачить в оправе золотой
Блестящее безделье.

Пусть путь глубинный труден, крут.—
Но рвется к высшей славе,
Свершая драгоценный труд,
Алмаз в стальной оправе!

Пусть блеск его из глубины
Порой невидим глазу,
Но знай, товарищ,— нет цены
Рабочему алмазу!

1949

СТАРЫЙ ЖУРАВЛЬ

Покинув заморское великолепье,
Оазисы, пальмы и зной,—
Трубят журавли над весеннею степью
И клином летят надо мной.

Они утомились, они отощали
За этот далекий полет,
Крылами три тысячи верст отмахали,
А рвутся вперед и вперед.

Летят, подогнув голенастые ноги,
Под перьями ветер свистит...
А следом, по той же небесной дороге,
Журавушка старый летит.

От них отстает, отстает, отстает он,
Уже не пристроиться в ряд —
Надорвано сердце последним полетом,
И старые крылья болят.

Зачем ты торопишься, бедная птица?
Тебе молодых не догнать,—
Они возвращаются жить и плодиться,
А ты к нам легишь умирать!

Усталый, ты нынче же, вечером синим,
Падешь у гнезда своего...
Но, видно, страшнее, чем смерть на чужбине,
На свете уж нет ничего.

...Над сизым холмом высоту набирая,
В бессмертную веря судьбу,
Торопит вожак многокрылую стаю,
Трубит в золотую трубу.

Под солнцем косматая степь серебрится,
Роса на травинках блестит.
Ведут перекличку усталые птицы,
И молча отставший летит.

1953

ГОРДЫНЯ

Над пустотою нависая криво,
Вцепясь корнями в трещины камней,
Стоит сосна у самого обрыва,
Не зная, что стоять недолго ей.

Ее давно держать устали корни,
Не знающие отдыха и сна,
Но с каждым годом круче и упорней
Вверх — наискось — все тянется она.

Уже и зверь горячки сторонится,
Идет в обход, смертельный чужа страх,
Уже предусмотрительные птицы
Покинули гнездо в ее ветвях.

Стоит она, беды не понимая,
На сумрачной, обветренной скале...
Ей чудится — она одна прямая,
А все иное — криво на земле.

1954

СОВА

Далеко за добычей летала сова,
Не заметила, как рассвело,—
И не рада теперь, и не знает сама,
Как вернуться в родное дупло.

Этот радостный день — для нее западня,
Ослепил ее солнечный свет,
Заблудилась она среди белого дня,
Ищет ночи — а ночи все нет.

И петляет она среди зеленых полей,
И кругом обступают враги —
Вьются вольные птицы дневные над ней,
Сокол чертит над нею круги.

День встает — золотая литая стена,—
Все неверней совиный полет.
Много гнезд в темноте разорила она,—
К ней на помощь никто не придет.

1955

МАЛЬЧИКАМ

Пусть достанутся мальчикам самые лучшие книги —
Описания неба, строений и горных пород,
Трудовых инструментов — от камня до первой мотыги,
Незнакомых народов и климатов разных широт.

Мы об этом и сами когда-то тревожно мечтали —
Пусть на стол им положат усталых моторов сердца;
Механизмы часов и машин потайные детали —
И они их сломают, но смогут понять до конца.

Дважды два — не четыре, и дважды четыре — не восемь.
Мир еще не устроен, как это ему надлежит.
Бьют железом о камень, и воздух грозовый несносен.
И война, как чума, по Европе еще пробежит.

Пусть достанется мальчикам столик с чертежным прибором,
Шкаф для верхнего платья и этот особый уют,
Создаваемый жесткими полками в поезде скором
И летящими шторами узких военных кают.

Пусть достанутся мальчикам двери, открытые настежь,
Путеводные звезды, зажженные нами во мгле,
И мечта о всеобщем, большом человеческом счастье
На еще неудобной, еще предрассветной земле.

1939

ИМЕНИННЫЕ ПОДАРКИ

Ребенку дали рыб ненастоящих,
Слепых зверей с ключами заводными,
Он мог бы слушать музыкальный ящик, —
И от тоски состариться над ними.

Он разобрал несложные пружины,
Потом забыл, потом забросил разом
Глухую банку с ручкой недвижимой
И куклу-дуру с равнодушным глазом.

Но сохранялись в заповедном месте
В откопанной на пристани коробке
Цветные нитки, и обрезки жести,
Куски стекла, бутылочные пробки,

Подковы, обещающие счастье,
И часто излучавшие сиянье,
Машинные таинственные части
Из тех, что потеряли марсиане.

Разъеденные ржавчиной морскою
Уключины на перебитых веслах.
Подобренные бережной рукою
Богатства, непонятные для взрослых.

1939

СЧАСТЬЕ

Когда от неба и до земли
Летели клочья седого дыма,
И только люди сносить могли
Всё, что для камней невыносимо,

Когда одетый в огонь и дым,
Мир накренился, как в бурю судно,
И было трудно лежать живым,
А мертвым было уже нетрудно,

Когда под скрежет весенних льдин,
Прощаясь с миром последним взглядом,
Я оставался в снегу один,
А немцы были почти что рядом,

Когда, разбужен ночной стрельбой,
Весь лес был полон предсмертной дрожи,—
Я не прельщался другой судьбой,
Я повторял лишь одно и то же:

Жить не украдкой, жить не ползком,
Подобно горной лететь лавине.
Мне нужно счастье все целиком,
Мы не сойдемся на половине.

1945

ШАХТА № 5

Здесь, наверно, и был их последний привал.
Та же степь расстилалась, не зная предела,
Тот же ветер порывистый с ног их сбивал,
Та же старая шахта протяжно гудела.

Так же брезжил в степи невеселый рассвет
И река огибала прибрежные мели.
Сыновья Краснодона, шестнадцати лет,
Эти мальчишки плакать уже не умели.

Те же птицы в деревьях кричали с утра,
И над шахтой стояла песчаная вьюга.
Здесь они и прошли — от стены до копра,
На последнем пути подбодряя друг друга.

Вот тропа, по которой ребята брели,
Спотыкаясь, шатаясь от каждого шага...
Всюду вереск, он вырос в песке и в пыли,
На вершине холма и на склоне оврага.

Он взобрался на выступы угольных скал,
На забытой дороге пророс в беспорядке,
Он под ржавыми рельсами путь отыскал,
Он пробился сквозь трещины каменной кладки.

В поле тихо и пусто — зови не зови,
Только ветер шумит на обрывистом склоне.
Есть поверье, что вереск растет на крови.
Сколько вереска видели мы в Краснодоне!

1946

БЫЛЬ О МАКАРЕ МАЗАЕ

Как схватили ночью, как скрутили,
Как связали ночью сталевара
У зеленой, у дубовой балки,
Возле белореченского яра.

Десять дней скрипели и визжали
Ржавые немецкие запоры.
Десять дней в тюрьме его держали,
Десять дней вели переговоры.

Говорит Мазая обер-мастер:
— Вы поймите, упираться глупо.
Мы поставим вас на видном месте,
Мы пошлем вас на заводы Круппа.

Офицер любезно скалит зубы,
По ладони хлопает Макара:
— Мы дадим вам все, что вы хотите.
Сколько стоит совесть сталевара?

Отвечает им донецкий мастер:
«Я готов принять любую кару.
Вы хотите взять меня деньгами,
А на черта грóши сталевару?!

Дружит он с расплавленной сталью,
Любит он веселую свободу.
Если пожелает он напиток,
Пьет из кружки ледяную воду.

Башмаки на струганой подметке,
Рукавиц затрепанная пара,
Жесткая брезентовая куртка,—
Вот и все богатство сталевара.

Не увидеть вам такой минуты,
Не дожидаться вам такого часа,
Чтоб варилась сталь немецкой марки
На заводах нашего Донбасса!..»

Через самый темный переулок,
Через площадь старого базара,
Закрутив ему ремнями руки,
Повели на гибель сталевара.

Только грянул выстрел над обрывом,
Только начал он к земле клониться,
Высоко над самой головою
Засветилась вешая зарница.

И уже в последнее мгновенье,
Закрывая гаснущие очи,
Он увидел завтрашнее небо,
Он увидел будущие ночи.

Вот он снова в черных рукавицах,
Вот он снова, как бывало, дома.

Загружают огненные печи
Грозной смесью чугуна и лома.

И, сияньем озаряя стены,
Хмурый сумрак молнией пронзая,
Полыхают старые мартены,—
Вечное дыхание Мазая.

1947

КОНЦЕРТ В БУХАРЕСТЕ

Концертный зал набит битком,
Здесь нет свободных мест:
Московский каменщик на днях
Приехал в Бухарест.

Не куплетист из варьете,
Объехавший весь мир,
Не модный джазовый король,
Не фокусник-факир,

Не проповедник-краснобай
Пожаловал сюда,
Не иностранный гастролер,—
А Человек Труда.

Когда он вышел, загремел
Рукоплесканий гром.
Он улынулся и сказал:
— Ну что ж, друзья, начнем!

Без извинений снял пиджак
И галстук развязал,—
Ведь каменщики всей страны
Пришли в концертный зал.

Привычно кельму сжал в руках,
Слегка повел плечом,
И вот пошел тогда мелькать
Кирпич за кирпичом.

Была в театре тишина
Минуту или две,—
И показалось вдруг ему,
Как будто он в Москве.

Как будто начинает он
Обычный день работ —
И не «юпитеры» вокруг,
А солнышко печет.

И так был точен каждый жест,
Как будто он сейчас
Им говорил: «Глядите все,
Как трудятся у нас!»

И долго потрясенный зал
Его не отпускал,
И долго, стоя, Бухарест
Ему рукоплескал.

Друзья толпились вокруг него,
Восторженно крича,
И он сложил еще на «бис»
Три ряда кирпича...

Когда ж на несколько минут
Утих концертный зал,
Плечистый каменщик-румын
Поднялся и сказал:

— Не первый день, не первый год
Я на лесах стою,
Но лишь теперь сумел понять
Профессию свою!

1951

ВЕРНУЛСЯ Я НА РОДИНУ...

Вернулся я на родину. Шумят березки встречные.
Я много лет без отпуска служил в чужом краю.
И вот иду, как в юности, я улицей Заречною
И нашей тихой улицы совсем не узнаю.

Здесь вырос сад над берегом с тенистыми дорожками,
Окраины застроились, завода не узнать.
В своей домашней кофточке, в косыночке горошками,
Седая, долгожданная, меня встречает мать.

Вернулся я на родину. Опять сегодня дома я.
И, сняв фуражку вежливо, приветствую девчат.
Гуляют с ними об руку ребята незнакомые,
И только песни старые по-прежнему звучат.

Здесь столько нами прожито, здесь столько троп исхожено,
Здесь столько испытали мы и радостей и гроз.
Пусть плакать в час свидания солдату не положено,
Но я люблюсь родиной и не скрываю слез.

Вернулся я на родину, и у пруда под ивою
Ты ждешь, как в годы давние, прихода моего.
Была бы наша родина богатой да счастливою,
А выше счастья родины нет в мире ничего!

1951

НА «АВРОРЕ»

(Из поэмы «Товарищ Тельман»)

Вода, как броневые плиты,
а небо дымно-бирюзово,
Скользит заря по Ленинграду,
сентябрьский веет холодок.
И сердце сызнава открыто
отраде воздуха морского,
И ширь опять подвластна взгляду...
Как вздрагивает катерок!
А позади дома, заводы
и верфи с новыми судами,
И сказочная позолота
старинных куполов церквей.
А впереди вскипают воды,
Кронштадт встает перед глазами.
Отсюда Балтики ворота
ведут в просторы всех морей.
И Тельман смотрит добрым взором
на флагов ярких перекличку,
Он слышит, как звучит команда,
как горны медные трубят.
Гремит сигнал Большого Сбора,
и весь состав построен личный
На светлой палубе «Авроры».
— Ты рад, товарищ Тельман?
— Рад! —
Балтийцы Сбор Большой играют!
В честь пролетариев германских,
Друзей из Гамбурга и Кельна —
Гремит «ура» на корабле,—
от моряков передавая
Тепло рукопожатий братских
всем, кто выходит в бой смертельный

За мир и правду на земле.
Гремит сигнал Большого Сбора!
 Поднявшись к славному орудью,
Вдыхает Тельман полной грудью
 семинадцатого года шквал.
Он говорит сынам «Авроры»:
 — Мы это имя не забудем,
Оно и нам в грядущем будет
 звучать, как боевой сигнал! —
И он касается металла
 своей рукой горячей, крепкой,
Затем, упрямо стиснув пальцы,
 он поднимает вверх кулак.
Его лицо внезапно стало
 навек запечатленной лепкой.
И в нашей памяти остался,
 да, он навек остался так!
Ему товарищи в Кронштадте,
 Балтийцы, принесли подарки,
Хоть подобрать и трудно мерку
 им для такого крепыша.
Он в бескозырке, он в бушлате.
 «Аврора» — надпись блещет ярко.
Встал с нами Тельман на поверку —
 родная, флотская душа.
И так он был матросам дорог,
 так не хотелось расставаться,
Но адмиральский катер подан...
 Прощался Тельман, полный сил.
Ему сигнальщики «Авроры»
 привет передавали братский.
Мы знали — в злую непогоду
 товарищ верный уходил!

1955

БЕЛКА

Давно ли здесь блаженно пели птицы?
Теперь кругом лишь холод пустырей,
траншеи, пулеметные бойницы
и день и ночь — рычанье батарей.

С ветвей к ногам снежок струится мелкий...
И вдруг над нами в ельнике густом
мелькнуло тельце маленькое белки
с распластанным искрящимся хвостом.

Ах, сколько трепетало в нем пушинок,
когда, от страха сжавшийся в комок,
не находил убежища в вершинах
войною потревоженный зверек.

Он исчезал и вновь метался рядом,
растерянный, не ведая того,
что ливень сокрушительных снарядов
направлен был совсем не на него.

1940

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПОЛЕТА

Они входили молча в тихий дом,
с полуночи покинув самолеты,
тяжелым изнуренные трудом,
суровой облегченные работой.

За ними тень металась по углам...
Нес капитан в охапке туго сжатый,

подшитый мехом кожаный реглан
и грязный шлем с клочками дымной ваты.

Их раздражал не в меру яркий свет,
невозмутимость мнимого покоя...
И понял я: меж ними друга нет,
что прикрывал их там, над полем боя.

Еще в глазах мерещились мосты,
клубки разрывов, черный дым парома
и мертвый истребитель — полверсты
не дотянувший до аэродрома.

Входило пять... В боях погиб шестой, —
реглан в крови, изодран шлем пилота...
Усталость гнет, но спать уж неохота, —
какой тут сон! Скорей бы день, и — в бой.

1941

ПЕСНЯ ДОЖДЯ

Дождик, дождик, дробный, частый,
Где ты, дождик, пропадал,
Над каким таким несчастьем
Ты без умолку рыдал?

То ль голубил ты разлуку,
Грусть — кромешную тоску?
То ль, минуя даль-округу,
Шел неслышно по песку?

То ли пустошью катился,
То ль пожар в бору гасил?
Мне сегодня сон приснился,
Будто дождь траву косил.

Будто пел он на рассвете,
Что в далекой стороне
Мать огонь в избе засветит,
Вспоминая обо мне.

Что вокруг нее капустный,
Огородный, просяной,
Может быть, немного грустный,
Мир в красе своей земной.

Капли в стекла дребезжали.
И, дыханье затая,
Чтоб подруги не слышали,
У дождя спросила я:

«Не видал ли, где мой милый?
Как живет он? Что поет?»
Дождь ударил яркой силой,
Лужи вспенил у ворот:

«Взгляд орла в его ресницах
Молодым горит огнем,
Даже солнце им гордится,
Даже гром гремит о нем».

«Дождик, дождик!..»
Но, качая
Иглы мокрые хвои,
Он прошел, не отвечая,
Вдоль дорожной колеи,

Прошумел над лопухами
И затих,— и надо мной
В ясном небе полыхает
Пламя радуги двойной.

1935

АНДОБА

В глухих лесах теряется начало
Равнинного течения твоего.
Кругом непроходимое болото,
Трясина, мох — и больше ничего.

Зато с какой ты легкостью веселой
Вдруг вырвешься из чащи на простор,
И потечешь спокойно по долине,
И отразишь в своих глубинах бор.

По берегам раскинулись покосы,
Колхозные селенья и сады,
Синеет лес, и поле зеленеет,
И мельницы шумят на все лады.

Бартениха, Лопатиha, Волкуша —
Да разве мало их по берегам?
И громыаают по мостам колеса,
И отмели желтеют здесь и там.

Поилица, кормилица народа,
Свидетельница радостей, скорбей,
От нищего забитого Ивана
До знатного Ивана наших дней.

Он ловит рыбу в омуте глубоком,
Он сено косит на своем лугу —
Раскинулся богато и цветисто
Ивановский колхоз на берегу.

Ой, Андоба, раздолье голубое,
Лучистая, певучая вода!
Поют Лукерьи, Дарьи, Парасковьи,
И каждая по-своему горда.

И мне ли, глядя в дали, не гордиться
И на ладонь поникнуть головой,
Коль унесла навеки наше горе
За сине-море Андоба с собой!

1939

Александр Чуркин

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Шли на войну полки казачьи с Дону,
Один казак вниз голову склонил,
Ой, заскучал один казак по дому,
Коню на гриву повод уронил.

Эх, разметались кудри врассыпную,
О доме думка мучила его,
И в даль глядел он синюю, степную,
А в той дали не видно ничего.

Тряхнул казак чубатой головою,
Сказал своим товарищам с тоской:
«Эх, изболело сердце молодое,
Ой, как мне, братцы, хочется домой».

Лети скорей, дороженька-дорога,
Развей казачью думу и тоску...
Эх, на дыбы поднял коня гнедого
И свистнул саблей острой на скаку.

А по степи полки со славой громкой
Все шли со склона и на склон,
Ковыльная, родимая сторонка,
Прими от красных конников поклон!

1937

ВЕЧЕР НА РЕЙДЕ

Споете, друзья, ведь завтра в поход
Уйдем в предрассветный туман.
Споем веселей, пусть нам подпоет
Седой боевой капитан.

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

А вечер опять хороший такой,
Что песен не петь нам нельзя,
О дружбе большой, о службе морской
Подтянем дружнее, друзья!

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман.
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян:

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

ПОРТРЕТ

Там, где девчонкой русой росли вы,
Пахли зорями темные сливы
И, вползая на низенький вал,
Лопухов и дремучей крапивы
Неуемный прибой бушевал.

Было весело пальцами трогать
Месяц гнутый, как филина коготь,
Под березой, на дне родника,
Чтоб в студеном струенье по локоть
Загорелая ныла рука.

Или зорь золотые сережки
Обрывать на пахучем горошке,
Где, омытые свежей росой,
Повиликой заросшие стежки
Пахнут теплой землей и грозой.

А когда закипала в долинах
Переключка ночей соловьиных,—
Петь и плакать меж лунных деревьев,
От весны, от садов тополиных,
От неясной тоски охмелев.

Все вам чудилось ночью недлинной,
Что роман оживает старинный,
И, пруды поволокой обвив,
Смотрит в окна цветущей калиной
Тень тургеневской чистой любви.

Все казалось: за полем, за чащей
Мимо мчится жених настоящий,

Чтобы снова исчезнуть в былом,
И черемуха тройке летящей
Машет белым лебяжьим крылом.

Вот и юность над речкой полесской
Отзвенела капелью апрельской...
Чем же кончились девичьи сны?
Может, долей учительши сельской,
Просто ль — мужней забитой жены...

(В черном омуте ночи имперской
Только эти дороги ясны.)

Там, где девочкой русой росли вы,
Я ходил по-иному счастливый.—
Так же плыл над садами рассвет,
Так же пел родничок говорливый,
Из-под пня пробиваясь на свет.

Только клумбу пред ним без прополки
Заглушило татарником колким,
Дом, рассыпавшись, сполз под откос,
И альбом на разломанной полке
Пухлой лессовой пылью зарос.

Меж обложек — бумажная каша.
Сохранился плешивый папаша —
Земский писарь: усы да мундир,—
Да еще фотография ваша —
Девяностых годов сувенир.

1939

* * *

Розовые свечи на каштанах,
Розовые мальвы на баштанах,
Вечера, наполненные светом
Наших встреч, тревожных и неожиданных...

Может, это снова мне приснится:
Звездный свет, упавший на ресницы,
Холодок зубов и отзыв стоном
Трепетного горла певчей птицы.

Соловьиный месяц, как он долог!
Промелькнули годы, словно сполох,
Но дыханье юности влюбленной
До сих пор осталось в майских долах.

И всю ночь брожу я по левадам,
Будто где-то здесь, за лунным садом,
Сам себя увижу, как бывало,
Мальчиком — в цветах — с тобою рядом.

1940

УТРЕННИЙ СВЕТ

В том городе, где жили мы с тобой,
К заборам ник подсолнечник рябой,
И журавли, спеша на водопой,
Вплетались в сон трубою зоревой.

Потом скрипел на все лады обоз,
Ругал кобылу сонный водовоз,
И рыболов катился под откос,
Гремя ведром, седобород и бос.

А утро разгоралось все смелей
В голубоватых кронах тополей,
И запах меда долетал с полей
На крыльях ос и золотых шмелей.

Мы в сад входили. От незримых дел
Он, словно улей, целый день гудел:
Дрались жуки, за мухой стриж летел,
Шли муравьи войной в чужой предел.

Давным-давно, ветрами обнесен,
Замолк тот сад. Но, памятью спасен,
Как первый вздох,
Как звон струны сквозь сон,
В моей душе не умолкает он.

И, может быть, счастливый я такой
Затем, что где-то, за степной лукой,
Есть городок над тихою Окой,
Одетый в синий полевой покой.

1940

Санная дорога до Чернавска
Вьется,
Вьется снежная пыльца;
Свист саней от самого Ельца,
Ветер — у лица. И — даль. И пляска
Тонкого поддужного кольца...

А в снегах — без края, без конца —
Древняя, дремучая побаска,
Все звенит, все бредит детской лаской,
Лепетом младенца-бубенца;

Да зари вечерней опояска
Где-то там, у отчего крыльца.

Дальнозоркой памятью увижу
За сто верст отсюда на закат
Низкую соломенную крышу,
Вровень с ней сугробы, а повыше —
Дым над черепичною трубою:
Башенкой белесо-голубую
В небо он уходит, языкат...

У отца на это свой загад:
Дым высокий — будет день хороший,
Утро ляжет легкою порошей...
Он коня выводит на раскат,
К проруби на речке, к водопою.
Ловит воду, заступив в ушат,
Конь стоялый бархатной губою.

Дома —
Шкуры волчьи на распялках,
Веники сухого чебреца,
Кадка взвару,
Меду полкорца,
Печь в полхаты; в петухах и галках
Цвета молодого огурца —
Мудрое художество отца...

Ночь.
Зеленый месяц на прогалках
Стекол, в рамах, тяжелей свинца,
Теплая, дремотная ленца,
Отсвет лампы на дубовых балках.

А селом —
Гармоника с Донца,
Песни, песни — ничего не жалко!
Кони — в лентах, сани — в бубенцах,
Девушки в пуховых полушалках,—

Встретишь,
И не вспомнишь об иных!
Только
Звездный свет в глазах у них,
Только губы — запах пьяных вишен...
И навеки станет сердцу слышен
Легкий бег кошевок расписных.

Родина! В подробностях простых
Для меня открылась ты однажды,
И тебе я внял кровинкой каждой
И навек запомнил, словно стих.

1941

ПОЛМИГА

Нет,
Не до седин,
Не до славы
Я век свой хотел бы продлить,
Мне б только
До той вон канавы
Полмига,
Полшага прожить:
Прижаться к земле
И в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.
Мне б только,
Вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод,
Всадить ее,
Врезать, как надо,
В четырежды проклятый дзот,
Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!

Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!

1943

СОЛДАТЫ ЗАПОЛЯРЬЯ

Валы окаменевшей грязи
В полкилометра высотой,
Богатые в однообразье
Мучительною пустотой.

И путь один средь тысяч сопок,
И тот — в огне, и тот — сквозь смерть.
Коль ты воистину не робок —
Решись его преодолеть.

Ползи к вершине от подножья
И, задыхаясь, не забудь,
Что есть еще и бездорожье,
А это все же торный путь.

Но кто расскажет, где кривые
Пути обходов пролегли?
Там наш солдат прошел впервые
От сотворения земли.

Там, посиневшими руками
Сложив ячейки поскорей,
Вжимались роты в голый камень,
Подстерегая егерей.

Их жгли навывлет, сквозь шинели,
Сквозь плоть и кожу, до нутра,
Семидесятой параллели
Невыносимые ветра.

Мороз пушился на гранитах,
А люди ждали — пусть трясет,—
Чтоб на фашистов недобитых
С пустых обрушиться высот.

Зарниц гремучих полыханье,
Летучий, хищный блеск штыков...
И это все — уже преданье
И достояние веков.

Норвегия. Ноябрь, 1944

СОВРЕМЕННОКИ

(Из цикла)

Были ивы в дымчатых сережках,
Были ели в шишках киноварных,
Рыжики брели на мелких ножках
В новых шапках, в сапожках кустарных.

И гудели теплыми утрами
Пчелы — перехожие калики —
Синими черничными коврами,
Алыми коврами земляники.

Тонкий месяц рожками кривыми
Рылся под купавой-недотрогой,
Где лосихе в замшевое вымя
Тыкался теленок тонконогий.

А сохач стоял в воде по горло,
Ветерок ловил губатой мордой,
Теплая волна загривок терла,
Шлепала ладошкой нетвердой.

За пороги из-за Будогощи
Волхов плыл в зеленошумной раме,
К облакам березовые рощи
Светлыми струились теремами.

Мы и сами плыли. Мы и сами
Снаряжали избы, словно струги,
Флюгера драконьими носами
Полудённик резали упругий.

Мы и сами жили. Мы и сами
Молодыми рощами шумели,
Как ручьи мы были голосами
И по-птичьи понимать умели.

И когда, взревев, над нами взрывы
Закачались на косматых лапах,
И не вязь брусничного налива
Расстелилась в кровяных накрапах;

И когда, крича все глуше, глуше,
Гибли рощи в орудийном шквале, —
Нашу плоть живую, нашу душу,
Край наш вместе с нами убивали!

Нет, не разучились мы по-птичьи
Петь и говорить по-человечьи,
Душегубы волчьего обличья
Нас не разроднили с нашей речью.

Мы проходим по убитым селам,
По лесным, по горестным могилам,
Меж полянок, начиненных толлом,
Меж берез, изрубленных тротилом.

По атакам, а не по молитвам
Для меня воронки эти святы:
Здесь мои товарищи по битвам —
Мертвые деревья и солдаты.

Черный пень, простреленная каска,
А над ними— повитель тугая,
Прячет белку елка-черноряска,
Рябчики свистят, изнемогая.

Ясная, израненная сказка,
Разве ты не прежняя, другая?

Нет, тебя мы вынесли с собою —
Вечную и юную — из боя:
Вон плывет над новою избою
Новый лебедь с древнею резьбою.

Он плывет в тысячелетья,
Только
Облака над ним стоят все те же,
Те же звезды, помнящие Ольгу,
Половцев изодранные вежи.

Он плывет, плывет, всегда не прежний,
Вянут зори, пролетают ливни,
Заповедных рек седые стрежни
О гранит обламывают бивни,

А ему не разлучаться с нами —
Вечны расставания и встречи
С новыми надеждами и снами,
Новою любовью человечьей.

Будут весны на лесных дорожках
Молодых встречать в соцветьях парных,
Будут ивы в дымчатых сережках,
Будут ели в шишках киноварных.

1945

СОЛДАТ

Зеленой ракетой
Мы начали ту
Атаку
На дьявольскую высоту.

Над сумрачной Лицей¹
Огонь закипел,
И ты распрямитесь
Не смог, не успел.

Но взглядом неробким
Следил, неживой,
Как бился на сопке
Отряд штурмовой,

Как трижды катились
С вершины кривой,
Как трижды сходились
Опять в штыковой:

Удар
и прыжок —
На вершок,
на аршины, —
И рваный флажок
Заалел над вершиной.

В гранитной могиле,
Сухой и крутой,
Тебя мы зарыли
Под той высотой.

На той высоте
До небес взнесена
Во всей красоте
Вековая сосна.

Ей жить — охранять
Твой неначатый бой,
Иголки ронять —
Горевать над тобой.

А мне не избыть,
Не забыть до конца

¹ Одна из рек, впадающих в Баренцево море.

Твою
 неубитую
Ярость бойца:

В окопе холодном,
Безмолвный уже,
Ты все на исходном
Лежишь рубеже.

И, сжатый в пружину,
Мгновенья,
Года —
Готов — на вершину,
В атаку, туда,

Где в пламя рассвета,
Легка и грустна,
Зеленой ракетой
Взлетает сосна.

1945

МИЧУРИН

В кремневые тучи врубалось кресало
И, с треском отскакивая назад,
Легучее, синее пламя бросало
В затопленный ливнем и полночью сад.

И ветер шатался, могучий, степенный,
И гнул и валил деревья, и в ответ,
Вскипая на лужах, вспухал белопенный,
Пахучий и мокрый черешневый цвет.

И, седенький, вытянув добрые руки,
Весенние благословляя сады,
Стоял под дождем он, и теплые струйки
Сбегали, курчавясь, на грудь с бороды.

Таким и сейчас его вижу: прищурен
Под вспышками молний, в цветочной пыли,
Счастливый и мокрый, смеется Мичурин,
Пытливый и мудрый хозяин земли.

1947

ЗВЕЗДА

Осенней ночью падает звезда.
В холодном небе света борозда.
Примета есть: звезды падучей свет —
Тревожный признак, чьей-то смерти след.

Примета есть. Но как поверить ей?
Мы пережили тысячи смертей.
Беззвездной ночью в окруженье тьмы
Друзей в походе хоронили мы.
И дальше шли в снегу, в чаду, в пыли...

Ах, если б звезды скорбный счет вели
И падали под тяжестью утрат,
Какой бы разразился звездопад!

О, сколько б звезд низринулось в ночи
Над теми, что расстреляны в Керчи,
Над павшими у Вязьмы и в Орле,
Над школьницей, что умерла в петле,
Над Бабьим Яром, где в золе подряд
Мои друзья и земляки лежат,
Над теми, что от отчих мест вдали,
Укрыты горсткой неродной земли,
Над теми, что в Берлине сражены
За две минуты до конца войны,—
Весь Млечный Путь в безмолвии почном
Осыпался бы горестным дождем.
...Но с вышины студеной, чуть видна,
Срывается звезда. Всего одна.

Подсказывает мне падучий свет
Иное толкование примет:
Слетает равнодушная звезда —

Кого-то позабыли навсегда.
Но тот, кто вечен в памяти у нас,
Тот меж светил вселенной не угас.
Взгляну в зенит полночный и найду
Матросова солдатскую звезду
И, потянувшись к чистому лучу,
Звезду Космодемьянской отыщу.
И, озарив осенний небосклон,
Взойдут созвездья — Брест и Краснодон.

1946

САПУН-ГОРА

Сапун-гора, Сапун-гора.
Земная грубая кора.
Сапун-гора. К норе нора.
Подземный ход. Разбитый дот.
Атаки адская жара
В горячих трещинах живет.
Сапун-гора, Сапун-гора.
Гремит матросское «ура».
Морской пехоты тяжкий шаг
Звучит по-прежнему в ушах.

Сапун-гора, Сапун-гора.
Грунт, прокаленный до нутра.
Сухая крымская земля
Шуршит, под сапогом пыли.
Полынь и вереск. Тишь и зной
Над обнаженной крутизной.
Кругом, куда ни кинешь взгляд,
Всё в листьях и морской росе,
И виноградники висят
Над поворотами шоссе.
Дымок воскресшего жилья,
Для новых зданий кирпичи,
И кукурузные поля,
И золотистые бахчи,
И боевые корабли
На страже моря и земли.

Сапун-гора, Сапун-гора.
Бои, гремевшие вчера.
Глядит гора. Вокруг нее —
Сады и рыжее жнивье.
Так опаленный ветеран,
Со смертью споривший не раз,

Стоит, покрыт рубцами ран,
Среди детей, которых спас.

Вся в шрамах трещин и траншей,
Гора вздымается вдали.
Снимите шапку перед ней
И поклонитесь до земли:
То Севастополя сестра —
Сапун-гора, Сапун-гора.

1946

ЧАЙХАНА

Вы когда-нибудь бывали в чайхане?
Под навесом камышовым, на ковре,
Чай зеленый распивали при луне
Или в полдень, забывая о жаре?

Тут за пестрой занавеской у плиты
Необъятный самовар запольхал,
Расцветают, словно майские кусты,
Горы чайников и маленьких пиал.

На кошме, на возвышенье земляном,
Дыни бурые и желтые лежат,
И сменяется душистым кипятком
Сизо-розовый прохладный виноград.

Здесь узорные лепешки подают,
Что дымящегося чая горячей.
Здесь тенистый обеспечили уют
Кроны пыльных, но густых карагачей.

Здесь урючины с орехом обнялись
Над щебечущим, как птица, ручейком,
А бездонную полуденную высь
Отражает неглубокий водоем.

Здесь беседуют о жизни старики,
А в обед, народом плотно окружен,
Агитатор от строки и до строки
Вслух прочитывает «Кзыл Узбекистон».

Академик и поэт Гафур Гулям
Здесь читал стихотворения свои.
Танец сборщицы плясала Мукарам —
Балерина из театра Навои.

Каждый жест ее был дорог и знаком,
Словно сборщицей и впрямь она была,
А над ней, как над раскрывшимся цветком,
Зачарованная плавала пчела.

За порогом орошенная земля,
Первый трепет рано вспыхнувшей звезды,
Окаймленные тутовником поля,
Обнесенные дувалами сады.

Вдалеке сугроб нетающий растет,
И полуторки груженные сырцом,
Мчась на хлопкоочистительный завод,
Огибают чайхану и водоем.

За развилкою в пыли стихает гул.
Завершается большой и знойный день.
Над водою ветви тонкие пригнул
На орешину повешенный кетмень.

Предвечерний ветерок — бесценный дар.
Где-то бубен будоражит тишину.
А за пологом пылает самовар...
Заходите, заходите в чайхану!

1951

В КРАЙНЕМ ДОМЕ

(Из дагестанских стихов)

Застрял наш «газик» на крутом подъеме,
Шалил мотор.
И мы заночевали в крайнем доме,
В объятьях гор.

Хозяин был и весел и радушен,
Жену позвал,
Велел дюлму сготовить нам на ужин,
Сварить хинкал.

Дочь принесла домашние колбасы,
Кувшин с вином,
Лепешки, сыр и прочие припасы —
Открытый дом!

Жена, однако, глаз не поднимала
И скрылась прочь.

Лицо закутав темным покрывалом,
Исчезла дочь.

Чуть захмелев, нам объявил хозяин,
Обняв кувшин:
— Вах! Это — бабы глупые... Нельзя им
Среди мужчин.

Пуškai идут отсюда... Мне не жалко.
Зачем нужны?
Для ишака аллах придумал палку
И для жены.

Ай, слушай, там, на ихней половине
Им веселей.
В компании мужской бокалы сдвинем.
Пью за гостей!

И, словно бы ни в чем не виноват он,
И щедр, и прост,
Провозгласил он тост витиеватый,
Отменный тост.

Поняв превратно огорченье наше,
Стараться рад,
Он крикнул: — Вах! Ну, пусть они вам спляшут.
Эй, Марджанат!

Две тени вышли по его призыву,
Не видя нас,
Вокруг стола проплыли молчаливо,
Не вскинув глаз.

Их танец был так робок, так недолог
И грустен так...
Хозяин встал, они ушли за полог —
Условный знак.

Хотя с дороги пересохло в горле,
Но я не пил.
И вечер голубой, высокогорный
Мне душен был.

Хотя изрядно мы проголодались,
Я есть не мог.
А хлебосол, улыбкою оскаясь,
Крошил чеснок.

Кричал мне в ухо: — Что такое, слушай?
Мы мало пьем...—

Протягивал нам персики и груши,
Хвалил свой дом.

И толковать с ним было бесполезно.
Умерив пыл,
То засыпал, то целоваться лез он,
То молча пил.

Мы спать легли с водителем на крыше,
Раскинув плащ.
Мне все казалось, в доме стон я слышу
И тихий плач.

Там в переплете кожаном, старинном
Лежал коран.
Глава семьи над высохшим кувшином
Качался, пьян.

Я думал, шарията нет в помине,
А там он жив,
Он властвует на женской половине,
Угрюм и лжив.

...Сверкнул рассвет, росистый и прохладный,
Меж старых скал.
Жена и дочь ушли на виноградник,
Хозяин спал.

В садах дрозды свистели и зарянки.
Под звон ручья
Шли на работу горцы и горянки —
Одна семья.

На мир глядели девушки бесстрашно
В дому родном.
Нам показался ужин наш вчерашний
Нелепым сном.

Был ореолом солнечным увенчан
Зеленый склон.
Он в ясных взорах и улыбках женщин
Был отражен.

Дорога, извиваясь, обдавала
Живым теплом.
Но черной тенью память омрачал он —
Тот крайний дом.

ЭДЕЛЬВЕЙС

Березки малые, кривые
Жег смертоносный суховой.
Тогда увидел я впервые
Цветок австрийский — эдельвейс.

Похожий на звезду морскую,
У егерей на рукавах,
О кручах Австрии тоскуя,
Сверкал он в северных горах.

Он убивал детей России,
Железный весь, зубчатый весь,
И мы в сражениях косили
Цветок проклятый — эдельвейс.

И где ни шли мы — полем, лесом,
На берегах Дунай-реки,—
Там с ненавистных эдельвейсов,
Как пух, летели лепестки.

Мы, кто дарил цветы подругам,
Любя цветы родной земли,
Прошли от Севера до Юга,
И в горы Австрии пришли.

Тогда, карабкаясь по склонам,
Переползая по траве,
Увидел я в траве зеленой
Цветок знакомый — эдельвейс.

Похожий на звезду морскую,
Он в мирном утреннем дыму

Тянулся к солнцу, цвел, ликуя,
Не угрожая никому.

Я мог бы вдеть его в петлицу
Или в конверт вложить цветок,—
Пускай письмо мое, как птица,
Летит к подруге на восток...

Так мы вернули городам
Жизнь без тревог, без затемнения,
Цветам — цветенье, а словам —
Первоначальное значенье.

1945

КОТЕЛОК

По сопкам, по земле маньчжур,
Среди других стрелков,
Пришел в далекий Порт-Артур
Боец Иван Глазков.
В разбитый форт зашел солдат,
В старинный уголок,
И отыскал там, словно клад,
Солдатский котелок.
Он сорок лет в земле лежал,
На нем едва-едва
Видны слова — следы ножа,
И говорят слова,
Что сорок лет тому назад
Обед из котелка
Ел Николай Глазков — солдат
Сибирского полка...
Погладив котелок рукой,
Боец подумал так:
«Глазков — однофамилец мой
И, может быть, земляк!»
В долинах синий сумрак лег,
Закатывался день.
Боец начистил котелок,
Повесил на ремень.
Идет боец, находкой горд,
И котелок ему
Бренчит, что снова старый порт —
В пороховом дыму
И снова, пламенем дыша,
По вражьи́м крейсерам

Гремит гора Ляотешань —
Железная гора.
Идет железная гроза:
Громят врага, чуть свет,
«Аскольд»,
«Паллада»,
«Ретвизан»,
«Баян» и «Пересвет».
За штурмом — штурм,
За штурмом — штурм,
Люует злобный враг,
Но не сдается Порт-Артур,
Стоит в чаду атак.
Его не так-то просто взять:
Огонь — со всех дорог!..

Как много может рассказать
Солдатский котелок!

1946

ЗИМОЙ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ГОДА

Зимой двадцать первого года,
Далекой морозной зимой,
Гудела, мела непогода
По Волге, овейной тьмой.

Мне помнится холод лиловый,
Казалось, что нечем дышать...
Дорогою к детской столовой
Вела меня за руку мать.

И той же дорогою с нами
Такие же шли пареньки,
Закутанные матерями
В поддевки, в платки, в башлыки.

По снегу, под сумрачным небом,
Печатали дети следы,
Ведь дома не только что хлеба,
А вовсе — ни крошки еды!

Я помню столовую нашу,
В которой по норме дневной
Давали нам пшеничную кашу
И хлеба кусочек ржаной.

И радостью невыразимой
Тепло заливало сердца...
Я эту каленую зиму
Забуть не смогу до конца.

Метели мели в исступленье,
Но знал я, что есть на земле
Заботливый дедушка Ленин,
Живущий в московском Кремле.

Шагая в своем кабинете,
За множеством дел и забот
Он помнил и думал о детях,
О тысячах нищих сирот.

О детях, раздетых, разутых,
Кочующих на поездах,
О детях, что мерзнут в приютах,
О школах и детских садах...

Большие и малые дети,
Они — как грядущего клич!
Любовью, невиданной в свете,
Любил их Владимир Ильич.

Он в годы голодные отдал
О детских столовых приказ —
И скольких из нас в эти годы
От смертной погибели спас!

Ему, про кого я впервые
Узнал той далекой зимой,
Обязан я счастьем России
И собственной жизнью самой.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

Матери

Заря над лесом догорела,
В село с лугов брели стада.
Навстречу нам стремглав летела
Росой умытая звезда.

Я никогда так счастлив не был,
Не знал я радости сильней!
Мы будем в полночь в том же небе,
Где в детстве мой кружился змей.

Вот мы проходим облаками,
Крыло над ними накренья;
Земля родными огоньками,
Мигая, смотрит на меня.

И я хочу узнать, который
Из них горит в моем окне.
Дымятся тихие озера,
Чернеет роща в стороне.

И пусть в вечерней мгле незрима
Дорожка между двух берез,—
Я вижу сизый тополь дыма
Над домом, где я жил и рос.

Быть может, мать, вернувшись с поля,
На нас в окно сейчас глядит
И думает: «Какой соколик
За дальней тучею летит?»

Мне жизнь ее моей дороже,
Я вниз смотрю, и знаю я —

Она вздремнуть теперь не сможет:
Ей все мы в небе — сыновья.

И я хочу убавить скорость,
Чтобы над ней, как журавли,
Мои пригложшие моторы,
Не разбудив ее, прошли.

Десятки сел бегут навстречу,
Там соловьи в садах гремят.
В любом селе нас в этот вечер
Встречает материнский взгляд.

И над степными ковылями,
И над туманами морей —
Везде страна глядит за нами
Глазами наших матерей.

1940

ВСТРЕЧА

Вале Спириной

День окончен.
Спешат моряки на свиданья,
Корабли у мостов отдают якоря.
Над уснувшей Невою,
Над крышами зданий
Перелетной жар-птицей взлетает заря.

Мы с тобою одни в этот вечер,
Но рядом —
Доскакавший до моря,
Огромный,
Живой —
Медный всадник окинул нас пристальным взглядом
И, пришпорив коня, пролетел над Невой.

Он помчался заре уходящей навстречу
И рукой на скаку облака достает.
Посмотри, как широко раскинулся вечер!
В тишине я дыхание слышу твое.

Самолет мой остыть не успел за ангаром,
В трое суток меня он пронес над тайгой.
С гулом ветра в ушах,

С забайкальским загаром
У прохладной Невы я встречаюсь с тобой.

Скоро полночь пробьет над уснувшей рекою,
Словно звезды в заливе, белеют огни.
Воздух неба синее,
Ударишь рукою,—
Он протяжно, как стекла в окне, зазвонит.

Дни пройдут,
И наступят часы расставанья,
Телеграммы в тайгу унесут провода.
На тебя я взгляну и скажу: «До свиданья!»
Одного лишь «прощай» не скажу никогда!

1946

А я сидел и ожидал сначала,
Что тетка скажет: мол,
Покушай, на!
Она ж меня совсем не замечала
И продолжала действовать одна.

Тогда матрос
Рванул ее поклажу
За хвост из сыромятного ремня,
Немое любопытство будоража,
В нутро мешка
нырнула пятерня.

И мне матрос вручил кусище сала,
Ковригу хлеба дал и пробасил:
— Держи, сынок,
чтоб вошь не так кусала! —
И каблуком цигарку погасил.

Я по другим дорогам ездил много —
Уже заметно тронут сединой,—
Но иногда
проходит та дорога,
Как слышанная песня, предо мной!

И кажется, что вновь гремят колеса,
Что мчимся мы под пенье непогод.
И в правоте
товарища матроса
Я вижу девятьсот двадцатый год.

1938

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Тревога!
В эту же минуту
Я вещевого мешок беру.
А он тяжелый почему-то,
И это явно не к добру.

С таким мешком не будет толку.
Давно ли речь у нас была,
Что даже лишняя иголка,
И та
в походе тяжела.

Мешок
 скорее нараспашку.
Мое добро передо мной:
Вот полотенце,
Вот рубашка,
Платочек девушки одной,

Коробка с бритвой безопасной,
Сухой паек на самом дне
Да котелок, как месяц ясный...
Такие вещи
 кстати мне!

Но рядом —
Старые обмотки,
Брусок, тяжелый как броня,
Трофейный штык,
Ремень короткий...
К чему все это для меня?

За миг до нового похода
Я вспоминаю путь былой.
И... все излишки обихода
Скорее — из мешка долой!

Не так ли следует поэтам
Свои просматривать сердца,
И разговор по всем предметам
Вести
 от первого лица!

Хранить лишь то,
Что сердцу свято,
Чтоб песня выглядела так,
Как вещевой мешок солдата
В часы походов и атак!

1945

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Ночь.
Температура нулевая.
Город все огни свои зажег.
Дворникам пощады не давая,
Неустанно падает снежок.
На глазах у милиционера
Он в трамвай садится на ходу.

Я по незатопанному скверу
Со своей единственной иду.
А она
 сердито мнет перчатки
И упреки сыплет то и знай:
Мол, примчался чуть ли не с Камчатки
И опять готов хоть на Дунай.
Дескать, я оседлости не знаю
И теряю к дому интерес.
То меня уводит посевная,
То — ремонт какой-то дальней ГРЭС.
И выходит,
 будто путь далекий
Мне дороже нежности любой...

Милый друг,
Подобные упреки
Не имеют почвы под собой.
Чем шуметь и омрачать свиданье,
Улыбнись и выслушай меня:
Человек без нового заданья
Все равно что печка без огня.

И давай запомним, друг мой милый:
Нынче мало родину любить —
Надо,
 чтоб она тебя любила,
А таким не просто стать и быть!

1948

НАТАШЕ

Ах, Наташа, Наташа!
Еще не вчера ли
Подходящее имя
Тебе выбирали,
С необычными справками
Шли в учрежденья,
Чтоб скорее твое
Узаконить рожденье!

Сколько званий
Присвоила ты домочадцам:
Молодой человек
Стал отцом величаться,
А отец молодого

Того человека
Сразу в деды шагнул,
Не прожив и полвека.

Стала бабушкой мама,
А дочь ее — мамой.
Стал двоюродным братом
Мальчишка упрямый.
Ты пришла

в относительно

мирное время:

Подрастай, егоза,
Да знакомься со всеми!

Поднимайся скорее
На резвые ножки
И шагай
от стола
По ковровой дорожке.
Для тебя

возле дома

На детской площадке
Встали тополи
Послевоенной посадки.

Если в детстве с тобой
Ничего не случится,
Ты, во-первых, должна
На «отлично» учиться,
Во-вторых, не играть
На родительских нервах,
В-третьих...
Ладно...

Пожалуйста,

Помни «во-первых»!..

Не заметишь, Наташа,
Как станешь невестой.
Но по-прежнему к знаниям
Любовь свою пестуй,
Ибо знания,
Согласно теперешним данным,
Для невесты являются
Лучшим приданым!

Понимаешь,
отец не имеет

в излишке

Ни добра в сундуке,
Ни рублей на сберкнижке.
Но державу
на тысячи верст
протяженьем
Он считает своим
Основным сбереженьем!

Распростерлась она,
Себе равных не зная,
От Курильской гряды
До холмов на Дунае.
Развернулась под солнцем
И в дыме-тумане
От Гольфштрема
До синих ущелий Тянь-Шаня.

Ты получишь ее,
Как хозяйство — хозяйка,
Как безбрежную даль —
Острокрылая чайка.
И живи на здоровье,
Просторно и ярко,
Если будешь достойна
Такого подарка!

1948

ДВА ФЛАГА

Не на Дальнем, а дальше —
На крайнем востоке
Утро мира
Свои обретает истоки.

Над Чукоткой,
В полярном тумане пролива,
Флаг Советов
Стоит на скале горделиво.

Над Аляской,
На острове серого цвета,
Флаг чужой
полосатый —
Америка это.

Между флагами
Двух полушарий граница,

Я москвич
и законно считаю,
Что столица — мой город родной.
Ты родился и вырос в Китае,
За Великой Китайской стеной.

Мы прошли под седыми стенами,
Где кремлевские окна горят.
Все, что строится мною и нами,
Ты увидел,
товарищ и брат...

Гул мартенов,
И саженцев шепот,
И турбинные тысячи сил,
И колхозного пахаря опыт
Ты в рабочий блокнот заносил.

Вероятно, записки такие
Зарисовкам с натуры сродни.
Я хочу,
чтобы в новом Пекине
Всем друзьям пригодились они!

А потом загудели моторы.
Взмыла птица с дорожки прямой.
Далеко,
за высокие горы,
Ты умчался обратно домой.

И торжественно можем признаться
Мы — свободных народов сыны,—
Что меж нами —
ни горных препятствий,
Ни Великой Китайской стены!

1952

ТАЛАНТ

Брызнул свет из киноаппарата.
Человек возник на полотне.
Он засеменял чудаковато,
Шляпу снял
и улыбнулся мне.

Усики.
Глаза — две черных капли.
Грустный вид костюма и штиблет.

ПОД ВЫБОРГОМ

Мне снился сон:
по травам запыленным
бродил мой сын
и рвал мой сын цветы.
Шумели тучи в небе полуденном,
как в паводок гудящие плоты.

И дождь свистел сквозь молнии кривые:
тяжелый,
электрический,
степной.

Зловещи были стрелы огневые
над узкою младенческой спиной.

Такое вдруг желание настало —
бежать за ним,
бежать всю даль пути
и от грозы
во что бы то ни стало
испуганного мальчика спасти...

Но что это?
Дорога прояснилась:
ни ветра, ни метели дождевой...
Я спал в снегу.
И мне фиалки снились.
И милый сын. И домик под Москвой.

Неясное душевное томленье
шемило сердце сонное. И я
открыл глаза.

Свинцовая струя
свистит вдоль штыкового острия:
идет в атаку третье отделение.

1940

ОСЕНЬ

Звезд тишина неизменная.
Сумерек зыбкая просинь.
Первая послевоенная
милая русская осень!

Тихо пришла она, вкрадчивая,
судя по звукам — тугая,
песни и дни укорачивая,
свет в куренях зажигая.

В пору такую караичи
к лунным лучам приторочены,
в пору такую, играючи,
пробуют усики заячьи
танковый след вдоль обочины.

Все мне и любо и дорого:
и безразличьем простора
суженное до шороха
сердцебиенье мотора;

и журавлиная ижица,
что под луной воровато
древней дорогою движется
к знойному устью Евфрата;

и неземная, отпетая,
вешняя юность акаций...
Осень относится к этому
с невозмутимой прохладцей.

Кочет горластый
неистово
прясла и птичник окликал.

...Осень сады перелистывает
после учебных каникул.

ВЕСНА НА ГРАНИЦЕ

Александр Мильеру

В лицо солдату дул низовый,
взор промывала темнота,
и горизонт
на бирюзовый
и розовый менял цвета.

Передрассветный час атаки.
Почти у самого плеча
звезда мигала, как во мраке
недогоревшая свеча.

И в сумраке, не огибая
готовой зареветь земли,
метели клином вышибая,
на Каму плыли журавли.

Сейчас рассвет на Каме перист,
лучист и чист реки поток,
в ее низовьях — щучий нерест,
в лесах — тетеревиный ток.

Солдат изведаль пулевые,
веселым сердцем рисковал,
тоски не знал, а тут впервые,
как девочка, затосковал.

Ему б вослед за журавлями,
но только так, чтобы успеть,
шумя упругими крылами,
к началу боя прилететь...

Возникнуть тут, чтоб отделенье
и не могло подозревать,
что до начала наступленья
солдат сумел одно мгновенье
на милой Каме побывать...

Вдруг — словно лезвие кинжала:
вдоль задремавшего ствола
мышь полевая пробежала,
потом рукав переползла.

Потом... свистка оповещенье.
Потом ударил с двух сторон

уральский бог землетрясения —
стальных кровей дивизион!

Взглянул солдат вокруг окопа:
в траве земля,
в дыму трава.
Пред гребнем бруствера —
Европа,
за гранью траверза —
Москва!

1944

БАЛЛАДА О ЖЕЛЕЗЕ

Говорят, что любой человек
Состоит из воды и металла:
девяносто процентов воды,
остальное — огонь и металл.
Нет, не выдумка то.
Мне душою кривить не пристало,
сознаюсь —
я действительно где-то об этом читал.

Но не верить не грех мне
сухим кабинетным наукам.
Я на выкладки, формулы,
честное слово, совсем не мастак.
Я б советовал нашим
еще не родившимся внукам
о проценте железа судить
в человеке
вот так...

...Если била в упор
у стены Пер-Лашез митральеза,
а народ, чтобы жить,
воскресал, выживал, выносил, —
значит весь человек
состоял из такого железа,
что его даже смерть,
чтоб сразить,
выбивалась из сил.

Если злая беда
над Россией веками витала,
если русский народ

не поник под железной пятой,—
значит наш человек
состоит из такого металла,
в поединке с которым
не выдержит сплав золотой.

Мир стоит на железе,
да будет такое от века!
На полях отгремевших боев
тишина непривычно гудит,
и степным императором
с профилем древнего грека
на поверженном танке немецком
черный ворон спокойно сидит.

Мир к железу привык.
Он на глине был жалок и ветох.
Государство растений
проходит с железным жезлом:
я видал, как фиалки
под солнцем цветут на лафетах
запыленных немецких орудий
в степи под Орлом.

Беспощадным железом
покой человека изрезан,
но никто из людей
раньше времени не умирал...

По долинам России
прошло испытанье железом:
против сталелитейного Рура
мы выставили Урал.

Не окончен поход.
Мы оружие гладим руками
и читаем в теплушках
железных законов устав.
Воздух бредит железом.
Грохочет на запад с войсками
по железной дороге
железнодорожный состав.

Счета нет на переднем
случайным погибельным безднам:
словно адская кузня,
грохочут железо и медь.
Мне пушкарь Железняк говорил:

— Ерунда! В этом громе железном
просто-напросто нужно
железные нервы иметь...

...Как давно мы не спали
в спокойном родительском доме!
Как мы трудимся долго
на огневой полосе!
Мы по женам тоскуем!
Тоскует зерно в черноземе
по дождям проливным,
и тоскует трава по косе...

Мы победу возьмем
в молодые солдатские руки.
Нас немецкая сталь не доймет —
мы покрепче ее на войне!
Пусть со мной согласятся
мужи первоклассной науки:
девяносто —
не десять — процентов железа во мне.

Я бы всю свою жизнь,
что вперед мне отпущена, отдал,
я пошел бы на то,
чтоб при всех,
под сияньем светил,
из меня златоустинский мастер
снаряды сработал
и чтоб их Железняк
в зачинателей войн вколотил!

1944

ЛИЛИИ

Они такой не знали перемены,
не ведали моторной высоты;
они со мной летели из-под Вены —
воздушные австрийские цветы.

Могло казаться, что они из дыма,
что облачко вот этих лепестков
рукою ветра сорвано незримо
в густом саду альпийских облаков...

...Рассвет.
Карпаты.
Ветер глухо воет.
Я вниз смотрю. И в заревом огне
сквозь трепетный оконный целлулоид
Россия пробивается ко мне.

Сквозной тысячеверсткой полевою
лежит она в скрещении дорог...
Перед полуднем над моей Москвою
кружился иностранный лепесток.

Он был в туманной дымке, как баллада.
Его, без напряженья, с высоты
магнитом ботанического сада
притягивали русские цветы.

.

В австрийской вазе с влагою Дуная,
как память о поверженной земле,
стоит, о Венском лесе вспоминая,
букет победы на моем столе.

Его степные ветры опалили,
на нем —
чужих, сухих лучей следы;
стоит и ждет
букет австрийских лилий
прикосновенья утренней звезды.

1945

БАШМАКИ

Открыта дорога степная,
к Дунаю подходят полки,
и слышно —
гремит корпусная,
и слышно —
гремят башмаки.

Солдат Украинского фронта
до нервов подошвы протер,—
в походе ему
для ремонта
минуту отводит каптер.

И дальше:
Добруджа лесная,
идет в наступленье солдат,
гремит по лесам корпусная,
ботинки о камни гремят.

И входят они во вторую
державу —
вон Шипка видна!
За ними вослед мастерскую
несет в вещмешке старшина.

— Обужа ведь, братец, твоя-то
избилась.

Смени, старина...

— Не буду, солдаты-ребята:
в России ковалась она...

И только в Белграде ботинки
снимает пехоты ходок:
короткое время починки —
по клену стучит молоток.

(Кленовые гвозди полезней,—
испытаны морем дождей;
кленовые гвозди железней
граненых германских гвоздей!)

Вновь ладит ефрейтор обмотки,
трофейную «козью» сосет,
читает московские сводки
и вдоль Балатона —
вперед.

На Вену пути пробивая,
по Марсу проходят стрелки:
идет

на таран

полковая,

мелькают

в траве

башмаки!

...С распахнутым воротом —
жарко! —
пыльца в седине на висках —
аллеей Шенбрунского парка
ефрейтор идет в башмаках.

Встает изваянием Штраус —
волшебные звуки летят,
железное мужество пауз:
пилотку снимает солдат.

Ах, звуки!
Ни тени,
ни веса!
Он бредит в лучах голосов
и «Сказкою Венского леса»,
и ласкою Брянских лесов,
и чем-то таким васильковым,
которому
тысячи лет,
которому в веке суровом
ни смерти,
ни имени нет,
в котором стоят,
как живые
свидетели наших веков,
полотна военной России
и пара его башмаков!

1945

ТАКАЯ ЛЮБОВЬ

Короли, как бабочки, вымирали,
слонялись министры их не у дел,
цыганки о расставаниях врали,
а шар земной летел и гудел.

На нем города динамитом сносили.
Сходились —

удар в удар —

под огнем.

Россия ценою великих усилий
терпела, любила, сражалась на нем.

От рева пушек тряслась планета;
в долинах боя — трава в крови...
Окопы от Дона к Дунаю — это
координаты моей любви.

Четыре года большой разлуки,
семь государств на моем пути.
Ты понимаешь, что значит муки
в годы разлуки перенести?

Не зря, зная, живя и мучась войною,
мы, помня друг друга,
клялись тайком —
дружить, как берег дружит с волною,
как стих со звездой,
как Пушкин с весною,
как пуля с несчастьем,
пчела с цветком.

В муках неведений, противоречий,
терпенья и слез не беря взаймы,
мы жили мечтою о скорой встрече.
И — видишь? — все-таки встретились мы.

Твои сомненья напрасны были:
пройдут, мол, годы — любви не быть...
Мы не затем в атаки ходили,
Чтобы, вернувшись, вас разлюбить.

Вот моя клятва тебе, зазноба, —
ты ей душою внемли, молю:
любят на свете до крышки гроба,
а я
и в могиле не разлюблю.

1945

ФЛАГ НАД СЕЛЬСОВЕТОМ

(Из поэмы)

10

Ждал свиданья Егор упорно:
не сиделось ему на месте.
Он сегодня решил
по форме
заявиться к своей невесте —
бритым,
в кителе,
с орденами
и на левой руке
с часами.
Приготовил ей пару брошек,
заказные
туфли резные,
и на платье —

цветной горошек,
и в семнадцать камней —
ручные.

А для тещи —
платки-подарки:
очень яркие —
московской марки.
Не забыл захватить
портреты
и статейку на полгазеты
с фотографией посредине,
на которой —
в дыму-тумане —
во главе с Егором
в Берлине
бронебойщики из Рязани.

11

Ух, жгучая!
Ты самая
живучая,
зима моя!

Пусть во поле
ни дьявола:
ни тополя,
ни явора —

твои постели
дымчатые.
Меня в метели
вымчи ты,

зимушка
сугробная!
Эх, Зинушка
зазнобная!

Голубкой неизменчивой
она Егору помнится —
застенчивая,
скромница.
(Она не пава — где уж там! —
Не королева звездная.)
Девушка колхозная...

В душе ее кручинушка —
Колющее иголышко.
Чуть мама в сени,
Зинушка
все дует на стеколышко:
«Не едет ли Егорушка?»

Все смотрит сквозь кристаллики
через глазок привьюженный:
не едет ли издалека
к ее крылечку суженый?

12

С рассвета
где-то
топоты:
у сельсовета
хлопоты.
Одно и то же,
бегая:
— К саням не гожа
негая!..
Гнедая пара занята:
тропа копытом тронута.
А сани-то!..
А кони-то!..

Снега в морозе —
простыни.
Свистят полозья —
росстани.

Поля грабастая,
летят гнедые,
летят гривастые,
седым-седые.

Свистит завьюженный
большак суровый —
трех, этак, с дюжиной
километровый.

«Эх, знать бы загодя,
когда приснится —
лукошко ягоде,
жених — девице?»

Не будет вязана
в душе затишина,
коль глазом сказано,
что сердцем слышано!..»

Гребнем грабастая
снега седые,
летят гривастые,
летят гнедые.

Большак завьюженный
свистит санями —
военный суженый
хмелен конями!..

...Не манят Зинушку
следы, что около.
Ждет в эту зимушку
синичка сокола.

«Ох, знать бы загодя,
к чему все снится
прогалка в ягоде,
в лесу криница,
да звезды ясные
у колыбели?..»

И вдруг гривастые
во двор влетели!

13

— Аграфена Николавна, здрасте!
Из Берлина к вам явились гости.

Теща ахнула:
— Ах, батюшки, напасти!..
И не ждали...
Раздевайтесь... Шубку сбросьте...

Каруселью пожилая закрутилась,
будто винтика хозяйского лишилась,
попыхами
опрокинула ведро,
с петухами
полотенце обронила.

А невеста только крикнула:
— Егорка!..—
Обхватила —
и головку прислонила.
И как птичка-невеличка задрожала
на груди его
горячей и широкой.
И слезинка,
как росинка, пробежала
по щеке его невесты
синеокой.
И стоял Егор недвижно посредине,
закючив ее —
любовь свою —
в объятья.
И к его глазам прихлынул
синий-синий
август
от невестиного платья,—
от того,
в котором тосковала,
к жениху в котором
наезжала,

три весны в котором
целовала,
на войну в котором
проводжала!

.

15

.
Веселым шел Егор домой
в Дубровское село.
И стало вдруг ему зимой
теплым-тепло,
теплым-тепло.

Казалось —
нет вокруг снегов,
а только рожь да рожь...
...Среди дубрав,
среди лугов
денек-то как хорош!

Поет Егор.
Поют поля.

И, словно подголосьями,
звенит рязанская земля
тяжелыми колосьями.

Идет Широков по степи —
свежа трава дорожная:
на васильки не наступи,
с горошком осторожнее!

Егор не устает идти
тропинными обводами.
Егор гордится на пути
хлебами, огородами.

Земля зовет его зерном,
добротною пшеницею:
«А ну, товарищ агроном,
проверь мою кондицию!»

Подсолнух — с шапкой набекрень —
стоит и улыбается:
«Егор Савельич,
добрый день!
Ну, каково шагается?»

Идет Егор.
Поет, поет...
А рожь, а рожь-красавица
ему проходу не дает,
его плеча касается.

Цветет земля.
Шумят хлеба.
Шумят луга покосные...
— Так вот страны моей судьба —
поля мои колхозные!
.

ДОРОГА К МИРУ

(Из поэмы)

...Лет восьми
я узнал, что родился в России.
Пастухом,
прогоняя коров на рассвете,
Мимо мира, где травы парные косили.
Мне об этом шепнул набегающий ветер,
И звезды тогда рассыпались тут же,
Под крышами рассыпались птицы,
И я боялся бегать по лужам,
Чтоб в небо
нечаянно
не провалиться.
А мне говорили, что неба немало!
Что мир на России не сходится клином.
И за граница предо мною витала
Французскою булкой,
немецкой машиной.
Я не спал иногда, распаленный, в обиде,
Я тихонько сжимал обомлевшие веки,
Чтобы только хоть ненадолго увидеть
Чужеземные страны,
чужеводные реки...

Но вражья каска в огороде ржавела,
И сшили узду из трофейного ранца,
И мне не нравилось рыжее тело,
Гнилые зубы пленного иностранца.
Ночи неясными снами грозили.
Думал я:
но родись я в стране иностранной,
Я б тогда ни за что не увидел России,

ПРИДУ К ТЕБЕ

Ты думаешь:
Принесу к тебе
Усталое тело свое.
Сумею ли быть тогда с тобой
Целый день вдвоем?
Захочу рассказать о смертном дожде,
Как горела трава,
А ты —
ты тоже жила в беде,
Тебе не нужны слова.
Про то, как чудом выжил, начну,
Как смерть меня обожгла.
А ты —
ты в ночь роковую одну
Волгу переплыла.
Спеть попрошу,
а ты сама
Забыла, как поют.
Потом
меня
сведет с ума
Непривычный уют:
Будешь к завтраку накрывать,
А я усядусь в углу,
Начнешь, как прежде,
стелить кровать,
А я
усну
на полу.
Потом покоя тебя лишу,
Вырою щель у ворот,
Ночью,
вздвогнув,
тебя спрошу:
— Стой! Кто идет!

Нет,
не думай, что так приду.
В этой большой войне
Мы научились ломать беду,
Работать и жить вдвойне.
Не так вернемся мы,
если так,
То лучше не приходиться.
Придем — работать,
курить табак,

В фойе театра
шел бой.
Упал
левый
лев,
А правый,
заслонил собой
Дверей высокий зев.
По ложам
лежа
немец бил
И слушал долгий звон;
Вмерзая в ледяной настил,
Лежать остался он.
На сцену —
за колосники,
Со сцены —
в первый ряд,
Прицеливаясь с руки,
Двинулся,
наш отряд.
К суфлерской будке
старшина

Припал
И бил во тьму.
И история сама
Суфлировала ему.
Огнем поддерживая нас,
В боку зажимая боль,
Он без позы и без прикрас
Сыграл
великую
роль.

Я вспомнил об этом,
взглянув вчера
На театр в коробке лесов.
Фанерную дверь его по вечерам
Сторож берет на засов.
Строители утром идут сюда,
Чтобы весной
Театр засиял
как никогда
Красками и новизной.
Я шел
и шел,
и думал о тех,

А я?

А я молчать уже не вправе,
Порученные мне, горят слова.
— Пиши! — диктуют мне они.

Сквозная

Летит строка.

— Пиши о нас! Труби!..

— Я не могу!

— Ты сможешь!

— Слов не знаю...

— Я дам слова!

Ты только жизнь люби!

1947

ЗИМА

Проходит девушка несмелая
По снежной занесенной улице,
Как веточка оледенелая...
Я думаю о том:

кто влюбится..

О том,

кто счастьем с ней поделится,

Безделицей любовью

и жизнью.

Найдет ее в огне,

в метелице,

Придет дорогою неближнею.

Она,

как ты,

полна тревогами,

Не найденная им, не близкая.

А он,

как я,

идет дорогами,

Ее среди других отыскивая.

У них — задуманное сбудется,

Да так, что насовсем, навечно...

По снежной занесенной улице
Уходит девушка невстреченная.

Да это ты!

Постой!

Та самая,

А вы
все недовольней,
все капризней.
Вы неба не видали!
Оглянитесь!
Вы даже не дотронулись до жизни,
как будто бы испачкаться боитесь.
Красивая.
А вот когда случится,
что ваше сердце сонное забьется,
вы замахнетесь жесткими ресницами,—
он
в западню
не попадетя!
Но если вы полюбите всей силою —
засмейтесь
и откройтесь жизни, свету.
За то, что носит вас, красивую,
благодарите
землю эту!

1954

Борис Шаховский

ОКтяБРЬСКАЯ НОЧЬ

Ни звезд,
 ни огней —
Лишь глазок самокрутки.
У Смольного сдержанный гул голосов.
И старому миру последние сутки
Отсчитывал маятник русских часов.

И осень последние листья срывала.
Взметнулось багровое пламя костра.
И хочется спеть, но молчат запевалы:
Хороший мотив берегут до утра.

Соседу сосед полушепотом — Ленин! —
Взволнованно скажет и вновь замолчит.
И лишь сапоги по гранитным ступеням
Стучат, словно ключ телеграфный, в ночи.

Пока одиночные выстрелы где-то,
Но чувствовал каждый —
 атака близка.
Октябрьская ночь пробиралась к рассвету
На Зимний
 по красногвардейским штыкам.

Солдаты.
 Матросы.
 Рабочих пикеты.
Атаки в исхлестанной пулями мгле...
И падал боец за отчизну Советов,
Ни дня не прожив на советской земле.

Кончается ночь.
И на штурм через лужи
Отряды гвардейцев рванулись вперед.
И лист,
 что над старой Россиею кружит,
На новую землю уже упадет.

1956

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколенья.

Ни крестов, ни цветов,
не полощутся флаги.
Серебрится кусок
алюминьевой фляги,
и подсумок пустой,
и осколок гранаты —
неразлучны они
даже с мертвым солдатом.

Ты подумай о нем,
молодом и веселом.
В сорок первом
окончил он
среднюю школу.

У него на груди
под рубахой хранится
фотокарточка той,
что жила за Царицей ¹.

...У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколенья.

Он живым завещал
город выстроить снова
здесь, где он защищал
наше дело и слово.

Пусть гранит сохранит
прямоту человека,
а стекло — чистоту
сына
трудного века.

Сталинград
1943

¹ Ц а р и ц а — река в Сталинграде.

* * *

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

1946

ПОСЛЕСЛОВИЕ 1945 ГОДА

Случайные попутчики!

Опять
мы встретились на фронтовой дороге.
Нам снова, вспоминая отчий дом,
упрашивать водителей упрямых
и на попутных по свету кружить,
венгерскую равнину проклиная,—
там только ветер, мерзлые снопы,
неубранные тыквы, как снаряды,
и памятники гордым королям
с короткими чугунными мечами
на сытых и ленивых битюгах.

Но вот привал.

Мы спим на сеновалах
и во дворцах на бархатных подушках.
И снова в путь.

Гони, шофер, гони!
Который день мы не путем Колумба,
но открывая новые державы,
идем вперед до новых рубежей.
И снова повторяются атаки,
бомбежки, оборона, медсанбаты
и поиски разведчиков в ночи.

Огромный город мы берем подомно
и даже поквартирно.

На перилах
висит чужой и мертвый пулеметчик,
а пулемет дымится на полу.
Все повторимо.

На шоссе под Веной
в крови багровой коченеют кони,
огромные, как рыжие холмы.
В парламенте — шинели и знамена
немецкого ударного отряда.
И пленные еще в горячке боя
ругаются, потеют и дрожат.
Мы не туристами идем по Вене —
не до музеев нам,

не до экскурсий.
И мы не музыкантская команда.
Мы просто пехотинцы.

Но Бетховен
от нашей роты получил венки.
Случайные попутчики!

Опять
мы встретились на фронтовой дороге.
Нам снова, вспоминая отчий дом,
упрашивать водителей упрямых
и на попутных по свету кружить,
из дальнего похода возвращаясь.
Случайные попутчики!

Солдаты
передних линий, первых эшелонов!
Закончилась вторая мировая.
Нас дома ждут!

Гони, шофер, гони!

*Будапешт—Вена
1945*

* * *

Вот колеса по гравию скрипнут,
колкой гальки осыплется град,—
братиславские голуби вскрикнут
так тоскливо.

И улетят.

Отойдут от казармы машины,
кто-то бросит солдатам цветы.

Нам придется расстаться, Иржина,
вон у той пограничной черты.

Распрощаться — расцеловаться,
не давая на верность зарок.
Только я не забуду словацкий
иностранный твой городок.

Слово каждое было мне ясно,
будто к предкам пришел сквозь года.
О Иржина, дивчина красна!
Пекна дивчина...

Никогда,
никогда мне здесь жить не придется,
ну, и, если судьба занесет,
знаю:

девушка ночью проснется
и до вечера не заснет.

И опять по гравию скрипнут
за оградой колеса.

Опять
братиславские голуби вскрикнут
так тоскливо.

И улетят.

*Братислава
1945*

ШОФЕР

Царица дорог районных —
пара бортов накрененных,
подслеповатой фары
мигающий огонек.
Накручивает километры,
всегда неразлучен с ветром,
в кабине с продранной крышей
ликующий паренек.

Он принял груз по нарядам,
и мы умостились рядом.
— В Гуцульщину, брат, в Гуцульщину!
Прощай, долина, прощай!
— Под руку не заговаривай:
еще незнаком с аварией?

Помалкивай, да посматривай,
да книжечки изучай.

Водитель второго класса,
старший сержант запаса,
в шинельке и шляпе с перышком,
Герасименко Василь.
Он так нажимает на скорости,
что воеет мотор от ярости,
булыжник стучится в днище,
траву пришибает пыль.

Летит дорогой проселочной
планета системы солнечной.
Водитель мурлычет забытую —
мы пели ее на войне.
Я слушаю, слушаю, слушаю
мелодию ту минувшую.
— Так, значит, одной бригады мы! —
И он улыбается мне.

Солдаты одной бригады мы —
к Берлину от Сталинграда мы
прошли, проползли, проехали
и вот возвратились домой...
Но быстро планета вертится —
и снова нам вышло встретиться,
и снова, как полагается,
на самой передовой.

1946—1947

ПОСЛЕДНИЙ ШАМАН

Бубен сгнил.
Халат поизносился.
Обтрепался меховой колпак.
И шаман шаманить разучился —
не уговоришь его никак.

Так и не услышал я камланья,
не увидел пляски у огня.
Зря меня послушные олени
по тайге везли четыре дня.

Так ведь и должно было случиться —
как я там хочу иль не хочу:
мой шаман
направился лечиться
к двадцатитрехлетнему врачу.

Он сидит задумчиво на стуле,
смуглолицый,
сморщенный,
седой,
запивая мятные пилюли
просто кипяченою водой.

А над ним
склоняется врачиха,—
шелковая прядка у виска,—
что-то приговаривая тихо,
лечит от сомнений старика.

Люда Саломатина кончала
Первый медицинский институт.
Здесь, в Туве, крепилась
и скучала,
и ждала:
«Когда же отзовут?»

Здесь ее тувинцы окрестили
Тоненькой Хозяйкою Лесной.
И она уверенные крылья
сразу ощутила за спиной.

...Если встанут памятники людям
над сибирской горною рекой,
на граните
детский профиль Люды
выбьет скульптор братскою рукой.

А вокруг врача —
оленоводы —
все, кого от гибели спасло
доброе деяние народа,
лекаря святое ремесло.

1949

КАТЮША

Дочка у меня. Такая милая,
милая, как дети всей земли.
Землю полюбил я с новой силою,
новые мечты ко мне пришли.

Пусть же наши беды, наши трудности
будут для нее уже не в счет.
От грудного возраста до юности
сколько рек в пустыню потечет,
и ее ровесники зеленые,
из гнезда вспорхнувшие дубки,
выпестуют степь засолоненную,
выходят зыбучие пески.

Пусть же в кара-кумское безбрежье,
где и мне пришлось топтать песок,
с Каспия ветра ударят свежие,
из Аму-Дарьи свернет поток,
чтоб на зорьке девочка несмелая
собирала дивной красоты
не от пота, не от соли белые,
не от крови красные цветы...

Дочку я свою назвал Катюшею
(это имя приберег с войны),
помня, как над реками, над сушею
были небеса опалены.

Вот она, еще не зная многого,
с полуслова понимает мать,
и посменно бабки нрава строгого
возят на бульвар ее гулять.

Скоро встанет на ноги и первые
в будущее сделает шаги.
Как бояться этого, наверное,
наши с нею общие враги!

И сегодня злей не потому ль они,
что с ее рождением я сильней,
что меня ни засухой, ни пулями
разлучить они не могут с ней —

с беззащитной, крохотною, милою,
без которой свет уже не мил,
для кого грядущее планирую,
для кого отстаиваю мир.

И она пытливо, с удивлением
из коляски смотрит на меня —
наше молодое поколение,
от рожденья сто четыре дня.

1951

* * *

Горы оседают —
недра раздаются,
реки высыхают —
русла остаются.

Степь. Пожар играет.
Пламя. Космы вьются.
Травы выгорают —
корни остаются.

Осень. Солнце тает
в небе, как на блюде.
Птицы улетают —
гнезда остаются.

Глухо лес вздыхает,
тучи вдаль несутся,
Листья опадают —
ветви остаются.

Люди жить мечтают,
над землю гнутся.
Люди умирают —
песни остаются.

1954

СТАРЫЙ ДОМ

Я в первый раз заплакал нынче,
Взглянув на седину отца,
И вспомнил,
Как под говор птичий
Мы собирались у крыльца.

И вспомнил праздничные песни,
Глаза хмелеющей родни
И дом, в котором было тесно
От нашей детской беготни.

Какие б ни шумели вихри,
Не утихал он в день любой.
И вот наш дом
Стал самым тихим:
Все занялись своей судьбой.

Сегодня вот и я уеду,
Покину вновь родимый дом.
А мать,
Нарезав хлеб к обеду,
Прикрыла слезы рукавом.

Отец кивнул, смеясь глазами:
Мол, слабость женская, простим!

Мы часто шутим над слезами,
Чтоб не расплакаться самим.

1938

В ЛУГАХ

Ничего, казалось бы, не надо —
Был бы клевер,
Свист перепелов,
Вечера июньского прохлады,
Карасей порядочный улов
Да ведро ухи.
Щедры здесь люди,
Вечера июньские тихи.
Ни в какой столовой не добудешь
Чуть дымком приправленной ухи.

Спать ложишься под кустами ивы,
Что переплелись, как невода.
И, наверно, был бы я счастливым,
Если б здесь остался навсегда.

Хорошо здесь!
Над рекой под вечер
Промелькнула дикой утки тень.
Да и люди ценят здесь не речи,
А добытый потом трудодень.

Да и песне больше здесь простора:
Есть кого и что здесь воспевать.
Вспыхнули костры под косягором
И померкли в сумраке опять.

К водопою потянуло стадо,
Появились девушки гурьбой.

Ничего придумывать не надо —
Жизнь прекрасней выдумки любой.

1954

СЕРДЦЕ

Двадцать дней и двадцать ночей
Он жить продолжал, удивляя врачей.
Но рядом с ним была его мать,
И смерть не могла его доломать.

Двадцать дней и двадцать ночей
Она не сводила с него очей.
Утром на двадцать первые сутки
Она вздремнула на полминутки,
И, чтобы не разбудить ее,
Он сердце остановил свое...

1940

БАЛЛАДА О МАТРОССКОЙ МАТЕРИ

*Матери моей Надежде Дмитриевне
Флёровой*

Пришла печальная и строгая.
Не день, не два ее сюда
Везли железною дорогою
На Крайний Север поезда.

И, наконец, дойдя до палубы,
Так сильно утомилась мать,
Что, кажется, сейчас упала бы,
Когда б ее не поддержать.

Закатное густело зарево,
Окутав скалы и залив,
И тихо, тихо разговаривал
С матросской матерью комдив.

«Вот так же, Марфа Никаноровна,
Закат пылал и в том бою,
Когда с товарищами поровну
Делил ваш сын судьбу свою.

Он, может быть, всю жизнь вынашивал
Мечту о подвиге своем.
Награду — орден сына вашего —
Мы вам сегодня отдаем».

Нет, слез у матери не видели,
Наверно, выплакала их
Давно, в лесной своей обители,
Средь гор уральских снеговых.

И снова рану сердца трогая,
Переживая вновь беду,
Она спросила:
«Как дорогу я
К могиле Ваниной найду?»

Комдив смотрел на мать растерянно,
Ей не решаясь объяснить,
Что нам обычаями велено
Матроса в море хоронить.

Сосной и травами душистыми
Пахнуло к нам из темноты,—
Держала мать живые, чистые,
Слегка увядшие цветы.

И сердце будто бы застыло вдруг,
И словно рухнула скала...
Ведь мать к могиле сына милого
За много верст
Цветы везла.

...Наперекор порядкам принятым,
С матросской матерью в поход
Эсминец шел к зыбям раскинутым,
Встречая солнечный восход.

Надолго, с небывалой силою
Тот день и час запечатлен,
Как над сыновнею могилою
Мать отдала
Земной поклон.

И там, где был давно отмеренным
Известный градус широты,—
По океанским гребням вспененным
Поплыли яркие цветы.

Над необъятными просторами
Перед прозрачной кромкой льда
Они венками и узорами
У корабля легли тогда.

Казалось, не цветы разбросаны
За темным бортом корабля,
А это —
Утренними росами
Омыты русские поля.

И каждая росинка близкая,
Сверкающая бирюза,—
Ее, казалось, материнская,
Сейчас пролитая слеза...

Шли в базу,
Завтра ли, сегодня ли —
Все знали: вновь дружить с волной.
И мы наутро якорь подняли,
Прощаясь с бухтою родной.

А у причала невысокого
Стояла, выйдя провожать,
Уже теперь не одинокая
И всех нас любящая мать.

И, глядя на море с тревогою
И боль и радость затая,
Сказала нам перед дорогою:
«Счастливым путь вам,
Сыновья».

Мы вышли в даль необозримую,
Где смелых бурям не сломать,
И каждый вспоминал родимую,
Свою,
Единственную мать;

И знал, что сколько миль ни пройдено —
Она с ним шла одним путем.
И не случайно
Нашу Родину
Мы тоже
Матерью зовем.

1945

Петр Комаров

САРАНА

(Сибирская легенда)

Среди трав на опушке лесной,
У ручья, что звенит как струна,
Каждый год расцветает весной
Непонятный цветок — сарана.

Он горит среди ясного дня,
Отряхнув полевую росу,
То — как жаркая вспышка огня,
То — как чья-то косынка в лесу.

Только встань под высокой звездой—
Ты услышишь, как вслед за щеглом
Закричит, засвистит козодой,
Щур захлопает сильным крылом...

Говорят, неизвестный казак
Из одной атаманской семьи
Растрепал в приамурских лесах
И доспехи и кости свои.

С Ерофеем Хабаровым здесь
Пронесил он, царям вопреки,
Нашу русскую славу и честь
К дальним плесам великой реки.

Схоронили его до весны
На холме у высоких берез,
А весной цветок сараны
Из казацкого сердца пророс.

Похоронен и сам Ерофей —
Только слава осталась одна.

С той поры все сильней и сильней
Расцветает в лесах сарана.

И сейчас, если корень цветка,
Положив на ладонь, рассмотрим,—
Будет сердце того казака
На ладони сиять и гореть.

И еще говорят старики:
Кто хоть раз прикасался к цветку,—
Ни ружья, ни меча из руки
На своем не уронит веку.

Он пойдет, не страшась никого,
В бой за землю родную свою,
И прибавится к силам его
Сила прадедов в этом бою.

И какой бы ни встретился враг —
От могилы врагу не уйти,
Словно тот неизвестный казак
Тесаком преграждает пути.

Я видал не однажды и сам,
Как бойцам, что идут на войну,
Выносили ко всем поездам
Полевые цветы — сарану.

Сибиряк сохранил и сберег
Нашу славу, как стяг полковой,
У старинных можайских дорог
И в окопах сырых под Москвой.

Он лежал на кровавом снегу,
Он в суглинке стоял по плечо,
Но не дал опоганить врагу
Той земли, что любил горячо.

Опален сталинградским огнем,
Испытал он всех бед глубину.
Ты у Волги узнаешь о нем,
У курганов степных на Дону...

После боя, в землянке ночной,
Где мигает фонарь на стене,
Вспомнит он о далекой, родной,
О сибирской своей стороне.

Вспомнит он и друзей, и жену,
И цветок пламенеющий тот,
Что в Сибири в любую весну
Из казацкого сердца растет,

Что горит среди ясного дня,
Отряхнув полевую росу,
То — как жаркая вспышка огня,
То — как чья-то косынка в лесу...

Если воин готов ко всему,
Пусть цветок на дорогу сорвет —
Будет сердце казачье ему
Освещать всю дорогу вперед!

1943

В АМУРСКОМ ЛИМАНЕ

Лиман амурский — в дымке голубой,
И рыбаки благодарят погоду.
Их катера, наполнены кетой,
Причаливают к рыбному заводу.

На берегу, где сохнут невода,
Где суетятся бондари у бочек,
Весь день не умолкает, как всегда,
И шум, и смех, и возгласы рабочих.

Лишь только ночью с кратким часом сна
В поселке забывают об уловах,
И чуткая, как рыба, тишина
Стоит в заливах улиц поселковых.

1943—1944

ПРИАМУРЬЕ

Край далекий — с лесами да сопками,
С поздней жалобой птиц, — это ты
Разбудил голосами высокими
Сыновей золотые мечты.

Много стран в эти годы видали мы,
По дорогам солдатским пыля.
Только нам и за дальними далями
Снилась наша родная земля:

Небеса с колдовскими закатами,
И тайги вековечный покой,
И Амур с берегами покатыми,
И весенний туман над рекой.

Выйдешь в поле — весна над равниною
Из цветов вышивает узор,
Вереницу следит журавлиною
Голубыми глазами озер.

И любая березка знакома нам.
Только крикнешь — на все голоса
Птичьим щебетом, свистом и гомоном
В тот же миг отзовутся леса.

Лось идет ли по склону отлогому,
Головой раздвигая кусты,
Или рысь возвращается к логову—
В каждом шорохе слышишься ты.

Я бы ветры вдохнул твои с жаждою,
Я бы выпил ручьи до глотка,
Я тропинку бы выходил каждую,
Да моя сторона велика.

Как помотришь — не хватит и месяца
Обойти и объехать ее.
Только в песне да в сказке уместится
Приамурье мое!

1944

ТАЕЖНЫЕ ГРАВЮРЫ

ОЛЕНЕНОК

Среди кустов зеленых,
У речки серебрястой,
Гуляет олененок —
Теленочек пятнистый.

Он ходит по опушке
В лесной своей сторонке,
И у него веснушки —
Совсем как у девчонки.

1944 — 1945

Б О В А

Пришла коза напиться,
Стоит за тальниками,
Точеные копытца
Поставила на камень.

Потом к воде припала,
Прислушалась тревожно
И листик чернотала
Сорвала осторожно...

1944—1945

СУНГАРИЙСКИЕ БОЛОТА

Ты вниз поглядел из окна самолета —
И ты не увидел привычной земли:
Глухие разводья, протоки, болота,
Озера и топи лежали вдали.

Там чахлые травы шептались и дрогли,
И плакали чибисы, злясь на судьбу,
И серая цапля, как иероглиф,
Стояла, — должно быть, с лягушкой в зобу.

Бездонные топи. Озера. Болота.
Зеленая, желтая, рыжая мгла.
Здесь даже летать никому неохота.
А как же пехота все это прошла?..

1945

КИТАЙЧАТА

Томит дорога тяжким зноем,
И отдых радует солдат...
О, как запомнились мне двое
Веселых смуглых китайчат!

От них и пушки были близко
И танки мчались, грохоча,
А китайчат прельщала миска
Красноармейского борща.

Наш повар шустрым китайчатам
Дал знак движением руки:
— А ну-ка, хлопцы! Борщ горячий! —
И показал на котелки.

Другой боец, заметив это,
И сам подсел поближе к ним.
Своей их потчует галетой
И сладким сахаром своим.

А наш сержант — детина страшный,
Усищи рыжие торчат —
Вдруг достает пирог домашний
И угощает китайчат:

— Я по дороге встретил жинку —
Она в Хабаровске была,—
Так баба целую корзинку
Мне разной сдобы напекла.

Хоть от усушки и утруски
Не так уж сдоба хороша,—
Я угощаю вас по-русски,
Как мне велит моя душа.

А вы, друзья, оставшись дома
Без Красной Армии, без нас,
Пономаренкова Пахома
Потом вспомняете не раз...

Он на ветру стоял без каски
Среди веселой суеты,
Во всем являя столько ласки
И столько теплой доброты!

И, на усы сержанта глядя,
Гадали двое китайчат,
Что говорит им рыжий дядя —
Словоохотливый солдат.

Пусть китайчата русской речи
В своих не слышали местах —
Они сержанта в этот вечер,
Наверно, поняли и так.

Недаром же ему вдогонку,
Пока не замер гул шагов,
Они выкрикивали звонко,
Легко и весело:

— Шанго!¹

1945

¹ Ш а н г о — хорошо (*китайск.*)

В ПОРТУ

В эту бухту в дни далекие,
В стародавние года
Заходили одинокие
Наши русские суда.

И в тумане дня осеннего
Где-то здесь, на берегу,
Был затерян след Арсеньева,
Уходившего в тайгу.

В том краю, где он по месяцу
Человека не встречал,
Я теперь с гранитной лестницы
На морской гляжу причал.

Корабли — их видно издали —
День и ночь в порту дымят,
Чередой подходят к пристани,
Цепью якорной гремят.

Лязг лебедек, словно жалобу,
Ветер с пристани донес:
Здесь на берег с мокрой палубы
Выгружают паровоз.

Там, где чья-то резковатая
Речь слышна на корабле,
На канатах экскаваторы
Опускаются к земле.

Рядом лес шумит вершинами,
А внизу звенит металл,
Берег, занятый машинами,
Рубежом исходным стал.

На тайгу в поход идут они,
Горы приступом берут.
И опорными редутами
Стройки новые встают.

И огнями небывалыми
Жизнь в долине расцвела.
А над бухтой, над причалами
Реют наши вымпела.

1946

ЛЕСА ШУМЯТ

Леса шумят...
В долинах, на пригорках,
Чуть шевеля весеннюю листвою,
Стоят они в зеленых гимнастерках,
Как будто на поверке боевой.

Спроси их, путник: чем они богаты?
Они ответят: верностью своею...
В зеленых гимнастерках, как солдаты,
Стоят они, защитники полей.

1949

ДУБ

Словно часовой, в широкой пойме
Он стоит, оберегая рожь;
И недаром на патрон в обойме
Каждый желудь у него похож.

1949

ЗАСТАВА

Все обычное: дым, заборы,
Окна, грядки и петухи.
Детвора мастерит планеры,
Учит пушкинские стихи.

По траве, по степным бутанам
Загорелые малыши
С пулеметами деревянными
Пробираются в камыши.

А вдали голубеют горы
Бесконечную чередой.
Разъезжают в степи дозоры,
Охраняя страны покой.

Пограничные острые ветры
Гонят волнами ковыли...
Здесь последние километры
Необъятной моей земли.

1941

ДУБ В ПУСТЫНЕ ЧАХАР

Как старик седой у двора —
У дороги столетний дуб.
На рассвете ему ветра
Развевают зеленый чуб.

Грустно здесь стоять одному,
А кругом полынь да ковыль.
Я на память лист подниму
О тебе, старина бобыль.

На рассвете в степи чужой
Ты один провожал нас в бой.

9 августа 1945

В РОДНОМ КРАЮ

Весною, весною,
 когда зашумят косогоры
Зеленой травой
 и ярица-рожь зацветет,—
Могилы запашут,
 и жены утешатся скоро,
И дальше на запад,
 на запад война отойдет.

Весною, весною
 опять молодые березки
В ручьи заглядятся,
 надев долгожданный наряд,
И выйдут девчонки,
 и в поле на всех перекрестках
Протяжные песни
 до поздней зари зазвонят.

Весною, весною
 по дальним лугам разольются
Широкие реки
 и Днепр под смоленской стеной,
И матери вспомнят
 о тех, что назад не вернуться,
О тех, что пропали
 и писем не пишут домой.

Весною, весною,
 когда на родную сторонку
С войны не вернусь я
 в счастливые, жданные дни,
Черемухи ветку
 опять заколов под гребенку,
Целуясь с другими,
 ты все же меня вспомяни!

1943

ПОСЛЕ ДАЛЬНИХ ПОХОДОВ

Пахнет дегтем и пылью,
дорогою русской —
неширокой, проселочной,
с детства родной,
и петровским сенцом
по лозинам в раструску,
и на солнце, в тиши,
терпкой смолкой лесной.

После дальних походов
и стран заграничных —
как мила ты
и снова до боли родна,
вся в разливах пшеничных,
в цветах земляничных,—
полевая, простая
моя сторона!

В сорок первом,
когда отступали мы с болью,
когда горечь мне
душу в бою обожгла,
под немецким огнем
и в немецкой неволе
ты все тою же —
русской и гордой была.

Сколько раз ты нам снилась,
бывало, за фронтом —
полевая, простая,
родная до слез,
с неоглядным
днепровским твоим горизонтом,
с поредевшей семьей
придорожных берез.

Все ты знала, родная:
глумленье и пытки,
и пожары, и голод,
и мор, и беду,
все снесла ты в неволе,
всего натерпелась в избытке,
что с войной тебе выпало
вновь на роду...

Снова веет теплом,
снова вспаханы пашни,
поднялась, расцвела
и обстроилась ты,
даже вдовье убранство
пожарищ вчерашних
не сгубило, не скрыло
твоей красоты.

И, вернувшись обратно
с чужбины немилрой,
верен гордой твоей
и суровой судьбе,
я с сыновней любовью
и прежнею нежною силой
вновь к тебе припадаю
и кланяюсь низко тебе.

1945

Федор Фоломин

МАЙ

Батились волны, под солнцем блестя,
пароход свистел,
набирался сил.
По трем республикам
и пяти областям
семь суток
я Волгой плыл.
Уходила с лугов большая вода,
зацветал лесок тонкоствольный лиственный.
Розовели,
росли по утрам города,
просыпались,
шумели пристани.
Суда не стояли на якорях,
огибали лукавые воложки;
по берегам,
в осокорях,
пели соловушки.
Говорил не спеша старик рулевой
в рубке, на пароходе,
о новой Волге трудовой,
о службе речной,
об охоте.
Тут земля,
словно небо,
велика!
В лесах раздолье птице всякой;
над рекой,
над холмами,
стоят облака,
полные веской влагой.
Легок служебной моторки полет,
землесосы на мелях орудуют;

Волготанкер с Каспия северу шлет
наливные баржи белорудые.
Живи, моя былль,
нашей правды отблеск,
пльви по сердцам,
разливайся, звеня!
Вблизи распахнулась пятая область
на рассвете седьмого дня.
Прокатился с обрывов,
по садам,
соловьинный запев,
хрустальный мотив.
Пастухи сыграли подъем стадам,
радио опередив.
И тогда внезапно,
в мягком затишье,
вслед за буксиром,
за властной весной,
из Ветлуги
на плес приветливый вышел
Караван величавый лесной.

Белели на бревнах дома-посты.
Мы влево прошли,
а справа
половину реки отхватили плоты,
сосновые звенья сплава.
И вырос над Волгой,
струясь проводами,
тот край,
где мне жить,
не грустить ни о ком...

Мой город обнял кручу садами,
Кремлем темно-розовым, —
вечным венком.

1951

ПРИСТАНЬ МАЙНА

Половодье,
новый водный год,
вниз уводят
белый пароход.
Берега
черемухой кипят,

с гор слетает
пухом цветопад.
Говоря по правде,
тут весна!
А на вахте —
штурман Лукина.

Скрыл прическу
форменный берет,
новый китель
солнцем обогрет.
С плеса девушка
не сводит глаз;
отдает в машинное
приказ.

Вот и пристань,
вся белым-бела,
в пене чистой
вышла, расцвела.
Можно
оторваться от руля!
Под ногами
теплая земля.
Встрепенулась
девичья душа.
Непоседа
ветки рвет, спеша.
В небо, выше,
тянется рука...
Снизу слышен
строгий бас гудка.
Девушка в берете, —
вниз, бегом...
Замер ветер,
хорошо кругом!
Песни пой,
черемуху ломай!

.

Пристань Майна,
беспокойный май!

1954

БЕРЕГА

Рассвело,
солнце сразу туманы смело.
Развернулась река,
распахнулись вдали берега.
Берега, берега,—
хвойный склон, луговая дуга!
Правый берег высок,
левый берег — песок;
правый берег — леса,
левый берег — луга.
Полчаса,
два часа,
вниз по Волге плывут берега.
Тишина, словно стыдно взметнуться ветрам.
Розовеет река по утрам.
Это юность
разрумянилась,
быстро назад оглянулась.
Что же там, позади?
Там не только снега да дожди!
Вижу снова я город весенний,
вижу ветку сирени
у себя на груди.
Эта юность тревожна, горда,
разольется по бархату плеса,
где стучат пароходов старинных колеса,
где призывно гудят молодые суда.
Все мы к счастью плывем
по заре,
по любимой реке;
и земля откликается нам соловьем,
там, в прибрежном леске.
Я на плес погляжу с высоты:
лето ставит зеленые вехи, кусты,
путь покажут мне белые створы.
Все мое,—
перекаты строптивые, горы,
корабли,
что сверкают под солнцем вдали.
Влагой чистой полны
путевые просторы
да дыханьем живой старины.
Ой, приволжские сны,
атамановы струги,
грозный гул мятежа!

Юлия Друнина

* * *

Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

1943

ЗИНКА

1

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живёт.
У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступить вперед!»
Снова рядом, в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

2

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окружение попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку.
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.—
Мы хотели со славой жить.
... Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав...
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

3

— Знаешь, Зинка, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!

1944

В ШКОЛЕ

Тот же двор.
Та же дверь.
Те же стены.
Так же дети бегут гуртом.
Та же самая тетя Лена
Суется возле пальто.

В класс вошла.
За ту парту села,
Где училась я десять лет.
На доске написала мелом
« $X + Y = Z$ ».

И припомнила:
Хмурым летом,
Бросив книги и карандаш,
Встала девочка с парты этой
И шагнула в сырой блиндаж.

1945

ДРУГУ

Сведены брови круто.
Стиснуты зубы плотно.
Жёсток упрямый волос
Над невеселым лбом.
Весь ты какой-то новый,
Сумрачный, неудобный,
Словно большой, добротный,
Но необжитый дом.

Прячешь глаза в ресницы,
Пристальный взгляд заметив.
С ласковою усмешкой
Думаю я не раз:
«Кто же тебя полюбит,
Кто же в тебя вселится,
Кто же огонь засветит
В окнах широких глаз?»

1945

НЕ ЗНАЮ, ГДЕ Я НЕЖНОСТИ УЧИЛАСЬ...

Не знаю, где я нежности училась —
Об этом не расспрашивай меня...
Растут в степи солдатские могилы,
Идет в шинели молодость моя.

В моих глазах — обугленные трубы.
Пожары полыхают на Руси.
И снова нецелованные губы
Израненный парнишка закусил.

Нет! Мы с тобой узнали не по сводкам
Большого отступления страдаю.
Опять в огонь рванулись самоходки,
Я на броню вскочила на ходу.

А вечером над братскою могилой
С опущенной стояла головой...
Не знаю, где я нежности училась:
Быть может, на дороге фронтовой.

1946

ДОЧЕРИ

Русский вечер.
Дымчатые дали.
Ржавые осколки на траве.
Веет древней гордою печалью
От развалин скорбных деревень.

Кажется, летает над деревней
Пепел чингизханской старины...
А моей девчонке семидневной
Снятся удивительные сны.

Снится, что пожары затухают,
Оживает почерневший лес.
Улыбнулось, сморщилось, вздыхает
Маленькое чудо из чудес.

1946

РАССКАЗ О ЧАСАХ

Прославленный знаток кузнечных дел
Давненько что-то хмурился сурово:
Он за других бы постоять сумел,
Но за себя не мог сказать ни слова.

Обида, может, и не велика,
Притом уже давно все это было:
Премировали в цехе старика
За славную работу у горнила.

Кузьмич, согретый почестью людской,
Растроганный стоял перед друзьями:
Как ветеран, за давний опыт свой
Отмечен был костюмом и часами.

Костюм пришелся, видно, по плечу,
Сам оценил, что хороша обнова.
Но вот часов не дали Кузьмичу,
Сказали: монограмма не готова.

Не знали, кто в задержке виноват,
Но поняли, что дело в монограмме.
— Вот на часы бумажка, говорят,
По ней, Кузьмич, часы получишь днями.

Кузнец на утро снова у горнил,
И снова молот паровой на взлете.
Кузьмич бумажку ревностно хранил,
Но о часах ни слова на работе.

Казалось, что истек бумажке срок,
Казалось, что Кузьмич уже с часами.
А он: — Я за подарком не ходок,
Премировали, так напомнят сами.

Но в цехе нет покоя от ребят.
Тут о подарке и забыть бы впору.
Они ж при каждой встрече нароят
С улыбкой вставить шпильку к разговору.

Ведь знают же, что я в досаде сам,
Так надо же — придумали затею:
Сверять приходят время по часам,
Которых я пока что не имею.

Кузнец сосед и тот бородкой тряс,
Подшучивал над другом не впервые:
— А ну, Кузьмич, взгляни, который час?
— А ну, Кузьмич, кажи-ка именные?

Расстроился знаток кузнечных дел,
Не раз в бумажку заглянул сурово.
И за других он постоять умел,
И за себя сказать хотелось слово.

Пошел, железной палочкой стуча,
Со смены тороплив и озабочен...

А к нам в цеха Заставы Ильича
В тот день Калинин заглянул к рабочим.

Он издавна был запросто знаком
С прославленными мастерами стали.
Ведь у горнил, да и в Кремле самом
Не раз пред ним лицом к лицу стояли.

...Шумят цеха, печей вскипает зной.
Многоголоса площадь заводская.
А он, доступный, близкий и родной,
Стоит, бородку в кулаке сжимая.

Взгляд ясных глаз лучист и деловит,
Жмет руки встречным, ласков и приветлив:
— Ну, как вы тут живете, говорит,
Помех каких, друзья, в работе нет ли?

Очки сверкают в солнечных лучах.
Народ, народ теснится полукругом.
Тут и свела забота Кузьмича
Со всесоюзным старостой, как с другом.

Пошел к нему Кузьмич через народ.
По сторонам ребят знакомых лица.

Глядит, Калинин знак рукой дает:
— Кузнец идет, прошу, мол, расступиться.

Раздался тут народ на взмах руки.
Идет кузнец, как по прямой аллее,
И ноги стали молоды, легки,
И мысль ясней, и разговор смелее:

— Есть, говорит, бумажка у меня,
На грех ее вручили мне когда-то.
Ведь не проходит у горнила дня,
Чтобы о ней не вспомнили ребята.

Я обхожу теперь их стороной.
А встретят, улыбаются лукаво.
Смеются, озорные, надо мной,—
Ведь про часы узнала вся застава.

Давно уже все сроки позади,
Что делать мне теперь с бумажкой этой?
Вот, Михаил Иванович, рассуди,
Вот, Михаил Иванович, посоветуй!..

Поднес Калинин документ к глазам
И долго что-то не дает ответа;
Читает, улыбается, а сам...
Часы вдруг вынимает из жилета.

Блеснула крышка жаром золотым,
И вспомнились кремлевской башни звоны:
Ведь он по ним, по верным, по своим,
Для всей страны подписывал законы!

— Возьми-ка, — говорит он Кузьмичу,—
А документ оставь, мне будет нужен:
По нем, Кузьмич, часы я получу,
И получу такие же, не хуже...

Я по бумажке этой их найду.
В приемную часы доставят сами.
И будешь ты с друзьями жить в ладу,
И будем оба —
ты и я — с часами...

Кузьмич заходит часто к кузнецам
И у горнил, в кипящих искрах зноя,
С Кремлем сверяет время заводское
По золотым калининским часам.

В «ЛЕНИНСКОЙ СЛОВОДЕ»

Где-то, у заставы отдаленной,
В прошлом, что осталось позади,
Юноша в юнгштурмовке зеленой
Утром из трамвая выходил.
Корпуса — как будущего веки,
Как большого плаванья суда...
Ты тогда работал в новом цехе,
Ты был в той юнгштурмовке тогда.
На трамвайной дальней остановке,
Где вздымался первый мощный кран,
Девочка в сатиновой спецовке
Прыгала с подножки по утрам.
Тот завод, что вырастал упрямо
И врал в грядущие года,
Был ее завод — завод «Динамо».
Я была той девочкой тогда.
Было нам обоим по дороге,
Жили мы единою судьбой.
...Оба гордецы и недотроги,
Мы тогда не встретились с тобой.
Но, глотая наспех скудный ужин,
Но, лоя о стратостате весть,
Ты уже считал, что ты мне нужен —
Именно такой, какой ты есть!
Праздничных нарядов было мало.
Был завод, как строгая семья.
Но, сказать по правде, я считала,
Что тебе нужна такая я, —
В братниной кожанке вместо шубы,
В сапогах — хоть прямо в дальний путь, —
С неумением ни подкрасить губы,
Ни слегка кокетливо взглянуть.

И была громадная работа
По ладони нам и по плечу.

В час не вдохновенья, а расчета,
В миг, когда о чем-то умолчу,
В день, когда покажется, что много
У других — удач, у нас — обид,—
Девочка динамовская строго
На меня из прошлого глядит.

1952

ДЕВОЧКА ИЗ ГОНГКОНГА

Рекламы точно веер павлиньего хвоста.
Рекламы — до созвездия Южного Креста.
Наверно, нет реклам пестрее, чем в Гонконге!
Взбесившаяся радуга на Фуква-стрит.
Спиной к витрине радужной девочка стоит:
Юбка материнская. Босые ноги.
А под витриной — доски и тряпье,
Чудовищное нищее жилье.

Подходит женщина к ребенку.

Две косы

От молодости сохранились.
Наверно, мать... Она твердит: «Проси!
Проси и кланяйся.

Благовари за милость.

Проси!.. (Для младших нету молока!)
Проси!.. (В кастрюльке риса нет ни грамма.)»

Но худенькая детская рука
Опущена по-прежнему упрямо.
В изгибе губ, в крылатости бровей
У девочки — достоинство и сила,—
Все то, что в душу мать вложила ей,
Все то, что мать сама уже забыла!

1955

ЛЮБОВЬ

Тому, кто томится от жажды,
Рассказ мой о давней вине:
Однажды — послушай, — однажды
Любовь приходила ко мне.

Она попросила напиться,
Присев на крылечко мое,
Но я не дала ей водицы,
Я раньше спросила ее.

Я раньше ее расспросила,
Откуда она и куда.
Я раньше ответить просила,
Какая нужна ей вода.

И, глянув печально и косо,
Сидела любовь у огня,
Ответила мне на вопросы
И тихо ушла от меня.

И, если — послушай, послушай! —
Она постучит тебе в дом —
Ты раньше отдай ей всю душу,
А спрашивать будешь — потом!

1947

* * *

Верно, я была счастливой
Этим летом, этим днем.
Я к тебе через крапиву
Продиралась босиком.

И не чувствовали ноги
Ни крапивы, ни дороги,
Ни в рассветные часы
Легких капелек росы.

Ничего я не хотела,
Не боялась, не ждала,
Просто бегала, да пела,
Да дышала, да жила.
Никогда мне так не пелось,
Никогда так не хотелось,
Чтоб светло, как у огня,
Было около меня.

Будь в моей все это власти —
Горю кончиться навек!
Человек, когда он счастлив, —
Он прекрасен — человек!
Все ему понятней в мире,
Потому что сам он шире,
И не хочется ему
Быть счастливым одному.

1947

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

В садах дворца, в стекле, на камне,
Свой след оставили года.
Из стен, из мрамора веками
По капле падает вода.

... Ковры расшитые Ирана,
А над ковром — крыло орла
И кость слоновья. Здесь у хана
Жена когда-то умерла.

Охвачен болью и тоскою,
Здесь хан Омару приказал:
— Придумай что-нибудь такое,
Чтоб камень плакал и страдал...

Художник не жалеет рук:
Не сделаешь — посадят на кол.
И видит хан, что камень вдруг
Слезами редкими заплакал.

На синем мраморе слезами
Прожгло две борозды легко.
Омар был мастером, и в мрамор
Засело горе глубоко.

И умер хан, проплакав год,
И успокоился в могиле,
А боль художника живет,—
С ней время справиться не в силе.

Бахчисарай
1939

ДОРОГА НА ЮГЕ

У самых волн мы пировали,
Мы руки югом обожгли,
И на холодном перевале
Мы к небу близко подошли,

Где вровень с солнцем, с небом рядом
Белело здание и кругом
Крошились камни колоннады,—
Травой заполнило пролом.

Как мрамор, облако проплыло,
Стояли боги на пути —
И, так казалось, можно было
До древней Греции дойти.

1940

МЯКОВСКИЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Чужая речь.
Чужие лица.
Продажа. Купля. Джаз и сквер.
И он ходил по загранице,
Как раздраженный Гулливер.

И проходил у самых окон,
Как солнце резкое, слепя,
И небо Мексики высокой,
Как шляпу, мерил на себя.

Он сквозь дворцы увидел горе
И нищету сквозь тонкий шелк.
Как наступающее море,
Он к ним из будущего шел.

Он возвышался над врагами
Монументально тяжело,
И где-нибудь его шагами
Асфальт на Западе прожгло.

Он так глядел кругом крамольно,
Как будто прибыл к ним затем,
Чтоб выбрать здание под Смольный
И выбрать крепости под Кремль.

1941

СОН

Мне ночью снились мирные года —
И дачи, от которых нет следа,
И крупные июньские цветы,
С которыми меня встречала ты.

Приснились довоенные друзья,
И, как ребенок, был растроган я,
Так мало ласки выпадает мне,
Что рад я ласкам, встреченным во сне.

И я проснулся, снова полный сил,
И я друзей за сон благодарил.
За ясный взгляд, за поцелуй во сне
Спасибо вам, приснившиеся мне.

1943

ВРЕМЯ

Мы бронзой покрываемся в походе.
Над нами солнце всходит каждый день,
И каждый день на западе заходит,
Цветущий мир окутывая в тень.

Еще штыками обернутся песни,
Еще придут и отшумят бои.
Придет домой седеющий ровесник,
Придут не все ровесники мои.

...Оставшимся — счастливо оставаться.
Но с этим миром в утреннем дыму
Договорились мы не расставаться —
И мы вернемся бронзою к нему.

...У вас сады. У вас цветенье лета.
И юноши по мрамору идут
Сквозь волны круглосуточного света,
И холодно быть памятником тут.

...Когда ты выйдешь в город на закате,
О наших размышляя временах,
Навек ушедших в толщи хрестоматий,
О наших запыленных именах —

Ты обернешься и увидишь рядом
Тех, кто отвел и от тебя беду,
Товарищ мой, шагающий по саду
В трехтысячном немислимом году.

1940—1944

* * *

Мы в землю стольких положили,
Мы столько стойких пережили,
Мы столько видели всего —
Уже не страшно ничего...

И если все-таки про войны
Я думать не могу спокойно,
И если против войн боюсь —
Не потому, что войн боюсь,
А если даже и боюсь —
Не за себя боюсь — за тех,
Кто нам теперь дороже всех,
Кого пока что век наш нежил,
И кто пока еще и не жил,
Кто ни слезы не уронил,
Кто никого не хоронил.

1956

НА СКЛОНЕ ПЕРЕВАЛА

Нас четверо.
Мы встретились случайно
В июльский полдень
на лугах Кавказа.
На склоне голубого перевала
Поставили походные палатки.
Зажгли костер.
Гремят в долине реки,
Дрожат пронизанные зноем дали.
Громада
ослепительного снега
В заоблачной не тает синеве.

А мы едим печеную картошку...
У смуглой девушки такие зубы,
Как будто, откусив кусочек снега,
Она его еще не проглотила.
Седой профессор разбирает травы —
Он составляет полевой гербарий
На тонких промокательных листах.
А парень смотрит жадными глазами
На девушку, на горы и на травы...

Я думаю:
«О, если бы собрать
Живых людей в такую книгу жизни,
Где сохранить возможно на века
Живое воплощение красоты!
В нее я положил бы осторожно
Вот эту тоненькую девушку, как лютик,

Горит, не сгорая, огнями,
И манит к себе новизной,
Но прочно лежит между нами
Преграда лиловой водой.

За ней, в полосе ресторанной,
Раскинулась южная ночь.
Она духотой и рекламой
Тебя одурманить не прочь.

Там кружатся легкие пары...
Раскосые искорки глаз
За фунты и за доллары
Отлюбят и выбросят вас.

На палубе голос гитарный...
И, робко на цыпочки став,
Танцуют за девушек парни,
Тяжелые плечи обняв.

А девушки слишком далеко —
За тридевять где-то земель...
И парень грустит одиноко
Под вальса нахлынувший хмель.

Сжимая пудовые руки,
Матрос вспоминает сейчас
Любивших, далеких в разлуке,
Ласкавших на родине нас —

Нескладных красавиц наивных,
Чудачек с нехитрой душой,
Горячих, всегда торопливых,
Но, верю, с любовью большой.

По-детски улыбки простые,
Высокую девичью грудь
И фото, где строчки косые —
Стандартное: не забудь!

И пальцы в щербинках работы —
Сестра или брат на руках —
И маленькие заботы
О юбках и о чулках.

Гремит над водой репродуктор,
И ноги босые шуршат...

Малайское раннее утро
Глядит с высоты на ребят.

Погасли ночные рекламы,
И город окутался мглой.
И кажется, с палубы прямо
Вдруг солнце шагнуло упрямо
Над джунглями, над водой.

Сингапур
1954

ПЕТУХИ

Мих. Спирову

Ведь надо же так,—
за какие грехи
На свет появились
одни петухи!..

Их пятеро ходят,
крылами гремя.
— Но я как-нибудь
проживу и с двумя.—
Тут теща добавила:
— Хватит жиреть,
Весь день от безделья
крылами греметь!
Итак, в честь приезда,
зятек, твоего—
Зарежь пожирнее
пока одного...—
С ножом синеватым,
что бритвы острей,
Я в тещин курятник
вошел на заре.
Не слыша, как скрипнули
дверь и засов,
На жердочке дремлют
все пять петухов.
И ярче всех радуг
хвосты пламенеют,
Все пять гребешков,
словно ягоды, зреют.
Мой первый любимец
в тиши бронзовеет.

А тот, что левее,
тот снега белее.
Сосед их пестрит
от хвоста и до зоба,
На зобе том зорька
дрожит до озноба.
Четвертый и пятый —
иная порода —
Огнем полыхают
в любую погоду.
Их перья — нет в мире
подобных огней,
И жарче огней,
и заката красней.
Со дня оперенья
и вот до сих пор
Их теща с опаской
пускает во двор.
К соломе таких
петухов подпусти,—
Так вспыхнет, пожалуй,
добра не спасти...
О нет! На заре
не поднять мне руки,
На спящих к тому ж,
на красивых таких!..
Тут солнце вкатилось
шаром золотым.
И крылья разрезали
свистом своим
Густую, рассветную,
сонную тишь.
Над пламенем вишни,
над заревом крыш,
Как гром, прокатился
запев петухов.
Дрожал надо мною
соломенный кров.
И песней ответил
глухарь у реки...
О нет! Не поднять мне
на песню руки!..
Я теще сказал:
— Хоть зарежь, не могу.
Я всех петухов
для стихов сберегу!

1945

ПАМЯТНИК

Не там —
 в пустынном переулке,
Не там, где мать
 жила, ждала,—
В тяжелой бронзовой тужурке
Мой друг стоит среди села.
С дороги, прямо
 из похода,—
Казалось,
Зов наш услышал,—
По августу большого года
В село родное пришагал.
Любуясь отчим кровом,
 немо
Стоит солдат и хлебоборб,
И бронзовые дуги шлема
Упрямо сдвинуты на лоб.
И на его груди открытой
Пылают так,
 что видно всем:
Навечно две звезды отлитых,
Знак скромный —
 ВЛКСМ.
Проходят, кланяясь, сельчане.
А он, свою расправив грудь,
Стоит в торжественном молчанье —
Как будто в дом решил шагнуть.
Все так же молодо, пытливо,
Нащупав взглядом даль полей,
Глядит на бронзовые нивы
Он из-под бронзовых бровей.
Все так же, спутник
 жизни нашей,
Он входит в дни,
 в мои года—
Прямой, бесстрашный,
В битве павший,
Не умиравший никогда!

1948

Будто бабочки над нею
Вдруг застыли на лету...
Вот он,
 вот он —
 дом заветный!
Снова я в родном краю,
Снова вижу
 в час рассветный
Землю милую мою.
Как легко ее дыханье!
Как блестит
 роса на ней!
Будто слезы в час свиданья,
Слезы матери моей.

И скажу:
в своей гордыне
я считал (не утаю)
невеселой, как в пустыне,
жизнь степенную твою:
в дневниках колы да тройки,
да тоскливый скрип пера...

То ли дело на постройке
гром под взмахом топора!
То ли дело — из-за арки
наблюдать невдалеке
молнию электросварки
у товарища в руке!

А потом война настала.
И у жизни на краю,
на моей дороге встала
смерть, одетая в броню.
Ты ж осталась, молодая,
где дожди
да мирный гром,
где цветет, не увядая,
куст сирени под окном...

Но однажды горьким летом,
в трех верстах от речки Сал,
под осинкой над кюветом
лейтенант письмо писал.
(Тот, который в бурю злую
самым первым был в ряду,
тот, который Золотую
на груди носил Звезду.)

«Вам,— писал Герой,— поверьте,
всей судьбой обязан я...»
И сверкнула на конверте
вдруг фамилия твоя.
И, когда я удивился,
лейтенант сказал:

— Поэт,
понимаешь, я учился
у Хвостовой десять лет...

Понимаешь,
и поныне
жду советов от нее... —
Тоня, Тоня,

Антонина,

детство светлое мое!
Это ты любовь взрастила
в молодой груди бойца —
ту, в которой дышит сила,
ту, что бьется до конца,
до победы...

И по праву
в будничный весенний день
я твою увидел славу
в этой огненной Звезде,
в этой славе настоящей,
крепнувшей из года в год,
и зовущей, и манящей,
и ведущей нас вперед...

И с тех пор в бойце-сапере
иль в наводчике «эрэс»,
в замечательном шофере,
в громовержце ли с небес,
в фельдшере из санпалатки,
в командире ли полка —
я угадывал по хватке
твоего ученика...

А сейчас —
плотины строят
и хлеба растят в степи,
и сады зеленым строем
за собой ведут в цепи,
электрические солнца
добывают из реки, —
это все твои питомцы,
все твои ученики.

И недаром за тобою,
в виде шумных телеграмм,
перекатною волною
ходит слава по пятам
и встает зарею светлой
от Москвы до наших сел.
И вослед за славой этой
вот и я к тебе пришел...
За окошком
снег да поле...

И, поскольку я сейчас
не с тобой одной,

не в школе,
а сижу в гостях у вас,
и, поскольку вдоль по кругу
переходит чаша встреч,—
Леньке — твоему супругу —
говорю такую речь.

Говорю ему чуть слышно —
и отнюдь не напрямик:
— На поверку, Леня, вышло
ты умней меня, старик!.. —
Говорю. И на рябину
законную смотрю,
на декабрьскую равнину,
уходящую в зарю,
на снега,
на вечер синий
в электрическом огне,
где другое детство ныне
по другой бежит лыжне.

1950

ПРИЕХАЛ ПАРЕНЬ НЕЖЕНАТЫЙ

(Рассказ комсомолки)

Приехал парень неженатый
к нам в октябре
в середине дня
и, словно в чем-то виноватый,
сидел в конторе у меня.
В плаще зеленом нараспашку,
сидел он тихо в уголке
и мокрую свою фуражку
и час и два вертел в руке.

— Хотя б пошли попили чая,
хотя б разделись,— говорю.
А он, улыбкой отвечая,
твердил одно: — Благодарю!—
И как-то так
краснел немножко
и больше на пол все глядел.
А дождь сильней
стучал в окошко.
А он сидел все и сидел...

И град, беснуясь до надсады,
гремел по кровельным листам.
И тут взяла меня досада,
и я сказала неспроста:
— Сидеть на печке б
в эту пору,
хотя оно и здесь — жара.
Но... кончен день.
И мне контору,
товарищ, закрывать пора!

И он, тяжелый, словно камень,
поднялся
и, косясь на дверь,
развел беспомощно руками:
— А что же делать
мне теперь?—
И я ему сказать хотела,
сказать хотела так,
со зла:
— А мне-то, парень,
что за дело,
какие у тебя дела?..

Но он стоял,
как в час свиданья,
стоял,
не зная, что сказать.
И было столько ожиданья
в его расширенных глазах
и столько боли и страданья,
что я вздохнула:
— Так и быть,
вам за молчанье
в наказанье
меня придется проводить.

И он пошел.
И перед домом
вдруг ни с того и ни с сего
сказал,
что прислан агрономом
в мое Дубровское село,
что предколхоза Голенищев,
считая хаты и дворы,
пошел искать ему жилище
еще с обеда...
С той поры...

А жили мы,
как две подружки,
в заречном домике своем
с моей старушкой
хлопотушкой,
с моею мамою вдвоем...

Мать на прищельца поглядела,
стряхнула со свечи нагар,
вздыхнула:
— Что же тут поделать?—
и принялась за самовар.
Потом, гляжу,
на сковородке
зашевелилась ветчина,
и на столе
пол-литра водки
явилось...

— Вот тебе и на!—
вошедший крикнул председатель
и, воздавая всем хвалу,
ногтями,
словно клювом дятел,
забарабанил по столу.
(Видать, не зря,
как в море лодку,
носило по бригадам слух,
что председатель наш
на водку
особенный имеет нюх.)

Как бы там ни было,
но скоро
товарищ Голенищев так
переключил все разговоры
на главное:
— Дела — табак!

Вот — он!
Колхоз приехал строить,
и, может, парень не байбак,
но чтоб ему жилье устроить,
то получается — табак.
Так что, Петровна,
привечайте
да как хотите
выручайте!

Мать согласилась:
— Известно,
устроить надо как-никак...
Оно б и так,
да дочь невеста,
а это, знаете ль, не так...
Оно б и так,
да все некстати,—
и выгнула углы бровей,—
оно б и так,
да нет кровати...

— Пусть спит покуда на моей!—
свое ввернула я словечко.
Ввернула было — и молчок.
— А ты куда?
— А я на печку,
к тебе, маманя, под бочок!
А утром началась потеха —
острили тетки у ворот:
«В колхоз не первым
он приехал
и не последним... удерет!»
Другие возражали следом:
«Бывает и похуже вред...
Как знать,
а может быть, он с предом
стакнется
и запьет, как пред...»

Но дед Иван твердил со смехом:
«Вот как вспорхнет —
и сказка вся!»

А парень взял — да не уехал.
А парень взял — да не спился.
А парень по мечте заветной
в сырой осенний листопад
вначале как-то незаметно
повел дела на новый лад.
Он словно пробудил все дали,
и закипела жизнь ключом:
то вишенки
над горкой встали,
то яблоньки
по-над ручьем...
Его вначале Сенькой звали,
потом Семеном Кузьмичом...

И он держался
честь по чести.
И с ним вечернею порой
ходили вместе в клуб,
и вместе
мы возвращались домой.
И шло все мирно
и согласно,
и до сих пор мне невдомек,
когда и как
меня так страстно
он агрономией увлек.

И не пойму, какая сила
меня так закрутила вдруг,
что бухгалтерию сменила
на этот парниковый юг,
на светлые вот эти стены,
на этот зелени покров,
на это море из растений,
на эти волны из цветов...

Еще скажу:
в начале года
Семен Кузьмич в урочный час
постановлением народа
стал председателем у нас.

Так что житье
идет как надо,
и дело клонится к тому,
что скоро плотничья бригада
квартиру выстроит ему.
Уже поставлен на усадьбе
разборный домик...
И у нас
в апреле — свадьба.
И на свадьбу
мы с Сеней приглашаем вас.

СОЛОВЬИ

О мертвецах поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова
Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел, да упрямо
Обветренные скулы сведены.

Трехсотпятидесятый день войны.

Еще рассвет на листьях не дрожал
И для острастки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал,
Товарищ мой из пулеметной роты.

Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,

Смотрел на нас, и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.

Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал,

Потом сильнее, входя в горячий пыл,
Как будто сразу вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.

Мир раскрывался. Набухал росой.
Как будто бы еще едва означась,
Здесь, рядом с нами, возникал другой
В каком-то новом сочетанье качеств.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва.
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще минута — задымит сирень
Клубами фиолетового дыма,
Она пришла обескуражить день.
Она везде. Она непроходима.

Еще минута — перекосит рот
От сердце раздирающего крика.
Но успокойся. Посмотри: цветет,
Цветет на минном поле земляника.

Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще второй, еще четвертый, пятый.

Звенят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым громяющим снарядом.

А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь, ее живые звенья,
Ее большой бурлящий водоем!

Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.

Нелепа смерть. Она глупа тем боле,
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».

И словно канул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны.

Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

А может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу ребятам: «Дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели соловьи».

И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Zubовский проезд.

Пусть даже так! Потом просохнут слезы,
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоем
У той поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.

Пусть даже так! Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни!
О мертвецах поговорим потом.

1942

ХОЗЯЙКА

(Поэма)

Над землей тишина. Будто мир под метелицей вымер.
Только низкие звезды в морозной горят вышине:
И о чем-то давнишнем задумался старый Владимир
В белогривых сугробах, в хрустящей сквозной седине.

Ночь густа и прозрачна. По белому тракту березы,
Словно свечи, венчают глубокое царство зимы...
Но рожки запоют, и в ответ затрубят паровозы,
И над сказочным лесом недвижные встанут дымы.

Вздрогнут сосны, сверкая пушистым серебряным мехом,
Зазвенят, как стеклянные, мерзлые ветки ольхи.
Прогудят провода. Ветерок пробежит по застрехам,
И на все голоса переключку начнут петухи.

Заскрипит журавель. И проснется в снегу деревенька
За Владимирским трактом, в почти позабытых местах.
Пелагея Никитична! Здравствуй, родная! Давненько
Не видал я тебя, а на письма не больно мастак.

Только видятся мне низких окон обмерзшие створки,
Неживые цветы под малиновым светом зари,
Невысокая изгородь, гумна, глухие задворки,
Где на старой рябине, как в детстве, поют снегири.

Вот ты встала с рассветом, едва озарившим окошки,
За водой с коромыслом прошла, не сгибая спины,
Нащепала лучины, начистила на день картошки,
Засветила огонь и поставила в печь чугуны.

Самовар зашумел по-домашнему просто и мило.
Скупо зимнее солнце по стенам рассыпало свет.
Разбудила ребят, посадила за стол, накормила,
И отправила в школу, и долго смотрела вослед.

Перемыла посуду и веником вымела сени,
Косарем обрubiла затоптанный лед на крыльце.
...Я-то знаю, откуда глубокие, скорбные тени
Залегли на твоём умудренном и строгом лице.

Цену радостям нашим я знаю теперь. По-другому
Этот мир принимает познавшая правду душа.
Невозможно без дела, и отдыха нету. Из дому
Ты, надев полушубок, выходишь сейчас не спеша.

За амбарами, сбоку высоких ометов, на скотный
Запетляет тропинка, и ломкий осыплется наст.
И навстречу клубами, тяжелый, ядреный и потный,
Запах стельных коров с головой тебя сразу обдаст.

Глаз да глаз. И за всем уследи, попытай-ка,
Чтобы все по-хорошему, справно, не хуже людей.
Вот и крутишься ты, председатель колхоза, хозяйка,
От зари до зари с затаенной печалью своей.

А тебе шестьдесят! Разве все перескажешь, что было,
Что тебе испытать за нелегкую жизнь привелось!
Как тебя на делянке под ветром студеным знобило,
Как жарю несносной томило тебя в сенокос.

Только снился тебе разукрашенный свадебный поезд,
Тонконогие кони по белым сугробам полей
За сто верст унеслись. Но чиста твоя светлая совесть.
Ты гордишься душой за своих семерых сыновей.

Отшумели в черемухе, в синей сирени откосы,
Отгорела заря, и отпели твои соловьи.
От тяжелых забот посеклись твои русые косы,
От тяжелых работ огрубели ладони твои.

Старый ситцевый плат на затылке стянувши потуже,
Горя горькую чашу хлебнула до самого дна.
В сорок лет овдовела, поплакала молча о муже.
А сыны разлетелись — ты снова осталась одна.

Разлетелись. Разъехались. Только дымятся дороги.
Только весточки шлют. Только в письмах зовут: «Приезжай!»
А когда тебе выбраться: рук-то в колхозе немного,
А хлеба-то поспели, пора собирать урожай.

Еще ясны глаза. Работящие руки не слабы.
Мужиков на войну — и по сердцу скрипучий мороз.
Собрались, пошумели в тот день одинокие бабы:
— Что ж, Никитична, властвуй! Бери в свои руки колхоз.

Вот и крутишься ты. На учете любая минута.
Все дела и заботы опять навалились горой.
Младший сын утонул в беспощадном сраженьи Гангута.
В сталинградской земле без тебя похоронен второй.

А овес не молочен. Картошка не убрана. Значит,
Не сегодня, так завтра в районе поставят на вид.
Беспробудную горькую запил, судьбой озадачен,
Возвратившийся с фронта безногий сосед-инвалид.

Обносились за лето украинских беженцев дети.
И твоих сыновей окаянная смерть сторожит.
Под Одессой, в разведке, на mine взрывается третий,
Под Смоленском четвертый с простреленным сердцем лежит.

Пятый сын под Мурманском проводит во льдах караваны.
В Каракумской пустыне пески побеждает шестой.
Зачастили дожди. Над сырой луговиной туманы,
Словно дымные гривы, висят пелену густой.

Только ночью одна ты по-бабьи заплачешь на лавке.
Никуда не уйдешь от нахлынувших каменных слез.
А наутро в амбарах зерно отберешь на поставки
И сама поведешь на Владимир колхозный обоз.

Виснут кисти рябин, словно крови прозрачные сгустки.
И в цветных сарафанах вишневые стынут сады.
Журавли пролетают над медленной Клязьмою. Хрустки
Под негреющим солнцем в стеклянной оправе пруды.

Может, лучше тебе на недвижимом осеннем просторе,
Где тропинки бегут, золоченой листвою шурша.
Помогаешь другим, и свое забывается горе.
Неизбывной любовью прекрасна простая душа.

Это жизнь! Это правда! Скажи мне, откройся: откуда
Эта сила твоя, что всегда остается с тобой?
Мне ведь меньше досталось, а сердце сковала остуда,
И мне стыдно сейчас пред твоей бесподобной судьбой!

Все идет у тебя по-хозяйски, расчетливо, к месту.
Не заметит никто ни сомнений, ни страхов немых.
Ребятишек одела, нашла инвалиду невесту,
Раньше всех по округе закончила сев озимых.

По пригоркам покатым поземка клубится по следу,
Снежной пылью дымится морозная мутная даль.
Сам Калинин в Москву вызывает тебя на беседу
И вручает тебе за сынов дорогую медаль.

Поклонилась ему и сказала: — Спасибо.— Иначе
Ты, раздумав, решила об этом в дороге вчера:
Вот увижу его, расскажу ему все и поплачу:
Как, мол, хочешь суди, а на отдых старухе пора.

Он смотрел на тебя, поседевший, сутулый, усталый
Он бессонных ночей, от великих и малых забот.
И от этого взгляда, от этого голоса стало
Хорошо на душе и прибавилось силы. И вот

Замелькали в дыму семафоры, огни, остановки.
Провода по дороге от крепкого ветра гудят.
Пять часов прождала на вокзале на станции Новки
И взяла в детском доме троих беспризорных ребят.

Обжились, пообвыкли, растут золотые ребята.
Вон румянец какой, и глаза-то горят, погляди!
Им с тобой хорошо: материнской любовью богата,
Ты их выведешь в люди. Пусть счастье их ждет впереди!

Зашумит водополье по нашим полям и равнинам.
Все дороги до дому промоет крутая вода.
Старший сын — капитан, что геройски дрался под Берлином, —
На побывку собрался и скоро приедет сюда.

Сколько радости будет! Засветится солнышко в доме,
Засияет твое до последней морщинки лицо.
Воробьи на дворе расшумелись чего-то в соломе...
Уж не едет ли кто, не взбежит ли сейчас на крыльцо?

Ты выходишь на волю одна через темные сени,
Полный месяц над полем плывет в голубой вышине,
На сугробах лежат тополей одинокие тени,
И печальные вербы в пушистой стоят седине.

И душа твоя снова для мира и счастья открыта.
Невысокие окна в цветы обряжает мороз,
Снег на тракте скрипит под упругим ударом копыта,
Конь храпит на подъеме. Трубит на путях паровоз.

1945

* * *

И. Т.

В моей беспокойной и трудной судьбе
Останешься ты навсегда.
Меня поезда привозили к тебе,
И я полюбил поезда.

Петляли дороги, и ветер трубил
В разливе сигнальных огней,
Я милую землю навек полюбил
За то, что ты ходишь по ней.

Была ты со мной в непроглядном дыму,
Надежда моя и броня.
Я, может, себя полюбил потому,
Что ты полюбила меня.

1947

РОДНИЕ

Шумят ак-манайские вязы.
Камням и корням лозняка
Плетет потихоньку рассказы
Живая струя родника.

Сквозь листья от солнца обронен
На дно родника золотой.
Здесь, кажется, был похоронен
Когда-то какой-то святой.

Давно меж людьми позабыто
Прозванье его и труды.
Но сколько здесь было испито
Прозрачной, холодной воды,

И сколько здесь было от веку
И скрылось людей вдалеке,
Не может сказать человеку
Родник на своем языке.

Я в тонком, прозрачном скольженье
Воды между мелких камней
Чужое искал отраженье,
Свое оставляя на ней.

Звенела над клевером пчелка,
От облака тень проплыла,
К воде подошла перепелка
И долго по капле пила.

Потом оглянулась с опаской
И скрылась в траве вырезной.
Я ждал, что появится сказка,
Пройдет по тропинке лесной.

Но сказка не вышла. А вышел,
Кусты раздвигая, плечист,
Седого ольшаника выше,
Чумазый, как черт, тракторист.

До пояса голое тело
Загаром цвело горячо.
Полдненное солнце присело,
Как беркут, к нему на плечо.

Он пил, умывался. Был вкраплен
В струю ледяную на дне.
И плавилась крупные капли
На смуглой широкой спине.

Травинкой любой узнаваем,
Довольный своею судьбой,
Ушел он, веселый хозяин,
И сказку увел за собой.

1948

ЯНТАРЬ

Кусок промытый янтаря,
Прозрачный, как заря,
Вчерашний выбросил прибор
В подарок нам с тобой.

Прозрачный, как цветочный мед,
Он весь сквозит на свет.
Он к нам дошел, к другим дойдет
Сквозь сотни тысяч лет.

Он выплыл к нам с морского дна,
Где тоже жизнь цвела.
А в глубине его видна
Застывшая пчела.

И я сквозь тысячи годов
За ней готов в полет:
Узнать, с каких она цветов
Свой собирала мед.

Я жизнь люблю. Она рассказ
Развертывает свой.
И как мы счастливы сейчас.
Лишь знаем мы с тобой.

Теперь уже не наугад
Наш опыт разберет
И что такое в жизни яд
И что такое мед.

Любовь, ее не взять годам
И силой не отнять.

Я сам, я сам ее раздам,
Чтобы опять, опять

Она на радость молодым
В прожилках янтаря
Сквозь сотни лет пришла к другим,
Живым огнем горя.

1953

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

Июнь 1944

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде
Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.

Мы все перенесем с тобой:
Мы люди, а она стальная...

Июль 1944

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву,
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то еще ухали снаряды
И «мессершмидт» неистово гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И просмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек,
И взор твой, незабвенный и лукавый,
Взор любящий, навек моей судьбы...

Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, растрепав чубы...

1944

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

1946

У СТОРЕВШЕГО ТАНКА

Бронбойным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды.

Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из «ДТ»
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый
Крючок пулемета сжимая.
На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...
Люк открой и взгляни в эту башню,
Где пусто, черно —
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

1947

ПЫЛЬ

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Все по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи!

1948

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Под землю веянье ветров,
Площадь Революции. Метро.

Круглые сияют абажуры.
Бронзовые высятся фигуры.
В бескозырке с Балтики братишка,
С Красной Пресни токарь-ветеран,
Девушка с винтовкою и книжкой,
Хлебороб — сибирский партизан —
Дни и ночи, месяцы и годы
Подпирают каменные своды.
А над ними высоко — Москва.
В скверах пробивается трава.
Святят звезды алые Кремля.
Белым пухом сыплют тополя...
На плечах покоится земля!

1948

ПЕСНЯ

Л. П.

Начинается песня эта
На делянке, там, где костер,
В дым кудлатый сверху одетый,
Лапы жаркие распростер.

Он ломает сухие сучья,
Плещет пламенем у виска,
И для песни, пожалуй, лучше
В полночь места не отыскать.

Высоко-высоко и тонко
Тенор песню вывел, — она
Все о том, как жила девчонка...
А за тенором, как со дна, —

Бас, упрямый, тяжелый, низкий,
Поднимается на снегу.
И летят светляками искры,
Пропадая, шипя в кругу.

Бородатые, в полной силе
(Седина легла у виска),

О девчонке вдруг загрустили
И запели два мужика.

И не то, чтобы счастье мимо
Пронеслось у них, стороной,
И не то, чтобы нелюдимы,
Одиноки в стране лесной.

Просто хожено было много,
Этак лет, наверно, с полста,
По тяжелым земным дорогам,
И давалась жизнь неспроста.

Просто были, видать, невзгоды,
Просто трудно было не раз,
Просто вспомнили вдруг про годы, —
Так вот песня и родилась.

Высоко-высоко и тонко
К синим звездам летит она,
Как жила за рекой девчонка,
За рекой, за Шексной, одна.

1951

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади.
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на все натывается,
Копытца врозь разъезжаются,
Наверное, кажется глупому:
Останется здесь навек.

Среди помидор раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросячьего визга,
Летящего из корзин,
Среди пиджаков да жакеток
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу, —
Куда побежишь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом, поровну,

Бензином и полем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,
Обрызганный, пропыленный,
На шинах с травой зеленой,
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.

И, видно, уж так случается:
Стоит народ, улыбается,
Идет грузовик, покачиваясь,
А за грузовиком
Бежит жеребенок площадью,
Бежит, как будто за лошадьё,
Копытца легко подбрасывая,
Помахивая хвостом.

1951

В КИНО

В колхозе, в кино, на экране
Кварталы Берлина горят,
Смертельною пулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
И им бы вот так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)
И мстить за таджика солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.

И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,
Украдкою на ветеранов
Притихшие жены глядят.

Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага,
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.

Огни зажигаются в школе,
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля...
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет.
Мальчишки за нею бегут,
Кинопередвижку в «победе»
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги
И дымный туман над рекой;
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

1953

* * *

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не выдавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не цenia,
Не слушая песенки птицы,
Что встала у солнца, звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
— Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.
На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, так тихо вокруг,
Послушай залетную птицу,—
Не поздно пока еще, друг.

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал,
Как небо казалось отсюда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила, как чудо,
Когда умолкала гроза;
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

1953

* * *

Человеку холодно без песни
На земле, открытой всем ветрам.
Я не знаю, в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам.

Песни на земле не сочиняют,—
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают,
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце где-то сердцу отзовется,
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полыхать —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

1956

Борис Палийчук

* * *

На бульваре пыльном в Сталинграде
Девушка-зенитчица лежит.
Перерыв случился в канонаде,
И девчонка сладко-сладко спит.

Примостилась в холодке у стенки,
Прилегла, уснула на часок.
У нее на согнутой коленке —
Бережно заштопанный чулок.

Шелестели мины, грохотали,
Но, привычке девичьей верна,
При копилке где-нибудь в подвале
Тот чулок заштопала она.

Может быть, ей в этой мгле суровой,
В том дыму, что горек и тяжел,
Улыбнулся парень чернобровый,
Только улыбнулся и ушел.

Ничего, — ни встречи, ни беседы,
Паренек ушел в огонь и дым...
Спи, невеста!.. Может, день победы
Ты на счастье встретишь вместе с ним!

И еще в какой-нибудь усадьбе,
Где высокий тополь у ворот,
Чарка на веселой вашей свадьбе,
Может быть, и мне перепадет!

1942

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Хлопец кратко сообщает маме:
Он идет к товарищу... Ну, что ж,
Сообщенье это, скажем прямо,
Малая неточность, но не ложь.

Да, товарищ — ничего не скажешь,
И об этом в школе знают все.
В белом легком платьице товарищ
С темно-красной ленточкой в косе.

Есть стихи об этой ленте красной,
Что сложились как-то сразу, вдруг...
Что скрывать, из всех десятиклассниц
Это самый задушевный друг!

Хорошо смотреть на вечер синий,
Вместе слушать звонких соловьев!..

Так, друзья, у нас на Украине
Родилась еще одна любовь.

1950

КОЛОСОК

Я прожил всю весну в одном окопе,
И мне теперь подробно был знаком
Рельеф полей, плывущих в перископе,
Лишь кое-где поросших сорняком.

Земля была мертва; но за канавой,
Обозначавшей наши рубежи,
Среди обрывков проволоки ржавой
Качался стебелек цветущей ржи.

За дни боев какой поток металла
Обрушился на этот край земли,
Какие укрепления разметало,
Какие здесь ребята полегли!

А вот возьми — былинка уцелела,
И каждый раз, взглянув наискосок,
Я снова видел в зоне артобстрела
Живой, неистребимый колосок.

Над ним тяжелый дым клубился тучей,
Снаряды глухо ухали во мгле,
А он стоял, щетинистый, колючий,
Весь — утвержденье жизни на земле.

1946

МУЖЕСТВО

— А было страшно вам? — спросила.
И ты без ложного стыда
Сказал ей: «Да, конечно, было»,
А не ответил: «Ерунда!»

И я в бесстрашие не верю:
Все знают чувство страха, но
В неизмеримо большей мере
Нам чувство мужества дано.

И страх в бою — до той минуты,
Пока врага не увидал,
А после— мужество примкнуто,
Как штык, разящий наповал.

Оно присуще тем, кто в бурю,
Пройдя сквозь пламя без дорог,
Смотрел в огонь, глаза не жмуря,
Кто в битвах родину сберег.

1946

СЛОВО УВОЛЕННЫХ В ОТСТАВКУ

Конечно, верны
Медицинские справки,
Согласно которым
Я числюсь в отставке,

В которых описаны
Без отклонений
Характер контузий
И сущность ранений.

И, может быть, впрямь,
По врачебным канонам,
В бою не командовать мне
Батальоном.

Но я коммунист!
Я прошу не перечить:
Нас трудно убить,
Нас нельзя искалечить.

Так, видимо, врут
Медицинские справки:
Бойцам не бывает
При жизни отставки.

Мы вновь
На работу встаем с петухами,
За партой сидим
И корпим над стихами.

Мы вместе со всеми
Опять, как бывало,
На стройках Москвы
И заводах Урала.

Мы — в общем строю
И не просим отставки.
Возьмите назад
Медицинские справки!

1950

* * *

Ты вечно лишь собою занята.
«Красавица!» — завидуют подруги.
А знаешь ты, что это — красота,
В которой нет еще твоей заслуги?

Она приходит к избранным сама,
Дается нам по милости природы;
И не большого требуют ума
Твои прически самой новой моды.

Затем, чтоб красотой своей блистать,
Достаточно красавицей родиться,
А чтобы вправду человеком стать,
Приходится трудиться и трудиться.

В народе говорится неспроста:
«Наш человек красив своей душою».
Трудом дается эта красота,
Как в жизни — все хорошее, большое.

Должно быть, потому у нас в стране
Так много женщин истинно красивых.
Ты извини, я промолчать не в силах:
Вдруг за тебя обидно стало мне!

1954

В ДОМЕ ОТДЫХА

Все спали в доме отдыха —
Весь день с утра до вечера.
По той простой причине,
Что делать было нечего.
За всю войну — впервые,
За детство — в первый раз
Им делать было нечего —
Спи хоть день, хоть час!

Все спали в доме отдыха
Ремесленных училищ.
Все спали и не встали бы,
Хоть что бы ни случилось.
Они войну закончили
Победой над врагом —
Мальчишки из училища,
Фуражки с козырьком.

Мальчишки в форме ношеной,
Шестого срока — минимум.
Они из всей истории
Учили подвиг Минина
И отдали отечеству
Не злато-серебро —
Единственное детство —
Все свое добро.

На длинных подоконниках
Цветут цветы бумажные.
По выбеленным комнатам
Проходят сестры важные.

Идут неслышной поступью,
Торжественно молчат...

Смежив глаза суровые,
Здесь рядом дети спят.

1946

БАНЯ

Вы не были в районной бане
В периферийном городке?
Там шайки с профилем кабаньим
И плеск, как летом на реке.

Там ордена сдают вахтерам,
Зато приносят в мыльный зал
Рубцы и шрамы — те, которым
Я лично больше б доверял.

Там двое одоруких спины
Один другому бодро трут.
Там тело всякого мужчины
Отметили война и труд.

Там на груди своей широкой,
Из дальних плаваний матрос
Лиловые татуировки
В наш сухопутный край занес.

Там я, волнуясь и ликуя,
Читал, забыв о кипятке:
«Мы не оставим мать родную!» —
У партизана на руке.

Там чувство острого блаженства
Переживается в парной.
Там слышен визг и хохот женский
За деревянную стеной.

Там рассуждают о футболе,
Там, с поднятою головой,
Несет портной свои мозоли,
Свои ожоги горновой.

Там всяческих удобств — немножко
И много всяческой воды.
Там не с довольства, — а с картошки
Иным раздуло животы.

Но бедствий и сражений годы
Согнуть и сгорбить не смогли
Ширококостную породу
Сынов моей большой земли.

Вы не были в раю районном,
Что меж кино и стадионом?
В райбане были вы иль нет?
Там два рубля любой билет.

1947

ПАМЯТНИК

Дивизия лезла на гребень горы
По мокрому, мерзлому, мертвому камню,
Но вышло,

что та высота высока мне.

И пал я тогда. И затих до поры.

Солдаты сыскали мой прах по весне,
Сказали, что снова я родине нужен,
Что славное дело,

почетная служба,

Большая задача поручены мне.

— Да я уже с пылью подножной смешался!
Да я уж травой придорожной пророс!
«Вставай, подымайся!» —

Я встал и поднялся.

И скульптор мой контур на камень нанес.

Гримасу лица, искаженного криком,
Расправил, разгладил резцом ножевым.
Я умер простым, а поднялся великим.
И стал я гранитным,

а был я живым.

Расту из хребта,

как вершина хребта.

И выше вершин

над землей вырастаю,

И ниже меня остается крутая,

непреодоленная мной —
высота.

Здесь скалы

от имени камня стоят.

Здесь сокол

от имени неба летает,

Но выше поставлен пехотный солдат,
Который Советский Союз представляет.

От имени родины здесь я стою,
И тучи обходят ушанку мою!

Отсюда мне ясные дали видны —
Просторы
 освобожденной страны,
Где графские земли
 вручал батракам я,
Где тюрьмы раскрыл,
 где голодных кормил,
Где в скалах не сыщется малого камня,
Которого б кровью своей не кропил.

Стою над землей,
 как пример и маяк.
И в этом
 посмертная
 служба
 моя.

1953

ЗАСУХА

Лето сорок шестого года.
Третий месяц — жара, погода.
Я в армейской больнице лежу
И на мертвые листья гляжу.

Листья желтые, листья палые
Ранним летом сулят беду.
По палате, словно по палубе,
Я, пошатываясь, бреду.

Душно мне.
Тошно мне.
Жарко мне.
Рань, рассвет, а такая жара.
За спиною шлепанцев шарканье —
У окна — вся палата с утра.

Вся палата, вся больница,
Неумыта, нага, боса,
У окна спозаранку толпится,
Молча смотрит на небеса.

Вся палата, вся больница,
Вся моя большая земля
За свои посевы боится
И жалеет свои поля.

А жара — обжигает,—
Нет мочи.
Накаляется листьев медь.
Словно в танке танкисты — молча
Принимают колосья смерть.

Реки, Гитлеру путь преграждавшие,
Обнажают песчаное дно.
Камыши, партизанов скрывавшие,
Погибают с водой заодно.

...Кавалеры ордена «Славы»,
Украшающего халат,
На жару не находят управы
И такие слова говорят:

«Эта самая подлая засуха
Не сильнее, не могучее нас,
Сапоги вытиравших насухо
Об знамена врагов
не раз.

Листья желтые, листья палые,
Не засыпать вам нашей земли.
Отходили мы, отступали мы,
А, глядишь, до Берлина дошли».

Так,
волнуясь и угрожая,
Мы за утренней пайкой идем.
Прошлогоднего урожая
Караваи
в руки берем.
Гладим,
режем,
пробуем,
трогаем

Черный хлеб,
Милый хлеб, а потом —
Возвращаемся той же дорогою.
Чтобы снова
стоять
пред окном.

1955

МЕД

Ботинки выпачканы грязью,
мы шли как будто бы во сне,
как будто все это в рассказе,
а не в действительной войне.
Седьмые сутки пот с лица,
и нет огней, и нет конца.

В селе сожженном был привал...
Как долго взвод не отдыхал!
В полуразрушенный подвал
вошли — и сразу наповал.
Красноармейский сон короткий,
он как дыхание в бою,
как от пилотки до пилотки,
когда бойцы стоят в строю.

А утром грели кипяток
(гори же, мой костер, гори...),
худеет вещевого мешок,
и на исходе сухари.
Но вдруг усталый помкомвзвод,
шатая бочку взад-вперед,
как гукнет нас, как позовет:
— Ребята, мед!
Ей-богу,— мед!

К нему со всех сторон бегом,
помятой каской, котелком
мы черпали наперебой —
тягучий, свежий, золотой.

Глотаем за глотком глоток,—
сухой кадык, как поплавок...
Отведали ребята мед,
хороший мед, толковый мед!

И с этих пор закон у нас
на добрый и недобрый час,
что, если мед солдата спас,
солдат должен иметь запас!

Под буйный перебах зениток
гвардейский подавай напиток,
живительной прохлады слиток,
чтобы хватало, чтоб избыток
бутылкам бултыхался вбок,
сбиваясь в бархатный клубок,
чтоб пить по поводу и без,
чтоб на дороге фронтовой
во фляге чувствовали все
тягучий, свежий, золотой,—
хороший мед, толковый мед!
Кто не был там, тот не поймет,
как в руки те из этих рук
бутыль вальсирует вокруг
и пьет товарищ политрук,
суровый, откровенный друг!..

Бывает, вспомнится порой
и лес с растрепанной листвой,
и ствол с оторванной корой,
а в нем дупло и дым сырой,
и как кружится вперевой
над ним пчелиный, рыжий рой,
сердитый рой, картавый рой
над ним кружится вперевой.

И я не знаю: может быть,
в лесах, где мед дышал в дупле,
учились родину любить,
учились присягать земле
те, кто сегодня бережет
в промятых флягах русский мед

Был бой, и нет.
Но будет снова.
Между боями — до и от... —
поэт окопный просит слово,
и, опершись на пулемет,
мы слушали и пили мед!

В поход с собою мед бери,
хороший мед, толковый мед.

Кто не был там, тот не поймет,
что пробки вылетают пулей
одновременно, словно улей,—
так пейте же, богатыри!

О нас в народе сложат саги,
как мы из пехотинской фляги
в дни горя, дружбы и отваги
хлебнули беспощадной влаги,
медовой влаги, буйной влаги!

1944

ЯБЛОКИ

Подходят тучи низкие,
слетают листья в грязь,
и бледная анисовка
дрожит, чтоб не упасть.

Но на руки уложится,
лишь ветку ты задень,—
чуть розовая кожа
и хвостик набекрень,
все в капельках, сквозное,
прохладное во рту,
а крепкое какое —
ну просто на спирту!
Так бурно, плодоносно
ударил спелый сок,
и заскрипели десны —
ах, яблочный кусок!
Но помнится другое..
Как быть тебе, солдат,
когда над полем боя
анисовки висят,
и сад в ограде проволочной
стонет до утра,
и миною осколочной
распахнута кора,
и, расставаясь с нами,
обугленный анис
крутыми кулаками
грозит: «Остановись!..»

Да, в огненной метели
кружило нас,

и впредь
мы «Яблочко» не пели,—
нам больно было петь;
с обидой были пройдены
отцовские края...
Ах, родина ты родина,
анисовка моя!

Но что бы там ни срублено,
а наша цель ясна:
по яблочным республикам —
да здравствует весна!

Уже дождем цветочным
обрызганы сады,
уверенно и прочно
завязываются плоды,
наливчатые, спелые,
лежащие с ветвей
от Черного до Белого
и до других морей...

Стоишь ты на площадке,
и яблоком в упор
с тобой играет в прятки
трехцветный семафор
то красной, то зеленой,
то желтой стороной...
Грохочут эшелоны,
торопятся домой.

Все яблочные рынки
приходят в торжество...
Несут алмаатинки
не яблоки, а — во!
Якуты нам подвозят
тяжеловесный плод,—
как щеки на морозе,
прозрачнее, чем лед;
и веткой на повязке,
как раненый солдат,
нам машет закавказский
заждавшийся аркад.

Под урожай Победы
и урожаяи гроз
пришли яблоковеды
в яблочный колхоз.

И помнишь до сих пор ты,
как пенился апорт,
по поводу апорта
сказал ты:
— Первый сорт!

Листва наперегонки
пошла перед тобой
от харьковской зеленки
до крымской наливной;
навстречу полосатка,
титовка и ранет,
и можно без остатка
прикончить два десятка,
и до чего же сладко! —
ну просто силы нет...

А вишня! А смородина!
Фруктовые края...
Ах, родина ты родина,
антоновка моя!

Ноябрь, 1945

ГВОЗДИКА

Лежат в конверте семена гвоздики.
Они здесь и некстати, может быть,
Но наряду с важнейшим и великим
Уместно и о них поговорить.

О том, как расцветут они несмело,
Как их полюбит городок степной.
Гвоздика...
Но совсем не в этом дело,
А в том, что муж поссорился с женой.

Так получилось.
Дело было в мае.
Не то, чтоб рвался он на целину...
Он просто согласился, понимая,
Что нужен, и уехал в ту весну.

С женой при людях попрощался чинно,
Не губы в губы, а в руке рука.
Не все ль равно, какая там причина,
Чтобы ответить сухо:
— Ну... пока...

А он считал, она по белу свету
За ним пойдет хоть к черту на рога,
А нет, так нет.
На нет и спросу нету.
Разведен мост. Расстались берега.

И он один живет на новом месте,
Тоскует и не пишет никому.
Попробуйте в его-то шкуру влезьте,
Судите сами, какво ему.

Но вот посланье...
Полное значенья!
А он считал, что сожжены мосты,
Совсем не думал, что на день рожденья
Она, как прежде, принесет цветы.

И радовали, мучили догадки,
Решится ли? Приедет ли она?
Растроганный, он приготовил грядки
Под эти дорогие семена.

Шли дни за днями, и казаться стало,
Что вовсе не цветы —
Она сама
Под окна в палисадник прибежала
Из этого хорошего письма...

Бывает так, что прихоти в угоду
Поступок, знаменательный на вид,
Нам говорит, что сделает погоду,
Но делает не то, что говорит.

На дальний путь с опаской посмотрела,
Решила, что останется одна.

Цветет гвоздика.
Но не в этом дело,
А в том, что не приехала она.

Яков Белинский

МОЛОКО

Идут вечерние стада между распахнутых лугов,
Ломают стебли нежных трав копыта медленных быков,
И голубые лепестки и струи молодых стеблей
Обрызгали бока быков дождем цветов — дождем полей,
И заплелись в рога коров, как медь и золото красны,
Как будто увенчал стада венок сверкающей весны...
В закате, в огненной пыли мир гаснет, меркнет и кипит...
И медленно текут холмы между раздвоенных копыт...
Доярка юною рукой разбухший пробует сосок,
Бьет звонко в ведра молоко. Как майский гром, тот звон высок...
А ну налей отпускнику!.. И пьет солдат — в поту, в пыли,
В жаре — настой родных полей, спокойное вино земли...

1946

СОСНЫ АНГАРСКА

Здесь дикие сосны добры и косматы,
В асфальте у каждого дома зажаты.

То сыплют на шляпы проходим пыльцу,
То ласковой лапой мазнут по лицу.

Под ними старушки сидят без опаски
И детские к ним прислоняют коляски.

Но темною ночью под ветром таежным
Они начинают метаться тревожно

И, схвачены бурей, сгибаясь в дугу,
Ревут, как медведи,— и рвутся в тайгу!

Ангарск
1955

Сергей Наровчатов

В ТЕ ГОДЫ

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожженных сел, казенных городов,
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал: над деревнями пламя
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

И воронье кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все казни
Паучий извивающийся знак.

В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал,
И в каждой бабе видел Ярославну,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.

Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
— Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой мезтью мстить мне за тебя!

1941

ДОРОГА В ТЧЕВ

Я сегодня расскажу вам про дорогу в Тчев,
Как на пыльном перекрестке битых три часа
Я стоял, ошеломленный, вовсе проглядев
Все выдавшие на свете синие глаза.

Вел колонну итальянцев однорукий серб,
Под норвежским флагом фура проплелась, пыля,
И мне честь, шагая мимо, отдал офицер
В непривычном мне мундире службы короля.

Шли цивилизные поляки — пестрая толпа! —
Шел француз под руку с чешкой — пара на большой!
Их вчера столкнула вместе общая тропа,
Завтра снова их наделит разною судьбой.

Шел старик в больших опорках, сгорблен, сед и хром,
С рюкзаком полуистлевшим на худой спине.
— Где батрачил ты? — спросил я, — где свой ищешь дом?
— Я профессор из Гааги, — он ответил мне.

Шла девчонка. Платье — в ключья, косы, как кудель...
«Вот, — подумал я, — красotka с городского дна».
— Как вы хлеб свой добывали, о мадмуазель? —
И актрисой из Брюсселя назвалась она.

Шел в диковинных отрепьях, сношенных вконец,
Черномазенький мальчишка — что за странный взгляд.
— Где ж ты родичей оставил, Расскажи, малец?!
— Их повесили в Софии год тому назад.

Так и шли людские толпы... Что там толпы — тьмы!
Всех языков и наречий, всех земных племен.
В эти дни земле свободу возвращали мы,
В эти дни был сломлен нами новый Вавилон.

1944

КОСТЕР

Прошло с тех пор немало дней,
С тех стародавних пор,
Когда мы встретились с тобой
Вблизи Саксонских гор,
Когда над Эльбой полыхал
Солдатский наш костер.

Хватало хвороста в ту ночь,
Сухой травы и дров,
Дрова мы вместе разожгли,
Солдаты двух полков,
Полков разноименных стран
И разных языков.

Неплохо было нам с тобой
Встречать тогда рассвет
И рассуждать под треск ветвей,
Что мы на сотни лет,
На сотни лет весь белый свет
Избавили от бед.

И наш костер светил в ночи
Светлей ночных светил,
Со всех пяти материков
Он людям виден был,
Его и дождь тогда не брал
И ветер не гасил.

И тьма ночная, отступив,
Не смела спорить с ним,
И верил я, и верил ты,
Что он неугасим.
И это было, Джонни Смит,
Понятно нам двоим!

Но вот через столбцы газет
Косая тень скользит,
И снова застит белый свет,
И свету тьмой грозит.
Я рассекаю эту тень:
— Где ты, Джонни Смит!

В Уэльской шахте ли гремит
Гром твоей кирки,
Иль слышит сонный Бирмингам
Глухие каблуки,
Когда ты ночью без жилья
Бродишь вдоль реки.

Но уж в одном ручаюсь я,
Ручаюсь головой,
Что ни в одной из двух палат
Не слышен голос твой,
И что в Париж тебя министр
Не захватил с собой.

Но я спрошу тебя в упор,
Как можешь ты молчать,
Как можешь верить в тишь, да гладь,
Да божью благодать,
Когда грозятся наш костер
Смести и растоптать.

Костер, что никогда не гас
В сердцах простых людей,
Не погасить, не разметать
Штыками патрулей,
С полос подкупленных газет,
С парламентских скамей!

Мы скажем это, Джонни Смит,
Товарищ давний мой,
От имени простых людей
Большой семьи земной
Всем тем, кто смеет нам грозить
Войной!

Мы скажем это, чтоб умолк
Вой продажных свор,
Чтоб ярче, чем в далекий день,
Вблизи Саксонских гор
Над целым миром полыхал
Бессмертный наш костер!

1946

ПЛОТНИК

Шесть лет войны запомнил шар земной!..
И в светлом, в легендарном, в 45-м
Через порог шагает вестовой,
Навытяжку встает перед комбатом.

И говорит: «Солдаты привели
Прохвоста из державы чуждедальной,
Сам черт не разберет, какой земли,
Но уверяет, сволочь, что нейтральной...»

«А что он сделал? — спрашиваю я. —
Убийца? За добром чужим охотник?»—
«Да здесь, комбат, особая статья,
История особая... Он — плотник».

И вот стоит перед моим столом,
Широкоплечий и широколапый,
Тяжелый парень в пиджаке простом,
Стоит и мнет потрепанную шляпу.

«Так, значит, был неправ мой вестовой?
Задерживать вас не было причины?»—
«Да, сударь. Я простой мастеровой,
Я не казнил, я делал гильотины.

Я даже и на казнях не бывал,
Лишь день за днем, с утра до поздней ночи
Строгал, пилил да гвозди забивал...
Рабочий я».

«Какой же ты рабочий,

Ты в холуях ходил у палача!» —
...И, не сумев и не посмея сдержаться,
Я в морду залепил ему сплеча
Ст имени Объединенных Наций.

Потом его прогнал я со двора
И вычеркнул из памяти приметы,
Пока он сам ко мне позавчера
Не постучался со страниц газеты.

Десяток строк о казни партизан...
Так, значит, снова с палачами мира
Мой плотник на виду полсотни стран
Казнит свободу в деревнях Эпира?

И со стыдом и болью и сейчас —
Не прикасаться б к наболевшим ранам —
Не думать бы! Но думаю о вас,
Товарищи мои за океаном.

Как можете вы спать среди ночей
Под тенью многозвезднейшего флага,
Кующие оружие палачей,
Рабочие Детройта и Чикаго?

Не для того я поднял голос свой,
Чтоб оскорбить вас яростью сравненья...
Но вырвите ж из рук семьи земной
Вы самую возможность обвиненья!

А сам я для того лишь и живу,
Чтоб честным людям даже в снах бесплотных
Не появлялся мой проклятый плотник,
Которого я видел наяву!

1948

ТИХИЙ ОКЕАН

У рифов каменистых островов,
То набежав, то снова вдаль отпрянув,
Гремят, столкнувшись, волны двух миров,
В сто раз грозней, чем волны океанов.

Раскаты грома в сизой вышине
Не заглушают голоса эфира:
Все яростней звучит призыв к войне
И все сильней — всемирный лозунг мира.

Немолчный, он летит из края в край,
И как бы тучи ни смотрели хмуро,
Встает коммунистический Китай
В трех сотнях миль от ставки Мак-Артура.

И маяками среди бурь и гроз
Глядят вперед, полны спокойной силы,
Норд-ост встречая грудью и зюйд-ост,
Наш Сахалин, Камчатка и Курилы.

Нет удержу бушующим волнам,
Все выше взмет, кипенье все сильнее...
Клокочет нестихающий Вьетнам,
Девятым валом поднялась Корея.

Пусть ураган сменяет ураган,
Пусть все сильней глухое клокотанье...
Хранит недаром Тихий океан
До наших бурных дней свое название.

Обезоружив новую войну,
Мы утвердим победу мира в мире,
И океан узнает тишину
На всей своей несоборимой шири!

1948

АЛЫЕ ПАРУСА

Сказками я с дочкой провожаю
Каждый день вечернюю зарю:
Коням в стойлах гривы заплетаю,
Перстни красным девушкам дарю.

Но в глаза мне дочка смотрит прямо:
— Расскажи мне сказку поновей,
Сказку, что когда-то ты и мама
Полюбили в юности своей.

Ох, как не люблю я просьбы эти!
Все ж придется рассказать... Изволь.
Ну, так вот. Жила-была на свеге
Девочка по имени Ассоль.

Странная она была девчонка,
Только к морю направляла взгляд,
Принимая каждую лодчонку
За пунцовопарусный фрегат.

Платишко — заплате на заплате,
Но упрямо сжат был дерзкий рот.
«Капитан приедет на фрегате
И меня с собою заберет!»

Как жилось девчонке этой трудно!
Легче даже Золушке жилось!
Но уж как мечталось непробудно!
А в мечтах — и радости и злость.

Злость к подругам, к мелочным соседям,
Для которых сказка — лишь обман,
Кто твердит:

— Вовеки не приедет
Твой великолепный капитан.

Зависть не нуждалась и в ответе!..
Ветром принесло морскую соль,
И, ее вдохнувши, на рассвете
Выбежала на берег Ассоль.

Море ноги ей расцеловало,
А она, легко вбежав в прибой,
Даже чаек крик перекричала,
И ее услышал рулевой.

Брызги волн ей замочили юбку,
Холоден был утренний туман...
Но уже неслась навстречу шлюпка,
И стоял на шлюпке капитан.

У Ассоль спросил он только имя,
И тогда-то, ослепив глаза,
Сказка долгожданная над ними
Алые взметнула паруса!

Так я дочку развлекаю к ночи...
Пусть про нас с усмешкой говорят,
Что от парусов остались клочья
И на камни наскочил фрегат.

Что на этих клочьях только дыры,
Да и те, мол, источила моль.
Что половиками для квартиры
Бросила их под ноги Ассоль.

Что, мол, капитан теперь в отставке,
Путь его — не впрямь, а наугад...
Дочка! Мы внесем свои поправки:
Люди ведь неправду говорят!..

Дочка отвечает: — Что за толки!
Мы рассеем их за полчаса!..
Я сама сумею без иголки
Снова сшить такие паруса,

Что корабль сорвется сразу с мели,
Полетит в морскую синеву...
...Только бы мы вместе захотели
Эту сказку вспомнить наяву!..

1955

ПОЖАР

Валит клубами черный дым
Над раскаленной крышею...
Мне этот дым необходим,
Мне нужно пламя рыжее!

Пусть разгорается пожар,
Пусть жаром пышет улица,
Пусть ужаснется млад и стар,
Пожарные стучаются.

Пусть сердце рвется из груди,
Пусть все тревожней мне:
Того гляди, того гляди,
И ты сгоришь в огне!

Девчонки в плач, мальчишки в крик,
В обморок родители...
Но тут явлюсь я среди них,
Суровый и решительный:

Сверкает взгляд из-под бровей —
Мне отступить не гоже,
Раз все кричат: «Спаси, Сергей»!
«Сергей», а не «Сережа!»

По водосточной по трубе,
По ржавому железу,
Я избавителем к тебе,
Рискуя жизнью, лезу.

От этажа
 к этажу,
Ловкий,
 как кошка...
И по карнизу прохожу
К заветному окошку.

Я нахожу тебя в огне,
С тобой не страшны муки,
И ты протягиваешь мне
Худенькие руки.

Как храбр я! Как прекрасна ты!
Как день сияет летний!
И как непрочен мир мечты
Четырнадцатилетней...

Он разбивается в куски
От окрика простого...
И вновь стою я у доски,
Я в нашем классе снова.

И вновь не знаю я азов,
Попробуй к ним привыкни!..
И гнусный Васька Образцов
Показывает язык мне...

С тех пор немало лет прошло,
И снова сердце сжало,
И не сожгло, так сожгло
Предчувствием пожара.

Опять клубится черный дым
Над раскаленной крышею...
Мне этот дым необходим,
Мне нужно пламя рыжее!

Пусть сердце рвется из груди,
Пусть все тревожней мне...
Того гляди, того гляди,
Я сам сгорю в огне,

В огне сжигающей любви,
В сумятице минут,
Где руки тонкие твои
Одни меня спасут.

1956

Юрий Левитанский

* * *

В ожидании дел невиданных,
из чужой страны,
в сапогах, под Берлином выданных,
я пришел с войны.

Огляделся.
Над белым бережком
бегут облака.
Горожанки проносят бережно
куски молока.

И скользят,
на глаза на самые
натянув платок.
И скрежещут полозья санные,
и звенит ледок.

Очень белое все
и светлое —
ах, как снег слепит!
Начинаю житье оседлое —
позабытый быт.

Пыль очищена,
грязь соскоблена
и — конец войне.
Ничего у меня не скоплено,
все мое — на мне.

Я себя в этом мире пробую,
я вхожу в права —
то с ведерком стою над прорубью,
то колю дрова.

Это вправду поражало:
сколько лет ни утекло,
все исправно отражало
беспристрастное стекло —

серебро щитов и сабель,
и чугунное литье,
и моей рубахи штапель,
и обличие мое...

Шел я улицей ночью,
раздавался гул шагов,
и сверкало надо мною
небо тысячи веков.

И под этим вечным кровом
думал я, спеша домой,
не о зеркале Петровом,
об истории самой —

о путях ее негладких,
о суде ее крутом
без опаски, без оглядки
перед плахой и кнутом.

Это помнить не мешает:
сколько б лет ни утекло,
все исправно отражает
неподкупное стекло!

1956

ЛАДОЖСКИЙ ЛЕД

Страшный путь!
 На тридцатой,
 последней версте
Что ты мне посулишь хорошего?!
Под моими ногами
 устало
 хрустеть
Ледяное,
 ломкое крошево.

Страшный путь!
 Ты в блокаду меня велешь,
Только небо с тобой,
 над тобой
 высокó.

И нет на тебе
 никаких одёж:
Гол
 как
 сокóл.

Страшный путь!
 Ты на пятой своей версте
Потерял
 для меня конец,
И ветер устал
 над тобой свистеть,
И устал
 грохотать
 свинец...
— Почему не проходит над Ладогой мост?! —

Нам подошвы
невмочь
ото льда
отрывать.
Сумасшедшие мысли
буравят
мозг:
Почему на льду не растет трава?!
Самый страшный путь
из моих путей!
На двадцатой версте
как я мог идти!
Шли навстречу из города
сотни
детей...
Сотни детей!..
Замерзали в пути...
Одинокие дети
на взорванном льду —
Эту теплую смерть
распознать не могли они сами —
И смотрели на падающую звезду
Непонимающими глазами.
Мне в атаках не надобно слова «вперед»,
Под каким бы нам
ни бывать огнем —
У меня в зрачках
черный
ладожский
лед,
Ленинградские дети
лежат
на нем.

1944

СТИХИ О МАЛЬЧИКЕ

Мальчик жил на окраине города Колпино,
Фантазер и мечтатель.
Его называли лгунишкой.
Много самых веселых и грустных историй накоплено
Было им
за рассказом случайным,
за книжкой.

По ночам ему снилось — дорога гремит и пылится
И за конницей гонится рыжее пламя во ржи.
А наутро выдумывал он небылицы —
Просто так.

И его обвиняли во лжи.

Презирал этот мальчик солдатиков оловянных
И другие веселые игры в войну.
Но окопом казались ему придорожные котлованы, —
А такая фантазия ставилась тоже в вину.

Мальчик рос и мужал на тревожной недоброй планете,
И, когда в сорок первом году зимой
Был убит он,
в его офицерском планшете
Я нашел небольшое письмо домой.

Над оврагом летели холодные белые тучи
Вдоль последнего смертного рубежа.
Преодо мной умирал фантазер невезучий,
На шинель
кучерявую голову положе.

А в письме были те же мальчишечьи небылицы...
Только я улыбнуться не мог...
Угол серой исписанной плотно страницы
Кровью намок...

...За спиной на ветру полыхающий Колпино,
Горизонт в невеселом косом дыму...
Здесь он жил.
Много разных историй накоплено
Было им.
Я поверил ему.

1945

УТРОМ

Ах, шоферша,
пути перепутаны! —
Где позиции?
Где сапбат? —
К ней пристроились на попутную
Из разведки десять ребят...

Только-только с ночной операции —
Боем вымученные все.
— Помоги, шоферша, добраться им
До позиции —
до шоссе.

Встали в ряд.
Поперек дорога
Перерезана.
— Тормози!
Не смотри, пожалуйста, строго,
Будь любезною, подвези.

Утро майское.
Ветер свежий,
Гнется даль морская дугой.
И с Балтийского побережья
Нажимает ветер тугой.

Из-за Ладоги солнце движется
Придорожные лунки сушить.
Глубоко
в это утро дышится,
Хорошо
в это утро жить.

Зацветает поле ромашками,
Их не косит никто,
не рвет.
Над обочиной
вверх тормашками
Облак пороховой плывет.

Эй, шоферша,
верней выруливай!
Над развилкой снаряд гудит.
На дорогу не сбитый пулями
Наблюдатель чужой глядит...

Затянули песню сначала.
Да едва пошла
подпевать —
На второй версте укачала
Неустойчивая кровать.

Эй, шоферша,
правь осторожней!
Путь ухабистый впереди.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕХОТЕ

Пули, которые посланы мной,
не возвращаются из полета,
Очереди пулемета
режут под корень траву.

Я сплю,
положив голову
на синявинские болота,
А ноги мои упираются
в Ладогу и в Неву.

Я подымаю веки,
лежу усталый и заспанный,
Слежу за костром неярким,
ловлю исчезающий зной.

И, когда я
поворачиваюсь
с правого бока на спину,
Синявинские болота
хлюпают подо мной.

А когда я встаю
и делаю шаг в атаку,—
Ветер боя летит
и свистит у меня в ушах,
И пятится фронт,
и катится гром к рейхстагу,
Когда я делаю
свой
второй
шаг.

И белый флаг
вывешивают
вражеские гарнизоны,
Складывают оружие,
в сторону отходя.
И на мое плечо
на погон полевой, зеленый
Падают первые капли,
майские капли дождя.

А я все дальше иду,
минуя снарядов разрывы,
Перешагиваю моря
и форсирую реки вброд.
Я на привале в Пильзене
пену сдуваю с пива

И пепел с сигарки стряхиваю
у Бранденбургских ворот.
А весна между тем крепчает,
и хрипнут походные рации,
И, по фронтовым дорогам
денно и ночью пыля,
Я требую у противника
безоговорочной
капитуляции,
Чтобы его знамена
бросить к ногам Кремля.

Но, засыпая в полночь,
я вдруг вспоминаю что-то,
Смежив тяжелые веки,
вижу, как наяву,
Я сплю,
положив под голову
синявинские болота,
А ноги мои упираются
в Ладогу и в Неву.

1954

* * *

Гамлет: Любил, как сорок тысяч братьев...

Москва. Концерт. Актриса в черном платье
двадцатый раз выходит на поклон.
И зал влюблен, как сорок тысяч братьев,
и я один сильнее, чем зал, влюблен.

А после — в ночь, шататься до рассвета,
тебя, как песню, в сердце повторив...
Быть может, и сегодня помнят это
московские шальные фонари.

Но я — солдат. Чудесный мир вчерашний
приходит к нам окопной тоской,
и в первый раз в атаке рукопашной
я о тебе забыл под Шаховской.

Прошли года, дыханьем раскаленным
мои стихи и память огрубя...
На перекрестках польские мадонны
из камня — чуть похожи на тебя.

Пугают ночь багровые зарницы.
Блиндаж. Уют. Земли глухая дрожь.
И патефон. И голос у певицы
на дальний твой немножечко похож.

Но мне твоя живая песня снится —
так людям весны снятся в январе...
Театры. Шум. И улицы столицы
в неразберихе ярких фонарей.

И, если завтра, мужество утратив,
я разрыдаюсь, встретившись с тобой,
напомни мне, как сорок тысяч братьев,
ночь скоротав, наутро вышли в бой.

1944

АКАДЕМИК ИЗ МОСКВЫ

Над землею небо чистое,
путь не близок, не далек,
и трусил рысцой небыстрою
пожилой гнедой конек.

А вокруг поля зеленые,
птичий гомон, звон травы...
Ехал к нам в село районное
академик из Москвы.

Захмелев от ветра свежего,
тихо радуясь весне,
ехал гость в костюме бежевом,
в шляпе фетровой, в пенсне.

Эй, гнедой, стучи копытами!..
За рекой пойдут сады,
где на практике испытаны
академика труды.

Как в ладонь, собирает лучики
ранним утром каждый лист...
Надо ж было, чтоб в попутчики
попросился гармонист.

Молча гостя поприветствовал,
сел в телегу, хмурит бровь...
Ах, какое это бедствие —
без взаимности любовь!

И гармонь выводит тоненько
про разлуку, про беду,
да к тому ж еще гармоника
с гармонистом не в ладу.

Часто пальцы ошибаются,
звук срывается шальной...
и сидит ученый, мается,
как от боли от зубной.

А вокруг — поля зеленые,
птичий гомон, звон травы...
Тронул за руку влюбленного
академик из Москвы.

Шляпу снял, пригладил волосы,
Помолчал один момент
и сказал суровым голосом:
— Разрешите инструмент!

Быстро сдернул с переносицы
золоченое пенсне.
...Ах, какой мотив разносится
по округе, по весне,

над проселками и селами,
по угодьям и садам!
Пальцы быстрые, веселые,
так и пляшут по ладам.

Зреют в поле зерна тучные,
вдалеке скрипят воза,
и глядят на мир научные,
очень добрые глаза.

А гармонь выводит ласково
свой напев издалека.
...Было так: пошли подпасками
ребятишки батрака.

В кабалу белоголовые
уходили неспроста:
позади кусты репьевые
на погосте у креста.

Впереди — года... И вскорости
парень в бедах пообвык,
больше всех изведал горести
и назвался — большевик.

И уже поет гармоника
голосисто и светло
про буденновского конника:
«Хлопцы, сабли наголо!»

И опять услышать хочется
на привалах у дорог
тихий голос пулеметчицы,
украинский говорок.

Дым над степью, речку синюю —
все запомнила она —
дорогой профессор химии,
академика жена.

Как живой, остался в памяти
комиссар Иван Быстров,
научивший первой грамоте
будущих профессоров.

И, богатые победами,
чередой пошли года.
...Вот о чем они поведали,
белых клавиш три ряда.

Песня, песня!.. Над просторами
пролегли пути ее.
Глянь на все четыре стороны:
все родное, все твое!

И глазами восхищенными
оглядевши даль дорог,
улыбается ученому
тот влюбленный паренек.

А вокруг — поля зеленые,
птичий гомон, звон травы...
Ехал к нам в село районное
академик из Москвы.

1949

ЧАЙКА

Бак полумесяц молодой,
Сверкнула чайка предо мной.
В груди заныло у меня...
Зачем же в самый вихрь огня?

Что гонит? Что несет ее?
Не спрячет серебро свое...

Зачем?..
Но тут припомнил я...

Зачем?..
Но разве жизнь моя...

Зачем?..
Но разве я не так
Без страха рвусь в огонь атак?!

И крикнул чайке я:
— Держись!
Коль любишь жизнь —
Борись за жизнь!

* * *

Цветы, цветы... Как много их,
И розовых и голубых,
Как мотыльков на тонких стеблях.
Цветы, цветы... Везде, везде
Мне улыбаются весь день,
Живую радугу колебля.

Цветы, цветы... И на душе
Вот в этом тесном блиндаже
Опять легко. Я пьян цветами...
Здесь бой прошел. Здесь кровь лилась...
От гула здесь земля тряслась,
Но бой не погасил их пламя

Цветы, цветы... И там и тут
Они смеются и цветут,
Как кровь пунцовая соколя,
Как память павших здесь в бою
За жизнь, за родину свою,—
Они цветут на этом поле.

1942

БАЛЛАДА О МУЖЕСТВЕ

Молча умирали моряки,
перед смертью смазали замки.
Комендор о будущем мечтал —
не ржавеет мужества металл.

Спит эсминец на глубоком дне
со смертельной раной в броне.
В амбразуры, немые и круглые,
смотрят орудийные стволы.

Прибыл аварийный мотобот,
вьется змейкой воздухопровод.
Под водою, как в лесу, темно,
водолаз спускается на дно.

Здесь мои товарищи клялись,
моряки погибли — не сдались!
И волна смертельной синевы
смыла бескозырки с головы.

Будут жить морские корабли, —
вот уже понтоны подвели,
вот уж мачта над водой видна
миноносца, всплывшего со дна.

Если бы я мог когда-нибудь
и моих товарищей вернуть!

1945

ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Я хожу в хороший час заката
У тесовых новеньких ворот.
Может, к нам сюда знакомого солдата
Ветерок попутный занесет.

Мы бы с ним припомнили, как жили,
Как теряли трудным верстам счет.
За победу мы б по полной осушили,
За друзей добавили б еще.

Если ты, случайно, неженатый,
Ты, дружок, нисколько не тужи,—
Здесь у нас в районе, песнями богатом,
Девушки уж больно хороши.

Мы тебе колхозом дом построим,
Чтобы видно было по всему:
Здесь живет семья советского героя,
Грудью защитившего страну.

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?..

1944

ДАВНО МЫ ДОМА НЕ БЫЛИ...

Горит свечи огарочек,
Гремит недалний бой.
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей, фронтовой.
Не тратя время попусту,
По-дружески да попросту
Поговорим с тобой.

Давно мы дома не были...
Шумит над речкой ель,
Как будто в сказке-небыли,
За тридевять земель.
На ней иголки новые,
А шишки все еловые,
Медовые на ней.

Где елки осыпаются,
Где елочки стоят,
Который год красавицы
Гуляют без ребят.
Без нас девчатам кажется,
Что месяц сажей мажется,
А звезды не горят.

Зачем им зорьки ранние,
Коль парни на войне,
В Германии, в Германии,
В далекой стороне.
Лети, мечта солдатская,
К дивчине самой ласковой,
Что помнит обо мне.

Горит свечи огарочек,
Гремит недалний бой,
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей, фронтовой.

1944

КОГДА ПРОХОДИТ МОЛОДОСТЬ

Когда проходит молодость,
Длиннее ночи кажутся,
Что раньше было сказано,
Теперь уже не скажется,
Не скажется, не сбудется,

А скажется — забудется...
Когда проходит молодость,
То по-другому любится.

Но что нам в жизни сетовать
На то, что ночи длинные, —
Еще полны рассветами
Все ночи соловьиные.
Коль ночи соловьиные —
Цветут кусты жасминные,
И ты, как прежде, кажешься
Кудрявою рябиною.

Пускай густые волосы
Подернулись инеем —
Глаза твои усталые
Мне кажутся красивее.
Что не сбылось, так сбудется.
Не сбудется — забудется.
Когда проходит молодость,
Еще сильнее любится.

1946

СОЛОВЬИ

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна,—
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят!..

Но что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют.
А в доме том солдата ждут.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят!..

Ведь завтра снова будет бой.
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, недолюбив,
От наших жен, от наших нив.
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят!..

1948

СВЕЖЕСТЬ

Я слышу, как дышат реки,
Как зори идут ко мне,
Как ты открываешь веки
В предутреннем полусне.
Как, еле земли касаясь,
Откинув калитку, вдруг,
Стремительная и босая.
Ты выбежала на луг...

И вот уже берег желтый.
И ветер. И синь реки.
И падает шумно кофта
На медленные пески.
И вот уже за тобою
Подруги спешат гурьбой,
И облако голубое
Волнуется под тобой.

Трепещут косые всплески
В набрякнувшем тростнике,
И розовую полоской
Ты движешься по реке.
И брызги летят на плечи,
И холод идет со дна,
И в губы по-человечьи
Целует тебя волна...

Но берег... И зацветая,
Встают над землей леса.
И влагою налитая
На плечи летит коса.

От ног потянулись тени.
И капельки наискосок
По вздрагивающим коленям
Срываются на песок.

В низины легло заречье,
Открытая даль — свежа.
И снова тебе навстречу
Колосья бегут спеша...
Взвивается небо — выше.
Комбайны идут — легки...
И вся ты над полем дышишь
Волною большой реки.

1937

ШАМАЙСКИЙ ПЕРЕКАТ

Волнами солнце укачало,
Над сопками стоит июнь.
Мы вниз плывем до Ыныкчана
По горной речке Аллах-июнь.

Сквозь веток хлещущие плетки
Мелькает низкий небосвод.
Вторые сутки нашу лодку
Вода таежная несет.

Волненье сковывает нервы —
На повороте — ветхий крест...
Будь славен, кто увидел первым
Величье этих древних мест!

И вот уже мы ясно слышим —
Холмы окрестные дрожат,
Среди зеленых горных вышек
Ревет и стонет перекаат.

Шамай! И холодом подуло,
И, словно вестники беды,
Подземных скал косые скулы
Вдруг выдвинулись из воды.

— Лишь я здесь волен, — свищет ветер.
— Лишь мой здесь путь, — кипит волна.
И валуны подобьем смерти
Нам в душу глянули со дна.

Но ясно светит солнце в небе.
И рулевой — невозмутим.
И мы на самый страшный гребень
На веслах вскинутых летим.

Над головой качнуло скалы.
Ломается хребет реки —
И нас пронесит грозным валом
Над смертью — смерти вопреки.

Чтоб так несло через камень —
Стремись на гребень верховой,
И до последнего мгновенья
Верь, что победа за тобой.

1943

СТРЕЛА

В могильнике ученый-краевед
Нашел стрелу, не тронутую тленьем.
Над ней резьбы неизгладимый след —
Искусство первобытных поколений.

Далекий пращур ночью у костра
Точил стрелу, в раздумье погруженный,
В ней мысль его, упряма и остра,—
И вот она предстала обнаженной.

Лежит стрела с насечкой боевой
На сером щебне каменного века.
И слышен в письменах ее живой,
Неугасимый голос человека.

1948

ГОРОД НА ТОМИ

Не забыть красы твоей былинной,
Сердце мне разлукой не томи!
Город мой, старинный, соболиный,
Соловьиный город на Томи.

Горделиво вскинув над обрывом
Башен белокаменный прибой,
Ты живешь в душе моей порывом
Первых дум, навеянных тобой.

Гулом корпусов твоих фабричных,
Цокотом копыт по мостовой,
Робкою запискою девичьей,
Раннюю рассветной синевой.

Время, прочь!.. У Томского острога
Я стою в смятении пурги;
Звон цепей, сермяжный труп
на дорогах,

Стражников тяжелые шаги...
Вопль слепцов: — Спаси, владыко, сирых,
Приоткрой нам двери в светлый храм.—
Время, прочь!.. Идет товарищ Киров
По широким томским площадям.
Перед ним раскинуты стремнины
Улиц, розовеющих в ночи,
Под рубахой знамя, что к Берлину
Донесут потомки томичи.

1949

СТЕКОЛЬЩИК

Меж корпусов, промасленной травой
По новостройке проходя под осень,
В стекле, подернутом рассветной синевой,
Все отраженье мира он проносит.

Звенит стекло, скользят в нем облака,
Над дальним лесом выются легкой стружкой.
В стеклянной дымке катится река,
Песок узоря галькой и ракушкой.

Мост над рекою выгнулся крутой.
Два поезда летят там на сближенье.
Мелькнул огонь в пролете золотой,
Дрожит стекло — и меркнет отраженье...

За дамбой дом кончают мастера,
Где окна на стекольщика в обиде,
Ресницы ставен вскинув, ждут, — пора
Нас остеклить, мы ничего не видим.

Не всплески зорь, не листопада медь, —
В глазах у нас пеньковые волокна.
— Добро, — сказал стекольщик, — вам прозреть
Я помогу. — И свет ударил в окна.

1950

МОЯ МОСКВА

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках, в окопах, в тайге.
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.
Но Москвою привык я гордиться,
И везде повторяю слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой.
Я люблю твою Красную площадь
И кремлевских курантов бой.
В городах и далеких станицах
О тебе не умолкнет молва,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков,
И в сердцах будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.
И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

1941

РОДИНА

Долгожданный берег вырастает,
Отгремели дальние моря.
Здравствуй,
Справедливая, святая,
Родина прекрасная моя!

Ты была безбрежным океаном,
Тихой, с детства памятной рекой,
Лермонтовским парусом в тумане,
Пушкинскою избранной строкой.
Ты была простором и раздольем,
Сказочной избушкой на юру,
Теплым запахом ржаного поля,
Пионерским горном поутру.
Ты была мечтою неустанной,
Явью наших самых светлых снов,
Золотым покоем Левитана,
Песнею Чайковского без слов.
Девушкой, единственной на свете,
С золотистой русою косой,
В тонком платье солнечного цвета
На лугу, обрызганном росой.
Материнским домом за оградой
(Пусть туда заглянешь раз в году!),
Старым чеховским вишневым садом,
Горьковскою бурей в том саду.
Украинской песней,
Русской сказкой,
Волгой — легендарною рекой,
Белоснежной шапкою кавказской,
Вековой сибирскою тайгой.
Ты была для нас насущным хлебом,
Воздухом,
Лучом,
Звездой во мгле,
Незакатною зарею в небе
И небесным светом на земле.
Ты была березкой белоствольной,
Негасимым дальним огоньком,
Неоглядной степью,
Птицей вольной,
Знаменем гвардейским над полком.
Ты была заводом многотрубным,
Стройкой на пустынном берегу,
Ты была окопом неприступным,
Высотой, не отданной врагу.
Вечною нетленною красою,
Мужеством бессмертным и живым —
Тоненькою девочкою Зоей,
Юношей Олегом Кошевым.
В трудный час для мира и свободы
Ты была источником тепла,
Матерью была для всех народов,
Родиною Ленина была!

ОТЕЦ

Жили мы на юге Украины,
В солнечном, зеленом городке,
Где акаций снежные вершины,
Где белеет парус на реке.

Мой отец — простой портовый грузчик,
Двадцать девять лет таскал мешки.
Шириною плеч его могучих
Любовались даже моряки.

Элеватор у воды бессонной!
На заре отец шагал сюда —
Разгружать товарные вагоны,
Нагружать торговые суда.

Он работал, силою играя,
И, бывало, со своим мешком
Ночью шел, покинув Николаев,
В города соседние пешком.

Знал в Одессе, кто бывал у моря,
А в Херсоне — каждый паренек
Грузчика Лисянского, который
Поднимал, как перышко, мешок.

По отвесной лесенке портовой,
Узкой, шаткой, он поклажу нес,
И лежал мешок восьмипудовый
Неподвижно, будто в плечи врос.

Счастья не просил отец у бога,
Не пытал и не молил судьбу.
Правда, верил, да и то немного,
В куль, лежащий на его горбу.

Так работал, что в глазах плясало
И пересыхало все во рту,
Но зато раз в сутки ел он сало
С житняком. И тут же спал в порту.

Он трудился до седьмого пота,
Не жалел здоровья своего.
Нет, не годы — адская работа
Раньше срока сгорбила его.

Он обиделся на жизнь чертовски
И грозил кому-то кулаком...
Мне всегда казался горб отцовский
Затвердевшим на плечах мешком.

А когда у нас в порту набатом
Прозвучал «Авроры» грозный залп,
Мой отец ушел на фронт солдатом,
Ленину служить, — как он сказал.

Жизнь его цветами не встречала,
До всего дошел своим путем.
Он поверил в Ленина сначала,
А в себя поверил он потом.

Он с войны гражданской воротился,
Будто выпрямился в полный рост.
В партию вступил и все гордился:
— Ленин мне доверил этот пост...

Мне простят, что слишком затянулся
Мой рассказ от первого лица.
Много лет прошло...
И я вернулся
В город детства, словно в дом отца.

Снег акаций. Улицы прямые.
Старый николаевский причал.
Здесь я имя Ленина впервые
От отца родного услышал.

НОРВЕЖСКОЕ СКАЗАНИЕ

В. Петровой

Девушка сказала моряку,
Поглядев на стынувшую воду:
«Видишь, чайки бродят по песку,—
Не видать нам ясную погоду.
Но слыхала я один рассказ,
Будто надо выйти моряку
В свежий ветер, в полуночный час,
Позабыть о береге тоску
И не брать на рифы парусов,
По звезде свой путь определить.
Будет ветер горек и суров,
Будет ливень беспощадно лить.
Есть за морем дальним острова,
Где стихают голоса ветров,
Там растет забвения трава
На костях разбившихся судов.
Кто ее находит, тот счастлив,
Тот печалям будет неродной,
Не сдрейфует никогда в отлив
Бот его на илистое дно».
Встал моряк, поставил паруса,
Девушку поцеловал сурово,
Прыгнул в бот. Темнели небеса
Над водою сумрачно-свинцовой.
Долго шел он и нашел едва
Острова в пустыне океана,
Где росла забвения трава
Цвета солнца и зари багряной.
И сорвал ее и снова в путь
Сквозь тумана голубого стены,

И в пропитанную солью грудь
Ударяла яростная пена.
Но несчастьем та трава была,
Что росла на островах вдали,
Ту траву забвения и зла
Далеко обходят корабли.
Ходит-бродит по волнам моряк.
Он узнал побережья всех широт,
Но не держат шлюпку якоря,
И моряк любимой не найдет.
Никогда не бросит он весла,
Никогда он не поймет того,
Что трава забвенья проросла
В сердце одинокое его.

1939

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПОХОДА

Когда мы подвели итог тоннажу
Потопленных за месяц кораблей,
Когда, пройдя три линии барражей,
Гектары минно-боновых полей,

Мы всплыли — показалось странно
Так близко снова видеть светлый мир,
Костер зари над берегом туманным,
Идущий в гавань портовой буксир.

А лодка шла, последний створ минуя,
Поход окончен, и фарватер чист.
И в этот миг гармонику губную
Поднес к сухим губам своим радист.

И пели звонко голоса металла
О том, чем каждый счастлив был и горд:
Мелодию «Интернационала»
Играл радист. Так мы входили в порт.

1941

ИСТРЕБИТЕЛЬ

Сгусток смелости и мщенья
Брошен в небо по спирали, —
Это формулы движенья,
Воплощенные в металле,

Олицетворенье силы,
Воли, гнева и напора,
Собранный короткокрылый
Меч, пронзающий просторы.

Холодит в жестокой схватке
Сердце вражеских пилотов
Рев стремительный и краткий
Счетверенных пулеметов.

Вот летят, летят... и сразу
Молнией, просекшей грозы,
На пределе сил и газа
Из пике — на бомбовозы.

Яростно грохочут ливни
Окрыленного свинца,
Не уйдет от нас противник —
Долг исполнен до конца!

1941

ЧАСОВОЙ

Полушубок, застегнутый наспех,
Нарезной карабин у плеча...
Вот таким он пришел из-за Нарвских
Охранять кабинет Ильича.

Ночь крадется дорогой окольной,
Искры сыплются с конских копыт,
Но гудит коридорами Смольный
И прикладами об пол стучит.

«До свиданья, товарищи братья,
Пусть вам будет дорога легка!..»
И бойцы принимают пожатье
Узловатой руки старика.

Пусть в дружины идут боевые
Обитатели нарвских лачуг,—
Охранять Ильича не впервые
Остается испытанный друг.

В час возмездья, от пламени горнов
Для почетного дела уйдя,
От боев у Невы до Касторной
Он повсюду соратник вождя.

С чьим отрядом он шел на Чернигов
Среди волчьих оврагов и ям?
Боевым ординарцем комбригов
Проскакал по густым ковылям?

Может, нес опаленное знамя,
На пути не щадя никого...
Там, в степи, под тремя тополями,
Небольшая могила его.

1938

БОЕВОЙ ЛИСТОК

Я стал очевидцем того героизма,
Которым гордился семнадцатый год,
Я видел приборов замерзшие призмы
И флот, уходивший в ледовый поход.

Бушлатов и шуб отвердевшие полы,
Облепленный снегом и льдом дальномер...
Пять суток не спал пулеметчик веселый,
И всех увлекал его личный пример.

Чуть слышно хрипели гудки и сирены,
И лопались тонкие струны антенн,
Борта кораблей содрогались от крена,
Но не было страха у вахтенных смен.

У флота почетное красное знамя.
И скажет, гордясь, комсомольцев семья:
«Ледовый поход был проделан отцами,
А этот поход провели сыновья!»

До службы во флоте на мирных рыбалках
По взморью водили они каюки.
Так пусть же с листовкой времен Центробалта
Музей сохранит боевые листки.

В них клятвой писали горячее слово
Минер, политрук, краснофлотец и кок:
«К боям до последнего вздоха готовы,
Противник получит наглядный урок!»

Года пролетят — мы состаримся с ними,
Но слава балтийцев, она — на века.
И счастлив я тем, что прочтут мое имя
Средь выцветших строк боевого листка.

Кронштадт, 1940.

ИЗБА

Дом сосновый под железной крышей,
По углам цветистая резьба.
Вот наступит день, и мы услышим,
Как трещит последняя изба.

Плесенью подернутая кислой,
Ты стоишь, как ведьма, за двором.
О, я сам простенок ненавистный
Изрублю зубастым топором!

Разве я забыл твои потемки,
Хрусткий лед на земляном полу?
Не меня ли с дедовой котомкой
Ты гнала с рассветом по селу?

С духоты шатаясь, будто пьяный,
Я бежал из синеватой мглы.
И в пазах шептались тараканы,
Пробираясь в дальние углы.

Ты крошилась, мокла, и горела,
И опять горбатилась в дыму.
Что ж ты нынче, ведьма, присмирела,
Удивившись росту моему?

На полянку сходятся подруги,
По заречью песня их течет.
За бригаду, лучшую в округе,
Получил я славу и почет.

Поднимись на ветхие подпорки,
С завистью поспрашивай кругом,

Кто построил на крутом пригорке
Этот новый пятистенный дом?

Щеголяя камнем и сосною,
Простоит он долгие года.
За его веселую стену
Солнце не заходит никогда.

И кому не вспомнится бывшее,
Если в доме, вставшем у реки,
К потолку, пропахшему смолою,
Не дотянешь бронзовой руки?..

Я в твою хоромину гнилую
Не войду с подарком в узелке,
Чтоб оставить плесень нежилую
На своем добротном пиджаке.

И, когда с соседкой по квартире
Мы поем и пляшем у крыльца, —
Узнаешь ли в рослом бригадире
Своего старинного жильца?

Это он из круга не выходит,
Это он смеется, и о нем
Разговоры девушки заводят
На гумне пустеющем твоём...

Нас гармонь покличет на веселье,
И соседи соберутся к нам.
Только ты на праздник новоселья
Не откроешь тусклого окна.

Сизый лом пробьет тебя до кости,
Ты поклон отвесишь топору.
И пирог похвалят гости,
Испеченный на твоём жару!

1935

СЕВЕР

На крепком теле зажили рубцы.
Уходят в ночь кресты и голубцы,
Всплеснувши деревянными руками.
Я излечился от тяжелых ран
В краю гостеприимных северян,
Где сосны корабельные да камень.

Кто скажет о поморах, что они
Слыгут за нелюдимов искони,
Что очерствело сердце их, — не верьте!
Радушье, словно золото, храня,
Они как сына приняли меня
И чуть живого вырвали у смерти.

О, как я полюбил их разговор,
Глаза, в которых синева озер,
Пожатья рук, исполненные ласки!
Какой ни приносили мне еды!
В окно бросали девушки цветы,
И старики рассказывали сказки.

И вот — как будто не был я в бою —
Пляшу на посиделках и пою,
И костыли давно в печи сгорели.
На кухне громыхая до зари,
Мне в путь хозяйка сушит сухари
И ставит латку жареной форели.

Куда я собираюсь в ясный день
От моря и рыбацких деревень,
От горницы и ласковой хозяйки?
Здесь все теперь родное для меня,
И я отдам все трели соловья
За крик осенней чайки!

А та, что мне подругою была,
Что молча у крыльца меня ждала
И ягоды носила мне всех чаще?..
Как холодом со взморья понесло!
С утра скрипит в уключине весло,
И кланяются сосны уходящим.

Сними же с плеч дорожные ремни,
Письмо свое прощальное сомни,
Открой соседям настежь дверь светелки.
И пусть стаканы сдвинут рыбаки
За тех, кто остается в их поселке!

1946

В ПУШНОМ ПАВИЛЬОНЕ

Мне эти шкурки не дают покоя,
Так и манят: а ну, еще взгляни!
А может быть, в тайге твоей рукою
Настреляны когда-нибудь они?
Плохой промысловик, я все же знаю,
С чем выходить на белку и лису.
Опять в воображение — глушь лесная,
Где ты стоишь с берданкой на весу.

Как из-под шапки ласково смотрела
И замедляла ты свои шаги,
Когда я в пору зимнего отстрела
Шел за тобой все дальше в глубь тайги!

Я не бежал по следу сиводушки
И дробь на сковородке не катал.
В рассветный час в какой-нибудь избушке
К твоим губам я жадно припадал.

Я помню, как покорно ты вздыхала,
Глядела виновато каждый раз.
Потом, схватив берданку, убегала
И была в цель, прищулив левый глаз.

Сегодня здесь людей — как на смотринах,
Просторный павильон заполнен весь.
Лежат меха чудесные в витринах.
И только нет тебя со мною здесь.

Кто мне теперь расскажет — с кем и где ты?
В каких-таких далеких поясах?
А может быть, опять весну и лето
Прокоротала где-нибудь в лесах?

Полна избушка лисьих шкур и пищи.
Надежный кров спасает от дождя.
И только все глаза кого-то ищут
И меркнут, никого не находя.

ЕЛКА

Она осталась в нашем детском мире —
большая гостья посреди зимы.
По необычной свежести в квартире
ее приход угадывали мы.

Едва с мороза, ветки разминая,
под самый потолок вознесена,
волнующая, легкая, сквозная,
всем существом готовилась она —

в шары и цепи, в бусы и хлопушки
явиться нам одетой до креста.
И радостно торчала на макушке
наивная стеклянная звезда.

Но только нам приходится все чаще
не в теплом царстве дома своего,
а на ветру, пред елью настоящей
справлять свое скупое торжество.

Из фляжек мы потягиваем хмуро,
рассевшись на пеньки да валуны.
Она стоит, хозяйка перекура —
кусочка мира посреди войны,

шумит воспоминаньями большими,
как никогда, спокойна и проста.
И светит нам, примерзшая к вершине,
надежная Полярная звезда.

1940

В МЕТЕЛЬ

Крутит за окном, не выйдешь из дому!
А киномеханику опять
по полю, как говорится, чистому
на себе

культуру

доставлять.

Влезет в брюки, в валенки
и тонкую

косу под ушанку уберет.

Родилась зачем-то вот девчонкою,

Дел мужских у ней невпроворот!

Ей — к Чапаю бы в однополчане,

быть подругой фронтовых подруг...

Фильм художественный за плечами,

и тугой мешок скользит из рук.

А метель метет себе...

Чего же ей
не мести, не заметать следы?!

Нелегко тащить по бездорожью

«Кавалера Золотой звезды».

Ей же —

волноваться, что ребята
в темноте заденут аппарат,
рамку поправлять

и виновато

слушать все, что люди говорят.

Кончится сеанс, начнутся танцы.

Ну их!..

Чуть помедлит у дверей.

Или, может, все-таки остаться?..

А на завтра вновь тащиться ей!

Взад-вперед —

ушанка, брюки, валенки —

и проваливаясь и скользя.

Только на лице — как две проталинки, —

теплятся нестрогие глаза.

Может, верст за тысячу исхожено,

может впрямь подводы не сыскать,

может, про таких вот

и положено

на экран

картины

выпускать?!

УЧИТЕЛЬ

На собаку цыкнул суетливо
и не в дом повел меня, а в сад.
Неправдоподобного налива
тесно-тесно яблоки висят.
Постарались, видимо, в газете:
молодой, красивый на портрете, —
оказалось,

вовсе не такой.

Жаловаться начал чуть не сразу,
каждую отмахивая фразой
правой

и единственной рукой. —

Дескать, непривычно, не взыщите...

Жил себе, работал человек...

Звание «заслуженный учитель»

для него —

как на голову снег...

Поздравляют бабушки и внуки,
те и те —

его ученики.

Хорошо еще, что однорукий, —

обе оторвали бы руки...

А начальство —

будто он скончался —

нанесло цветов и пышных слов.

Никуда не денешься:

начальство —

раньше вспоминало-то не часто,
а теперь...

Такой переполох!..

Сад внезапно кончился.

Небыстро

над районом плыли облака.

...Телеграмма есть от замминистра,

приглашает в город старика...

Что на это может он ответить?

Вся из-под руки ему видна —

пусть совсем не лучшая на свете,
дальняя,

ни в песне, ни в газете

не прославленная сторона.

Полюбить ее —

не приневолишь,

полюбил —

так больше, чем жену!

Тридцать лет ей отдано, всего лишь

с кратким перерывом на войну.
Вот она —

со скрежетом трехтонки,
с жестяной на столбике звездой,
с беспокойным голосом девчонки
над быстройтекущей водой,
с трудными его учениками,
с хрипотой насущных пререканий
в кабинетах всех секретарей:
строится ли школа —

нужен камень,
и нельзя ли строить побыстрей...
Слышно: по листве прошелся ветер,
яблоко упало...

В этот миг
был старик таким, как на портрете:
молодой, красивый был старик!

1955

В ШКОЛЕ

Как хорошо все видевшим солдатом
Прийти туда, где вырос, где мужал.
Меня узнали многие ребята,
И старый физик руку мне пожал.

А дядя Саша — школьный гардеробщик,
Такой же строгий, даже злой на вид,
Улыбкою усы свои топорщит
И мне с почтеньем «здрасьте» говорит.

Я обошел все здание. И даже
Присел за парту. Вспомнил всех друзей.
Так люди ходят лишь по Эрмитажу
Да по дорогам юности своей.

1945

* * *

Улиц пустынных гладь.
Плавный полет мостов.
Чудится мне опять
Шорох твоих шагов.

Вслушаюсь, сберегу...
Рад я или не рад?
Сфинксы на берегу
Тайны свои хранят.

Как в деревне провожали
Парня в институт.
Он сейчас к тебе навстречу
Широко шагнет
И, обняв тебя за плечи,
К свету повернет.
И глаза твои зажгутся
Юностью самой.
Хорошо вот так вернуться
Из дому
домой!

1951

РОСТОК

Я на асфальте видел чудо:
Сначала вздулся бугорок,
Назавтра — треснул, и оттуда
Пробился маленький росток.

Похожий на зеленый лучик, —
Такой же тонкий и прямой,
Такой же острый и колючий,
Умеющий поспорить с тьмой.

Живому не бывать в безвестье,
Оно пробьется в мир сполна,
Когда есть солнце в поднебесье,
Когда есть в почве семена!

1955

19 АВГУСТА 1942 ГОДА

В Рыбацком по берегу девочка шла
Тропой, что к воде протянулась,
А рядом, в волнах, бескозырка плыла,
И девочка ей улыбнулась.

Одна бескозырка, другая... И тих
Был воздух. Заря опустилась.
На Охте старушка заметила их
И медленно перекрестилась.

И плыли они мимо строгих громад
Гранитных твердынь Ленинграда,
Как будто бы их провожал Ленинград
Суровым молчаньем блокады.

И там, где кончается морем земля,
Где волны особенно зыбки,
Матросы увидели их с корабля
И сняли в тоске бескозырки.

...А я был свидетель того, как вода
Кипела в Усть-Тосно, как с хода
На вражеский берег рванулись суда
Десанта Балтийского флота.

Их встретили пушки, и били внахлест.
И брали десантников в вилку,
И падал в холодную воду матрос,
Оставив волне бескозырку...

1955

КИРОВ

Громкой песней обжигая губы,
Занеся над головой салют,
Мы в театр вошли, и наши трубы
До сих пор в моей душе поют.

А когда потом вожатый строго
Оставаться нам не разрешал,
Замерев от страха и восторга,
Я на пятый ярус убежал.

Даже на трибуну не вставая,
Озаренный отсветом знамен,
Кто-то из президиума, с края,
Вышел к рампе...

Киров? Это — он!

Как в бараке где-нибудь на Кольском
Иль в цеху, где плавится чугун,
Просту с активом комсомольским
Без трибуны говорил трибун.

В сапогах, в защитной гимнастерке,
С командирской пряжкой на ремне,
Проведя глазами по галерке,
Навсегда он улыбнулся мне.

И теперь, когда я слышу — Киров,
Вижу не из бронзы отлитым,
Не портреты в школах и квартирах,
Вижу все ясней его живым!

1956

ТРЕТИЙ

Я в комнате вашей.
И это
Мне было б приятно совсем,
Когда бы другого портреты
На нас не глядели со стен.
Куда мне от взгляда укрыться —
Из рамки глядит над столом
И в сумочке вашей хранится,
Зажат на столе под стеклом.
И в профиль,
И в полоборота,
У книг,
У плетня,
У пруда,
Фотографов разных работа,
В различные снято года.

Он дружески смотрит, не строго,
Но я перед ним, словно мал, —
Он к вашему сердцу дорогу
Вот так же когда-то искал.
Вот так же пришел он впервые
И после бывал здесь не раз.
Глаза его, будто живые,
Доверчиво смотрят на нас.
Глядит он, меня проверяя,
В моих объяснениях ожив,
То дружески,
То укоряя,
Что с вами я груб или лжив.

Он был вам и другом и мужем.
И вот не вернулся с войны.

Хоть он вам по-прежнему нужен,
Теперь вы ему не нужны.
Он смотрит с таким превосходством
И видит — неопытен я,
А вы только ищете сходство,
А вы все равно не моя.
И если портреты все даже
Вы снимете до одного,
И если из сумочки вашей
Вы вынете письма его,
И если над вами промчатся
Не месяцы — годы, года,
Вам с ним все равно не расстаться,
И в преданном сердце остаться
Ему суждено навсегда.

Он будет вам другом и мужем.
Его назовете в бреду.
Вас двое,
И третий не нужен,
И я, разрешите, уйду.

1944

МИНУТА

Вот сейчас повисла минута
На часовом волоске,
И упала. И сгладилась, будто
След на сухом песке.

Ей обратно не возвратиться.
Ей песчинкой в веках кружить.
Это жизни моей частица,
Я ее не оставил жить.

Я убил ее зимним полднем,
Избалован обильем дней.
Я ничем ее не наполнил,
Не оставил память по ней.

Вéка маленький промежуток!
Я тебя сохранить не смог.
Строят памятники минутам —
Кто из камня, а кто из строк,

На станках из дерева точат,
Ищут в нитях таежных троп,

В облака — поднимает летчик,
На земле — растит хлебороб.

Да и сам я прошел маршрутом,
Где мгновенья равны годам.
Вот еще повисла минута...
Я ее не отдам!

1946

ЩИТ

Я рос, грызя сухарь краюхи,
Крупой пайковою хрустя,
Войны гражданской и разрухи
Туберкулезное дитя.

Махру дружинники курили,
Забыв, что рядом, хил и мал,
У их шинелей цвета пыли
Я цвет лица перенимал.

Дитя щедушное такое
Смести пылинкою бы мог
Не только встречный ветер боя,—
Любой попутный ветерок.

Бедой, болезнью неминучей
Подкошенный упал бы я,
Но у меня был щит могучий,
Меня хранивший,—
Мать моя.

Я был за маленькой за нею
От бурь больших убережен.
И мир не знал щита прочнее
Еще с гомеровских времен.

Но годы шли.
И той «пылинки»,
Того меня в помине нет.
Я с жизнью в трудном поединке
Железным стал за много лет.

Познал зенитные высоты,
И гул донецкой глубины,
И счастье высшее работы,
И горе высшее войны.

А мама вовсе поседела,—
У глаз морщинки и у рта,—
И с ней расстаться захотела
Ее былая красота.

Мы шли, и мама вдруг отстала —
Устало воздух ловит ртом...
Итак, пора моя настала
Отныне быть ее щитом.

Я б заслонил ее собою
И на войне и от войны,
Я встал бы в душном пекле боя,
Но среди этой тишины,
Где постепенно взгляд тускнеет,
Глаза грустнее, тише речь,
Мне с каждым днем уже труднее
Ее от времени сберечь.

От лет, несущихся навстречу,
Бессилен я ее спасти,
Хоть стал в отца широкоплечим
И шире, чем отец, в кости.

Она бросалась, не робея,
Чтоб сына заслонить от зла...
Насколько, все же, я слабее
Той, что меня уберегла.

1955

СЕРДЦЕ

Три года сердце у меня болит,
По пенсионной книжке — инвалид.
Дух замирает, будто я — над бездной,
А говорили: «Человек железный!»

Рубцы на сердце запеклись, как след
Стихов, смертей, событий грозных лет,
Бессонницы, любви на зорьке ранней,
Очарований, разочарований.

А ведь ходил, бывало, по фронтам,
И наклонялся к полевым цветам,
И не страшился пули и скорбута,
И песни пел, и пил вино как будто;

По тридцать верст за сутки проходил,
И слез не лил у дорогих могил,—
Все сердце раскаленное терпело,
Оно металось по ночам и пело...

Я рад, что есть чем вспомнить жизнь свою,
Что песни пел, что действовал в бою,
Что сердцем сердце утешал людское.
Я не искал уюта и покоя!

Уже и шагу сделать не дают,
Уже на грудь горчичники кладут,
И медсестра глядит куда-то косо...
Но до сих пор меня волнуют косы!

Невеста? Может, чья-нибудь жена?..
А за прямоугольником окна —
Оркестра гром и цвета вишен флаги:
Уходят пионеры в летний лагерь.

Нет у меня претензий ни к кому,
Ни к доктору, ни к другу моему,
Ни к дочери, которая, бывало,
Меня непослушаньем волновала...

Пусть в грудь мою опять стучится боль,
Товарищ сердце, песню спеть позволь!

1950

ДОБРОЕ СЛОВО

Немало встречается злого
В любой человеческой судьбе,
А скажут лишь доброе слово —
И легче на сердце тебе.

Но доброе слово такое
Не каждый умеет найти,
Чтоб справиться другу с тоскою,
Невзгоды осилить в пути.

Нет доброго слова дороже,
Заветного слова того,
Но редко, товарищи, все же
Мы вслух произносим его!

1956

БЫК

Еще дремота на лугах,
А он куражится у дуба.
На нем серебряная шуба,
Заря на бронзовых рогах.
Грозя запойменским быкам,
Сучком причешется у клена,
Идет по улице зеленой,
Хвостом стегая по бокам.
Идет в туманы,

как в сады.

У водополя — лбище бычье —
Не узнает свое обличье,
Бодает зеркало воды...
Упрямо выкатил белки,
Когда волна пошла кругами,
Когда похожие быки
В него нацелились рогами.
Обескуражен. Смотрит вдаль.
Ревет — шарахаются цапли.
А в речку с губ

слетают капли,

Звеня, как будто бы хрусталь.
В речную грязь обулись ноги.
Идет на выгон, как гроза.
Теперь сворачивай с дороги,
Не попадайся на глаза!
Рогами вывернул омет,
Буравит утро бычьим басом.
Но вот встревоженный подпасок
Быка по отчеству зовет.
И повернулся белолобый,
Поднял суровые рога,
И пошагали молча оба
Прямой тропинкой на луга.

И бык идет, мальчика не тронет,
С подпаском с юности знаком,
И каждый день с его ладони
Берет краюхи языком...

1940

АПРЕЛЬ

Запахло стернею и глиною,
Коровы идут на припек.
Над фермой стрела журавлиная —
Отметила теплый денек.

Шумит воронье перелесками,
И солнце цветет над рекой.
А небо такое апрельское,
Что хочется тронуть рукой.

Голубки воркуют над сеньями,
Сосульки в хрустальном цветку,
А первую каплю весеннюю
Петух проглотил на лету.

1943

КУЗНЕЦЫ

Возле речки-быстротечки
Кузнецы куют колечки.
Парни точат для колхоза
Топоры и лемеха,
Гнут железо, словно лозы...
Раздуваются меха,
Молотки горят от пляса.
Мастер, кожей опоясан,
Молотком проворно машет,
Смуглолицый от огня,—
Говорят, на фронте маршал
Доверял ковать коня.
Он стучит, стучит и варит,
Для родной артели дарит —
То для плотника подпилки,
То болты для молотилки,
Жеребятам погремочки —

Бубенцы из серебра —
И мудреные замочки
Для колхозного добра.
И гудит железо громом,
Откликаясь в каждом доме.
Серьги пляшут на березе,
Дуб качает головой.
Кузнецы куют в колхозе
Так, что слышно за рекой,—
Значит, силушкой богаты,
Значит, мускулы туги.
Режут «тигра» на лопаты,
«Фердинанда» — на плуги.

1945

ПЕТУХ

Золотым сверкает опереньем.
Запоеет — привстанет на носки.
Лапами рванет в саду коренья
И добычу делит на куски.

Угостит семейство — и доволен.
Свысока посмотрит на цыплят,
По двору проходит, словно воин,
Только жалко — шпоры не звенят.

Жизнь его и в битвах и в полетах.
Как орел, рванется — и лови.
С петухом соседским в подворотнях
Целый день сечется до крови.

Запахнув потрепанные полы,
На нашесте в думу погружен;
Он живет, как древние монголы:
Сто боев и два десятка жен!

1946

ОГОРОД

Раскрывает мак багряный шелк,
Старый хмель играет бубенцами,
Будто я на ярмарку пришел:
Пахнет чесноком и огурцами.

Подняла земля свои дары;
На пригорке — дыни круглолицы.
Гряды, как цветастые ковры,—
Ткали их все лето мастерицы.

Рослая дымится конопля,
Девушка войдет —
и в ней потонет...

А подсолнух носит воробья
На шершавой жилистой ладони.

Золотой картуз на голове,—
Видит все дороги полевые.
Быть ему на выставке в Москве,
Отвезут красавца звеньевые.

1948

МОЛОДОЙ МАЛЯР

Ремешком подтянут ловко,
Кисть добротная в руке.
И сверкает лакировка
На тисненом козырьке.
Подмигнул столяр Герасим:
«Ты б веснушки смыл со щек». —
«Подрастем, потом закрасим»,—
Улыбнулся паренек.

Голубой разводит колер,
Красит школу по весне.
Голубеет небо в школе,
Краска блещет на стене.
Задержался на минуту;
Маляру глядеть смешно:
Краску с небом перепутав,
Воробей влетел в окно;
Будто он попался в клетку,
Заметался,
как в огне,
Воробьиною жилетку
Отпечатал на стене...

1954

УТРО

Точно мастер в рабочем азарте,
На хорошее дело горяч,
На заре в розовеющем марте
Раньше всех просыпается грач.

Вот с плегеной своей новостройки
Он по-плотничьи крикнул: пор-ра!
То сигнал, чтоб на прорубь по двойке
Лошадей повели со двора,

Чтобы прежде, чем избы флюгаркой
К талым вишням направят дымок,
На коровник спешили доярки,
На ходу подвязавши платок...

И, дыша домовито и мерно
Теплотой вентиляторов-труб,
Очень слышно расходуют фермы
С крыши первые капли под сруб.

Ходит по двору конюх в шинели,
Тычет пальцем в саврасьи бока,
Балагурия :«Не тужим? Плотнеем?»—
Как любил на конюшне полка.

И, как врач, стригунят напоследки
Простучал, убежденный вдвойне,
Что по новым путям пятилетки
Не поедешь на старом коне.

1946

СНЕГ

Вчера, наконец, замолчало гумно,
И зимнюю раму я вставил в окно,
А облако стужей пахнуло — и вот
Затмился на речке мерцающий лед.
Возили машиной тугие мешки,
Басили, на небо смотря, мужики,
Что к вечеру белых вот мух ожидай,
Что впору прибрали к рукам урожай.
Ледок суховато хрустел под стопой.
По крышам ледовой стучало крупой.

И в ночь Зимогор на село прискакал,
И первым из первых то сторож видал.
— В санях, — говорит, — сам под тысячу лет,
Метель-бородища — во весь сельсовет.—
Попутру хозяйки пошли за водой,
Глядь — берег сугробы сравнили с рекой!
Что ж, в нашем краю, где сугробам простор,
Худого двора не завел Зимогор:
В сусеки обочин, в лари котловин
Он сыплет пшено первосортных снежин,
Промял первопуток в районный совет
И пса запускает на заячий след...

Белеет дорога чрез маленький мост.
По ней из села выезжает обоз,—
В нагольных тулупах, раздув чубуки,
Поехали в лес на сезон мужики.
А в нашей деревне по этой поре
Хозяюшки треплют кудель во дворе,
И белые букли махров костряных,
Как снежные хлопья, ложатся на них.

1948

* * *

Я построю дом сосновый,
Со столовой в три окна.
Для моей для жизни новой
Хата старая тесна.

Не хочу краснеть у тына,
В пальцах мять зеленый хмель,

Что не лезет пианино
В нашу маленькую дверь.

Нынче мастер урожая—
Лаборант и почвовед.
Лопнет форма избяная,
Если строить кабинет.

И обсиживают мухи
Грудю книжной кутерьмы
Рядом с печкой для стряпухи,
Рядом с печкой для зимы.

Зреют опытные зерна
В синем дыме летних гроз.
Я расчет лабораторный
Вот сейчас домой принес.

А в избе дела такие:
Развозилась детвора...
Значит, формы избяные
Ликвидировать пора.

Я построю дом сосновый,
В елку выставлю паркет
И открою в сад вишневый
Мой рабочий кабинет.

И в окне, что рой на сотах,
Сгрудит ночь охапку звезд.
И я сяду за расчеты
С пачкой сильных папирос.

1953

ДОРОГА НА КЛУХОР

(Поэма)

1

Последний предвоенный год.
Уже июль к концу идет,
становятся студеной зори,
закаты ранние желты,
как будто ближе стали взгорья
и четче снежные хребты...
Счастливый отдых на исходе.
Друзьям, сроднившимся в походе,
с горами расставаться жаль,
но план таков —
через Клухори
спуститься вниз, на берег моря,
где зреют сливы и миндаль.
В горах недолго длится лето,
здесь рано стужей дышат льды...

Мы вышли утром, до рассвета,
вверх по течению Теберды.
Тысячелетних скал горбы
от мха иззелена седы;
и камни
 масленные лбы
высовывают из воды.
Похожие на веера,
фонтаны брызг шумны, белы...
Литые глыбы серебра
всплывают с гулом изо мглы,
и на волны крутой разбег
взлетает, тельце накренья,

форель — творенье горных рек —
в горячих крапинках огня.
Трава густа, и лес высок,
промяты тропки у воды —
следы босых ребячьих ног,
следы сапог, следы подков,
копыт раздвоенных следы...
Все глуше путь...
За часом час
шагаем мы долиной длинной
в колючих зарослях малины...
Жара и жажда мучат нас.
Скорее бы в тени прилечь,
рюкзак тяжелый сбросив с плеч!

Беспечный путь на перевал,
студентов шумное веселье...
Как ты мне памятен, привал
у Гоначхирского ущелья!
Скалистый коридор глубок,
на диких кручах пихты виснут,
отвесными стенами стиснут,
на дне беснуется поток.
а наверху при блеске дня
костра чуть видимое пламя,
крик соек, беличьья возня,
рассказы, смех...
Не помню я,
когда он вырос перед нами
в своей поношенной панаме
и сел у нашего огня.

Так повелось, что в сердце гор
бывают рады каждой встрече.
— Откуда бог несет?
— Далече ль?
...И завязался разговор.
Широкоплечий, средних лет,
на лбу морщин глубокий след,
блеск проседи в короткой стрижке,
бровей колючие кусты...
Глаза пронзительно чисты,
настороже, как у мальчишки...
Он подружился с нами сразу,
хоть от смущения сперва
мрачнел, когда коверкал фразы,
и, обрывая нить рассказа,
с трудом подыскивал слова.

Да, он в России — эмигрант.
Бежал от гитлеровских банд,
ему нельзя попасться в лапы
неумолимых палачей,
он чудом скрылся от гестапо
во мраке мюнхенских ночей...

Он ничего не станет в тайне
держат от нас — своих друзей:
он по призванию ботаник
и по профессии своей
специалист альпийской флоры;
он превосходно знает горы,
признаться откровенно, он
в Кавказ, как юноша, влюблен!
Конечно, крест его тяжел —
в изгнание жить в такие годы,
но он у русского народа
вторую родину нашел.
Какой народ! Он поражен,
глазам поверить трудно даже,
что есть страна, в которой каждый
такой заботой окружен!
Да вот на днях...
Почти до слез
он был растроган; довелось
ему увидеть за оградой
кроваток белые ряды...
Вдыхая воздух Теберды,
в них малыши больные спали.
Он узнавал — ему сказали,
что это дети горняков,
учителей, ткачей, матросов...
Он вспомнил чопорность Давоса
среди швейцарских ледников,
баронов и биржевиков,
глядящих друг на друга косо...
Закон советский не таков!
Благословен закон страны,
где все свободны и равны!
...Он простирает картинно руку,
взор поднимая в облака.
(Сказать по правде, нам слегка
излишний пафос резал ухо.)
Но все ему прощали мы —
он из гестаповской тюрьмы!

Неделю шел он с нами рядом —
солидный, плотный человек
с немного напряженным взглядом
из-под тяжелых темных век.
Перед изгнанником-ученым
мы хвастались наперебой
удобным для подъема склоном
и вновь отысканной тропой.
Ему указывали, споря,
наикратчайший к морю путь
и предлагали возле моря
в палатке нашей отдохнуть...

Уже огни в воде дрожали,
Сухуми искрился вдали,
когда в пути нас задержали
береговые патрули.
Метнулись под седую стрижкой
вмиг полинявшие глаза...
Солдат сказал другому:
— Крышка!
Попалась старая лиса!

Когда его под стражу взяли,
мы не могли в себя прийти,
мы в сотый раз припоминали
все происшедшее в пути.
Друг друга горько попрекая,
мы выясняли в сотый раз,
кто усадил, кто налил чаю,
кто плакал, слушая рассказ...
Сидеть, глазеть разиня рот!
И мы, растяпству в извиненье,
сошлись тогда в наивном мненье,
мол, горы — это не завод!

Он ворошил вихры ребенку,
он с нами в кошах пил айран,
кричал он девушке вдогонку:
— Поймаю, козочка, джейран!—
Он был услужливейшим другом,
неутомимым ходоком,
он, проходя альпийским лугом,
бежал за редкостным цветком.
Кладя под лупу лепесточки,
он тут же отмечал на глаз
опознавательные точки
высокогорных новых трасс.

Плато в кольце крутых отвесов,
под сочным травяным ковром
определял он кратко:

— Место

пригодно под аэродром. —

Он даже недоступный купол,
небес светящийся эфир,
глазами тщательно ощупал
и на квадраты разграфил.

И пусть неистребимой тенью
на нашей жизни ляжет та,
граничащая с преступленьем,
доверчивая простота,
с которой мы тогда встречали
на нашем празднике его,
с которой мы ему вручали
ключи от дома своего!

II

Четыре лета пыльных, знойных,
четыре долгие зимы
идет война.

Что значат войны,

теперь отлично знаем мы.

Война... не счесть ее обличий,

и для меня была она

тяжелой тишиной больничной,

ночами длинными без сна...

Морозный запах хлороформа,

постукиванье костылей,

жизнь по военным, жестким нормам

во всей обычности своей.

Кушетка с черной продранной клеешкой,

истории болезни, телефон...

Часа в четыре ночи трелью звонкой

нетерпеливо разразился он.

Снимаю трубку.

Голос в отдаленье,

коротким треском приглушенный звук:

— Дежурную второго отделения!

— Я слушаю, товарищ политрук!

— Освободите пятую палату,

распорядитесь подогреть воды.

Поедете на Курский,

там ребята —

больные малыши из Теберды!

Не хвойный шум, не ветры перевала,
не грозный блеск зеленой толщи льда,
столбцы газет теперь я вспоминала
при этом мирном слове «Теберда».
Мне чудилось, как, увязая в глине,
фашисты топчут склоны наших гор...
Той прежней тропки нету и в помине, —
тропа войны — дорога на Клухор.
На карте — стратегическая точка...
И вот однажды вестницей беды
среди коротких сообщений строчка:
«Десант врага в районе Теберды».
Мне вспомнилось:
плато в кольце отвесов,
в сплошных цветах высокогорный луг...
«Враги успели скрыться в чащу леса».
А лес стоит на сотню верст вокруг!

...В палате синий слабенький ночник.
Уже, наверно, далеко за полночь.
Никто из них не звал меня на помощь,
но я не в силах отойти от них.
Как неподвижны голубые лица,
измождены, по-старчески худы!
Как хорошо им, как спокойно спится—
усталым малышам из Теберды!
Они живут здесь в ласке и заботе,
но нужен им другой, домашний быт...
На крайней койке девочка не спит:
«Не уходите, посидите, тетя!»

Ребенок в гипсовой кровати,
чуть шевеля запавшим ртом,
мне говорит спокойно, кратко,
но обстоятельно о том,
как их, детей, согласно списку
в последний отправляли рейс
те, из дивизии альпийской,
с названьем странным — «Эдельвейс»...

Я видела
на плоскогорье,
лицом на речку Теберду,
знакомый детский санаторий —
пять белых домиков в саду.
Все те же острые вершины
и снега вечная черта...

Гудит закрытая машина,
протискиваясь в ворота...
Она уйдет со страшным грузом,
она придет за ним опять...
— Что? Дети? Ни к чему: обуза!
— Больны к тому же?

— Истреблять! —

Да, истреблять!
Подлее слова
не выдумать! Когда оно
к ребенку, теплому, живому,
так, походя, по-деловому
убийцами отнесено.

Вблизи моста, где стынет мгла,
где даже в зной темно и сыро,
швырнули детские тела
на дно ущелья Гоначхира.
От острогрудых голых скал
до желтых вод Кубани мутной
кружил и мчал их пенный вал,
прочь унести спеша как будто.
И дальше их несла вода
туда, где степи к морю жались,
в равнины дымные, туда,
где насмерть их отцы сражались.

Машина ушла, но вернуться должна
за теми, кого не вместила она.
А в темной палате шел спешный совет:
— Дойдут ли?
— Попробуем, выхода нет.
— Погибнут они, не осият пути!
— А здесь?
— Что бы ни было, надо идти.
— Теплее одеть, захватить адреса...
— Машина придет через четверть часа.
— Скорее, покуда не стало светлей
и нету на горной тропе патрулей!

Шелестела ледяная каша,
дождь, хлеща, долины заливал.
Старый врач и санитарка Паша
повели детей на перевал
по опасным осыпям и пенным,
шумным речкам, через Чертов мост,
по горбатым, вздыбленным моренам—
черным глыбам в человеческий рост...

В летний день на той крутой дороге
лишь в бреду предстать могло бы нам:
детские израненные ноги
здесь скользят по мокрым валунам.
Холод, ветер...
По ущельям гулким
рев осенних, вздутых ливнем рек...
То и дело жалкие фигурки
падают, проваливаясь в снег.

Мишеньки, Аленушки, Наташи,
сросшиеся с сердцем имена...
Дети наши, маленькие наши,
вот что с ними сделала война!
Как прихода их когда-то ждали,
кукольные тапочки вязали,
покупали мягкую фланель!..
Задолго подыскивали имя
и не спали по ночам над ними,
на родную глядя колыбель.
От простуды берегли и кори,
или — страшно вымолвить! — огня...

В ледяной, шуршащей мокрой каше
по пояс шагают дети наши...
Матери, вы слышите меня?!

Впереди, светясь сияньем млечным,
грозным валом наплывают льды...
В плотный снег впечатаны навечно
детские, неверные следы.
У меня они перед глазами...
Тяжело на сердце у меня:
человек в потрепанной панаме
отдыхал у нашего огня.
Дружбе нашей был, конечно, рад он,
собирал цветы и между дел
первоклассным фотоаппаратом
этот страшный путь запечатлел.
Пусть он пойман был еще в ту пору,
пусть расстрелян...
Суть совсем не в нем.
Если я хоть раз впустила вора,
значит, плохо берегла свой дом.
Сколько их, непойманных, бродило
днем и ночью по моей стране!..

Как же мне на ум не приходило,
что, возможно, встретятся и мне?
Отчего жила я без заботы,
зла не видя, счастья не храня?
Отчего я думала, что кто-то
должен делать это за меня?

...Русый ежик — мягкий и упрямый,
век бескровных бледные края...
— Как тебя укладывала мама?
Расскажи мне... доченька моя...
Ты ведь помнишь маму?
На вокзале
поезд ждал отправки, пар клубя...
Грустными блестящими глазами
мама посмотрела на тебя.
Ей казалось все непоправимо:
восемь лет — туберкулез бедра...
«Ничего, — сказали доктора, —
Теберда, а может, берег Крыма...
Не волнуйтесь — это все пройдет!»
Начинался сорок первый год.

Все пройдет!
Пускай тебе приснится
разное забавное зверье,
пусть к постельке прилетит Жар-птица —
детство улетевшее твое.
И хотя бы нам пришлось за тыщи
верст идти и днём искать с огнём,
ты не бойся, — мы его отыщем
и опять тебе его вернем.

III

Возьму я спутницею дочь —
она совсем большая стала...
Однажды нас застигнет ночь
невдалеке от перевала.
Два осторожные коня
пройдут бок о бок, близко-близко,
слегка подковами звеня,
из камня высекая искры...
Вверху звезда зажжет свечу,
дрожа, дохнет ночная свежесть,
и ель мохнатая, разнежась,
меня погладит по плечу.

Я наклонюсь и отыщу
родную маленькую руку,
прислушаюсь к глухому стуку
каменной на недоступном дне
ущелья...

И предстанет мне:
вблизи моста, где стынет мгла,
где даже в зной темно и сыро,
швырнули детские тела
на дно ущелья Гоначхира...

Былого сгладятся черты,
и станет боль слабее ранить...
Как мало берегаешь ты,
короткая людская память!
Живое сердце, не остынь,
не забудь свой день вчерашний.
ведь эти села, эти пашни —
на месте выжженных пустынь!
Хлебами прах людской пророс,
цветами кровь людская стала,
на эту землю море слез
дождями теплыми упало.
Людское сердце, не дремли,
своей взыскательностью строгой,
своей недремлющей тревогой
храни покой родной земли!

За недоверье и пристрастье
пусть не осудят нас друзья:
ведь мы стоим на страже счастья—
нам глаз на миг сомкнуть нельзя!
Какие вновь там зреют планы,
какой готовится набег?
Для дел каких за океаном
стомиллионный выдан чек?!
И вот в стране моей богатой
под кровом мирной тишины
наемный бродит соглядатай,
лазутчик лагеря войны...
Он заговаривает с нами,
в улыбке лживой скаля рот,
как тот, в потрепанной панаме,
в далекий предвоенный год...
Он по дорогам нашим рыщет,
он ищет спутников в пути,
бездумных, легковых ищет,
но он не должен их найти!

Над узкой трещиной ущелья,
во мгле лохматы и черны,
свисают траурные ели,
как память черная войны.
И слышен в сумраке беззвездном
мне неумолчный голос их:
«О тех, о мертвых, плакать поздно,
мир берегите для живых!»

Наутро небо прояснится,
сползет туман с зубчатых круч,
и рассветет, и сквозь ресницы
в глаза ударит первый луч...

Девчонка, худенький подросток,
по льдам ступая в первый раз,
ты скажешь радостно и просто:
«Так, значит, вот какой Кавказ!»

Полет орлов и рек рождение
там, наверху, увидишь ты.
Прекрасно счастье восхождения,
преодоление высоты:

Но в утро счастья, в утро мира
мне память затуманит взор:
через ущелье Гоначхира
лежит дорога на Клухор.

Я не хочу твоей печали,
но что же делать? Я права.
Я повторю их, не смягчая,
рассказа трудные слова.
Блеснут ребяческие слезы
в глазах внимательных твоих...
Не плачь!
О мертвых плакать поздно,
бороться надо за живых!

1952

МАЛЬЧИК

Сандал — это так просто:
посредине кибитки яма,
а над ямою низенький столик;
он покрыт одеялом,
похожим на тюльпанное поле.
В яму углей горячих насыпают,
под одеялом протянут ноги, —
и сидят вокруг теплыни люди,
от работы дневной отдыхая.
А на стенах висят тарелки,
ярче неба в тарелках звезды,
и красивей луны пиалы
на уступчатых нишах стоят.
И синее морей одеяла,
и желтее пустынь одеяла,
разноцветней лугов одеяла
друг на друге лежат.
Но чудесней всего на свете
в глинобитной кибитке киргиза
баранчук —
годовалый мальчик;
он в пухлом халате на вате,
азиатским платком подпоясан.
Перламутровых пуговок ряд
на спине у халата звездится,
и ястреба легкие перья
в тубетейке пучком стоят.
Как огонь,
 он древнее древних,
он киргизов гордый наследник,
он родитель людей нерожденных,

годовалый сидит у бабая,
и глазища в косых разрезах
обливают потоком счастья

мир и солнце
себя и свет.

1955

НА ЗАКАТЕ

Я сидела ниже травы,
тише листвы.
А выше моей головы
цвели на грядах цветы.
И лиловые залы видела я
и оранжевое убранство их.

Цветочный паломник —
косматый шмель
в дом голубой
на зеленом стебле,
не стуча, не спрося, влетел.
А в зале чаши
нет никого,
и тычинки стволы пусты,
и лапы шмелю ни к чему
без желтых следов пыльцы.
И незваный гость
зажужжал в усы
и вылетел вон, сердясь.
А в синем небе гасла заря,
и в цветах закрывался вход...

1955

МАТЬ

(Л. Космодемьянская в Париже)

Названия стран над квадратами кресел.
Кордон полицейских у каждой дверей
Закончили речи кузнец и профессор.

Встает

делегатка всех сразу профессий—
посланница от матерей!

Все выстрадав, тысячи бед переспорив,
чтоб мир от страданий и бед отстоять,
прямая встает, не согбенная горем,
простая,

святая,

советская мать!

Будить бы ей лаской

детей на рассвете,

но битва за мир отняла их, двоих!

Отлитые в бронзе, стоят ее дети,

и требует мужества память о них!

И сдвинуты брови. И губы упрямы.

И в зале становятся люди сильней!

А все-таки кто назовет ее мамой?

Чьи тонкие руки протянутся к ней?

О, если б вошла сюда песенка горна

и школьница Зоя за нею вослед,

чтоб «наш пионерский» воскликнуть задорно

и вместе с подругами грянуть: «Привет!».

...Была под Москвою повешена Зоя,
и сын Александр был убит наповал...

Но в эту минуту, без горна, без строя,

ребята предместий врываются в зал!

Они, не спросив о мандатах и визах,

косясь на залитые светом дома,

прошли через строй полицейских, как вызов,

и двери открыла им правда сама!

В пальтишке на вырост, с косичкою узкой,

идет мимо кресел дитя бедноты,

идет

мимо стран

к этой женщине русской

и в тонких руках поднимает цветы...

Молчат переводчики в замершем зале...
Но разве нужны переводы, чтоб знать,
чтоб слышать, как детские руки сказали,
как детское сердце воскликнуло:
— Мать!

1948

СКАЗКА

Маринке

1

В некоем государстве в пять морей,
в некотором царстве без царей
сказочная девочка жила:
мать ее в теплушке родила.

Да, в теплушке, горестной порой —
в ночь под Новый год, сорок второй.

Ты мети-мети, метелица, мети,
рваный дым по полю стелется в пути,
ты мети-свисти, метелица, свинцом,
чтоб скорее дочке встретиться с отцом!
Ты мети-гони, метелица, снега,
чтоб и следа не осталось от врага!

Рвались бомбы с четырех сторон,
и пурга мела, мела, мела...
Уходил к востоку эшелон,
девочка кричала — и жила.

Ну да ладно! Эта боль в груди —
присказка, а сказка впереди.

2

Я бинокль достану полевой
с незажившей ранкой пулевой,
у окна всю ночьку просижу
сны подростшей дочки подгляжу.

Бровки черные у ней дугой,
Спи, глазок, спи, другой...

Спит она в палатке, вдалеке,
на подушке теплая щека;
спать под ней уложена рука,

распустились косы по руке.
Красный галстук с огненным значком
прикорнул на тумбочке бочком.

А на море штиль и тишина,
чуть звенит волна у валуна.
Или это, уходя в зенит,
лунная дорожка чуть звенит,
и по ней на цыпочках с Луны
через море к детям ходят сны.

Вот и сказка: ходит царь Додон,
Золушка царевной входит в дом,
Важно ходит птица пеликан,
катит колесницу великан,
Мягкими шагами взад-вперед,
по цепи все ходит мудрый кот,
и, чтоб снился девочке покой,
ходит крейсер по волне морской!
Охраняют девочек Артек
двести миллионов человек,
из руин восставший Сталинград,
и ракетных летчиков парад,
и стеной стоящие хлеба,
и стволов учебная пальба,
и зарницы сварок по стране...

Девочка! Ведь это не во сне.
Ты была в теплушке рождена,
так проснись, глазок, и погляди,
какова теперь твоя страна.

Это ли не сказка? Нет, поди,
присказка. А сказка впереди.

3

Древний белокаменный дворец.
День рожденья дочки. Новый год.
Вот она и сказка, наконец,
в эту сказку девочка идет.

Сквером вдоль канавки, по застывшей травке,
идет она, маленька, на ней шубка аленька,
опушка бобровая, сама чернобровая
Вот ворота Спасские
распахнулись сказкою.

Терема боярские.
Елке — полный век.
И подходит к девочке взрослый человек.
У него усталый, не волшебный вид,
а речь такую сказочную
он ей говорит:

— Трон алмазный, девочка,
жемчуг, кружевы,
колечки витые, крючки золотые
да по стенам горницы золотые горлицы —
это все твое!
Шапка та, что нашивал Владимир Мономах,
голуби, живущие здесь в колоколах,
да страна огромная
с пашнями и домами — это все твое.

Девочка воспитанна. Говорит ему:
— Большое спасибо. Подросту — приму.—
И бежит на елку...

В царском тронном зале
сказочную песню
принцы запеваля:
«Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы пионеры, дети рабочих...»

...Дальше что? Выходит, как из сказки,
Золушка в ботинках «Скорород»,
и поземка из ворот из Спасских
шлейф, как за царевною, несет.
А пред ней Москва в алмазах света.
А пред ней — пути, пути, пути...
И важней всего, что даже это —
присказка. А сказка — впереди!

1954

ПРО АТОМ

Профессор нам рассказывал про атом,
седой и крутолобый человек,
из тех, кто взял букварь в году двадцатом,
а после в руки взял двадцатый век.

Такой шагнет с отцовского порога,
и все его: тропа до большака,

и торная районная дорога,
и Млечный Путь, не хоженный пока!..

Так вот, вода по схемам мудроватым
своей указкой битых два часа,
профессор нам рассказывал про атом
и на колени ставил чудеса.

Всё по-крестьянски прочно, терпеливо:
сначала об урановом котле,
потом о реках, вспять бегущих к нивам,
а под конец уже не о Земле!

Сначала — нестерпимое сиянье,
и океан плеснул за облака,
и встала дамба в Тихом океане,
соединяя два материка.

А под конец уже земную славу
унес корабль в космический простор,
и Марс проплыл и вспыхнул где-то справа,
как за курьерским красный светофор.

И долго с неба не спускаться нам бы,
до звезд подать рукою — так близки...
Да как нам быть профессор, с вашей дамбой?
Уж больно далеки материки!

Но он, веселый, властный, увлеченный, —
нас все водил по сказочной стране...
Кухаркин сын, заслуженный ученый,
Неужто позабыл он о войне?

Он шел к звезде и вел беседу с нею,
спокойно льдины плавил на огне...

А ты, моя любимая, ко мне
в тревоге прижималась все теснее.

Что ж, не стыдись: пред целым белым светом
твой страх священен — ты жена и мать...

Но мы поедem к морю этим летом!
И сможем сына в первый класс отдать!

Заставим атом слушать человека,
и плавить льды, на полюсах горя,
и будем гнать, куда прикажешь, реку,
и дамбы поднимать через моря,
любить, мечтать и с дерзким интересом
планету Марс отыскивать в ночах:

про атом нам рассказывал профессор
в погонах генеральских на плечах!

1955

РИКША

Трубил, трубил, трубил рожок,
двоились уличные дали,
дымясь, асфальт подошвы жег,
мелькали стертые сандалии,
холодным потом рикша мок
и целый день, в тоске ли, в злобе ль,
бежал... и убежать не мог
из полированных оглобель.

1946

ЧУДЕСНЫЙ ФЛАГ

В Корею, на чужой земле
жил тридцать лет батрак.
И долгих тридцать лет в селе
белел японский флаг.

Висел он долго, да не впрок.
...Под мерный гонга звук
глашатай объявлял налог,
и тем, кто уплатить не мог,
кусал босые пятки ног
злой, очень злой бамбук.

Батрак всю жизнь вставал чуть свет
за десять медных сен.
И ждал он долгих тридцать лет
каких-то перемен.

А перемен все нет и нет.
Уже белы виски,

а он на гроб за тридцать лет
не выкроил доски.

В его ли доле быть отцом,
да дети — как грибы.
И сам он темен стал лицом,
колоч от худобы.

Тянулась жизнь, как страшный сон:
пот, слезы, кровь и пот...
И, верно б, скоро умер он
под палками господ.

Ведь был он голоден и бос,
бос, голоден и наг.
Но перемены вдруг принес
в Корею красный флаг.

Пак знал поля да огород,
батрача тридцать лет.
А тут избрал его народ
в народный комитет.
Крестьянский сход постановил
и выделил ему
участок, где потолще ил,
надел в пятнадцать му.

С тех пор, тропинками пыли,
в поля уходит Пак.
И каждый день с собой в поля
берет он красный флаг.

И он желает от души,
забыв про злой бамбук,
про жидкий суп из черемши,
потомства — сколько букв,
лет жизни — сколько в небе звезд
и десять тысяч благ
тем, кто в село его принес
чудесный этот флаг.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Когда-то,
в теплой кухне, при огне,
уставшему кататься на салазках,
мне бабушка рассказывала сказку
об очень дальней северной стране.
На старой — шаль из мягкой шерсти козьей.
Она сидит
в своей спокойной позе...
И верилось,
что бабушка права:
что звуки замерзают на морозе
и льдинками становятся слова;
что можно их везти с собой в карете
за сотни верст.
И, если, говорят,
внести в тепло
немые льдинки эти,
они оттают и заговорят.

Я взрослым стал.
Я в мир ушел из дома.
И побывать пришлось однажды мне
в той,
по рассказам бабушки знакомой,
в той,
очень дальней северной стране,
где ты жила.
— Что было между нами?
...Обутые в мохнатые кисты,
бежали,
чтоб согреться,
за санями
и терли побелевшие носы.
Я помню смех твой
ласковый и тихий,
поющие по снегу полоза,
твои большие,
как у оленях,
с огромными ресницами
глаза.

Весной, когда
сломала с громом льдины
и в океан их вынесла река,
простились мы.
И я легко покинул

охотничий поселок
в три дымка.
Слова любви твоей,
твоей печали
из песни той,
что пела ты грустя,
казавшиеся льдинками вначале,
оттаяли в душе
и зазвучали
в краю ином
и много лет спустя.

На даче, в подмосковье
при огне,
уоставшему кататься на салазках,
я внуку пересказываю сказку
об очень дальней северной стране.
Я говорю,
в привычной сидя позе
и щурясь на горящие дрова:
— Там звуки замерзали на морозе
и становились льдинками слова...

1955

Завяжите концы, подогнавши по росту.
Все!

Осталось теперь нарядиться...

Это так интересно, и мудро, и просто,
Это вам еще пригодится!

1947

ГАМЛЕТ

Мы из столбов и толстых перекладин
За складом оборудовали зал,
Там Гамлета играл ефрейтор Дядин
И в муках руки кверху простирал.

А в жизни, помню, отзывался ротный
О нем, как о сознательном бойце,
Он был степенный, краснощекий, плотный,
Со множеством веснушек на лице.

Бывало, выйдет, головой поникнет,
Как надо руки скорбно сложит, но,
Лишь только «быть или не быть» воскликнет,
Всем почему-то делалось смешно.

Я Гамлетов на сцене видел многих,
Из тьмы кулис входивших в светлый круг,—
Печальных, громогласных, тонконогих...
Промолвят слово — все притихнет вдруг,

Сердца замрут, и задрожат бинокли...
У тех — и страсть, и сила, и игра!
Но с нашим вместе мерзли мы и мокли
И запросто сидели у костра.

1950

СИНЕВА

Меня в Полесье занесло.
Там за холмами, за лесами
Есть белорусское село —
Всё с ясно-синими глазами.

С ведром, босую у реки
Девчонку встретите на склоне.
Как голубые угольки,
Глаза ожгут из-под ладони.

Только мышцы ходили мои ходуном
Под намокшей и жесткой рубахой нательной.

Я был юным тогда.

Был задор и запал.

Только к ночи, намаявшись, словно убитый,
Я на нарах, лица не умыв, засыпал,
На кулак навалившись щекою небритой.

1955

ХЛЕБ ВОЙНЫ

Я помню хлеб. Он черен был и липок —
Ржаной муки был грубоват помол.
Но расцветали лица от улыбок,
Когда буханку ставили на стол.

Военный хлеб. Он к щам годился постным,
Раскрошенный, он был неплох с кваском.
Он вяз в зубах, приклеивался к деснам.
Его мы отделяли языком.

Он кислым был,

ведь он был с отрубями,

Не поручусь, что был без лебеды.

И все ж с ладони жадными губами

Я крошки подбирал после еды.

Я неизменно

с острым интересом

И с сердцем замирающим следил

За грозным, хладнокровным хлеборезом.

Он резал хлеб!

Он черный хлеб делил!

Я восторгался им, прямым и честным.

Он резал грубо, просто, без затей,

Горелой коркой,

как в угле древесном,

Испачкавшись почти что до локтей.

На нем рубаха взмокла холстяная.

Он был велик в восторге трудовом.

Он резал хлеб,

усталости не зная,

Лица не вытирая рукавом!

1956

БЫВШИЙ РОТНЫЙ

В село приехав из Москвы,
Я повстречался с бывшим ротным.
Гляжу: он спит среди ботвы
В зеленом царстве огородном.

Зашел, видать, помочь жене,
Армейский навести порядок,
И, растянувшись на спине,
Уснул внезапно между грядок.

Не в гимнастерке боевой,
Прошедшей длинную дорогу,
А просто в майке голубой
И в тапочках на босу ногу.

Он показался странным мне
В таком наряде небывалом.
Лежит мой ротный на спине
И наслаждается привалом.

Плывут на запад облака,
И я опять припоминаю
Прорыв гвардейского полка
И волны мутного Дуная.

В тяжелой мартовской грязи
Завязли пушки полковые.
«А ну, пехота, вывози!
А ну, ребята, не впервые!..»

Могли бы плыть весь день вполне
Воспоминая предо мною,

МАЛЬЧИШКА

Иные

Он был грозой нашего района,
Мальчишка из соседнего двора,
И на него с опаской, но влюбленно
Окрестная смотрела детвора.

Она к нему пристрастие имела,
Поскольку он командовал везде,
А плоский камень так бросал умело,
Что тот, как мячик, прыгал по воде.

В дождливую и ясную погоду
Он шел к пруду, бесстрашный, как всегда,
И посторонним не было прохода,
Едва он появлялся у пруда.

В сопровожденье преданных матросов,
Коварный, как пиратский адмирал,
Мальчишек бил, девчат таскал за косы
И чистые тетрадки отбирал.

В густом саду устраивал засады,
Играя там с ребятами в войну.
И как-то раз увидел он из сада
Девчонку незнакомую одну.

Забор вокруг сада был довольно ветхий —
Любой мальчишка в дырки проходил,—
Но он, как кошка, прыгнул прямо с ветки
И девочке дорогу преградил.

Она пред ним в нарядном платье белом
Стояла на весеннем ветерке
С коричневым клеенчатым портфелем
И маленькой чернильницей в руке.

Сейчас мелькнут разбросанные книжки —
Не зря ж его боятся, как огня...
И вдруг она сказала: — Там мальчишки...
Ты проводи, пожалуйста, меня...

И он, от изумления немея,
Совсем забыв, насколько страшен он,
Шагнул вперед и замер перед нею,
Ее наивной смелостью сражен.

А на заборе дряхлом, повисая,
Грозя сломать немедленно его,
Ватага адмиральская босая
Глядела на героя своего.

...Легли на землю солнечные пятна.
Ушел с девчонкой рядом командир.
И подчиненным было непонятно,
Что это он из детства уходил.

1951

СЕРДЦЕ

Я заболел. И сразу канитель:
Известный врач, живущий по соседству,
Сказал, что нужно срочно лечь в постель,
Что у меня весьма больное сердце.

А я не знал об этом ничего.
Какое мне до сердца было дело?
Я попросту не чувствовал его,
Оно ни разу в жизни не болело.

Оно жило невидимо во мне,
Послушное и точное на диво.
Но все, что с нами было на войне,
Все сквозь него когда-то проходило.

Любовь, и гнев, и ненависть оно
Вобрал в себя, забыло про усталость.
И все, что стерлось в памяти давно,
Все это в нем отчетливым осталось.

Но я не знал об этом ничего.
Какое мне до сердца было дело?
Ведь я совсем не чувствовал его,
Оно ни разу даже не болело.

И, словно пробудившись, наконец,
Вдруг застучало трепетно и тяжко,
Забилось, будто пойманный птенец,
Засунутый, как в детстве, под рубашку.

Он рвался, теплый маленький комок,
Настойчиво и вместе с тем печально,
И я боялся лечь на левый бок,
Чтобы его не придавить случайно...

Светало... За окошком, через двор,
Где было все по-раннему пустынно,
Легли лучи. Потом прошел шофер
И резко просигналила машина.

И стекла в окнах дрогнули, звеня,
И я привстал, отбросив одеяло,
Хоть это ждали вовсе не меня
И не меня сирена вызывала.

Открылась даль в распахнутом окне,
И очень тихо сделалось в квартире.
И только сердце билось в тишине,
Чтоб на него вниманье обратили.

Но гул метро, и дальний паровоз,
И стук буксира в Химках у причала —
Все это зазвучало, и слилось,
И все удары сердца заглушало.

Верней, не заглушало, а в него,
В певучий шум проснувшейся столицы,
Влились удары сердца моего,
Что вдруг опять ровнее стало биться.

Дымки тянулись медленно в зенит,
А небо все светлело и светлело,
И мне казалось — сердце не болит,
И сердце в самом деле не болело...

...Ты слышишь, сердце?
Поезда идут.
На новых стройках начаты работы.
И нас с тобой сегодня тоже ждут,
Как тот шофер в машине ждет кого-то.

Прости меня, что, радуясь, скорбя,
Переживая горести, удачи,
Я не щадил как следует тебя...
Но ты бы сердцем не было иначе.

1952

ВЕРНОСТЬ

Затихли грозные раскаты,
Свершилось мира торжество.
К вдове погибшего комбата
Заехал верный друг его.

Сошел на станции и пеший
Прошел он верст примерно пять.
Не для того, чтобы утешить —
Чтоб вместе с ней погоревать.

Он на крыльце поставил вещи
И постучал в косяк окна.
Он незнаком был с нею прежде,
Лишь знал — красавица она.

Он красоту ее увидел,
Едва лишь глянул на свету,
И вдруг почти возненавидел
Ее за эту красоту.

Он представлял ее другою:
Жена погибшего. Вдова.
А эта может быть вдовою,
Пожалуй, год, от силы — два.

Перенесет она разлуку
И снова жизнь начнет свою.
И он душой страдал за друга
Так, словно сам погиб в бою.

И словно кто его обидел,
Встав, как соперник, на пути,
Он всех мужчин возненавидел,
Что могут впредь сюда войти...

...А было в комнате уютно,
Легко текла беседы нить.
И вдруг мучительно и смутно
Не захотелось уходить.

И в то же самое мгновенье
Он ощутил в своей груди
И робость, и благоговенье,
И неизвестность впереди.

Она предстала в новом свете,
Явилась в качестве ином...
Уже настал конец беседе,
И рассветало за окном.

Осенний дождь стучал уныло,
О чем-то давнем выводя.
Лишь до порога проводила
Она его из-за дождя.

Он под дождем слегка согнулся,
Пошел, минуя мокрый сад.
Сдержался и не оглянулся
На дом, где прежде жил комбат.

1953

* * *

Бывает, в парке в летний вечер
Заметишь нескольких девчат.
Они идут тебе навстречу
И что-то тихо говорят.

Но вот тебя в листве зеленой
Увидят — и наперебой,
Пожалуй, слишком оживленно
Заговорят между собой,

Как бы самим себе внушая,
Что нет им дела до тебя,
И в то же время обращая
Твое вниманье на себя...

...А мне милее на рассвете
Среди полей встречать девчат.
Они, вдали тебя заметив,
Как по команде, замолчат.

И, приближаясь тропкой росной,
Некстати речь не заведут.
Преувеличенно серьезно
Пройдут. Но только лишь пройдут,

Вмиг о серьезности забудут.
И засмеются. И не раз
Потом оглядываться будут,
Пока не скроешься из глаз...

1954

Николай Старшинов

* * *

Солдаты мы. И это наша слава
погибших и вернувшихся назад.
Мы сами рассказать должны по праву
о нашем поколении солдат.

Пускай сурово, но открыто, честно.
А вот один литературный туз
твердит, что совершенно неуместно
в стихах моих проскальзывает грусть.

Он это говорит и пальцем тычет
и, хлопая, как друга, по плечу,
меня он обвиняет в безразличье
к делам моей страны...
А я молчу.

Нотации и чтение морали
я сам люблю... Мели себе, мели...
А нам судьбу России доверяли,
и кажется, что мы не подвели.

1945

БАЗАР В ИЗБЕР-БАШЕ

Льву Озерову

С моря дует мокрый ветер.
Ветром кедр упругий сломан.
Возле моря — от рассвета
до заката — шум и гомон.

Ах, сегодня праздник общий:
то колхозные товары

снова хлынули на площадь
Избер-башского базара.

Многолюдно на базаре...
Там уселся по-турецки
медленный старик аварец,
продавец орехов грецких.

От жары глаза тускнеют:
целый день под солнцем ехал.
А лицо его темнее
и морщинистей ореха.

А вон там, в веселом круге,
эту девушку видали,
что застенчивые руки
прикрывает синей шалью?

Прикрывает, да не скроет,
лишь позвякивают бусы.
А вокруг нее — горою
полосатые арбузы.

Ах, гора еще большая!..
Смотрит девушка
и взглядом
и улыбкой приглашает:
«Покупайте, если надо...»

А вон там крикливый малый,
тот своей заботой занят —
вверх бутылку поднимает
и на весь базар горланит:

— Вот напиток виноградный!
Не хотите? Дело ваше!
Только крепче и прохладней
нет напитка в Избер-баше.

— В Избер-баше?
— В Дагестане!
— В Дагестане?
— В целом свете!..

С белых гор прохладой тянет,
с моря дует мокрый ветер.
А над пестрою толпою,
надо мной и над тобою —
голубое-голубое,
безупречно голубое!

1945

ОСЕНЬ

Налетели ветры севера.
Наступили холода.
А меня сегодня радует
незамерзшая вода.

Рыжий лес шумит над озером,
дни погожие зовет.
Листья кружатся и падают
в отраженный небосвод.

А идти ко дну, шершавые,
не желают,
не хотят.
Так по озеру и плавают,
словно выводки утят.

1946

РУКИ МОЕЙ ЛЮБИМОЙ

Это они когда-то
с материнскою лаской
раненым солдатам
делали перевязку.

Это они в ненастье
мерзли в траншеях дымных
и согревались наспех
возле костров зимних.

Шили, стирали ночами,
белые — не огрубели.
Это они качали
дочь мою в колыбели.

Сколько работы было,
самой необходимой!..
Вам только все под силу,
руки моей любимой!..

1952

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Что делал я тогда? Снопы вязал,
А может быть, работал на прополке,
Когда ты полем боя проползал,
Где каждый метр изранили осколки.

Что делал я? Ворочал книг листы,
Писал в стенах натопленного зданья,
Когда в ночной железный холод ты
Погиб при выполнении заданья.

Меня поймет, кто был для фронта мал,
Мальчишка, живший на Оби иль Каме.
Он тоже географию сдавал
По карте, сплошь истыканной флажками.

Ни на минуту друга не забыв,
Я жил, ни слова о тебе не зная.
Прошла война. Коль все ж придет другая,
Нам без тебя являться на призыв.

Но как ты жив! Не памятью, не тенью,
А так, что кажется: ты здесь вот рядом, сам!
Погибший на Московском направленьи,
Быть может, самый юный партизан.

А дни бегут скорее и скорее.
Они спешат. Они торопят нас.
Не по годам, а по часам стареют
Учебники истории сейчас.

От нас года холодные все дальше,
Все глуше громы незабвенных битв.
Но ты спокойно спи, великий мальчик!
Как и они, не будешь ты забыт.

А дни бегут. Большой весною дружной
Украшен мир, насколько видит глаз.
Как дорожить нам нашей жизнью нужно,
Когда она во столько обошлась!

Быть может, долгий век отпущен мне.
Я должен жизнь свою прожить такую,
Чтобы зачлась она моей страной
С твоим коротким веком наравне.

1948

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Хоть глазами памяти
Вновь тебя увижу,
Хоть во сне непрощенно
Подойду поближе.

В переулке узеньком
Повстречаю снова,
Да опять, как некогда,
Не скажу ни слова.

Были беды школьные,
Детские печали,
Были танцы бальные
В физкультурном зале.

Были сборы, лагеря,
И серьез, и шалость.
Много снегом стаяло,
Много и осталось.

С первой парты девочка,
Как тебя забуду?
Что бы ты ни делала —
Становилось чудом.

Станешь перед картою —
Не урок, а сказка.
Мне волшебной палочкой
Кажется указка.

Ты бежишь, и лестница
Отвечает пенъем,
Будто мчишь по клавишам,
А не по ступеням.

Я копил слова твои,
Собирал улыбки,
И на русском письменном
Допускал ошибки.

Я молчал на чтении
В роковой печали,
И моих родителей
В школу вызывали.

Я решал забыть тебя,
Принимал решение,
Полное великого
Самоотречения.

Я его затверживал,
Взгляд косил на стены,
Только не выдерживал
С третьей перемены.

Помнишь детский утренник
Для четвертых классов?
Как на нем от ревности
Не было мне спасу.

Как сидела в сумраке
От меня налево
На последнем действии
«Снежной королевы».

Как потом на улице
Снег летит робея,
Смелый от отчаянья,
Подхожу к тебе я.

Снег морозный сыплется,
Руки обжигает,
Но, коснувшись щек моих,
Моментально тает.

Искорками инея
Вспыхивают косы.
Очи удивляются,
Задают вопросы.

Только что́ отвечу им,
Как все расскажу я?
Снег сгребаю валенком,
Слов не нахожу я.

Она молчит. Ей нечего сказать?
Нет, ей плохого нечего сказать.
Ты к ней свою протягиваешь руку,
И в пальцах —

воздух!

И открыть глаза

Боишься ты. На все открыть глаза,
Опять войти в свою дневную муку.

Но есть надежда. Есть еще сирень.
Ее ты слышишь, даже и не видя.
Нет, вместе вы. И это счастья день,
И ты на сон нисколько не в обиде.

Что сон! Ведь это ж все ее букет.
Он на столе сейчас стоит, конечно.
И, притворившись, что ее здесь нет,
Она лишь в угол спряталась поспешно.
Открой глаза...

Закрытое окно.

Все та ж неприбранность пустой квартиры.
Букета нет. Белеет полотно,
На нем вразброс узоры и пунктиры.

Сирени нет. И это — день из дней.
И нет ее ни следом и ни тенью...
И только воздух в комнате твоей
Все пахнет той несбыточной сиренью.

ДОЖДЬ В СТЕПИ

С жадностью всосаны
В травы и злаки
Последние капельки
Почвенной влаги.
Полдень за полднем
Проходят над степью,
А им подниматься
В горячие стебли.
Ветер за ветром
Туч не приносят,
А им не добраться
До тощих колосьев.
Горячее солнце
Палит все упорней,
В горячей пыли
Задыхаются корни.
Сохнут поля,
Стонут поля,
Ливнями бредит
Сухая земля.
Я проходил
Этой выжженной степью,
Трогал руками
Бескровные стебли.
И были колючие
Листья растений
Рады моей
Кратковременной тени.
О, если б дождем
Мне пролиться на жито,
Я жизнь не считал бы
Бесцельно прожитой!

Дождем отсверкать
Благодатным и плавным —
Я гибель такую
Не счел бы бесславной!
Но были бы плотью
И кровью моей
Тяжелые зерна
Пшеничных полей!
А ночью однажды
Сквозь сон я услышу —
Тяжелые капли
Ударили в крышу.
О нет, то не капли
Стучатся упорно,
То бьют о железо
Спелые зерна.
И мне в эту ночь
До утра будут сниться
Зерна пшеницы...
Зерна пшеницы...

1947

НАД РУЧЬЕМ

Спугнув неведомую птицу,
Раздвинув заросли плечом,
Я подошел к ручью напиться
И наклонился над ручьем.
Иль ты была со мною рядом,
Иль с солнцем ты была одно:
Твоим запомнившимся взглядом
Горело искристое дно.
Или, за мною вслед приехав,
Ты близ меня была тогда:
Твоим запомнившимся смехом
Звенела светлая вода.
И, угадав в волне нестрогой
Улыбку чистую твою,
Я не посмел губами трогать
Затрепетавшую струю.

1949

У тех высот, где чист и вечен
Высокогорный прочный лед,
Она, светлейшая из речек,
Начало грозное берет.

Архар идет к ней в час рассвета,
Неся пудовые рога,
И нестерпимо ярким цветом
Цветут альпийские луга.

На камень с камня ниже, ниже,
И вот река уже мутна,
И вот уже утесы лижет
Ее стесненная волна.

Потом трава, полынь степная.
Уж скрыты в белых облаках
Вершины, где родилась злая
И многотрудная река.

И наступает место встречи,
Где в воды мутные свои
Река другой веселой речки
Вплетает чистые струи.

Ах, речка, речка, может, тоже
Она знакома с высотой,
Но все ж неопытней, моложе,
И потому светлее той.

Бродя в горах, величья полных,
Узнал я много рек, и вот
Я замечал, как в мутных волнах
Вдруг струйка светлая течет.

И долго мчатся эти воды,
Все не мешаясь меж собой,
Как ты сквозь дни мои и годы
Идешь струею голубой.

1953

Я в детстве был большой мастак
На разные проказы,
В лесах, в непуганых местах,
По птичьим гнездам лазал.
Вихраст, в царапинах всегда
И подпоясан лычкой,
Я брал из каждого гнезда
На память по яичку.
И, если сѣни до конца,
Как утром небо вешнее,
Я знал, что это у скворца
На яблоне, в скворешне.
А если чуть поголубей
И чуть крупней горошины,
Я знал, что это соловей,
И выбирал хорошее!
А если луговка, у той
Кругом в зеленых точках,
Они в траве густой, густой,
В болотных рыхлых кочках.
Бродя по утренней росе
В те ласковые годы,
Я собирал и клал их все
В коробку из-под соды.
Потом я стал совсем большим
И стал любить Ее.
И я принес ей из глуши
Сокровище свое.
В хрустальной вазе на комод
Они водружены,
В большом бестрепетном трюмо
Они отражены.
Роса на травах не дрожит,
Как рядом с птичьим домом,
Хозяйка ими дорожит
И хвалится знакомым.
И горько думать иногда,
И горше все и чаще:
Зачем принес я их сюда
Из нашей звонкой чаши?
Дрожат над ними хрустали,
Ложится пыль густая,
Из них ведь птицы быть могли,
А птицы петь бы стали!

НА ВОЛГЕ

Отчаливаем мы от белой пристани...
Глядят нам вслед задумчиво и пристально
Волжанки с васильками на платках.
И снова, снова эти песни вечные!
И подпевают теплоходы встречные
И парни, проплывая на плотках.
А с берега из бахромы березовой,
Где жаркий день давно в тени уснул,
Ко дну уходит солнца якорь бронзовый
И первый бакен звездам подмигнул.
Вот так бы плыть и плыть навстречу северу,
Туда, где ветры, яблочный и клеверный,
С морским дружком заспорят над водой,
Где ночь все ниже над волной склоняется
И сердце до краев переполняется
Такой необъяснимой теплотой...
И кажется —
В России нету города,
Ни станции,
Ни тихого села,
Где б Волга, величавая и гордая,
Сегодня ночью мимо не прошла...

1947

ЧАСОВОЙ

У плеча — отточенный и ровный,
Тонкий штык. Подсумки над ремнем.
И тяжелый, словно бронированный,
С головы до пят тулуп на нем.

Сквозь туман предутренний узнаешь ты
Часового грозный силуэт.

Несгибаемый, незамерзающий
Часовой, встречающий рассвет.

И, наверно, не приходит в голову
Людям на дороге в стороне,
Что мороз пробил броню тяжелую
И давно гуляет по спине.

Что глаза заманчиво слипаются,
А нельзя их и на миг сомкнуть.
И тепло по жилам разливается
Сладкий яд — желание уснуть.

И совсем он не такой уж каменный,
Это только так — со стороны.
На щеках его, при свете, мамыны
Ласковые ямочки видны...

Снег скрипит от шага полновесного.
И глаза большие смотрят вдаль.
Ничего вблизи в нем нет железного,
Только воля, да и та, как сталь.

1955

ПОГРУЗКА АРБУЗОВ

Ребята-станичники в кузов
Грузили арбузы в жару.
Недаром погрузка арбузов
Похожа скорей на игру.

Их руки, что гибки, как прутья,
Арбузы схватив за бока,
С размаха хотят зашвырнуть их
В плывущие вдаль облака.

Арбузы — они как двойняшки,
Арбузы похожи во всем:
И каждый в зеленой тельняшке,
У каждого грудь колесом.

Как глобусы, лысы и гладки,
Лишь хвостик как тонкий вихор.
И все они огненно-сладки,
Но это другой разговор.

Упругая корка лоснится,
Бока от нажима хрустят.
Кавун, а за ним кавуница,
Как ядра из пушки, летят.

Летят через грозы и бури,
Летят сквозь полярный туман.
Лови, Комсомольск-на-Амуре,
Держи, ледяной Магадан!

Спешит по горам и по полю
Арбузов стремительный груз.
На станцию «Северный полюс»,
Как с неба, свалился арбуз.

Полярник в руке его взвесит,
Любуясь таким багажом.
И сладкий, как мед, полумесяц
Родится под острым ножом...

Мелькают полоски, как спицы,
Сверкает на солнышке бок.
Во все города и столицы
Покатит арбуз-колобок.

А солнце над горами грузов
По небу катилось легко,
Как будто один из арбузов
Закинули так высоко.

Георгий Рублев

БАЛЛАДА О ЧЕРНЯХОВСКЕ

Солдаты, боевое пополнение,
Не верьте сводкам, не был я убит,
Оправясь от тяжелого раненья,
Вам это Черняховский говорит.
Разрушенный, расстрелянный, сожженный,
Стою живой пред вами наяву.
Груженные уходят эшелоны,
Встает из пепла дом многооконный,—
Так напряженно я сейчас живу.

И слышу снова жаворонков пенье...
Цветенье трав и шелест всех ветров,
Только теперь веду я в наступленье
Комбайны и колонны тракторов.
Вы слышали, что труп мой найден в танке,
Не верьте слухам, это ерунда,
Ваш командир стоит на правом фланге.
За смерть в бою он лишь повышен в ранге,
Из генералов выйдя в города.

Бойцы мои: владимирцы, тамбовцы,
Уральцы, горьковчане, москвичи,
Держите выше знамя черняховцев,
Ведь ваша кровь в моих висках стучит.
Быть городом трудней, чем полководцем.
И вы, друзья, его душа и мозг,
Вы дышите, и сердце мое бьется,
Вы строите, и озаряет солнце
Встающий из развалин Черняховск.

ЖАР-ПТИЦА

— Любовь? Ее нет между нами,—
Мне строго сказала она.—
Хотите, мы будем друзьями?
Мне верная дружба нужна.

Что спорить: она откровенна.
Но только я хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей скажу, что хочу...

Что ж, дружба хорошее дело,
В ней черпает силы душа,
Но дружба имеет пределы,
А мне они хуже ножа.

Как жил я, что в сердце вплеталось,
Я все бы ей мог рассказать,
Когда бы она попыталась,
Когда б захотела понять.

Идя сквозь невгоды и вьюги,
Не встретил я преданных глаз.
Случайные лгали подруги,
И я ошибался не раз.

Но думал я: вспыхнут зарницы,
Я знал, надо верить и ждать.
Не может же быть, чтоб жар-птицы
Я в мире не смог отыскать!

Когда ж мне порою казалось,
Что к цели приблизился я,
Жар-птица, увы, превращалась
В простого, как хвощ, воробья...

Вспорхнув, воробьи улетали,
И снова я верил и ждал.
И все-таки вспыхнули дали,
И все-таки мир засиял!

И вот, наконец, золотые
Я россыпи в сердце открыл.
Наверное, в жизни впервые
Я так горячо полюбил!

Хорошая, светлая, здравствуй!
Ты чувств не найдешь горячей.
Иди и в душе моей царствуй!
Я весь тут — бери и владей!

Жар-птица сверкнула глазами,
И строго сказала она:
— Любовь? Ее нет между нами,
Хотите, мы будем друзьями,
Мне верная дружба нужна.

Что спорить: она откровенна.
Я, слушая, хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей отвечу: хочу.

1952

МОЕМУ СЫНУ

Взяв, на ладонь положил без усилия
Туго спеленутый теплый пакет.
Отчество есть у него и фамилия,
Только вот имени все еще нет.

Имя найдем. Тут не в этом вопрос.
Главное то, что мальчишка родился!
Угол пакета слегка приоткрылся,
Видно лишь соску да пуговку-нос.

В сад заползают вечерние тени...
Спит и не знает недельный малец,
Что у кровати сидят в восхищении
Гордо застывшие мать и отец.

Раньше смеялся я, встретив родителей
Слишком пристрастных к младенцам своим.

Я говорил им: — Вы просто вредители,
Главное — выдержка, строгость, режим!

Так поучал я, но вот, наконец,
В комнате нашей заплакал малец.
Где ж наша выдержка? Разве мы строги?! —
Вместо покоя, сплошные тревоги:

То наша люстра нам кажется яркой,
То сыну холодно, то сыну жарко,
То он покашлял, а то он вздохнул,
То он поморщился, то он чихнул...

Впрочем, я краски сгустил преднамеренно.
Страхи исчезнут, мы в этом уверены.
Пусть холостяк надо мной посмеется,
Станет родителем — смех оборвется!..

Спит мой мальчишка на даче под соснами,
Стиснув пустышку беззубыми деснами.
Мир перед ним расстелился дорогами
С радостью, горем, покоем, тревогами.

Вырастет он и узнает, как я
Жил, чтоб дороги те были прямее.
Я защищал их, и вражья броня
Гнулаась, как жесьть, перед правдой моею.

Шел я недаром дорогой побед.
Вновь утро мира горит над страной!
Но за победу, за солнечный свет,
Я заплатил дорогою ценою.

В гуле боев, десять весен назад
Шел я и видел деревни и реки...
Видел друзей. Но ударил снаряд,
И темнота обступила навеки...

— Доктор, да сделайте ж вы что-нибудь!
Слышите, доктор, я крепок, я молод! —
Доктор бессилен. Слова его — холод:
— Рад бы, товарищ, но глаз не вернуть!..—

Доктор, оставьте прогнозы и книжки.
Жаль, вас сегодня поблизости нет,
Ведь через десять полуночных лет
Из-под ресниц, засверкав у сынишки,
Снова глаза мои смотрят на свет!

Раньше в них было кипение боя,
В них отражались пожаров огни.
Нынче глаза эти видят иное,
Стали спокойней и мягче они,
Чистой, ребячьей умыты слезою.

Ты береги их, мой маленький сын,
Их я не прятал от правды суровой,
Я их не жмурил в атаке стрелковой,
Встретясь со смертью один на один.

Ими я видел и сирот и вдов,
Ими смотрел на гвардейское знамя,
Ими я видел бегущих врагов,
Видел победы далекое пламя,

С ними шагал я уверенно к цели,
С ними страну расчищал от руин.
Эти глаза для Отчизны горели!
Ты береги их, мой маленький сын!

Тени в саду все длиннее ложатся,
Где-то пропел паровозный гудок,
Ветер, устав по дорогам слоняться,
Чуть покружил и свернулся у ног...

Спит мой мальчишка на даче под соснами,
Стиснув пустышку беззубыми деснами.
Мир перед ним расстелился дорогами
С радостью, горем, покоем, тревогами...

Но не пойдет он тропинкой кривою —
Счастье себе он добудет иное:
Выкует счастье, как в горне кузнец.
Крепко я верю в то счастье большое,
Верю всем сердцем — на то я отец!

КУБАНЬ

Ты был на Кубани?
А ты побывай.
Отличные люди,
прославленный край!
Там вечер просторный и песня простая,
У клуба парнишек и девушек стая.
Там примут тебя, как хорошего друга,
Покажут, как землю ворочают плугом,
Как хлеб убирают,
как стол накрывают,
Как в горнице гостя у нас угощают.
Кубанцы на зависть умеют трудиться.
Там где-то саманный курень мой дымится,
Увитый густой виноградной лозою,
Мой бойкий домишко с антенной косою.
Веселые окна,
открытые ставни,
Дымок над трубою, как выстрел недавний.
Люблю тебя, край, мой
простор краснодарский,
И труд хлебороба,
и песни, и пляски,
И пыль под копытами на ипподроме,
И яркую лампочку в маленьком доме,
Улыбку и радость на лицах казачьих —
Суровых и смуглых, простых, но горячих!
Ты был на Кубани?
А ты побывай.
Отличные люди,
прославленный край!

1951

ДОРОГОЙ НА ХОСТУ

Дорога на Хосту...
А слева и справа
Чудесного роста
Деревьев орава.
И где-то внизу,
Самолюбия полны,
Уступы грызут
Терпеливые волны.
Причалы покинув,
Там глассер растаял...
Играет дельфинов
Горбатая стая.
Автобус, как лифт,
Майна, вира —
Сквозь горы!
Стоит эвкалипт
Совершенно бескорый.
Он верил — здесь юг,
Он разделся до нитки.
Но вьюга явилась вдруг
В белой накидке.
На листья легла,
И задумчиво пела,
И холодом жгла
Его нежное тело.
Он в эти минуты
Не чувствовал боли,
Он сном этим смутным
Был страшно доволен,
И лопнуло тело,
И вымерзло сердце...
Как витязь,
Весь в белом.
Ему не согреться
Под вьюжную ношей.
Кричали чикалки.
И вот он засохший,
Безжизненный, жалкий.
А рядом веселый
Стоит,
 как ребенок,
Весь в листьях,
 бескорый
Эвкалиптеночек.
Он выстоял зиму,
Он юный, но крепкий.

* * *

Соломенную челку сельской хаты,
Как конь буланый, ветер теребит.
Метель поет про тяжкие утраты,
И все село об этом же скорбит.

Сиротами глядят крылечки вдовьи,
Подъем ступенек и тяжея и крут,
И все тепло мозолистой ладони
Уходит не на ласку, а на труд.

Вы, что на стройках подвиги свершали,
Чтоб две больших реки соединить,
Скорей сюда, чтоб горе брать ковшами,
А вместо горя — радость подвозить!

1955

ЗИМА

Цепочка белых крыш —
Село колхозное.
Январь. Такая тишь.
И склянть морозная.

Построились дымки
В прямые столбики.
Бегут вперегонки
На лыжах школьники.

На гладь речной воды,
На омота и отмели
Князьями сели льды,
Звон речки отняли.

Как алый свет зари
На снежных выстругах,
Играют снегири.
В горящих искорках.

Плывет сугроб к реке —
Напиться в проруби.
А где-то вдалеке
Сверкнули голуби.

И тонут, тонут в синь,
Как прах серебряный,
Туда, где стынет стынь
И вся вселенная.

Как белая кошма,
Как сказка давняя,
Раскинулось плашмя
Зимы приданое.

И под ногой снега
И под полозьями.
И крепко спят стога,
И дышат озими.

1956

ДВАДЦАТЬ ТАПОЧЕК

Двадцать тапочек сушились
На заборе общежитья.
Десять девушек гляделись
В голубые зеркала.
Не гудок, не производство,
Не местком, не руководство,
Не техминимум станочный,
А гулянка их звала.

Крышки хлопали над супом,
Лук шипел на сковородке,
Молча жарилась картошка,
Разбухал лавровый лист.

В это чудное мгновенье,
Прозвучало откровенье,
В голубой косоворотке
Подошел и тронул кнопки
Чернобровый гармонист.

Руки девушек-прядильщиц
В доме окна отворили —
Пропадай супы и соус,
Выкипай до дна, обед!
И по лестнице немедля
Каблучки заговорили,
Крепдешин заулыбался,
Заструился маркизет!

Матерям отдав заботы,
Старикам оставив думы,
Неумолчно, неустанно
Веселилась молодежь.
К разноцветью майских платьев
Льнули серые костюмы,
Пять блондинов, два брюнета,
А один — не разберешь!

У раскидистой березы,
У фабричного забора,
Где гараж и где в разборе
Две коробки скоростей,
Состоялся многолюдно
Праздник юного задора
И ничем не омраченных
Человеческих страстей.

После звонкого веселья,
После вздохов под луною,
После смелых, недозволенных
Заходов за черту,
Не плясались и не пелось, —
Хлеба черного хотелось,
С аппетитом шла картошка,
Голубком летела ложка
То к тарелке, то ко рту!

Крепко спали на подушке
Шестимесячные кудри,
Что-то бредил и в смущенье

Улыбался алый рот...
И стояли неотступно
Озабоченные будни
У парткома, у фабкома,
У фабричных у ворот.

1956

РАЗЛУКА

Разлука.
 Свисток.
 Нарастание стука.
Проносится поезд
 по пояс в пыли.
Пролет виадук.
 Речная излука.
Вдали — тополя и поля конопли.
Пообок —
 мельканье пестрых косынок,
Девчата с веселым лукавством в глазах,
сверканием крынок
 запруженный рынок,
мешки на возах
 и клубника в тазах,
гудки маневровых
 вокруг водокачек,
вагоны,
 перроны,
 платформы,
 посты,
дощатые дачи,
 столбы передачи,
деревни,
 деревья,
 кусты,
 мосты...
Уже мы расселись.
 Уже проводница
постели дорожные выдала нам.
Уже мы успели в пути породниться
и к новым привыкли уже именам.
Уже мой попутчик вытаскивал булку,
уже за водою стояла толпа,

Девчонка,
а все-таки человек.
Нельзя же
бросать
человека...
Гуденье моторов
с разрывами сливши,
опять летели вдали.
Я тронул девчонку за локоть:
— Слышишь?
Чего расселась?
Пошли! —
Земля была большая,
а мы были маленькие.
Трудными были
по ней шаги.
На Кате —
с калошами жаркие валенки,
на мне —
здоровенные сапоги.
Мы шли полями,
лесами,
вброд.
Каждая моя нога,
прежде
чем сделать шаг вперед,
делала шаг
внутри сапога.
Я думал —
девчонка, наверно, нежна,
ахи,
охи,
«кис-кис».
Я был уверен —
скиснет она,
а вышло,
что сам
скис.
Буркнул:
— Дальше я не пойду.—
На землю
сел
у межи.
А она:
— Да что ты?
Брось ерунду!
Травы в сапоги
подложи.

Походочкой расслабленной
с челочкой на лбу
вхожу,
 плясун прославленный,
в гудящую избу.
Наряженный,
 взволнованный,
среди друзей,
 родных
сидит мобилизованный
растерянный жених.
Сидит с невестой Верою,
а через пару дней
шинель наденет серую,
на фронт поедет в ней.
Землей чужой, не местною
с винтовкою пойдет,
под пулею немецкою,
быть может, упадет...
В стакане брага пенная,
но пить ему невмочь.
Быть может, ночь их первая —
последняя их ночь.
Глядит он опечаленно
и — болью всей души —
мне через стол отчаянно:
«А ну давай пляши!»

Забыли все о выпитом,
все смотрят на меня.
И вот иду я с вывертом,
подковками звеня.
То выдам дробь,
 то по полу
носки проволоку.
Свищу,
 в ладоши хлопаю,
взлетаю к потолку.
Висят на стенках
 лозунги,
что Гитлеру — капут,
а у невесты —
 слезыньки
горючие
 текут.
Уже я измочаленный,
Уже едва дышу...

РЕЧКА ИНЯ

Над ущельями,
над дорогой, над сутолокой круч,
убегающей вниз,
уцепившийся за солнечный луч
жаворонок
легкий
повис.

Я его не слышу.
Для меня
жаворонок этот — не в счет.
Я пришел туда, где течет
маленькая речка Иня.
Что, казалось бы, такого в ней? —
Ручеек течет меж камней.
Переплюнуть можно, вброд перейти,
перепрыгнуть без усилий почти.

Речка, речка! Понимаешь ли ты,
почему
по перекрученной тропе
я пришел твоей напиться воды,
я пришел за песней к тебе?
...На взлохмаченном горбу волоча
бревна самой непомерной длины,
продираешься, сердито урча,
и локтями
раздвигаешь
валуны.

Холод тонких мартовских льдин
ты несешь в темно-зеленом нутре...
У меня приятель есть один.

Он скривился б,
на тебя посмотрев.
Он сказал бы,
брови выгнув в дугу,
увидав твой бешеный бег:
«Этих глупых маленьких рек
я
никак
понять не могу.
Для чего они?
Кому нужны?
И вообще,
зачем в них вода?
Если в речке нет глубины,
разве ж это речка тогда?
Разве ж она сможет, звеня,
славу о себе
пронести?!»
Ты прости его, речушка Иня!
Несмышленный он еще,
Ты прости!

1955

КАК ЭТО НАЧИНАЕТСЯ

Очертанья машины неотразимы.
Остальное —
не очень обычно для глаза:
Подъезжает к школе
в роскошном «зиме»
Ученица второго класса.
И хотя это дико,
хоть в это не верится,
Но она,
на землю ступив едва,
Говорит шоферу,
хлопая дверцей:
«Машину
подашь
в два».
И шофер,
здоровенный дядя,
Уезжает,
сумрачно глядя...
Тане
только девять,

У ТЕЛЕФОННОЙ БУДКИ

Она чертила
 пальцем по стеклу,
еще минуту
трубку не бросая;
и взгляд ее
скользнул куда-то вглубь,
меня
 насквозь,
 как стеклышко,
 пронзая.
А я стоял,
 монету в пальцах сжав;
я был не просто я,
 а я был очередь.
И если постучал,
 то был бы прав:
заговорила девушка не очень ли?

Но я стоял,
 молчал
 и не стучал,
и всем вокруг показывал с успехом,
что я не загрустил,
 не заскучал
и постучал бы,
 да ведь мне не к спеху.
А сзади и другие,
 как я вижу,
пристроились фигурами неслышными,
и женщина
 с пакетом спелых вишен,

ИДУ НА ВЫ!

Я был не в стычке пустяковой,
А, не жалея кулака,
Работал,
 злой и полуголый,
У Разина и Спартака.
Сапата звал меня — пеона,
Казак — я шел за Богуном.
Когда развертывал знамена,
Земля ходила ходуном!
Я дрался и в седле и пешим,
На стругах парус поднимал.
Я был
 расстрелян и повешен,
Как декабрист и коммунар.
Из тюрем
 в звездный холод синий
Глядел я позднюю порой.
А может быть, я был Орсини
И вышел с бомбой под полой...
Меня в безлюдные потемки
Ведет удвоенный конвой,
И ленту
 с буквами «Потемкин»
Колышет бриз береговой.
И, повинясь вере жаркой,
В чужом краю,
В родном бою
Сложил я
 Дундичем и Залкой
За брата голову свою!
Но вплоть до правды наилучшей,
Не складывая головы,
Рябой от пота и живучий,
Иду
 на вы!

1944

НА РЫНКЕ

Приценюсь к грибам на рынке.
К молоку в холодной крынке.
К винограду, что в лотке.
К розам в девичьей руке.
К морю ярмарочных красок...
Жаль, пуста в кармане касса...
Приценюсь я ко всему,
Ничего я не возьму,

Все, однако, унесу,
Даже девичью красу.

1946

ДУБ

Уже который день подряд
Свистят,

аукают метели.

Деревья голые стоят,
Они от стужи почернели.

И только дуб

назло ветрам

Листвой чугуною рокочет,
Ее он сбросит только сам,

Когда он сам того

захочет.

1949

ДЕВУШКАМ БЕРЕСЛАВКИ

Возле полок пыльной автолавки
в эти дни толпа наверняка!
В эти дни девчата Береславки
раскупают яркие шелка.

Примеряют туфельки резные,
выбирают цвет, каблук, фасон.
И на Волго-Доне все портные
позабыли, что такое сон.

Стачивают, меряют и снова
ножницами звякают они,
потому что до двадцать седьмого
остаются считанные дни.

Над широким морем долгожданным
вьются песни, чайки, паруса.
Спрятаны спешковки в чемоданы,
и со шлюзов убраны леса.

И уже не качеством бетона,
не отделкой арок и мостов,—
все живут здесь зеленью газонов,
запахом деревьев и цветов.

Будет праздник — музыка, знамена,
будет сердце радостно стучать.
И пойдут хозяйки Волго-Дона
корабли заморские встречать.

Тронет ветер девичьи наряды,
гордо выйдут девушки на склон,
скажут: — Чем богаты, тем и рады!
Принимай, Отчизна, Волго-Дон!..

Потому сегодня на прилавке
шелка уменьшается гора.
Потому портные Береславки
не уснут сегодня до утра.

И портной, склоняясь у машины,
все гадал — так что же под рукой:
праздничные волны крепдешина
или шелк воды волго-донской?

1952

БАБЬЕ ЛЕТО

В сентябре на тропки густо
листья пестрые легли.
Сентябри в народе грустно
бабьим летом нарекли.

Только что это такое:
лишь машины замолчат,
до рассвета над рекою
не смолкает смех девчат!

Видно, весело живут:
платья гладят, кудри вьют,
по уплясанной поляне,
туфли-лодочки плывут!

А уж песню запоют —
ива склонится к ручью,
дрогнет старая береза,
вспомнит молодость свою!

Выйдет на небо луна,
но не знает и она:
то ли это бабье лето,
то ли девичья весна...

1953

ВАРЯ

Шуршали сухо листья на бульваре,
хрустел ледок ноябрьских стылых луж...
К моей соседке, молчаливой Варе,
осенним утром возвратился муж.

Не так, как возвращались в сорок пятом
мужья-солдаты с той, большой войны.
Он постучался тихим, виноватым,
оставив дом своей второй жены.

А Варя руки фартуком обтерла,
входную дверь спокойно отперла.
Увидела. Ладонью сжала горло
и в комнату не сразу провела.

Потом она поплакала немножко,
сказала: «Что ж, что было, то прошло...»
И вот сейчас у них звенит гармошка
и звякает граненое стекло.

И Варя, вся одетая в обновки,
покинувшие днище сундука,
гремит листами в газовой духовке:
печет пирог и жарит судака.

...А я считала, что у Вари сила,
за то, что, боль и горечь затая,
она однажды в жизни не простила
того, что столько раз прощала я.

И мне казалось: все не так как надо,
что гости торжествуют ни к чему,
что Варя не забыла и не рада
и этот пир горой не потому,

что вот вернулся он, отец ребятам
и ей самой родной и дорогой,
а потому, что он давно когда-то
ушел от Вари к женщине другой.

Я все ждала, что Варя гордо встанет,
по-царски сложит руки на груди,
сверкнет глазами, прямо в душу глянет
и, как чужому, скажет: «Уходи!»

Но Варя все сидела с мужем рядом,
на всех смотрела просто и светло
таким спокойным, все простившим взглядом
как будто впрямь что было, то прошло.

И танцевала, стулья раздвигая,
как будто и не плакала она,
как в этот вечер плачет та, другая,
вторая, надоевшая жена.

Как будто за окном не воеет ветер,
ломая молодые деревца...
А у нее, у той, остались дети,
как Варины когда-то, без отца.

А он, отец, сидит спиной к комоду,
с гостями шутит, чокается, ест.
И Варя, может, год или полгода
ему на этот раз не надоест.

Она по старой, памятной привычке
опять носок натянет на грибок,
а под подушку мужа сунет спички
и папирос дешевых коробок.

Припомнит все, что было дорогого
в те давние, счастливые года.
И всем вокруг покажется, что снова
В семье у Вари счастье, как тогда.

И муж решит: «Забыла про обиду!
Привычка!.. Что ж, она у всех в крови...»
А Варя просто не покажет вида,
Что в этом доме больше нет любви.

Не знаю, может быть, она вернется,
любовь, которой Варя так ждала!
Не потому ли весело поется
у праздничного, шумного стола?

И кто-то, криком песню заглушая,
какой-то тост провозглашает вновь.
...И Варя долго пляшет, провожая
свою большую, первую любовь.

1955

ЛЕНИНСКИЙ ПОДАРОК

На юге,
В подкове предгорья,
Где в марте отыщешь цветок,
У самого синего моря
Беленый стоит городок.
Бушует в нем зелень густая,
И мнится,
Коль с моря взглянуть,
Что там голубиная стая
Присела в пути отдохнуть.
Вот, кажется, город взовьется
И улетит далеко...
В нем сердце спокойнее бьется
И дышится людям легко.

Утрами по улице тихой,
К шажку прибавляя шажок,
Чуть горбясь, седая ткачиха
На теплый идет бережок.
Не надо искать знаменитей:
Всю жизнь, что в труде прожила,
Она из тонюсеньких нитей
Большую дорогу ткала.
Трудилась,
Теперь отдыхает.
Ничто здесь ее не томит.
Она свою жизнь вспоминает,
А Черное море шумит...

* * *

В те дни,
Когда по снежным падам
Под Нарву шел за строем строй,

В настороженном Петрограде
Служила Надя медсестрой.
Бойцу привычно не бояться,
Смерть у него одна, а ей
В ту пору довелось сражаться
Со множеством чужих смертей.
Она была храбра, но в стуже
Неотопляемых палат
Боялась Надя встретить мужа
Средь умирающих солдат.
И все ждала о мире слова
Так страстно,
Как солдатки ждут...
День проходил, второй — и снова
К подъезду раненых везут...
Опять сестра бежит к воротам
По лестнице особняка.
Навстречу Наде быстрый кто-то:
«Носилки не нужны пока...»
Порывист,
В жестах откровенен,
Столкнувшись с ней лицом к лицу,
Стремительно поднялся Ленин
По госпитальному крыльцу.

На многих рваные халаты,
Бинты замытые видны...
Ильич осматривал палаты
И повторял:
«Бедны, бедны!..»
То добрый,
То сурово резкий,
Вступая в темноту палат,
Он видел чистыми до блеска
В то время
Лишь глаза солдат.
Они, подернутые горем,
Светлели перед Ильичем.
«Товарищ Ленин, мы вот спорим...»
Ильич подался:
«И — о чем?»
Ответил юный, смуглолицый,
С повязанною головой:
«Мы спорим... Надо ль замириться
С буржуазией мировой?»
Ильич молчал
И только взглядом
Спросил: и вывод, мол, каков?

«Вот старики твердят, что надо».
«Вот, вот...
И я за стариков...
Когда за власть буржуи ссорятся,
Война народу не с руки...
Нет, нет! И пусть не хорохорятся
То-о-варищи меньшевики!
Мир, мир!
И только мир!»
При этом
Он, вглядываясь в полутьму,
Все щурился, как бы от света,
Который виделся ему.

*

Когда в глаза ему смотрели
Людей голодных сотни глаз,
Он видел, как они теплели
От гордой мысли, что у нас
Все будет!..
Нужно лишь терпенье!
У юной медсестры тогда
Забылись страхи и сомненья,
Забылись горе и нужда.

О многом
В этот миг забыли.
Почти никто не услышал,
Как в ленинском автомобиле
Мотор голодный зачихал.
Ильич уехал; вслед солдатки
Глядели.
Вспомнили они:
«На нас заплатки и заплатки...»
«Да что ж мы?!»
«Надя, догони!..»
«Ты смелая!.. Проси не пищи,
Проси обувку... Должен дать...
Она на рынке стоит тыщи,
Обувка-то!..
А где нам взять?!..»

Рванулась...
Вот пустырь, заводик...
Цель ближе... вот совсем близка...
И догнала

Чихавший фордик
У неисправного мостка.

Ильич,
На мостик выйдя древний,
Пока саперы чинят путь,
Как мужики порой в деревне,
Присел на бревна отдохнуть.
Смеялись
Лучики-морщинки,
И Надя прямо как на грех
Увидела его ботинки,
Поношенные, как у всех.
«Ну, как просить?!» —
Вдруг тесно стало
Уже заученным словам.
Она шагнула и сказала:
«Я от солдаток...
С просьбой к вам.
Они... они не просят пищи...
Обувку бы... пар двадцать пять...
Она на рынке стоит тыщи,
Обувка-то!..
А где им взять?!»

«Да, верно».
Ленин приподнялся
И, на ее взглянув башмак,
«А вам?» — спросил
И рассмеялся
И весело и грустно так.
Он стал,
Как показалось Наде,
С мастеровыми чем-то схож;
Прикинул, на ботинок глядя:
«Э-э, нет!.. Уже не подошьешь!..»

Вдруг резче
Меж бровями складка,
И сразу смех и шутка — прочь!..
«Так вот, товарищ делегатка...—
Вздыхнул,—
Попробуем помочь!..»
Глаза прищурились в заботе
При виде сбитых каблуков:
«Вы молоды, вы доживете
До модных туфель и шелков...»

Весной,
 К прилету первой стаи,
 На улицах и берегах
 Снег залежавшийся растаял
 И по Неве прошла шуга...
 А мир тогда
 Был слишком краток;
 Бойцов измученных леча,
 Забыли двадцать пять солдаток
 Про обещанье Ильича.

Однажды
 Дождь шумел обильный,
 Всё сеткой затемнил кругом.
 А к Наде вдруг
 Пришел посыльный
 И пригласил ее в ревком.
 Шла под дождем она, по лужам,
 Готовясь горе перенести:
 Она решила, что о муже
 Недобрую там скажут весть.
 Шла тихо-тихо,
 Тщетно силясь
 Покорной быть судьбе своей.
 Под ливнем
 Косы становились
 Все тяжелей и тяжелей.

Вот и вошла,
 Не замечая,
 Как потекли с нее ручьи.
 Ее, всю мокрую, встречают
 Суровые бородачи.

И самый старший из ревкома
 Спросил у медсестры тогда:
 «Сестра, вы с Лениным знакомы?»
 Смutilась и сказала:
 «Да!»

Тут бородач оправил китель,
 Должно с кадетского плеча,
 И вытянулся: «Разрешите
 Вручить подарок Ильича.
 И Наде подали коробку.
 «Неужтѐ только мне одной?!» —
 Подумала и робко-робко

Взяла подарок именной.
И даже вздрогнула немножко,
Когда вдруг скрипнули в руках
Красивые полусапожки
На аккуратных каблуках,
Не на шнурках, а на резинке...
И кроме этих, именных,
Еще солдатские ботинки
Ильич прислал для остальных.

Без красноречья, как умели,
Подарок Ленина вручив,
Заулыбались, подобрели
Суровые бородачи.

*

В подарок тот
Принарядиться
На праздник — вот бы хорошо!..
Дни пролетали вереницей,
А к Наде праздник
Все не шел.
Бывало, поглядит в окошко:
Вот, дескать, кончат воевать,
Она в своих полусапожках
Пойдет любимого встречать.
И милому на удивленье,
Чтоб лишним чем не укорил,
Она расскажет, как ей Ленин
Сапожки эти подарил.
Но нет!
И ей, как многим женам,
Судьба потерю нарекла:
На муку чувствам береженным
Любимого не сберегла.
Но от беды у ней устало
Не опустилась голова...
В дни мирные ткачихой стала
Двадцатилетняя вдова.

*

А вскоре
Боль другой потери
Хлестнула по сердцу, как плеть...
Она жила, как бы не веря,
Что Ленин может умереть.

И день прощанья был неярок,
Боль, не стихая, сердце жгла...

В бесценный ленинский подарок
Обулась Надя и пошла.
Пришла.
Толпа у фабзавкома,
А снег над ней кружит, кружит...
«Ты,— шепчут,— с ним была знакома,
Иди к трибуне, расскажи...»
А что она в слезах расскажет,
Когда в глазах круги, круги?..
То слезы вытрет,
То покажет
На дареные сапоги,
Сначала голос был невнятен,
Но вскоре даже с дальних мест
Стал удивительно понятен
Ее рассказ,
И этот жест,
И то, как вождь сказал в заботе
При виде сбитых каблуков:
«Вы молоды, вы доживете
До модных туфель и шелков...»

*

«За жизнь-то
Хлебнула я лиха.
Достаток повелся не вдруг...»—
Замолкла седая ткачиха
И радостно смотрит вокруг.

У стареньких
Счастье во взглядах,
Почти как у малых ребят.
Вон девушки в ярких нарядах,
Сбегая на берег, шумят...
Одна беззаботно смеется,
Другая с восторгом глядит:
Волна к ней навстречу несется,
И гребень на солнце горит.
Глядит и ткачиха влюбленно
На то, как за гребнем, вдали,
Приветствуя город беленький,
Спокойно идут корабли.
Все, все,
Что ее окружает,
Что радует сердце и глаз,
На сто голосов продолжает
Не конченный ею рассказ.

Что бывает мамой
самый строгий,
Самый взрослый в мире человек.

А теперь ты пишешь мне о сыне,
Будто вновь вернулась в те года,—
Нет, такой девчонкою, как ныне,
Не была ты прежде никогда!

Перед счастьем матери робея,
Стала ты моложе
и старей,
В нежности своей —
чуть-чуть глупее,
В мудрости своей —
куда мудрей!

Мне, отцу и мужу, думать лестно,
Что тебя и сына
поутру
Из роддома с главного подъезда,
Двух детей,
я сразу заберу!

4

Стоит у роддома машина,
От нетерпенья ворча.
— Берите же на руки сына!.. —
А я все гляжу на врача,
Гляжу боязливо,
тревожно.

Беру,
по паркету иду
Так медленно,
так осторожно,
Как будто ступаю по льду.
Мой путь вдруг становится тонок,
Почти как дрожащая нить,
Как будто и сам я ребенок,
А мать меня учит ходить.

И вправду,
мой возраст отцовский
Такой, как сыновний его...
Спит крохотный житель московский,
Не видит отца своего.

...Постелью
рука моя стала,
На ней уместился он весь,
Запрятан в конверт-одеяло —
Живая
 грядущего весть!
Лишь первая строчка, поверьте,
Той вести в руках у меня.
Так пусть
 в этом теплом конверте
Растет она день ото дня.
Ее не постичь за минуту,
Такая уж доля отца, —
Всю жизнь я читать ее буду
И все ж не прочту до конца.

Волосики,
 мягкое темя,
Цвет глаз — невозможно понять,
И спать ему долгое время,
Чтоб первые сны увидеть.

Глядит он,
 не зная, что значит
Глядеть
 так серьезно
 на свет.

Он плачет,
 не зная,
 что плачет.

В нем — жизнь.
 А его — еще нет...

И, вторя движениям нашим,
Рукой протирая глаза,
Не знает он главного даже,
Что сам он
 уже родился!

Так ясно все в нем,
 так несложно:

Улыбка,
 движения век...
И все ж разгадать невозможно,
Какой же в нем спит человек?!

... Смеется мой мальчик безбровый,
Наш юный хозяин в дому,
Мы все по-солдатски готовы
Во всем подчиняться ему.

Пусть он, улыбаясь, не знает,
В каком государстве рожден,—
Отец за него понимает,
Чему улыбается он!

1952

ЕГО Я ВИДЕТЬ НЕ ДОЛЖНА

Огней так много золотых
На улицах Саратова.
Парней так много холостых,—
А я люблю женатого...

Эх, рано он завел семью!..
Печальная история!
Я от себя любовь таю,
А от него — тем более.

Я от него бежать хочу,
Лишь только он покажется,
А вдруг все то, о чем молчу,
Само собою скажется?

Его я видеть не должна —
Боюсь ему понравиться.
С любовью справлюсь я одна,
А вместе нам не справиться!

1953

ПОМНИШЬ, МАМА?..

Помнишь, мама моя,
Как девчонку чужую
Я привел тебе в дочери,
Тебя не спросив?
Строго глянула ты
На жену молодую
И заплакала вдруг,
Нас поздравить забыв...

Я ее согривал
И теплом и заботой,
Не тебя,
а ее
Я хозяйкою звал.

Я ее целовал,
Уходя на работу,
А тебя,
 как всегда,
Целовать забывал...

Если ссорились мы,
Ты ее защищала,
Упрекала меня,
Что неправ я во всем,
Наш семейный покой,
Как могла, сохраняла,
Как всегда
 позабыв
О покое своем...

Может быть, мы бы с ней
И расстались,
 не знаю,
Только руки твои
Ту беду отвели.
Так спасибо ж тебе,
Что хранишь ты, родная,
То, что с нею вдвоем
Мы б сберечь не смогли...

БРАНДЕНБУРГСКИЕ ВОРОТА

Не гремит колесница войны.
Что же вы не ушли от погони,
Наверху бранденбургской стены
Боевые немецкие кони?

Вот и арка. Проходим под ней,
Суд свершив справедливый и строгий.
У надменных державных коней
Перебиты железные ноги.

1945—1946

* * *

Я в этот день, бессонницей измят,
Впервые за пять суток разувался.
Внезапно, черным боровом, снаряд
Скользнул под ноги и — не разорвался.

Едва ли есть счастливая звезда.
А счастье все ж приходит иногда.

1944

СТИХИ

Дождь за окном. В блиндажике пустом
Сижу, воспоминаньем озабочен.
Вода секунды звонкие на стол
Роняет с круглых темных потолочин.

Неясное я что-то на стене
Настойчивым отыскиваю взглядом,
Не понимая, ритм пришел ко мне
Иль донеслась глухая канонада.

Вожу рукой устало по листкам,
Дрова в печурке крохотной пылают.
И вот слова, что я давно искал,
Выстукивать мне капли начинают.

1942—1947

* * *

На сером фоне разрушений,
Где и бурьян давно не рос,
Нарядным розовым цветеньем
Внезапно вспыхнул абрикос.

Вокруг еще развалин груды,
Но, в цепкой проволоке весь,
Тот абрикос возник как чудо.
А мы твердим, что нет чудес!

1947

ЛИМОННАЯ ТРАНШЕЯ

Степь все обнаженнее, рыжее.
А ветра — не высунуть лица.
Спрятались какие-то в траншее —
Маленькие очень деревца.

Первые степные померанцы...
Так пехота, окопавшись, ждет,
Чтоб, сигнал услышав, сбросить ранцы,
Вымахнуть за бруствер и — вперед!

1950

ВИНО

Шиповник зацветает на скале.
Ручьи летят стремительно по скатам.
Средь книг моих, забытых на столе,
Стоит бутылка белого муската.

Его придумал старый винодел.
Заранее он в грозди светлокожей
Бутылы этой душу подглядел —
Большого вкуса подлинный художник.

Я с ним знаком. Он невысок и сед.
Все сожалел — в лесах сосновых не был.
И хохотал, когда его десерт
Я в шутку окрестил «Седьмое небо».

В его вине певучий гул цикад,
Долин дыханье, горных высей проба;
И напряженный времени заряд;
И долгий страданный полдень хлебороба.

За всех людей, что могут так искать!
Я не знаток, мне пить случалось мало.
И все ж, чтоб край свой солнечный понять,
Мне этого бокала не хватало.

1952

СНЕГ

И валит, и валит, и валит...
Какая, смотри, кутерьма!
А что, если за день, за два ли,
По крышу укроет дома.

Немое движенье снежинок.
Как сразу стемнело у нас!
Должно быть, такая картина
По всей по России сейчас.

И так же легко и без шуму
Зима свой справляет приход:
И шубу кидает на шубу
И шапку на шапку кладет.

1954

РАССВЕТ

Глубоко и светло прояснили
Паруса облаков в вышине.
Не заметили, как досидели
До рассветной поры в тишине.

И когда воробьи среди кленов
Повели переклички свои,
Поглядев на меня изумленно,
Ты сказала мне: — Ой, соловьи!

Горожанка, ты даже не знала
Настоящих лесных запевал...
Побродивший по свету немало,
Снисходительно я объяснял:

— Настоящие свищут иначе,
Настоящих не слышала ты, —
Соловьи и смеются, и влачут,
И тревожат людские мечты!..

Было взвешено каждое слово.
Но на все убежденья мои
Ты твердила мне снова и снова:
— Ну и пусть! Все равно — соловьи!

ЕСТЬ У МОРЯ СВОИ ЗАКОНЫ

Есть у моря свои законы,
есть у моря свои повадки.
Море может быть то зеленым
с белым гребнем на резкой складке,
то без гребня — свинцово-сизым
с мелкой рябью волны гусиной,
то задумчивым, светло-синим,
просто светлым и просто синим,
чуть колышимым легким бризом.
Море может быть в час заката
то лиловым, то красноватым,
то молчащим, то говорливым,
с гордой гривой в часы прилива.
Море может быть голубое,
и порою в дневном дозоре
глянешь за борт, и под тобою
то ли небо. а то ли море.
Но бывает оно и черным,
черным, мечущимся, покатым,
неумолчным и непокорным,
поднимающимся, горбатым,
в белых ямах, в ползучих кручах,
переливчатых, неминуемых,
распадающихся на глыбы,
в светлых полосах мертвой рыбы.
А какое бывает море,
Если взор застигает горе?
А бывает ли голубое
море в самом разгаре боя,—
в час, когда, накренившись косо,
мачты низко гудят над ухом
и натянутой ниткой тросы
перескрипываются глухо,

Николай Краснов

* * *

Лишь на мать погляжу я —
И снова
Вспомню,
Как уходил на войну...

... Маму я у столба верстового
В чистом поле оставил одну.

Падал снег полосами косыми
На поблекшие листья берез,
На зеленое пламя озимых
И на прядь материнских волос.

И сердца леденели...

А снова
Край родной я увидел весной:
По лугам льется запах медовый,
Рожь играет широкой волной,

Зеленеют березы в долине,
Сердце снова теплом налилось...

Вся в снегу остается донине
Только прядь материнских волос.

1946

БАЙКАЛ

1

... Покинут Ангарой, ревет ревнивец.
Бурлит его таежная душа...
— Да, он такой, понлец и кормилец! —
И рыбаки своей бедой делились

Со мной
Под ветхой кровлей шалаша.

— Все лето лишь туманы да ненастья,
И вот сама сарма трубит в трубу;
Как выйдешь в море —
Посрывает снасти,
Во мгле ищи —
А где он —
Остров Счастья,
За гривы волн хватай свою судьбу.

И не поймешь, куда сирены кличут,
Все яростней клокочет волнобой;
Разбита лодка,
Отнята добыча,
И сам, как знать, вернешься ли домой.
И так всегда...
А слышал канонаду
Зимой, когда он взламывает лед?..
Всю ночь не спят рыбацкие бригады:
И он шумит и дело-то не ждет!

Пора!
И сердце в лад с прибором бьется.
Ну что ж, с тобою стоит побороться
И стоит подружить с тобой, Байкал.
Беру в объятья все твои просторы.
Какою силой ты раздвинул горы?
Меня какою силой приковал?

— Нет, у него не вымолишь удачи... —
И вдруг я вижу волжскую волну.
Прозрачен он,
А говорили — мрачен,—
Прозрачен он и вдаль и в глубину!

А говорили: сразу тьма нахлынет,
И завопят сирены-ревуны...
Да я нигде не видел столько сини,
Нигде не слышал столько тишины!

А говорили: налетят сурово,
Разграбят невод волны-беляки...
— Да я богаче не видал улова!
Так как же?.. —
И в ответ на это слово:
— Счастливый ты! —
Сказали рыбаки.

И что ни день —
 Набиты рыбой снасти,
 Сторицею оплачены труды,
 И будто бы он бушевать не властен,
 Вот этот мир из неба и воды.

В далекие таежные походы
 Уходим мы, не ведая тревог:
 Вам обещает тихую погоду
 Байкал, спокойно плещущий у ног.

И люди моему соседству рады
 И трубочки протягивают мне,
 И я, дыша табачным ароматом,
 Рассказываю бронзовым бурятам
 О Волге, о себе, о той войне,
 Как шли бойцы на подвиг,
 Умирая
 За родину.
 И старый Урбазал,
 Мои рассказы как бы подтверждая,
 — Земля отчизны — золото! —
 Сказал.

Чего таить, неплохо быть счастливым,
 Я навсегда остался бы в гостях.
 Что стоит видеть парус над заливом
 И скользкий месяц в поднятых сетях!

Спасаясь от холодного зюйд-веста,
 На берегу костер пали в ночи,
 Пока не будут камни горячи,
 А там —
 Стелись на тепленькое место
 И дрыхни до утра, как на печи!

По чернотропу с верною берданкой
 Ходи за черным соболем в тайгу,
 Зимой — в чапыжник, к зайцам на гулянки,
 Весной мани из чащи кабаргу;
 Броди по криволесью да по колкам,
 У тех вершин, где вечные снега,

В долине,
Где, не разминувшись с волком,
Гуран сложил тяжелые рога,

Где промышляют лисы-огневушки,
Трубит изюбрь,
Пасутся кабаны,
С медведицей к далекой деревушке
По ягоду уходят пестуны,

Где лебеди гуляют стаей белой,
В наряде брачном селезни кричат,
Где взгляд сольется с прорезью прицела
Над изумленной бровью косача,

Где сосны ветром скручены кривые
И где гудят в ущельях сквозняки;
Свежуй сохатых —
Это не впервые, —
Расстегивай медведям шубняки!

А хочешь —
Хлеб выращивай в колхозах,
Рой золото,
Заготовляй леса,
Ищи алмазы — ангельские слезы,
Рубины,
Коль в сорочке родился!

Иди на вздымку — добывай живицу,
У домны встань,
Рубай угля пласты, —
И все по сердцу,
Стоит лишь решиться,
И всюду чувствуй,
Что счастливый ты.

3

Но хватит, —
С кем такого не бывало:
Вдруг сердце всполохнется и замрет.
Да, надо ехать:
Мать затосковалась,
Любимая, быть может, ждет.

И странно —
Сплю спокойно ночью долгой
И на Байкал тоскливо не гляжу.

Такое чувство:
Ухожу на Волгу,
А будто никуда не ухожу.

А если грусть идет с далеких тропок,
Так потому, что все вокруг бело
И что следы мои на склонах сопок
Ноябрьским снегом густо замело.

А в садике, в сиреновой аллейке,
Померзла мной помятая трава,
С моими инициалами скамейку
Мальчишки растащили на дрова.

Гляжу на тех, с кем шлялся по заливам,
Бродил за зверем в зарослях лесных.
Я с ними был действительно счастливым,
Счастливым за себя,
За всех за них.

Я им отныне счастье завещаю,
И от любви вся кровь моя поет.
Вас, Акатуй и Шилка голубая,
Байкала чаша, полная до края,
И Нерчинск,
И тебя, тайга глухая,—
Я всю тебя душою обнимаю,
Земля отчизны —
Золото мое!..

В окне вагона замелькали ели,
Меня Байкал выходит провожать,
И я весь день гремящие туннели
Считаю,
Чтоб волнение унять.

Где б ни жил я,
В каких бы ни был странах,
Но никогда,
Байкал,— даю зарок! —
На карте я искать не перестану
Твоей воды серебряный глоток.

И о тебе, могучем и привольном,
Я не одну, быть может, песнь сложу.
Я ухожу...
Ты будь всегда спокойным,
Как будто никуда не ухожу.

КОРОМЫСЛО

Не полвека ль назад, высока и стройна,
В этот домик вступила хозяйкой она?

Уложила в сундук подвенечный наряд
И привычно взялась за горшки и ухват.

Чтоб тяжелые ведра не резали рук,—
Ей с базара привез коромысло супруг.

Был подарок его расписной красоты:
От крючка до крючка — петухи да цветы.

Что река далеко — не беда молодой,
Танцевала под тяжестью ведер с водой.

И не знала она, как смотрел ей вослед,
Как печально вздыхал неженатый сосед.

Но прошли, вереницей промчались года,
И тяжелою стала речная вода.

Кто считал, сколько раз на крестьянском веку
С коромыслом ходила она на реку?

Если б камнем тропинку устлать до воды,
То, наверно б, на камне остались следы.

Лоб в морщинах давно, на висках седина,
Коромыслом согнулась у старой спина.

И в подарке не стало былой красоты,
Помаленьку сошли петухи и цветы.

Год, как выдана замуж последняя дочь.
Год, как некому больше старухе помочь.

Силы будто бы есть, да одышка берет,—
От реки до крыльца раза три отдохнет.

Облегчая в колхозе хозяйкам судьбу,
Вдоль села под землей проложили трубу,

Добрались до просохшей в подполье земли,
И к старухе на кухню трубу провели.

Желтой медью сияет начищенный кран,—
Подставляй под него хоть ведро, хоть стакан.

Звонко льется вода и вкусна и светла,
А тропинка к реке лебедой заросла.

И уже коромысло в чердачной пыли
Тонкой пряжей своей пауки оплели.

1948

РОДНОЕ СЛОВО

Кладь, медунка, подполозок, соты,—
С детства мил мне этот лексикон.
Чувства меры нету у кого-то —
Говорили: «Обудоха он».

Из какого древнего запечья
Это слово вышло за порог?
Даже Даль, подвижник русской речи,
Натолкнуться на него не смог.

Помню: листьев золото осеннее,
Хмурый Волхов, полутемный дзот.
На пороге дзота пополнение —
Деревенской выдержки народ.

Покурить бы, говорят, неплохо.
Сыплю горсть махорки одному.
— Да куда ты столько, обудоха!
На-ко, брат, согдится самому...

Я всмотрелся в русую пехоту:
По наречью слышу — земляки!
В тесноте обстрелянного дзота
Самокрутки прячем в кулаки.

Покурив, однако, разобрались,
Что друг другу вовсе не сродни:
Я по роду коренной уралец,
А они? Из Вологды они.

Вохма есть еще одна на свете —
Речка вьется через край лесной,
В Вохме той, как и в уральской, дети
По медунки бегают весной.

... Шел мой предок с войском Ермаковым,
По речушке Вохме тосковал.
Дом срубил себе в лесу сосновом,
И деревней Вохменкой назвал.

Он мечтал, что здесь расправит спину,
Что нужда не приползет сюда.
Все на свете мог бы он покинуть,
Но родное слово никогда!

Он ворочал трудную работу,
Песни предков пел наедине,
Пряный мед копил в прозрачных сотах,
Клади хлеба ставил на гумне.

Ценность слова — не в обличье громком,
Если смысл в нем стойкий заключен, —
Значит, слово перейдет к потомкам,
Уцелев под натиском времен.

... Понял я в тот грозный вечер года
На суровой фронтовой реке,
Что характер и душа народа,
И его бессмертье — в языке!

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА

Волна о камни мола бьется,
проходят мимо корабли.
На маяке бывалый боцман
застрял, как будто на мели.

На нем поблекшая фуражка
и китель, вытертый слегда,
синеполосая тельняшка,
подруга странствий моряка.

Пусть борода совсем седая,
но уверяет старина,
что это въелась соль морская
и ни при чем тут седина.

На мол выходит спозаранку —
на рыбный лов легка рука.
И не часы, а те же склянки
считают годы старика.

Он знает нрав крутой Бискайи,
в Индийском плавал,
и готов,
косые волны рассекая,
на Тихом промышлять китов.

На все готов он, лишь бы снова
увидеть море с корабля,
и после бурь отдать швартовы
тебе, родимая земля.

А то и встать у грозных башен
и постоять за мир, гляди...

Но по ночам жестокий кашель
клокочет в боцманской груди.

И старику до слез обидно,
что вот не те уже года
и что он к пристани, как видно,
пришвартовался навсегда.

Но не однажды капитаны
помянут честью и добром
на маяке огонь желанный,
зажженный старым моряком.

1951

В ДЕНЬ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ

Еще стояла тьма немая,
в тумане плакала трава.
Девятый день большого мая
уже вступил в свои права.
Армейский зуммер пискнул слабо —
и улетел солдатский сон!
Связист из полкового штаба
вскочил и бросил телефон.
И всё!
Не звали сигналистов.
Никто не подавал команд.
Был грохот радости неистов.
Плясать пустился лейтенант.
Стреляли танки и пехота.
И, раздирая криком рот,
впервые за четыре года
палил из «вальтера» начпрод.
Над мутной торопливой Тиссой
и стрекот выстрелов и гул.
К жару привыкший повар лысый
зачем-то ворот расстегнул.
Не рокотали стайки «яков»
над запылавшею зарей.
И кто-то пел.
И кто-то плакал.

И кто-то спал в земле сырой.
Вдруг тишь нахлынула сквозная,
и в полновластной тишине
спел соловей,
еще не зная,
что он поет не на войне.

1955

ФОТОГРАФИЯ

Давно не безразлично маме
с ее натурой прямой,
что все позднее вечерами
сын возвращается домой.

Стараясь не будить домашних,
он спать ложится без еды.
А сквозь окно глядят две влажных,
две удивительных звезды.

Упало фото возле стула,
скользнула света полоса.
И мать нечаянно взглянула
в большие девичьи глаза.

Как будто встретившись с бедою,
она присела у стола.
Себя считала молодой,
а, значит, молодость прошла.

И как прошла и как промчалась —
что ливень в майскую грозу...
Неслышно выдавила жалость
скудную жгучую слезу.

Сын взрослым стал — простое дело,
его нельзя не понимать.
Со снимка радостно глядела
чужая молодость на мать.

Она любимого обнимет,
заменит всех в его судьбе
и часть того тепла отнимет,
что предназначено тебе.

Но вспомни: ведь и ты когда-то
вдаль, за околицу села,
в разгар весеннего заката
чужого сына увела!

И спрячет мать ночной порою
подарок девушки в пиджак,
и сына потеплей укроет,
как будто в комнате сквозняк.

1955

В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ

Здесь розы есть, как сладкий мед,
С цветными лепестками,
Есть розы хрупкие, как лед,
И яркие, как пламя.
Есть розы, белые как снег,
Крученые, как вьюга,
Есть розы с именем «Артек»,
«Веснянка» и «Подруга».

Старик садовник входит в сад,
Весь день мудрит, как химик,
И розы льют свой аромат
Под пальцами сухими.
Он может, завязав глаза,
Без всякой гордой позы,
Легко по запаху сказать,
Какого сорта роза.
Весь день он режет черенки
Иль скрещивает виды,
Иль вслух считает лепестки
У нового гибрида.
И он привык не замечать,
Как вдоль витой решетки
Приникли головы девчат
К магнитной загородке.
Посвящены его года
Служению науке,
А девушки идут сюда
Скорей всего от скуки...

Но как-то раз
Заметил он
Двух молодых рабочих:

Парнишка, видно, был влюблен,
А девушка... не очень.
Старик подумал:
«Молодежь!
Небось страдать не сладко?» —
Он взял кривой садовый нож
С дубовой рукояткой
И срезал розу —
Словно мед! —
С густыми лепестками,
И розу, хрупкую, как лед,
И яркую, как пламя.

Он подал в руки им букет
И отошел в сторонку,
И теплый,
Нежный-нежный свет
Возник в глазах девчонки.

А парень сразу стал смелей
И ростом стал повыше.
И что-то стало им ясней,
И руки сдвинулись тесней,
И плечи стали ближе...

Садовник был заметно горд,
Смотрел на них с участием,
И новый свой душистый сорт
Решил назвать он «Счастье».

1952

**КРАТКИЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЕ
СПРАВКИ**

ТВАРДОВСКИЙ АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ

Родился в 1910 г. в д. Загорье, Смоленской губ., в семье крестьянина-кузнеца. До 1928 г. жил в деревне, учился в сельской школе, работал в кузнице. С 1924 г. стал печатать стихи и заметки в смоленских газетах. В 1928 г. переехал в Смоленск, сотрудничал в местных газетах и журналах, учился в Смоленском педагогическом институте. В 1936 г. переехал в Москву, в 1939 г. окончил филологический факультет Московского института истории, филологии и литературы. Во время Великой Отечественной войны был специальным корреспондентом фронтовой печати. После войны в течение ряда лет редактировал журнал «Новый мир». Награжден орденами Ленина, Отечественной Войны I и II степени и Красной Звезды. В 1941, 1946 и 1947 гг. за поэмы «Страна Муравия», «Василий Теркин» и «Дом у дороги» удостоен Сталинских премий. Первый сборник стихов «Путь к социализму» вышел в Москве в 1931 г.

Стихотворения и поэмы в 2-х томах, Гослитиздат, М. 1951; изд. 2-е, доп., Гослитиздат, М. 1954; изд. 3-е, Гослитиздат, М. 1957.

ЩИПАЧЕВ СТЕПАН ПЕТРОВИЧ

Родился в 1899 г. в деревне Щипачи, Камышловского уезда, Пермской губ., в семье крестьянина. С восьми лет начал работать по найму. Был батраком, работал в забое на асбестовых приисках, служил приказчиком. В начале 1917 г. был призван в царскую армию. В 1919 г. вступил добровольцем в ряды Красной Армии, принимал участие в разгроме уральских белоказков, позже был командирован в Московскую военно-педагогическую школу. С 1922 по 1929 г. преподавал в военных учебных заведениях Севастополя и Москвы. В 1929—1931 гг. был заместителем редактора журнала «Красноармеец». В 1931—1934 гг. учился в Институте красной профессуры. С 1935 г. перешел на творческую работу. В годы Великой Отечественной войны работал военным корреспондентом газеты «Правда», журнала «Красноармеец» и фронтовой газеты «За Родину». Награжден тремя орденами Красной Звезды. В 1949 и 1951 гг. удостоен Сталинских премий. Печататься начал с 1919 г. Первый сборник стихов «По курганам веков» вышел в Симферополе в 1923 г.

Стихи, Гослитиздат, М. 1950, 256 с.; Стихотворения и поэмы, Гослитиздат, М. 1954, 303 с.; Строки любви, Гослитиздат, М. 1956, 87 с.; [Стихи и поэма «Павлик Морозов»], «Советский писатель», М. 1957, 379 с.

ЗАВОЛОЦКИЙ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1903 г. в Казани, в семье агронома. В 1920 г. окончил среднюю школу в г. Уржуме, в 1925 г. — отделение языка и литературы Педагогического института им. А. И. Герцена в Ленинграде. Начал печататься в 1926 г., публиковал стихи в ленинградских газетах и журналах. Известен также как переводчик поэтов братских республик, особенно грузинских поэтов. Первая книга стихов «Столбцы» вышла в Ленинграде в 1929 г.

Вторая книга. Стихи, Гослитиздат, Л. 1937, 45 с.; Стихотворения, «Советский писатель», М. 1948, 92 с.; Стихотворения, Гослитиздат, М. 1957, 200 с.

СМЕЛЯКОВ ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1913 г. в г. Луцке, Волынской губ., в семье служащего. В 1928 г. окончил школу-семилетку в Москве. Работал дворником, истопником, был репортером. В 1931 г. окончил полиграфическую школу ФЗУ, стал наборщиком в типографии. С 1933 г. занимается литературным трудом. Печататься начал с 1931 г. Первый сборник стихов «Работа и любовь» был издан в Москве в 1932 г.

Кремлевские ели, «Советский писатель», М. 1948, 112 с.; Стихи, «Советский писатель», М. 1950, 180 с.; Строгая любовь. Книга стихов, «Советский писатель», М. 1956, 119 с.

МАРТЫНОВ ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1905 г. в Омске, в семье служащего. Окончил четыре класса средней школы. С 1920 г. сотрудничал в газетах. Начал печататься в 1921 г. в омской газете «Рабочий путь». Много ездил по Советскому Союзу в качестве корреспондента газет и журналов. Печатал стихи, очерки, корреспонденции и статьи. Переводит произведения поэтов братских республик и стран народной демократии. Первая книга «Стихи и поэмы» вышла в Омске в 1939 г.

Поэмы, «Советский писатель», М. 1940, 72 с.; Лукоморье. Стихи, «Советский писатель», М. 1945, 80 с.; Стихи, «Молодая гвардия», М. 1955, 104 с.; Стихи, «Молодая гвардия», М. 1957, 104 с.

ВАРТО АГНИЯ ЛЬВОВНА

Родилась в 1906 г. в Москве, в семье ветеринарного врача. В 1922 г. окончила среднюю школу. Одновременно с учебой в школе занималась в театральном училище. Печататься начала в 1925 г. С тех пор выпустила ряд книг и стихотворных сборников для детей. В годы Великой Отечественной

войны много писала для радио, сотрудничала в газетах «Уральский рабочий», «Труд» и «Комсомольская правда». Награждена орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». В 1950 г. удостоена Сталинской премии. Первая книга «Китайчонок Ван-Ли» вышла в Москве в 1925 г.

Стихи детям, Детгиз, М.—Л. 1952, 224 с.; Звенигород, Детгиз, М.—Л. 1954, 263 с.; Стихи детям, Детгиз, М. 1956, 383 с.; Машенька и ее друзья, Детгиз, М. 1956, 64 с.

БЕРГГОЛЬЦ ОЛЬГА ФЕДОРОВНА

Родилась в 1910 г. в Петербурге, в семье врача. В 1926 г. окончила среднюю школу, в 1930 г. — филологический факультет Ленинградского университета. В 1930—1931 гг. работала корреспондентом газеты «Советская степь» (г. Алма-Ата). В 1931—1934 гг. редактировала комсомольскую страницу многотиражной газеты завода «Электросила» в Ленинграде, в 1934—1936 гг. была редактором и одним из авторов книги, посвященной истории этого завода. В дни Великой Отечественной войны жила и работала в осажденном Ленинграде, выступала по радио, на фабриках и заводах, в воинских частях и на кораблях Балтийского флота. Является автором книг для детей, стихов, поэм, рассказов, очерков и пьес. В 1951 г. удостоена Сталинской премии. Печататься начала с 1930 г. Первый сборник «Стихотворения» вышел в Ленинграде в 1934 г.

Ленинград. Стихи, «Советский писатель», М. 1944, 80 с.; Ленинградский дневник. Стихи и поэмы 1941—1944, Гослитиздат, Л. 1944, 88 с.; Избранное, «Молодая гвардия» М. 1954, 208 с.; Лирика, Гослитиздат, М. 1955, 235 с.

ГИТОВИЧ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ

Родился в 1909 г. в Смоленске, в семье служащего. В 1927 г. после окончания средней школы поступил на географический факультет Ленинградского университета. С 1929 г. занимается литературным трудом. Во время войны с белофиннами 1939—1940 гг. и в дни Великой Отечественной войны служил в рядах Советской Армии военным корреспондентом армейских и фронтовых газет. С частями Советской Армии был в Маньчжурии и Корее. Награжден орденами Отечественной Войны II степени и Красной Звезды. Первая книга «Мы входим в Пишпек» вышла в Ленинграде в 1931 г.

Стихи (1928—1934), «Молодая гвардия», Л. 1934, 137 с.; Стихи, «Советский писатель», Л. 1937, 103 с.; Стихи военного корреспондента, «Советский писатель», М. 1947, 96 с.; Под звездами Азии, «Советский писатель», Л. 1955, 184 с.

МИХАЛКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился в 1913 г. в Москве, в семье научного работника. В 1930 г. окончил среднюю школу в Пятигорске. Печататься начал с 1928 г. Работал чернорабочим на Москворецкой ткацко-отделочной фабрике, участвовал в геоло-

горазведочных экспедициях. В 1935—1937 гг. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. В это время начал публиковать стихи для детей. В дни Великой Отечественной войны работал военным корреспондентом фронтовой газеты «Во славу Родины», позже — в газете Военно-Воздушных Сил Советской Армии «Сталинский сокол». Писал заметки, стихи, подписи под карикатурами, листовки в стихах и т. д. В 1943 г. в соавторстве с Г. Эль-Регистаном С. Михалков создал текст Государственного гимна Советского Союза. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды. В 1941, 1942 и 1950 гг. удостоен Сталинских премий. Первая книга «Стихи» вышла в Москве в 1936 г. в библиотеке «Огонька».

Избранные произведения. Стихи. Басни. Пьесы, Гослитиздат, М. 1950, 248 с.; Басни и стихи, «Молодая гвардия», М. 1952, 128 с.; Сочинения в 2-х томах, Гослитиздат, М. 1954.; Басни, Гослитиздат, Л. 1957, 105 с.

СИМОНОВ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1915 г. в Петрограде. Воспитывался в семье военнослужащего. В 1930 г. окончил среднюю школу в Саратове. Учился в ФЗУ, работал токарем по металлу в Саратове и в Москве. С 1934 по 1938 г. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. В 1939 г. был военным корреспондентом в Монголии. В годы Великой Отечественной войны работал корреспондентом газеты «Красная звезда», печатал в газетах стихи, очерки и рассказы на военные темы. После войны в качестве корреспондента и члена советских делегаций посетил ряд зарубежных стран. Автор стихов, романов, пьес и очерков. Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной Войны I степени и орденом «Знак Почета». Шесть раз присуждались Сталинские премии (в 1942, 1943, 1946, 1947, 1949 и 1950 гг.). Печататься начал с 1934 г. Первая поэма «Павел Черный» вышла в Москве в 1938 г.

Война. Стихи. 1937—1943, «Советский писатель», М. 1944, 148 с.; Избранные стихи, «Советский писатель», М. 1951, 260 с.; Стихи и поэмы. 1936—1954, Гослитиздат, М. 1955, 580 с.; Лирика, Гослитиздат, М. 1956, 143 с.

ДОЛМАТОВСКИЙ ЕВГЕНИЙ АРОНОВИЧ

Родился в 1915 г. в Москве, в семье юриста. В 1929 г. окончил семилетку, затем учился в педагогическом техникуме. Начал печататься в 30-х годах в пионерских газетах. В 1933 г. по призыву комсомола участвовал в строительстве первой очереди метро. В 1937 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. В качестве военного корреспондента участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию, в войне с белофиннами 1939—1940 гг., а затем — в Великой Отечественной войне. Известен как поэт-песенник. Награжден орденами Отечественной Войны I степени, Красной Звезды и «Знак Почета». В 1950 г. удостоен Сталинской премии. Первая книга стихов «Лирика» вышла в Москве в 1934 г.

Слово о завтрашнем дне. Книга стихов, «Советский писатель», М. 1949, 148 с.; Стихи. Песни. Поэмы, Гослитиздат, М. 1951, 316 с.; Избранное, Гослитиздат, М. 1955, 480 с.; Добровольцы. Роман в стихах, «Советский писатель», М. 1956, 206 с.

ЛИХАРЕВ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1906 г. в поселке Парголово близ Петербурга, в семье служащего. После окончания средней школы учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова в Москве, позже — на факультете языка и материальной культуры Ленинградского государственного университета. Печататься начал с 1929 г. Принимал участие в войне с белофиннами и в Великой Отечественной войне. В 1942 г. находился в тылу врага, во II бригаде партизан Ленинградской области. Был членом группы писателей при Политуправлении Ленинградского фронта. Награжден орденами Красного Знамени и Отечественной Войны II степени. Первый сборник стихов «Соль» вышел в Ленинграде в 1930 г.

Избранные стихи, Гослитиздат, Л. 1940, 168 с.; Поход к фиордам, «Советский писатель», М. 1947, 67 с. Подвиг, «Молодая гвардия», М. 1953, 83 с.; Дороги дружбы, «Советский писатель», Л. 1954, 220 с.

ФРЕНКЕЛЬ ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ

Родился в 1903 г. в Кургане, Тобольской губ., в семье политического ссыльного. До революции окончил в Екатеринбурге (ныне Свердловск) четыре класса реального училища. С 1918 по 1925 г. был на комсомольской и партийной работе. Печататься начал с 1925 г. В 1931—1933 гг. учился в Институте красной профессуры. С 1933 по 1935 г. работал начальником Политотдела МТС в Челябинской области. Во время войны с белофиннами и в Великую Отечественную войну служил корреспондентом армейских и фронтовых газет. Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Первый сборник «Песня и стих» вышел в Москве в 1935 г.

Книга стихов, Гослитиздат, М. 1938, 56 с.; Стихи и поэмы; «Советский писатель», М. 1948, 168 с.; Лист зеленый. Стихи о Молдавии, «Советский писатель», М. 1954, 96 с.

СТРЕЛЬЧЕНКО ВАДИМ КОНСТАНТИНОВИЧ

(1912 — 1942)

Родился в Херсоне, в семье служащего. Детство и юность провел в Одессе, где учился в школе-семилетке и работал слесарем на заводе. В 1931 г. окончил Харьковский автомобильный техникум. В том же году переехал в Москву и два года учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Печататься начал с 1929 г. В самом начале Великой Отечественной войны вступил добровольцем в ряды народного ополчения. Погиб в боях под Ельней. Первый сборник «Стихи товарища» вышел в Москве в 1937 г.

Моя фотография. Стихи, «Советский писатель», М. 1941, 56 с.; Стихи, «Советский писатель», М. 1947, 136 с.; Стихи, «Советский писатель», М. 1953, 124 с.

ВАСИЛЬЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1911 г. в г. Кургане, Тобольской губ., в семье служащего. До 1926 г. учился в средней школе. В 1927 г. переехал в Москву, в 1928 г. поступил учиться в Центральный дом искусств им. Поленова. Одновременно работал на Первой Московской ситценабивной фабрике в печатном цехе. В 1938 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. С первых дней Великой Отечественной войны ушел добровольцем в действующую армию и в качестве военного корреспондента долгое время находился на Западном, 1-м Украинском и других фронтах. Писал стихи, поэмы и очерки на военные темы. Известен также как автор пародий и эпиграмм. Награжден орденом Красной Звезды. Печататься начал с 1931 г. Первый сборник стихов «Возраст» вышел в Москве в 1933 г.

Вторая книга стихов, «Художественная литература», М. 1936. 75 с.; Москва советская, «Молодая гвардия», М. 1947, 71 с.; Избранное, Гослитиздат, М. 1950, 272 с.; Лирика и сатира, Курган, 1955, 575 с.

ЯШИН АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ

(псевдоним А. Я. Попова-Яшина)

Родился в 1913 г. в д. Блудново, Никольского уезда, Вологодской губ., в семье крестьянина. В г. Никольске окончил среднюю школу и педагогический техникум. Работал сельским учителем в Чебарсарском районе Вологодской области. Учился в Вологодском педагогическом институте. Печататься начал с 1928 г. В 1935 г. поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. В дни Великой Отечественной войны участвовал в боях за Ленинград и Сталинград в рядах морской пехоты и на кораблях Волжской военной флотилии, активно работал во флотской печати. После демобилизации много ездил по Советскому Союзу. В качестве корреспондента побывал на строительстве Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций и Волго-Донского канала. Награжден орденом Красной Звезды. В 1950 г. за повесть в стихах «Алена Фомина» присуждена Сталинская премия. Первый сборник стихов «Песни Северу» вышел в Архангельске в 1934 г.

Алена Фомина. Повесть в стихах, «Советский писатель», М. 1950, 206 с.; Избранное, Гослитиздат, М. 1954, 423 с.; Три поэмы, «Советский писатель», М. 1955, 244 с.; Свежий хлеб. Книга стихов. «Советский писатель», М. 1957, 143 с.

АЛИГЕР МАРГАРИТА ИОСИФОВНА

(М. И. Алигер-Манарова)

Родилась в 1915 г. в Одессе, в семье служащего. Окончила среднюю школу в Москве и поступила в химический техникум, совмещая учебу с работой на заводе. После окончания техникума была библиотекарем, позже —

литературным работником редакции заводской многотиражной газеты. Печататься начала с 1933 г. В 1934—1937 гг. училась в Литературном институте им. А. М. Горького. В дни Великой Отечественной войны работала в редакции газеты Военно-Воздушных Сил Советской Армии «Сталинский сокол», и в армейской газете. Награждена орденом «Знак Почета». В 1943 г. за поэму «Зоя» присуждена Сталинская премия. Первый сборник стихов «Год рождения» вышел в Москве в 1938 г.

Стихи и поэмы. 1935—1943. Гослитиздат, М. 1944, 176 с.; Избранное, «Советский писатель», М. 1947, 212 с.; Ленинские горы, Гослитиздат, М. 1953, 248 с.; Лирика, «Советский писатель», М. 1955, 396 с.

МАРКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1906 г. в посаде Парфентьево, Кологривского уезда, Костромской губ., в семье землемера. В 1919—1921 гг. служил конторщиком, переписчиком, библиотекарем в г. Акмолинске. Систематического образования не получил, но много занимался самообразованием. С 1921 г. начал помещать стихи и фельетоны в сибирских газетах и журналах. Занимался изучением Сибири, написал несколько книг на исторические и краеведческие темы и роман «Юконский ворон»; печатался в журнале «Наши достижения». Во время Великой Отечественной войны служил рядовым в Советской Армии. Сборник стихов «Радуга-река» вышел в 1946 г. в Москве.

ЧЕРНОМОРЦЕВ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1903 г. в Красноярске, в семье железнодорожника. В 1921 г. из шестого класса средней школы ушел добровольцем в Красную Армию. В 1922—1927 гг. учился на филологическом факультете Иркутского государственного университета, тогда же начал печатать свои первые стихи. После окончания университета работал литературным сотрудником в редакциях газет Иркутска, Новосибирска, Томска и Москвы. В годы Великой Отечественной войны служил в рядах Советской Армии, и сотрудничал во фронтовых газетах. Первая книга стихов «Тайга» вышла в Москве в 1934 г.

Песнь о Сибири. Стихотворения, «Советский писатель», М. 1946, 92 с.; Сибирская земля. Стихи, «Советский писатель», М. 1950, 95 с.; На просторах Сибири. Избранные стихи, «Советский писатель», М. 1956, 171 с.

ЧИВИЛИХИН АНАТОЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ

(1915 — 1957)

Родился в Петрограде, в семье рабочего. Окончил среднюю школу и в 1939 г. — Ленинградский инженерно-экономический институт. В студенческие годы начал публиковать стихи в ленинградских газетах и журналах. В дни Великой Отечественной войны был корреспондентом дивизионной, армейской и фронтовой газет на Ленинградском, Волховском и 1-м Украинском

фронтах. Награжден орденом Красной Звезды. Первая книга «Стихи» вышла в Ленинграде в 1939 г.

Голоса на ветру. Стихи, «Советский писатель», М. 1947, 82 с.;
Поэмы, Лениздат, Л. 1951, 112 с.; Стихотворения. Поэмы, «Советский писатель», Л. 1954, 192 с.

АЛЫМОВ СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

(1892 — 1948)

Родился в с. Славгороде, Харьковской губ., в семье крестьянина. Учился в гимназии, затем в коммерческом училище. Рано включился в активную революционную деятельность, за которую в 1911 г. был арестован и приговорен к каторге, замененной пожизненной ссылкой. В том же году из Сибири бежал за границу, жил в Австралии и вернулся в Советский Союз в 1926 г. Известен как поэт-песенник. В годы Великой Отечественной войны поэт добровольно ушел в ряды Советской Армии и принял участие в героической обороне Севастополя. Награжден орденами Красной Звезды и «Знак Почета». Первый сборник стихов «Кюск нежности» вышел в Харбине в 1920 г.

Песни, «Советский писатель», М. 1939, 94 с.; Все для победы. Стихи и песни, «Советский писатель», М. 1942, 31 с.; Стихи и песни, Гослитиздат, М. 1953, 96 с.

РЫЛЕНКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Родился в 1909 г. в д. Алексеевка, Рославльского уезда, Смоленской губ., в семье крестьянина. В 1926 г. окончил среднюю школу в г. Рославле и начал работать сельским учителем. В период коллективизации был председателем сельского совета. В 1933 г. окончил отделение языка и литературы Смоленского педагогического института. Работал в редакции смоленской областной газеты «Рабочий путь», затем — в Смоленском областном издательстве. В начале Великой Отечественной войны был командиром саперного взвода, в 1942 г. работал в редакции журнала «Фронтной юмор», в 1943 г. — в штабе партизанского движения Западного фронта. Печататься начал с 1926 г. Первый сборник стихов «Мои герои» вышел в Смоленске в 1933 г.

Дыхание, Гослитиздат, М. 1938, 84 с.; Зеленый цех. Стихи, «Советский писатель», М. 1949, 135 с.; Стихи и поэмы, Обл. гос. изд.-во, Смоленск, 1956, 408 с.; Стихотворения и поэмы, Гослитиздат, М. 1956, 335 с.

СИДОРЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1905 г. в Курске, в семье учителя. В 1923 г. в Москве окончил среднюю школу, в 1931 г. — факультет судовой механики Московского механического института им. М. В. Ломоносова. В 1931—1932 гг. работал инженером на заводе им. Фрунзе. Уйдя с завода, занялся литературной деятельностью. Переводит стихи поэтов братских республик. Во время Великой Отечественной войны служил в Тихоокеанском флоте, в Волжской и

Днепровской военных флотилиях. Награжден орденом Красной Звезды. Печататься начал с 1925 г. Первый сборник стихов «Салют» вышел в Москве в 1926 г.

Дождь в саду, «Советский писатель», М. 1935, 75 с.; Заре навстречу. Лирика, Гослитиздат, М. 1938, 120 с.; На вахте. Стихи, Дальгиз, Хабаровск, 1944, 40 с.; Погожий день. Лирика, «Советский писатель», М. 1952, 128 с.

ОШАНИН ЛЕВ ИВАНОВИЧ

Родился в 1912 г. в Рыбинске (ныне г. Щербаков), Ярославской губ., в семье юриста. Копчил школу-семилетку в Москве. В 1930—1931 гг. работал на заводе чернорабочим, потом токарем. С 1932 по 1935 г. жил в Кировске, Мурманской обл., был директором клуба горняков, работал на апатитовой обогатительной фабрике, сотрудничал в газете «Кировский рабочий». Печататься начал с 1930 г., с 1937 г. стал писать песни. В 1936—1939 гг. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. В годы Великой Отечественной войны создал ряд популярных песен («В бой за родину», «На Берлин», «В белых просторах», «Дороги» и др. Из послевоенных песен наиболее известны «Гимн демократической молодежи мира», «Гимн Международного союза студентов», «Комсомольцы — беспокойные сердца» и др.). В 1950 г. удостоен Сталинской премии. Первый сборник стихов «Всегда в пути» вышел в Москве в 1948 г.

Москва майская. Сборник песен, «Московский рабочий», М. 1949; Избранные стихи и песни, Госкультпросветиздат, М. 1953, 71 с.; Тебе, мой друг, «Молодая гвардия», М. 1955, 128 с. Стихи о любви. Стихи, поэмы, песни, «Советский писатель», М. 1957, 180 с.

ШВЕЦОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1903 г. в д. Передельново, Нижегородской губ., в семье рабочего. Трудовую жизнь начал с четырнадцати лет, переменял много профессий. В 1928 г. на общемосковском литературном конкурсе получил первую премию. Учился на рабфаке искусств и в Редакционно-издательском институте. Во время Великой Отечественной войны находился в действующей армии в качестве корреспондента армейской газеты «Разгромим врага». Награжден орденом Отечественной Войны II степени и двумя орденами Красной Звезды. Печататься начал с 1928 г. Первая книга «Пародии и эпиграммы» вышла в Москве в 1931 г.

Сатирические стихи, «Правда», М. 1950, 48 с.; Сатирические стихи, «Советский писатель», М. 1955, 103 с.; Стихи разных лет, «Правда», М. 1956, 32 с.

КУДРЕЙКО АНАТОЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

(А. А. Зеленин-Кудрейко)

Родился в 1907 г. в местечке Пружаны, Гродненской губ., в семье служащего. Окончил начальную школу в г. Амур-Нижнеднепровск. Осенью 1925 г. переехал в Москву. В 1928—1930 гг. работал в редакции журнала «Мо-

лодая гвардия». В 1938 г. окончил Московский институт тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова. С 1938 г. работал в газете «Индустрия». В дни Великой Отечественной войны сражался под Сталинградом, позже работал в редакции газеты «Красный воин». Первый сборник стихов «Лесной шум» вышел в Москве в 1927 г.

Гравюры и марш. Стихи и поэмы. 1927—1929, «Федерация», М. 1931, 125 с.; Сердце мира. Стихи, Гос. изд-во худож. лит-ры, М.—Л. 1931; Предгорья. Стихи, «Советский писатель», М. 1957, 80 с.

ОЙСЛЕНДЕР АЛЕКСАНДР ЕФИМОВИЧ

Родился в 1908 г. в местечке Ходорков, Сквирского уезда, Киевской губ., в семье лесопромышленника. В 1923 г. в Киеве окончил среднюю школу и стал работать по найму. Был чернорабочим, почтальоном, грузчиком, дворником и шлифовщиком на деревообделочной фабрике. В 1928 г. ушел добровольцем в Черноморский флот. В 1930 г. демобилизовался и поступил на литературный факультет Московского государственного университета. С 1930 г. начал печататься в московских газетах и журналах. В дни Великой Отечественной войны работал в газете «Краснофлотец» и «Североморец». Награжден орденом Красной Звезды. Переводит стихи поэтов братских республик. Первый сборник стихов «Мир свежее» вышел в Москве в 1931 г.

Костер на берегу. Стихи, «Советский писатель», М. 1948, 164 с.; Всегда на вахте. Стихи, Воениздат, М. 1954, 123 с.; Добрый климат. Стихи, «Советский писатель», М. 1956, 92 с.

СОФРОНОВ АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился в 1911 г. в Минске, в семье служащего. С 1920 г. жил в Ростове-на-Дону, где окончил среднюю школу. Шесть лет работал на заводе Ростсельмаш. Был слесарем, фрезеровщиком, работал в редакции заводской многоотиражной газеты. В 1937 г. окончил литературный факультет Ростовского педагогического института. С первых дней Великой Отечественной войны работал в редакции армейской газеты Западного фронта. С осени 1942 г. и до конца войны был специальным военным корреспондентом газеты «Известия». С 1953 г. работает редактором журнала «Огонек». В составе различных общественных делегаций и в качестве корреспондента побывал во многих странах Европы, Азии и Африки, ездил в Америку. Является автором ряда пьес. В 1948 и 1949 гг. удостоен Сталинских премий. Печататься начал с 1930 г. Первый сборник стихов «Солнечные дни» вышел в Ростове-на-Дону в 1934 г.

Над Доном-рекой. Стихи, Ростиздат, Ростов-на-Дону, 1938, 120 с.; Перед знаменем, «Советский писатель», Л. 1948, 236 с.; Дон мой. Стихи и песни, «Советский писатель», М. 1954, 253 с.; Избранные произведения в 2-х томах, Гослитиздат, М. 1955.

КОВАЛЕНКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1911 г. в Новгороде, в семье служащего. Окончил среднюю школу в Москве, затем сценарное отделение Государственного института кинематографии. Начал печататься в 1929 г. Написал несколько сценариев для короткометражных мультипликационных фильмов. С 1934 г. занимается литературной деятельностью. Во время Великой Отечественной войны находился в рядах Советской Армии на Карельском фронте. Автор популярных песен — «Солнце скрылось за горою», «Украина и Россия», «Аленушка» и др. Награжден орденом Красной Звезды. Первый сборник стихов «Зеленый берег» вышел в Москве в 1935 г.

Перед боем. Стихи, «Художественная литература», М. 1939, 91 с.; Ясный день, «Московский рабочий», М. 1946, 184 с.; Лирика, «Молодая гвардия», М. 1950, 136 с.; Продолжение песни. Стихи и песни, «Правда», М. 1955, 32 с.

ЖЕЛЕЗНОВ ПАВЕЛ ИЛЬИЧ

Родился в 1907 г. в Харькове, в семье служащего. Был беспризорным, работал на временных поденных работах по путевкам биржи труда. Первые стихи поэта, напечатанные в журнале «Друг детей» в 1928 г., обратили на себя внимание А. М. Горького, который помог П. И. Железнову подготовиться и поступить на литературный факультет 1-го Московского государственного университета. В 1934 г. по окончании университета работал литературным сотрудником молодежного радиовещания. С 1935 г. занимается литературным трудом. В июне 1941 г. ушел на фронт добровольцем, воевал солдатом, потом офицером, сотрудничал в армейской газете. В последние годы пишет либретто опер и работает над переводами поэтов братских республик и стран народной демократии. Первый сборник стихов «От «пера» к перу» вышел в Москве в 1931 г.

Стихи, Журн.-газ. объединение, М. 1933, 32 с.; Стихи, Гослитиздат, М. 1936, 69 с.; Песня о молодости. Стихи, «Советский писатель», М. 1955, 110 с.

ОСТРОВИЙ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Родился в 1911 г. в Новосибирске. Окончил среднюю школу. Печататься начал в 1929 г. В 1934 г. вместе с композитором В. Г. Фере был командирован на Дальний Восток. Это дало поэту возможность широко ознакомиться с жизнью Дальневосточного края и создать ряд стихотворений и песен о нем. В дни Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт. Был корреспондентом армейской газеты «На врага». Автор широкоизвестных песен («В путь-дорожку дальнюю», «Вечерком на реке», «Жди солдата» и др.). Награжден орденом Отечественной Войны II степени. Первый сборник стихов «На страже границ» вышел в Хабаровске в 1935 г.

Стихи, «Советский писатель», М. 1939, 109 с.; Стихи, «Молодая гвардия», М. 1944, 64 с.; Я в России рожден! Стихи. 1934—1956, «Советский писатель», М. 1956, 235 с.

ГРИБАЧЕВ НИКОЛАЙ МАТВЕЕВИЧ

Родился в 1910 г. в с. Лопушь, Трубчевского уезда, Орловской губ., в семье крестьянина. Учился в сельской школе, в школе крестьянской молодежи, в 1932 г. окончил Брасовский гидротехнический техникум. Некоторое время работал в Карелии в гидротехнических партиях, затем был литературным сотрудником редакции газеты «Красная Карелия» (Петрозаводск). Писал стихи, поэмы, рассказы, вел отдел стихотворного фельетона. В 1936 г. переехал в Смоленск. В 1939—1940 гг. участвовал в освободительном походе Советской Армии в Западную Белоруссию. Во время Великой Отечественной войны был командиром взвода, командиром саперного батальона и дивизионным инженером. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной Войны I степени и двумя орденами Красной Звезды. В 1948 и 1949 гг. удостоен Сталинских премий. Первый сборник стихов «Северо-запад» был опубликован в Петрозаводске в 1935 г.

В походе. Стихи, «Советский писатель», М. 1948, 191 с.; Стихотворения и поэмы, «Советский писатель», М. 1953, 408 с.; Раздумье. Стихи, «Советский писатель», М. 1955, 120 с.; Семеро в Америке, «Советский писатель», М. 1956, 178 с.

ОЗЕРОВ ЛЕВ

(псевдоним Льва Адольфовича Гольдберга)

Родился в 1914 г. в Киеве, в семье служащего. Окончил среднюю школу. Работал на заводе сначала чернорабочим, затем чертежником. Одновременно сотрудничал в заводской многотиражной газете, где помещал свои первые стихи. В 1932—1934 гг. руководил литературным отделом газеты «Киевский пионер». В 1934—1941 гг. учился в Московском институте истории, философии и литературы. В 1943 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В 1945—1946 гг. преподавал в Литературном институте им. А. М. Горького и в Московском государственном университете. Переводит стихи поэтов братских республик. Первая книга стихов «Приднепровье» вышла в Киеве в 1940 г.

Ливень. Книга стихов, «Молодая гвардия», М. 1947, 128 с.

МУХАЧЕВ ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧ

Родился в 1896 г. в г. Бийске, Томской губ., в семье рабочего-лесоплащика. С четырнадцати лет работал лесорубом, кожевником, печником, землекопом, плотником. В годы первой мировой войны был мобилизован в армию. В 1919 г. вступил в Красную Армию, принимал участие в гражданской войне. Много занимался самообразованием. Работал агитатором, заведовал библиотекой. В 1922 г. демобилизовался, работал на заводе в г. Бийске, затем перешел на библиотечную работу. В годы Великой Отечественной войны писал стихи на военные темы. Переводит поэтические произведения народов Сибири. Печататься начал с 1924 г. Первая книга «Чуйский тракт» вышла в Барнауле в 1926 г.

Горная дорога. Стихи, «Советский писатель», М. 1938, 64 с.; Горные долины. Стихи, Новосибиргиз, Новосибирск, 1947, 150 с.; Мое родное. Стихи и поэмы, Обл. гос. изд-во, Новосибирск, 1951, 208 с.; Избранное. Стихи, Книжп. изд-во, Новосибирск, 1956, 248 с.

ОЛЬХОН АНАТОЛИЙ

(псевдоним Анатолия Сергеевича Пестюхина, 1903—1950)

Родился в Вологде, в семье рабочего. Окончил приходское училище, работал мальчиком в магазине, сторожем, певчим в хоре, рассыльным и т. д. После Великой Октябрьской революции окончил среднюю школу и Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена. В середине 30-х годов переехал в Сибирь. В годы Великой Отечественной войны работал литературным сотрудником газеты Западного фронта «На боевом посту». Известен как переводчик якутских, бурятских, эвенкских поэтов и прозаиков. Печататься начал с 1924 г. Первая книга «Тундра» вышла в Вологде в 1926 г.

Байкал. Стихи и поэмы. 1944, «Советский писатель», М. 1945, 82 с.; Краины милой Отчизны. Стихотворения, «Советский писатель», М. 1950, 124 с.; Стихи и поэмы. Избранное, Иркутское. обл. гос. изд-во, Иркутск, 1951, 300 с.

ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

Родился в 1893 г. в с. Кегичевка, Константиноградского уезда, Полтавской губ., в семье литератора. В 1912 г. окончил гимназию в г. Омске. В 1912—1917 гг. работал конторщиком службы пути Омской железной дороги и в других учреждениях. Печататься начал с 1913 г. В 1916 г. экстерном окончил юридический факультет Харьковского университета. Принимал активное участие в установлении советской власти в Сибири. Во время колчаковщины работал в большевистском подполье в Омске и Семипалатинске, затем был на политработе в Красной Армии. После окончания гражданской войны был на ответственной советской и партийной работе в Омске, Красноярске, Новосибирске, Москве и Ростове-на-Дону. С первых дней Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт, был старшим политруком и военным корреспондентом армейской газеты «К победе». Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Первая книга «Веселый край» вышла в Ростове-на-Дону в 1936 г.

Избранное. Проза. Стихи. Поэмы. Сказки. Переводы, Кн. изд-во, Ростов-на-Дону, 1954, 476 с.; Стихи о природе, Детгиз, М. 1954, 104 с.

СМЕРДОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Родился в 1910 г. в поселке Теплогорского завода, Верхотурского уезда, Пермской губ., в семье рабочего. В 1930—1933 гг. учился в Сибирском плановом институте, в 1940 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

В годы Великой Отечественной войны работал военным корреспондентом в сибирских гвардейских частях. Переводит шорских и алтайских поэтов. Печататься начал с 1930 г. Первый сборник стихов «Письма с дороги» вышел в 1941 г. в Новосибирске.

Пушкинские горы. Поэма, «Советский писатель», М. 1949, 63 с.; Наш день, Книжн. изд-во, Новосибирск, 1953, 109 с.; Дума о родном крае. Стихи и поэмы, Книжн. изд-во, Новосибирск, 1956, 166 с.

ТАТЬЯНИЧЕВА ЛЮДМИЛА КОНСТАНТИНОВНА

Родилась в 1915 г. в г. Ардатове, Симбирской губ., в семье служащего. Училась в Свердловске в средней школе, на вечернем рабфаке и в Институте цветных металлов. В 1934 г. переехала в Магнитогорск, где десять лет работала в редакции областной газеты «Магнитогорский рабочий». В 1941 г. окончила заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького. В 1944—1946 гг. была директором Челябинского областного издательства. Награждена орденом «Знак Почета». Печататься начала с 1930 г. Первый сборник стихов «Верность» вышел в Челябинске в 1944 г.

Родной Урал. Стихи, «Советский писатель», М. 1950, 115 с.; Утро в новом городе. Стихи, Челябингиз, Челябинск, 1952, 84 с.; Вишневый сад. Стихи, Обл. изд-во, Свердловск, 1954, 64 с.

МУРЗИДИ КОНСТАНТИН ГАВРИЛОВИЧ

Родился в 1914 г. в станице Анапской, Кубанской области, в семье служащего. После окончания средней школы учился в Новороссийском педагогическом техникуме. В 1931 г. работал в редакции газеты «Пролетарий Черноморья» (Новороссийск). В 1932 г. уехал в Магнитогорск. С 1935 по 1943 г. работал в редакции газеты «Путевка» в г. Свердловске. С 1943 г. занимается литературным трудом. Первый сборник стихов «Отчизна» вышел в г. Свердловске в 1938 г.

Уральское солнце. Стихи, «Советский писатель», М. 1946, 104 с.; Избранные стихи, Свердловгиз, Свердловск, 1947, 136 с.; Улица пушкарей. Стихи. 1947—1948, «Советский писатель», М. 1948, 116 с.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ИГНАТИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Родился в 1910 г. в Москве, в купеческой семье. Окончил среднюю школу. С 1930 по 1941 г. преподавал русский язык и литературу в школах Красноярского края. В 1940 г. заочно окончил литературный факультет Иркутского педагогического института. С 1942 по 1949 г. работал в Красноярском книжном издательстве. Одновременно печатал стихи, очерки и рассказы на военные темы в краевых газетах и журналах и в армейских газетах «Знамя победы», «Советский воин» и др. Печататься начал в 1927 г. Первый сборник стихов «Северное сияние» вышел в Красноярске в 1936 г.

Костер над Енисеем. Стихи, «Советский писатель», М. 1950, 132 с.; Стихи и поэмы, Краевое изд-во, Красноярск, 1952, 271 с.; Тайга шумит. Стихотворения, «Советский писатель», М. 1957, 258 с.

ЛИФНИЦ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1913 г. в Харькове, в семье служащего. В 1933 г. окончил Ленинградский финансово-экономический институт. Печататься начал с 1934 г. В 1939 г. во время войны с белофиннами служил добровольцем в Краснознаменном Балтийском флоте. С первых дней Великой Отечественной войны ушел в ополчение. Награжден орденом Отечественной Войны II степени. Автор многих стихов для детей. Первый сборник стихов «Долина» вышел в Ленинграде в 1936 г.

Баллада о блокноте, «Художественная литература», Л. 1938, 72 с.; Зарево над заливом, Гослитиздат, Л. 1945, 123 с.; Стихи и поэмы, «Советский писатель», Л. 1950, 136 с.; Веселый час. (Стихи для детей) Лениздат, Л. 1956, 127 с.

ШЕФНЕР ВАДИМ СЕРГЕЕВИЧ

Родился в 1915 г. в Петрограде, в семье военнослужащего. Рано лишился отца, был беспризорным. В 1931 г. окончил среднюю школу, в 1937 г. — рабфак при Ленинградском государственном университете. Работал на ленинградских заводах «Пролетарий», «Электроаппарат» и др. кочегаром, помощником теплотехника, чертежником. Во время Великой Отечественной войны служил в Советской Армии рядовым, позже был корреспондентом армейской газеты Ленинградского фронта «Знамя победы». Награжден орденом Отечественной Войны II степени. Печататься начал в 1937 г. Первая книга стихов «Светлый берег» вышла в Ленинграде в 1940 г.

Московское шоссе. Стихи, «Советский писатель», Л. 1951, 144 с.; Взморье. Стихи, «Советский писатель», Л. 1955, 131 с.; Стихи, «Советский писатель», Л. 1956, 203 с.

МАТУСОВСКИЙ МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ

Родился в 1915 г. в г. Луганске (ныне Ворошиловград), Екатеринославской губ., в семье служащего. Учился в школе-семилетке и в строительном техникуме. После окончания техникума работал техником на строительстве Ворошиловградского паровозостроительного завода. В 1935—1939 гг. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. В 1939 г. поступил в аспирантуру Московского института истории, философии и литературы и в 1941 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В дни Великой Отечественной войны был военным корреспондентом на Западном, Северо-западном и 2-м Белорусском фронтах. Награжден орденами Отечественной Войны I степени и Красной Звезды. Печататься начал с 1931 г. Первая книга стихов «Моя родословная» вышла в Москве в 1940 г.

Когда шумит Ильмень-озеро. Стихи, «Советский писатель», М. 1944, 73 с.; Слушая Москву. Стихи, «Московский рабочий», М. 1948, 179 с.; Улица мира. Стихи, «Советский писатель», М. 1951, 128 с.; Все, что мне дорого. Стихи и песни, «Советский писатель», М. 1957, 117 с.

АЗАРОВ ВСЕВОЛОД БОРИСОВИЧ

Родился в 1913 г. в Одессе, в семье врача. В 1934 г. окончил литературный факультет Ленинградского университета. Печататься начал с 1931 г. В 1934—1938 гг. работал редактором молодежного радиовещания. Во время войны с белофиннами 1939—1940 гг. и в годы Великой Отечественной войны служил в Балтийском флоте военным корреспондентом. Много работает над переводами поэтов братских республик. Награжден орденом Красной Звезды. Первый сборник стихов «Мужество» вышел в Ленинграде в 1932 г.

Город моей юности, Гослитиздат, Л. 1940, 128 с.; Ленинграду. Стихотворения, Гослитиздат, Л. 1942, 112 с.; У двух морей. Стихи, «Советский писатель», Л. 1947, 71 с.; Свет маяка. Стихи, Лениздат, Л. 1956, 195 с.; Товарищ Тельман. Поэма, «Советский писатель», Л. 1956, 99 с.

АВРАМЕНКО ИЛЬЯ КОРНИЛЬЕВИЧ

Родился в 1907 г. в с. Володькова-Девича, Нежинского уезда, Черниговской губ., в семье железнодорожного служащего. После окончания средней школы в г. Томске работал в редакции газеты «Кузбасс» (г. Ленинск-Кузнецкий). Печататься начал с 1924 г. В 1925—1930 гг. учился в Ленинградском университете. Во время войны с белофиннами и в годы Великой Отечественной войны находился в рядах Советской Армии в качестве корреспондента военных газет. Награжден орденом Отечественной Войны II степени. Первая книга «Шестой горизонт» вышла в Москве в 1931 г.

Долина кедров. Стихи, Гослитиздат, Л. 1939, 140 с.; Стихотворения, «Советский писатель», Л. 1951, 283 с.; Дальние берега. Стихи, «Советский писатель», Л. 1955, 156 с.; Стихотворения и поэмы, Лениздат, Л. 1955, 368 с.

КОМИССАРОВА МАРИЯ ИВАНОВНА

Родилась в 1904 г. в с. Андреевском-на-Андобе, Костромской губ., в семье крестьянина. После окончания средней школы работала учительницей в с. Богородском Костромской губ. С 1923 г. живет в Ленинграде, где в 1927 г. окончила отделение языка и литературы Педагогического института им. А. И. Герцена. Два года училась в Институте истории искусств. Печататься начала с 1924 г. Во время Великой Отечественной войны сотрудничала в газетах и журналах, выступала по радио. С 1935 г. работает над переводами произведений украинских и белорусских поэтов. Первая книга стихов «Первопуток» вышла в Ленинграде в 1928 г.

Переправа. Стихи, ГИХЛ, Л.—М. 1932, 80 с.; Встреча. Стихи, Гослитиздат, Л. 1936, 78 с.; Лиза Чайкина. Поэма, «Советский писатель», Л. 1955, 76 с.

ЧУРКИН АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ

Родился в 1903 г. в д. Пирогово, Каргопольского уезда, Олонецкой губ., в крестьянской семье. Учился в сельской школе. В 1918 г. добровольцем ушел в Красную Армию, принимал участие в боях под станциями Емица и Обозерская. В 1922—1925 гг. учился в Одесской артиллерийской школе. Начал печататься в 1924 г. После демобилизации в 1927 г. работал литературным сотрудником в редакции ленинградского журнала «Резеш». С 1930 г. занимается литературной деятельностью. Во время Великой Отечественной войны работал в творческой группе поэтов и композиторов при Политуправлении Балтийского флота. Автор популярных песен. Первая книга «Выход весны» вышла в 1931 г.

Песни и стихи, «Художественная литература», Л. 1938, 97 с.; Избранные стихи, Гослитиздат, Л. 1940, 176 с.; Избранное, Гослитиздат, М. 1953, 206 с.

ШУВИН ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ

(1914—1951)

Родился в с. Чернава, Елецкого уезда, Орловской губ., в семье рабочего. С 1929 по 1933 г. работал слесарем на Ленинградском металлургическом заводе и одновременно учился на вечернем отделении конструкторского техникума им. М. И. Калинина, который окончил в 1932 г. В 1933 г. поступил на отделение языка и литературы филологического факультета Педагогического института им. А. И. Герцена. Во время Великой Отечественной войны находился в рядах Советской Армии, работал в редакции фронтовой газеты. Награжден орденами Отечественной Войны II степени и Красной Звезды. Печататься начал с 1927 г. Первый сборник стихов «Начало» был издан в Ленинграде в 1931 г.

Парус. Стихи, Гослитиздат, Л. 1940, 200 с.; Моя звезда. Стихи, «Советский писатель», Л. 1947, 143 с.; Избранное. Стихи, «Советский писатель», М. 1952, 184 с.; Стихотворения, «Молодая гвардия», М. 1952, 183 с.

ХЕЛЕМСКИЙ ЯКОВ АЙВИКОВИЧ

Родился в 1914 г. в г. Василькове, Киевской губ., в семье служащего. В 1930 г. окончил среднюю школу в Киеве. Участь в школе, начал печатать стихи в детских газетах и журналах. В 1930 г. участвовал во Всесоюзном слете деткоргов. После окончания средней школы сотрудничал в редакции газеты «Киевский пионер». В 1932 г. переехал в Москву, работал в редакциях газет «Пионерская правда» и «Комсомольская правда». В качестве корреспондента много ездил по стране. В 1939 г. участвовал в освободительном походе Советской Армии в Западную Белоруссию. В дни Великой Отечественной

войны служил военным корреспондентом в редакциях фронтовых газет. Награжден орденами Отечественной Войны II степени и Красной Звезды. С 1948 г. переводит украинских и белорусских поэтов. Первый сборник стихов «По Орловской земле» вышел в Москве в 1944 г.

В пути. Стихи, «Советский писатель», М. 1948, 156 с.; Встречи друзей. Стихи, «Советский писатель», М. 1955, 180 с.; Там, где ты прошел. Стихи, «Советский писатель», М. 1957.

КЕЖУН БРОНИСЛАВ АДОЛЬФОВИЧ

Родился в 1914 г. в Петербурге, в семье служащего. В 1934 г. окончил школу ФЗУ и стал работать помощником паровозного машиниста. С 1934 по 1936 г. учился в Литературном институте им. А. М. Горького при Ленинградском отделении ССП. В годы Великой Отечественной войны служил в Советской Армии. Награжден орденом Красной Звезды. В последние годы много работает над переводами поэтов братских республик и стран народной демократии. Печататься начал с 1930 г. Первый сборник стихотворений «Родина» вышел в Москве в 1935 г.

Стихи, Гослитиздат, Л. 1938, 67 с.; Дальние дороги. Книга стихов, «Советский писатель», М. 1950, 128 с.; Стихотворения, Лениздат, Л. 1954, 204 с.

СПИРОВ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ

(1912 — 1952)

Родился в Могилеве, в семье рабочего. Работал слесарем на одном из московских заводов. В 1932 г. был призван в Советскую Армию, с тех пор постоянно находился в ее рядах. Начал печататься с 1937 г. В 1938 г. окончил военный факультет Академии связи. В дни Великой Отечественной войны, в качестве начальника связи артиллерийского полка участвовал в боях, позже был литературным сотрудником газеты ПВО Северо-западного фронта «Тревога». После окончания войны сотрудничал в журнале «Красноармеец» и газете «Красный воин». Награжден двумя орденами Красной Звезды. Первый сборник стихов «Полет» вышел в Москве в 1940 г.

Мое богатство. Воениздат, М. 1954, 200 с.; Сердце. Избранные стихи, «Советский писатель», М. 1956, 139 с.

СМИРНОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1913 г. в Ялте, в семье служащего. Окончил среднюю школу. С 1932 г. работал в Москве библиотекарем, затем проходчиком на строительстве метро. Начал печататься с 1934 г. С 1935 по 1940 г. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. В начале Великой Отечественной войны работал на военном заводе, с 1942 по 1945 г. служил рядовым в гвардейской Панфиловской дивизии. После демобилизации занимается лите-

ратурным трудом. Награжден орденом Красной Звезды. Первый сборник стихотворений «Друзьям» вышел в Москве в 1939 г.

О самом сокровенном. Стихи, «Советский писатель», М. 1950, 124 с.; Откровенный разговор. Книга стихотворений, Гослитиздат, М. 1951, 268 с. Мои встречи, «Советский писатель», М. 1955, 240 с.

НЕДОГОНОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

(1914 — 1948)

Родился в г. Александровск-Грушевский (ныне г. Шахты, Ростовской обл.), в семье рабочего. Спятнадцати лет работал плотником и крепильщиком в шахте. Учился в Горнопромышленном училище. В 1932 г. переехал в Москву, поступил на работу на военный завод, учился на вечернем рабфаке. В 1939 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Во время войны с белофиннами в 1939—1940 гг. был рядовым. В Великую Отечественную войну работал корреспондентом армейской, затем фронтовой газеты «Советский воин». Награжден орденами Отечественной Войны II степени и Красной Звезды. Печататься начал с 1932 г. Первая книга «Флаг над сельсоветом», удостоенная Сталинской премии, вышла в Москве в 1947 г.

Простые люди. Стихи, «Молодая гвардия», М. 1948, 192 с.; Избранное, «Советский писатель», М. 1949, 228 с.; Избранное, «Советский писатель», М. 1955, 348 с.

ЛУКОНИН МИХАИЛ КУЗЬМИЧ

Родился в 1918 г. в Астрахани, в семье служащего. Окончил в Сталинграде среднюю школу, в 1931 г. работал на тракторном заводе, позже стал сотрудником редакции сталинградской комсомольской газеты «Молодой ленинец». В 1935—1937 гг. учился в Сталинградском учительском институте, в 1937—1941 гг. — в Литературном институте им. А. М. Горького. Во время войны с белофиннами в 1939—1940 гг. сражался в рядах добровольного лыжного батальона, в годы Великой Отечественной войны работал военным корреспондентом армейских газет. В 1949 г. удостоен Сталинской премии. Первый сборник стихов «Сердцебиение» вышел в Москве в 1947 г.

Сталинградская книга, «Молодая гвардия», М. 1949, 122 с.; Избранное, «Советский писатель», М. 1950, 212 с.; Стихотворения и поэмы, Гослитиздат, М. 1952, 279 с.; Две поэмы, «Советский писатель», М. 1954, 164 с.

ШАХОВСКИЙ ВОРИС МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1921 г., в Астрахани, в семье стрелочника железной дороги. После окончания средней школы в 1938 г. поступил в Астраханский институт рыбной промышленности. В дни Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт. В 1945 г. демобилизовался по инвалидности. В 1947 г.

окончил Институт рыбной промышленности. Работал инженером, позже — корреспондентом астраханской областной газеты. В 1955 г. заочно окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Награжден орденом Красной Звезды. Печататься начал с 1946 г. Первый сборник стихов «Путь юности» вышел в Астрахани в 1950 г.

До новых встреч, Изд-во газ. «Волга», Астрахань, 1953, 58 с.;
Наш рыбацкий край. Стихи, Изд-во газ. «Волга», Астрахань,
1954, 58 с.; Каспийские зори, «Советский писатель», М. 1957, 80 с.

ГУДЗЕНКО СЕМЕН ПЕТРОВИЧ

(1922 — 1953)

Родился в Киеве, в семье служащего. В 1939 г. окончил среднюю школу и поступил в Московский институт истории, философии и литературы. В дни Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт, участвовал в боях под Москвой, позже работал в редакциях военных газет. В послевоенные годы много ездил по Советскому Союзу, был в Закарпатье, в Туве, в Средней Азии. Награжден орденом Красной Звезды. Первые стихи опубликовал в 1941 г. в армейской печати. Первый сборник стихов «Однополчане» вышел в Москве в 1944 г.

Закарпатские стихи, «Советский писатель», М. 1948, 99 с.; Битва, «Молодая гвардия», М. 1948, 128 с.; Новые края. Стихи, «Советский писатель», М. 1953, 100 с.; Стихи и поэмы. 1942—1952, Воениздат, М. 1956, 271 с.

ПОДЕЛКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1912 г. в д. Песочня, Калужской губ., в семье рабочего. В 1928 г. окончил школу-семилетку в Москве, в 1933 г. — школу ФЗУ фабрики «Ливерс», работал несколько лет ткачом. С 1931 г. начал печатать стихи. С 1933 по 1935 г. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Неоднократно ездил с бригадами писателей по различным городам и промышленным районам Советского Союза, был корреспондентом газеты «Рабочая Москва». В 1938—1940 гг. работал литературным сотрудником Всесоюзного радиокомитета. В дни Великой Отечественной войны служил рядовым в Советской Армии. Известен как переводчик поэтов братских республик. Сборник стихов «Стихи о войне, о славе, о любви» вышел в Москве в 1934 г.

Строитель. Поэма, «Советский писатель», М. 1949, 80 с.

БАУКОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ

Родился в 1909 г. в с. Стариково, Рязанской губ., в семье кузнеца. В 1930 г. работал на Днепрострое чернорабочим, затем слесарем. С 1931 по 1934 г. учился в Металлургическом техникуме в Запорожье. В 1936 г. переехал в Москву, в 1941 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. В 1939 г. добровольцем участвовал в войне с белофиннами. Во время Великой

Отечественной войны служил в истребительном батальоне, работал корреспондентом армейской газеты. Награжден орденом Красной Звезды. Печататься начал с 1936 г. Первый сборник стихов «Вторая весна» вышел в Москве в 1946 г.

Юность моя. Лирика, «Советский писатель», М. 1951, 124 с.; В родном краю. Лирика, «Советский писатель», М. 1955, 191 с.

ЛЕБЕДЕВ БОРИС ПЕТРОВИЧ
(1911 — 1945)

Родился в Москве, в семье служащего. Учился в средней школе и в Волоколамском педагогическом техникуме. После окончания техникума четыре года преподавал литературу и русский язык в Волоколамском детском городке. В 1938 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. В дни Великой Отечественной войны написал ряд стихов на военные темы. Переводил поэтов братских республик. Печататься начал с 1934 г. Сборник стихов «Баллады и стихи» вышел в Москве в 1940 г.

ФЛЁРОВ НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Родился в 1913 г. в Москве, в семье юриста. Окончил в 1931 г. среднюю школу, работал чертежником-конструктором на заводе «Серп и молот». Одновременно учился в филиале Коммунистического института журналистики. В 1932—1934 гг. работал литературным сотрудником в редакции заводской многотиражной газеты «Мартеповка». Печататься начал с 1932 г. В 1935—1945 гг. служил во флоте на Балтийском море и на Тихом океане, с 1938 г. был корреспондентом краснофлотской печати. Награжден орденом Красной Звезды. Первая книга «Стихи о Тихом океане» вышла в 1945 г.

Стихи, Воен. мор. изд-во, М. 1953, 135 с.; По синим волнам океана. Стихи, «Советский писатель», М. 1955, 180 с.

КОМАРОВ ПЕТР СТЕПАНОВИЧ
(1911 — 1949)

Родился в д. Боево, Новгородской губ., в рабочей семье. В 1927 г. окончил школу крестьянской молодежи в г. Свободном на Дальнем Востоке и поступил в сельскохозяйственный техникум в г. Благовещенске. С 1929 по 1939 г. работал в редакциях газет Хабаровска и Владивостока и в Хабаровском отделении ТАСС. В годы Великой Отечественной войны печатал в газетах Хабаровска, Владивостока, Читы и Иркутска стихи, сатирические басни, стихотворные надписи к плакатам «Удар по врагу». В 1945 г. принимал участие в освободительном походе Советской Армии в Маньчжурию. В 1950 г. удостоен Сталинской премии. Печататься начал в 1926 г. Первый сборник стихов «У берегов Амура» вышел в Хабаровске в 1940 г.

На сопках Маньчжурии. Стихи, Дальгиз, Хабаровск, 1946, 64 с.; Зеленый пояс. Стихи, Дальгиз, Хабаровск, 1949, 104 с.; Избранные стихи, «Советский писатель», М. 1950, 135 с.; Избранное, Гослитиздат, М. 1950, 272 с.

МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ ИВАН ИВАНОВИЧ

(псевдоним И. И. Молчанова)

Родился в 1903 г. в Владивостоке, в семье матроса. В 1920 г. поступил помощником слесаря в Иркутское железнодорожное депо. Работая, учился и в 1930 г. закончил Иркутский государственный университет. Печататься начал в 1923 г. в журналах «Красные зори» и «Сибирские огни». Работал в райкоме партии и в редакциях газет Восточной Сибири. В 1933 г. руководил пионерским литературным кружком 6-й школы г. Иркутска. Этот творческий коллектив написал книгу «База курносых», высоко оцененную А. М. Горьким. После посещения Москвы коллектив создал вторую книгу — «В гостях у Горького». В дни боев на Хасане и Халхин-голе, в годы Великой Отечественной войны, Молчанов-Сибирский печатал стихи в армейских газетах. Писал книги для детей. Награжден орденами Красной Звезды и «Знак Почета». Первая книга стихов «Покоренный Согдиондон», вышла в Иркутске в 1933 г.

Полевая почта. Стихи и поэмы, Обл. изд-во, Иркутск, 1942, 105 с.; Мои товарищи. Стихи, Обл. изд-во, Иркутск, 1948, 120 с.; Письмо из тайги, «Советский писатель», М. 1951, 112 с.

ОСИН ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Родился в 1906 г. в Смоленске, в семье служащего. С четырнадцати лет стал работать, служил курьером в губсобесе, ординарцем и каптенармусом в военно-политической школе Западного фронта. В 1924 г. окончил среднюю школу, учился в педагогическом техникуме и на заочном отделении Московского института истории, философии и литературы. Свыше двадцати лет работал в редакциях различных газет («Брянский рабочий», «Рабочая Самара» и др.). С начала Великой Отечественной войны был командиром взвода в саперно-строительном батальоне, а затем специальным военным корреспондентом газеты «Гудок». Печататься начал в 1925 г. Первый сборник стихов «Соревнование» вышел в Смоленске в 1933 г.

Мы наступаем. Стихи, «Советская литература», М. 1934, 86 с. Праздник возвращения. Стихи, «Советский писатель», М. 1947, 118 с.

ФОЛОМИН ФЕДОР ПЕТРОВИЧ

Родился в 1908 г. в г. Мюнхене (Бавария), в семье научного работника. После окончания средней школы прослушал два курса отделения языка и литературы Нижегородского педагогического института. Работал на 9-й

фабрике Моссукино и на хлебозаводе в Москве. В дни Великой Отечественной войны сражался в рядах Советской Армии. Печататься начал с 1926 г. Книга стихов «Песня о Волге» вышла в издательстве «Советский писатель» в 1956 г.

ДРУНИНА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Родилась в 1925 г. в Москве, в семье служащего. В 1941 г., сразу после окончания средней школы, ушла добровольцем в действующую армию и до конца 1944 г. была на фронте батальонным санинструктором. С 1945 по 1952 г. училась в Литературном институте им. А. М. Горького. Награждена орденом Красной Звезды. Печататься начала в 1945 г. Первый сборник стихов «В солдатской шинели» вышел в Москве в 1948 г.

Стихи, «Молодая гвардия», М. 1952, 96 с.; Разговор с сердцем. Стихи, «Молодая гвардия», М. 1955, 94 с.

ФИЛАТОВ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ

Родился в 1913 г. в Москве, в семье рабочего. Воспитывался в пионеркоммуне. С 1931 г. работал токарем по металлу на заводе «Серп и молот» и одновременно учился в Коммунистическом институте журналистики. Большую творческую помощь молодому поэту оказал А. М. Горький. В 1936—1940 гг. А. Филатов учился в Литературном институте им. А. М. Горького. В дни Великой Отечественной войны сражался в рядах Советской Армии, позже работал литсотрудником дивизионной газеты «Краснознаменец». Награжден орденом Красной Звезды. Печататься начал в 1934 г. В 1950 г. в издательстве «Московский рабочий» вышел первый сборник стихов «Сыновний поклон».

Застава Ильича, «Московский рабочий», М. 1956, 80 с.

ШЕВЕЛЕВА ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА

Родилась в 1913 г. в Москве, в семье служащего. В 1929 г. окончила среднюю школу. С 1930 по 1935 г. работала токарем на заводе «Динамо». В эти же годы стала печатать стихи в заводской газете «Мотор». В 1935—1937 гг. училась в Литературном институте им. А. М. Горького. В дни Великой Отечественной войны писала стихи на военные темы. Как член Комитета советских женщин и журналистка побывала в Индонезии, Японии, Китае, в Англии, Франции, Швейцарии, Швеции и других странах. Первая книга «Лирика» вышла в Ростове-на-Дону в 1940 г.

Юноша. Поэма, «Молодая гвардия», М. 1946, 51 с.; Подруги. Стихи, «Молодая гвардия», М. 1950, 112 с.; От имени женщин. Поэма, «Советский писатель», М. 1954, 44 с.

РЫВИНА ЕЛЕНА ИЗРАИЛЕВНА

Родилась в 1910 г. в г. Мозырь, Минской губ., в семье учителя. В 1928 г. окончила школу в Ленинграде и поступила в Институт истории искусств, позже — в Ленинградский государственный университет, который окончила в 1932 г. После окончания университета работала в редакциях ленинградских журналов «Смена», «Вокруг света», «Борьба миров» и др. В дни Великой Отечественной войны сотрудничала в газете народного ополчения «На защиту Ленинграда», затем в Политуправлении Ленинградского фронта. Печататься начала с 1931 г. Первый сборник «Двадцать песен» вышел в Москве в 1938 г.

Над моей Невой. Гослитиздат, Л. 1939, 72 с.; Лирика, «Советский писатель», Л. 1940, 73 с.; Слово ленинградки. Стихи, Отд-ние Воениздата при Ленинградском фронте, Л. 1942, 46 с.

ЛЬВОВ МИХАИЛ ДАВЫДОВИЧ

Родился в 1917 г. в с. Насибаш, Уфимской губ., в семье учителя. Окончил школу-семилетку в г. Златоусте и педагогический техникум в Мнассе, учился в педагогическом институте в Уфе. Печататься начал с 1936 г. В 1941 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. В дни Великой Отечественной войны работал на военных стройках Урала, служил в уральском добровольческом танковом корпусе, печатался в корпусной газете. Награжден орденами Отечественной Войны II степени и «Знак Почета». Первый сборник стихов «Время» вышел в Челябинске в 1940 г.

Мои товарищи. Стихи, «Советский писатель», М. 1945, 75 с.; Мирный человек. Сборник стихов, «Советский писатель», М. 1954, 196 с.; Живу в двадцатом веке. Стихи, Таткнигиздат, Казань, 1957, 183 с.

ЗАХАРЧЕНКО ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Родился в 1915 г. в Петрограде, в семье служащего. В 1937 г. окончил Московский энергетический институт, в 1941 г. — Литературный институт им. А. М. Горького. В дни Великой Отечественной войны служил в Советской Армии сначала рядовым, затем офицером. Печататься начал с 1937 г. Первый сборник стихов «Кровью этой земли» вышел в Москве в 1943 г.

Утро мира, «Молодая гвардия», М. 1951, 167 с.; К морю Черному, Детгиз, М.—Л. 1953, 96 с.; Фестиваль, «Молодая гвардия», М. 1953, 167 с.; Чайки летят, «Молодая гвардия», М. 1956, 144 с.

ЗАМЯТИН ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ

(1915 — 1952)

Родился в с. Бондари, Тамбовской губ., в семье столяра. По окончании школы ФЗУ работал в Москве слесарем на заводе подъемных сооружений. В 1933 г. по путевке комсомола работал на строительстве московского метро.

Работая на производстве, учился в Литературном институте им А. М. Горького, окончил его в 1937 г. В годы Великой Отечественной войны работал в редакциях военных газет «Боевой товарищ», «Красноармеец», «За Родину». Написал много песен. Награжден орденом Красной Звезды. В 1952 г. удостоен Сталинской премии. Печататься начал с 1930 г. Первый сборник стихов В. Замятина «Бодрость», который он выпустил вместе с поэтами А. Жислиным и Е. Абросимовым, вышел в издательстве «Молодая гвардия» в Москве в 1934 г.

У нас в Рассветном. Стихи, «Советский писатель», М. 1951, 160 с.;
Поэмы и стихотворения, Гослитиздат, М. 1953, 139 с.; Избранное,
«Молодая гвардия», М. 1954, 174 с.

ЖУРАВЛЕВ ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ

Родился в 1914 г. в с. Тулиновка, Тамбовской губ., в крестьянской семье. В 1930—1932 гг. учился в Грозненском кооперативном техникуме. С 1932 по 1935 г. работал бухгалтером в Тамбовской торфяной артели, затем — в колхозе «Завет Ильича» Московской области. В 1940 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. В октябре 1941 г. ушел добровольцем в ряды Советской Армии. Работал начальником агитмашины политотдела стрелковой дивизии, корреспондентом армейской газеты. Награжден орденом Красной Звезды. Печататься начал с 1934 г. Первый сборник стихов «Первая беседа» вышел в Москве в 1951 г.

Вторая встреча. Книга стихов, «Советский писатель», М. 1954, 164 с.; Столяр отделяет дом. Книга стихов, «Молодая гвардия», М. 1955, 143 с.; Полк, под знамя! Книга стихов, Воениздат, М. 1956, 167 с.

ДУДИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1916 г. в д. Клевнево, Нерехтского уезда, Костромской губ., в крестьянской семье. В 1927 г. окончил сельскую школу, затем Ивановскую текстильную школу ФЗУ. Долгое время работал литературным сотрудником в редакциях ивановских газет «Всегда готов», «Ленинец» и «Рабочий край». Одновременно учился в Ивановском педагогическом институте. В 1939 г. участвовал в войне с белофиннами. Во время Великой Отечественной войны сражался в рядах героических защитников полуострова Ханко (Гангут), позже работал военным корреспондентом на Ленинградском фронте. Первый сборник стихов «Ливень» вышел в г. Иванове в 1940 г.

Костер на перекрестке. Стихи и поэмы, Гослитиздат, Л. 1944, 71 с.; В степях Салавата, «Советский писатель», Л. 1949, 52 с.; Стихотворения. Поэмы, «Советский писатель», Л. 1954, 206 с.; Стихотворения. Поэмы, Гослитиздат, М. 1956, 297 с.

ОРЛОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

Родился в 1921 г. в с. Мегра, Белозерского района, Вологодской области, в семье учителя. В 1940 г. окончил в г. Белозерске среднюю школу и поступил на исторический факультет Карело-Финского государственного университета

в г. Петрозаводске. В дни Великой Отечественной войны в качестве командира танка, позже — командира взвода танков сражался в рядах Советской Армии. В 1951 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Награжден орденом Отечественной Войны II степени. Печататься начал с 1940 г. Первый сборник стихов «Фронт» вышел в Челябинске в 1942 г.

Третья скорость. Стихи, Лениздат, Л. 1946, 88 с.; Поход продолжается. Стихи, «Молодая гвардия», Л. 1948, 104 с.; Лирические стихи, «Правда», М. 1956, 32 с.; Стихотворения, «Советский писатель», Л. 1956, 244 с.

ПАЛИЙЧУК БОРИС ДМИТРИЕВИЧ

Родился в 1913 г. в г. Вильно, в семье машиниста. В 1927 г. окончил среднюю школу в г. Чернигове, работал слесарем, позже помощником машиниста на железной дороге. В 1931—1935 гг. учился в Харьковском авиационном училище. С 1935 по 1939 г. работал литературным сотрудником в редакциях киевских газет «Сталинское племя», «Пролетарий», «Рабочая газета» и др. Во время Великой Отечественной войны служил корреспондентом фронтовой газеты «Красная Армия». В 1947—1948 гг. работал в редакции газеты Киевского военного округа «Ленинское знамя», в 1949—1950 гг. — в редакции «Литературной газеты». Награжден орденами Отечественной Войны II степени и Красной Звезды. Печататься начал с 1938 г. Первая книга, написанная в соавторстве с А. Твардовским «Иван Гвоздев на фронте», вышла в издательстве газеты «Красная Армия» в 1941 г.

Слово о солдате. Стихи, «Рад. письменник», Київ, 1948, 92 с.; Новая Каховка. Роман в стихах, «Рад. письменник», Київ, 1953, 176 с.; Избранное. Книга 1. Гослитиздат Украины, Киев, 1955, 304 с.

ПАГИРЕВ ГЛЕБ ВАЛЕНТИНОВИЧ

Родился в 1914 г. в Екатеринодаре, в семье учителя. После окончания школы-десятилетки работал на автомобильном заводе в Москве, позже на Уралмаше в Свердловске подручным слесаря, фрезеровщиком, конструктором. Одновременно учился на рабфаке. В годы Великой Отечественной войны служил в Советской Армии рядовым, затем офицером. Печататься начал с 1946 г. Награжден орденом Красной Звезды. Первый сборник стихов «Дело славы» вышел в Ленинграде в 1950 г.

Путеводные звезды, «Молодая гвардия», М. 1951, 100 с.; Стихотворения, «Советский писатель», Л. 1954, 124 с.; На линии огня. Стихотворения, Воениздат, М. 1955, 96 с.

СЛУЦКИЙ БОРИС АБРАМОВИЧ

Родился в 1919 г. в г. Славянске, Сталинской обл. УССР, в семье служащего. Окончил среднюю школу в Харькове. В 1937—1941 гг. учился в Московском юридическом институте и одновременно в Литературном институте

им. А. М. Горького. Печататься начал в 1941 г. В июне 1941 г. добровольцем ушел на фронт. В 1948—1952 гг. работал для Всесоюзного радио. Награжден орденами Отечественной Войны I и II степени и Красной Звезды. Сборник стихов «Память» вышел в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1957 г.

УРИН ВИКТОР АРКАДЬЕВИЧ

Родился в 1924 г. в Харькове, в семье служащего. Учился в средней школе. В дни Великой Отечественной войны сражался в рядах Советской Армии, работал корреспондентом армейской газеты «На штурм». В 1947 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Печататься начал с 1937 г. Первый сборник стихов «Весна победителей» вышел в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1946 г.

Счастью навстречу. Поэма, Кн. изд-во, Сталинград, 1953, 72 с.;
Юго-восток. Книга стихов, Кн. изд-во, Сталинград, 1955, 127 с.;
Рекам снятся моря. Книга лирики, «Советский писатель», М. 1956, 243 с.

БЕЛНИСКИЙ ЯКОВ ЛЬВОВИЧ

Родился в 1909 г. в г. Кролевец, Черниговской губ., в семье врача. В 1930—1933 гг. учился в строительном техникуме, в 1933—1939 гг. — в Московском архитектурном институте. В дни Великой Отечественной войны работал корреспондентом фронтовых и армейских газет. Автор популярных песен («Боевая молодость», «Приезжали на побывку», «Как у Волги у реки», «Хорошо весной на Волге» и др.). Награжден орденами Отечественной Войны II степени и Красной Звезды. Печататься начал с 1932 г. Первый сборник стихов «Взятые города» вышел в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1947 г.

Гвардия, вперед! Газ.-кн. изд-во, Саратов, 1943, 44 с.

НАРОВЧАТОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

Родился в 1919 г. в г. Хвалынске, Саратовской губ., в семье преподавателя высшей школы. Окончил среднюю школу. В 1939—1940 гг. добровольцем принимал участие в войне с белофиннами. В 1941 г. окончил Московский институт истории, философии и литературы и одновременно — Литературный институт им. А. М. Горького. В дни Великой Отечественной войны воевал в рядах Советской Армии, работал в редакциях армейских газет. Награжден орденами Отечественной Войны II степени и Красной Звезды. Печататься начал с 1941 г. Первая книга стихов «Костер» вышла в Москве в издательстве «Московский рабочий» в 1948 г.

Солдаты свободы, «Молодая гвардия», М. 1952, 55 с.; Северные звезды, Книжн. изд-во Магадан, 1957, 92 с.

ЛЕВИТАНСКИЙ ЮРИЙ ДАВЫДОВИЧ

Родился в 1922 г. в Киеве, в семье служащего. В 1939 г. окончил среднюю школу в г. Сталино и поступил в Московский институт истории, философии и литературы. В дни Великой Отечественной войны был солдатом и командиром отделения мотострелковой бригады, работал корреспондентом дивизионной и армейской газет. После окончания войны до 1947 г. работал специальным корреспондентом газеты «Советский боец». В 1957 г. окончил Высшие литературные курсы в Москве. Награжден орденом Красной Звезды. Первый сборник «Солдатская дорога» вышел в Иркутске в 1948 г.

Наши дни. Книга стихов, «Молодая гвардия», М. 1952, 104 с.;
Утро нового года. Стихи. Новосибирск, 1952, 112 с.; Листья летят.
Стихи, Книжн. изд-во, Иркутск, 1956, 94 с.

МЕЖИРОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Родился в 1923 г. в Москве, в семье служащего. В 1941 г. окончил среднюю школу и поступил слесарем на завод «Красный факел». С 1941 по 1943 г. служил в Советской Армии. В ноябре 1943 г. после ранения был демобилизован и поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. Одновременно работал в редакции газеты «Московский университет». Печататься начал с 1941 г. В последние годы переводит грузинских поэтов. Первый сборник стихов «Дорога далека» вышел в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1947 г.

Новые встречи. Стихи, «Советский писатель», М. 1949, 103 с.;
Коммунисты, вперед! Книга стихов, «Молодая гвардия», М. 1952, 152 с.;
Возвращение. Стихи, «Советский писатель», М. 1955, 104 с.; Разные
годы. Стихи, Воениздат, М. 1956, 246 с.

СОВОЛЬ МАРК АНДРЕЕВИЧ

Родился в 1918 г. в Москве, в семье писателя. После окончания средней школы учился на режиссерском факультете Государственного института театрального искусства. Работал режиссером и актером в театрах Мариуполя, Великого Устюга, Самарканда. В 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Был солдатом, командиром саперного отделения, позже — работником редакции армейской газеты. Награжден орденом Красной Звезды. Печататься начал в 1942 г. в фронтовых газетах. Сборник «Стихи» вышел в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1951 г.

СУВОРОВ ГЕОРГИЙ КУЗЬМИЧ

(1919 — 1944)

Родился в Хакассии, в Красноярском крае, в крестьянской семье. Окончил школу-семилетку и педагогический техникум. В дни Великой Отечественной войны был солдатом, командиром взвода противотанковых ружей, работ-

ником дивизионной газеты, офицером связи. Погиб во время ожесточенных боев под Нарвой в феврале 1944 г. Сборник стихов «Слово солдата» вышел по-смертно в Ленинграде в 1944 г.

ВЕРШАДСКИЙ ВИКТОР АРНОЛЬДОВИЧ

Родился в Одессе в 1916 г., в семье служащего. В 1931 г. поступил в школу ФЗУ коммунального хозяйства. Одновременно работал слесарем в трамвайном депо. В 1934 г. окончил рабфак Одесского индустриального института, в 1938 г. — литературный факультет Одесского педагогического института. Печатал стихи в киевских и одесских газетах и журналах. В 1939—1941 гг. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. В 1941 г. принимал участие в обороне Москвы. В конце 1942 г. был тяжело контужен и демобилизовался. С 1945 по 1947 г. работал корреспондентом одесской областной газеты «Большевицкое знамя». Первая книга «Одесса» вышла в Одессе в 1945 г.

Встреча в порту, Обл. изд-во, Одесса, 1948, 48 с.; Вымпел мира, «Советский писатель», М. 1951, 108 с.

ФАТЬЯНОВ АЛЕКСЕЙ ПИВАНОВИЧ

Родился в 1919 г. в д. Малое Петрино, Вязниковского уезда, Владимирской губ., в семье сапожника. Окончил в Москве среднюю школу и в 1938 г. — Центральные театральные экспериментальные мастерские (отделение ГИТИС при Центральном театре Красной Армии). С 1938 по 1940 г. работал в театре Красной Армии, с 1940 по 1945 г. — в фронтовом ансамбле песни и пляски, в Краснознаменном ансамбле песни и пляски СССР, в ансамбле Краснознаменного Балтийского флота. Во время войны написал тексты песен, получивших широкую популярность («На солнечной поляночке», «Соловьи», «Ехал казак воевать» и др.). Награжден орденом Красной Звезды. Печататься начал с 1937 г. Сборник стихов «Поет гармонь» вышел во Владимире в 1955 г.

ДРЕМОВ ИВАН АФАНАСЬЕВИЧ

Родился в 1909 г. в д. Пономарево, Ливенского уезда, Орловской губ., в крестьянской семье. Рано потерял родителей и до 1927 г. воспитывался в детском доме. В 1927—1929 гг. работал чернорабочим на заводе им. Лепсе в Москве. В 1929—1933 гг. учился на рабфаке им. М. Горького, в 1934—1937 — в Московском областном педагогическом институте. После окончания института девять лет работал педагогом, из них шесть лет — в Якутии. С 1946 по 1953 г. сотрудничал в редакциях газет и журналов Якутии и Москвы. Печататься начал с 1934 г. Написал ряд песен. Первая книга «Стихи» вышла в Москве в издательстве «Журн. -газ. объединение» в 1934 г.

Весенний свет. Стихи, «Советский писатель», М. 1956, 102 с.

КОНДЫРЕВ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1910 г. в г. Туле, в семье служащего. После окончания средней школы поступил рабочим на завод. С 1930 по 1932 г. работал в тульском театре «Коммунар». В конце 1932 г. переехал в Новосибирск, сотрудничал в новосибирских газетах «Новосибирский рабочий», «В бой за качество» и др. В 1939—1940 гг. был ответственным секретарем газеты «Ударник Кузбасса» (г. Прокопьевск). С 1940 г. занимается литературным трудом. Известен как автор популярных песен. Печататься начал с 1938 г. Первый сборник стихов «Огонь» вышел в Новосибирске в 1942 г.

У мыса Хобей. Стихи, Новосибириз, Новосибирск, 1948, 110 с.; Мастера, «Советский писатель», М. 1949, 80 с.; Лучшему другу. Стихи и песни, Обл. гос. изд-во, Новосибирск, 1950, 80 с.; Стихи и песни, Госкультпросветиздат, М. 1955, 80 с.

ЛИСЯНСКИЙ МАРК САМОЙЛОВИЧ

Родился в 1913 г. в Одессе, в семье грузчика. Детство и юность провел в Николаеве, где учился в средней школе и школе ФЗУ. Работал в медно-котельном цехе Николаевского судостроительного завода. В 1932 г. поступил в Институт журналистики в Москве. С 1934 по 1941 г. работал в редакциях областных газет Харькова, Иванова и Ярославля. Во время Великой Отечественной войны был командиром саперного взвода, позже редактором дивизионной газеты «В бой за Родину» и специальным корреспондентом фронтовых газет. Награжден орденом Красной Звезды. Печататься начал с 1929 г. Первый сборник стихотворений «Берег» вышел в Ярославле в 1940 г.

Золотая моя Москва, «Советский писатель», М. 1951, 160 с.; Стихи и песни, Кн. изд-во, Ярославль, 1955, 160 с.; Всегда с нами, Стихи, «Советский писатель», М. 1955, 84 с.

ЛЕБЕДЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

(1912 — 1941)

Родился в г. Суздаль, Владимирской губ., в семье служащего. Детство и юность провел на Волге, в Костроме, где учился в средней школе. В 1927 г. поступил в Ивановский строительный техникум. Работал учеником-конструктором в проектно бюро. Был призван во флот. Служил командиром отделения радистов, затем был командирован в Военно-морское училище им. Фрунзе в Ленинграде, которое окончил в 1940 г. Первые стихи напечатал в 1934 г. Принимал участие в войне с белофиннами на одном из кораблей Балтийского флота. С первых дней Великой Отечественной войны штурманом подводной лодки сражался с врагами на Балтийском море. Погиб при выполнении боевого задания. Первый сборник стихов «Кронштадт» вышел в Ленинграде в 1939 г.

Лирика моря. Вторая книга стихов. Гослитиздат, Л. 1940; Избранные стихи, «Советский писатель», Л. 1956, 182 с.; Путь на моря. Стихотворения, Воениздат, М. 1956, 169 с.

НИГЕ ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

(1905 — 1941)

Родился в 1905 г. в дачном поселке Стрельна под Петербургом. Окончил пять классов Симферопольской гимназии. С 1922 по 1930 г. работал на ленинградском заводе «Красный треугольник» чернорабочим и резинщиком. Во время войны с белофиннами принимал участие в десантных операциях Балтийского флота. С первых дней Великой Отечественной войны служил в Политуправлении Балтийского флота в качестве военного корреспондента газеты «Красный Балтийский флот». Погиб 28 августа 1941 г. на корабле «Вальдемарас» при переходе балтийского флота из Таллина в Кронштадт. Первый сборник стихов «Эпоха» вышел в Ленинграде в 1931 г.

Сердце друзей, «Художественная литература», Л. 1939, 102 с. Балтийские стихи, Военмориздат, М.—Л. 1942, 48 с.; Вахтенный журнал. Избранные стихи, «Советский писатель», М. 1944, 132 с.; Золотой век. Стихи, «Советский писатель», Л. 1957, 220 с.

КУСТОВ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ

Родился в 1906 г. в с. Завальном, Воронежской губ., в семье крестьянина. В 1926 г. окончил среднюю школу в г. Усмань, в 1930 г. — факультет литературы и искусства Московского государственного университета. Печатался в центральных газетах и журналах. После окончания университета более двадцати лет работал на Севере. Сотрудничал в редакциях отраслевых и районных газет, подолгу жил среди лесорубов, сплавщиков, рыбаков. Переводит произведения поэтов братских республик. Печататься начал с 1918 г. Первый сборник стихов «Налив» вышел в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в 1930 г.

У нас на Севере. Стихи, «Советский писатель», М. 1954, 108 с.; Стихотворения, Гослитиздат, М. 1956, 294 с.

СЕМЕНОВ ГЛЕБ СЕРГЕЕВИЧ

Родился в 1918 г. в Ленинграде, в семье писателя. В 1941 г. окончил химический факультет Ленинградского государственного университета. В годы Великой Отечественной войны во время блокады Ленинграда работал в лаборатории. Переводит стихи поэтов братских республик. Печататься начал с 1940 г. Первый сборник стихов «Свет в окнах» вышел в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1947 г.

Плечом к плечу. Стихи, «Молодая гвардия», М. 1952, 127 с.

ХАУСТОВ ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ

Родился в 1920 г. в г. Нолинске, Вятской губ. в семье служащего. В 1938 г. окончил среднюю школу, в 1941 г. — литературный факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. В годы Великой

Отечественной войны сражался в рядах Советской Армии под Ленинградом. После демобилизации работал в Ленинградском радиокомитете, в редакции журнала «Костер». Переводит стихи поэтов братских республик. Печататься начал с 1940 г. Первая книга стихов «Утренний свет» вышла в Ленинграде в Гослитиздате в 1945 г.

Новоселье, «Советский писатель», М. 1947, 75 с.; Дорогой мира. Стихи, «Советский писатель», Л. 1952, 82 с.; Черты биографии. Стихи, «Советский писатель», Л. 1956, 103 с.

БРОНГАУЗ АНИСИМ МАКСИМОВИЧ

Родился в 1920 г. в Харькове, в семье газетного работника. После окончания средней школы с 1938 по 1941 г. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Во время Великой Отечественной войны и после нее работал в редакции «Окон ТАСС» и в выездных редакциях «Правды» и «Комсомольской правды» на крупнейших стройках и предприятиях (Магнитострой, Днепротрест, Балахна). Много занимается переводами поэтов братских республик. Печататься начал с 1936 г. Первая книга «Эшелоны» вышла в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в 1942 г.

Александр Чекалин, «Молодая гвардия», М. 1950, 64 с.; Мгновенья, равные годам, «Советский писатель», М. 1957, 143 с.

ШЕХТЕР МАРЬ АНАНЬЕВИЧ

Родился в 1911 г. в г. Екатеринославе (ныне Днепропетровск), в семье врача. Учился в электротехническом техникуме, в 1929—1931 гг. — в Днепропетровском медицинском институте. С 1929 г. начал печататься в центральных и местных газетах и журналах. В дни Великой Отечественной войны работал в редакции корпусной газеты на Брянском и 1-м Украинском фронтах. Переводит стихи поэтов братских республик и стран народной демократии. Награжден орденом Отечественной Войны I степени. Первый сборник стихов «Конец Екатеринослава» вышел в Днепропетровске в 1936 г.

Полдень. Стихи, «Советский писатель», М. 1947, 119 с.; Дни и годы. Стихи, «Советский писатель», М. 1955, 132 с.; Доброе слово, «Советский писатель» М. 1957, 119 стр.

БЕЛКИН ФЕДОР ПАРФЕНОВИЧ

Родился в 1911 г. в с. Высоком, Рыльского уезда, Курской губ., в семье крестьянина. В 1929 г. переехал в Воронеж. Работал чернорабочим, каменщиком, плотником. Одновременно посещал вечерние курсы по подготовке в институт. В 1930—1932 гг. учился в Московском архитектурном институте. В 1932—1935 гг. работал техником колхозного строительства в Курской

и Московской областях. В 1935—1938 гг. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. В 1939—1940 гг. работал художником-декоратором в клубах Щелковского района Московской области. В дни Великой Отечественной войны служил в Советской Армии. Печататься начал в 1936 г. Первый сборник стихов «Родной простор» вышел в Москве в издательстве «Московский рабочий» в 1947 г.

Наш колхоз, Детгиз, М. 1950, 24 с.; Село Высокое. Книга стихов, «Советский писатель», М. 1956, 138 с.; Родная земля, Детгиз, М. 1956, 32 с.

ТЯПКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Родился в 1918 г. в д. Саблино, Старицкого уезда, Тверской губ., в крестьянской семье. В 1939 г. окончил среднюю школу. Учился в Московском историко-архивном институте. В годы Великой Отечественной войны работал сотрудником сольвычегодской районной газеты. Печататься начал в 1945 г. Первая книга «Первая борозда» вышла в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в 1953 г.

Белая ночь. Стихи, Кн. изд-во, Архангельск, 1956, 64 с.

ТУШНОВА ВЕРОНИКА МИХАЙЛОВНА

Родилась в 1915 г. в Казани, в семье ученого-биолога. Окончила в 1935 г. Первый медицинский институт в Ленинграде и поступила лаборанткой во Всесоюзный институт экспериментальной медицины в Москве. Во время Великой Отечественной войны работала врачом в эвакогоспиталях Москвы и Казани. Печататься начала с 1944 г. Первый сборник стихов «Первая книга» вышел в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в 1945 г.

Пути-дороги. Книга стихов, «Советский писатель», М. 1954, 176 с.; Дорога на Клухор. Поэма и стихи, «Правда», М. 1956, 32 с.

НЕКРАСОВА КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Родилась в 1912 г. в г. Екатеринбурге (ныне г. Свердловск). Воспитывалась в семье горного инженера. Среднюю школу окончила в 1932 г. в г. Шадринске, Свердловской области, затем до 1935 г. была культурно-массовым работником на стройках первой пятилетки в Свердловской области. В 1935 г. переехала в Москву. В 1945 г. окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Печататься начала в 1937 г. Сборник стихов «Ночь на баштане» вышел в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1955 г.

МАКСИМОВ МАРК

(псевдоним Марка Давыдовича Литовича)

Родился в 1918 г. в г. Сновск (ныне г. Щорс), Черниговской губ., в семье служащего. В 1936 г. окончил среднюю школу, в 1940 г. — литературный факультет Киевского педагогического института им. А. М. Горького.

В дни Великой Отечественной войны сражался в рядах Советской Армии, был в окружении, попал в плен, бежал в партизанский отряд. В партизанском отряде был разведчиком, подрывником, политруком конной разведки, редактором партизанской многотиражной газеты «Смерть врагам», позже работал при штабе партизанского движения. В 1947—1948 гг. был корреспондентом газеты «Гудок». С 1950 г. занимается литературной работой. Печататься начал с 1939 г. Первый сборник стихов «Наследство» вышел в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в 1946 г.

Десять лет спустя. Стихи, «Советский писатель», М. 1956, 170 с.

ГОРДИЕНКО ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ

Родился в 1922 г. в селе Алтайском, Алтайского края, в семье служащего. После окончания средней школы работал на севере Сибири учителем, в 1941 г. — в Новосибирском радиокомитете, позже — в редакции областной газеты «Советская Сибирь». В 1943—1946 гг. служил в Советской Армии. Был артиллеристом, разведчиком, корреспондентом дивизионной газеты. В 1947 г. поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. Награжден орденом Красной Звезды. Печататься начал с 1936 г. Первая книга стихов «Звезды на касках» вышла в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в 1948 г.

Стихи о Востоке, «Молодая гвардия», М. 1951, 176 с.; Стихи и поэмы, «Молодая гвардия», М. 1954, 168 с.

ВИНОКУРОВ ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1925 г. в г. Брянске, в семье военнослужащего. В дни Великой Отечественной войны служил в рядах Советской Армии командиром взвода. После демобилизации поступил в Литературный институт им. А. М. Горького и окончил его в 1951 г. Печататься начал в 1948 г. Первая книга «Стихи о долге» вышла в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1951 г.

Военная лирика, Воениздат, М. 1956, 102 с.; Синева. Стихи, «Советский писатель», М. 1956, 72 с.

ВАНШЕНКИН КОНСТАНТИН ЯКОВЛЕВИЧ

Родился в 1925 г. в Москве, в семье служащего. В дни Великой Отечественной войны служил в воздушно-десантных частях. В 1947 г. поступил в Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе, через год перешел в Литературный институт им. А. М. Горького, который окончил в 1953 г. Писать начал с 1946 г. Первая книга стихов «Песня о часовых» вышла в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в 1951 г.

Лирические стихи, «Советский писатель», М. 1953, 83 с.; Портрет друга. Стихи, «Советский писатель», М. 1955, 99 с.

СТАРШИНОВ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

Родился в 1924 г. в Москве, в семье служащего. Окончил среднюю школу, некоторое время был рабочим на Метрострое. В дни Великой Отечественной войны служил в рядах Советской Армии. В 1943 г. был тяжело ранен и демобилизован. В 1955 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Печататься начал в годы войны. Первый сборник стихов «Друзьям» вышел в издательстве «Молодая гвардия» в 1951 г.

В нашем общезнании. Лирика, «Советский писатель», М. 1954, 83 с.; Солдатская юность, Воениздат, М. 1956, 63 с.

СОКОЛОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1928 г. в г. Лихославле, Калининской обл., в семье служащего. В 1952 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Печататься начал с 1948 г. Сборник стихов «Утро в пути» вышел в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1953 г.

СОЛОУХИН ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1924 г. в с. Алепине, Владимирской обл., в крестьянской семье. Окончил среднюю школу, в 1938 г. поступил во Владимирский механический техникум. В годы Великой Отечественной войны служил в Советской Армии. В 1951 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. С 1951 г. работает корреспондентом-очеркистом в редакции журнала «Огонек». Печататься начал с 1946 г. Первый сборник стихов «Дождь в степи» вышел в Москве в 1953 г.

Разрыв-трава. Стихи, «Молодая гвардия», М. 1956, 127 с.; За синь-морями, «Молодая гвардия», М. 1956, 183 с.

ЯКОВЛЕВ ЮРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Родился в 1922 г. в Ленинграде, в семье служащего. В 1940 г. окончил среднюю школу, был призван в Советскую Армию. В годы Великой Отечественной войны служил рядовым, зенитчиком. Активно участвовал во фронтовой печати. После окончания войны был корреспондентом окружной газеты «Тревога». В 1951 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Является автором многих книг для детей. Первый сборник стихов «Наш адрес» вышел в Москве в 1949 г.

В нашем полку, «Советский писатель», М. 1951, 118 с.; Стихи, Детгиз, М. 1954, 96 с.; Растут сыновья, «Советский писатель», М. 1955, 119 с.; Старый барабан (Пионерские стихи), «Молодая гвардия», М. 1956, 86 с.

РУБЛЕВ ГЕОРГИЙ ЛЬВОВИЧ

(1916 — 1955)

Родился в Баку, в семье служащего. В 1936—1941 гг. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Во время Великой Отечественной войны работал в редакции «Окон ТАСС». После войны написал ряд песен. Песни «Вальс дружбы» (музыка А. Хачатуряна) и «Молодость мира» (музыка Б. Александрова) получили премии, первая — на Всесоюзном конкурсе за лучшую песню к Берлинскому фестивалю, вторая — на Фестивале молодежи в Бухаресте. Печататься начал в 1938 г. Первый сборник стихов «Песня» вышел в 1950 г.

Друзья везде, Детгиз, М.—Л. 1953, 24 с.

АСАДОВ ЭДУАРД АРКАДЬЕВИЧ

Родился в 1923 г. в г. Мары, Туркменской ССР, в семье учителя. В 1939 г. окончил в Москве среднюю школу. В дни Великой Отечественной войны в качестве командира артиллерийской батареи сражался в рядах Советской Армии. В 1944 г. при взятии Советскими войсками Севастополя получил тяжелое ранение и лишился зрения. В 1951 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Награжден орденом Красной Звезды. Первый сборник стихов «Снова в строй» вышел в Москве в 1950 г.

Светлые дороги. Стихи. «Молодая гвардия», М. 1953, 103 с.;
Снежный вечер. Стихи. «Советский писатель», М. 1956, 146 с.

ГОНЧАРОВ ВИКТОР

(псевдоним Семена Михайловича Гончарова)

Родился в 1920 г. в Краснодаре, в семье рабочего. В 1939 г. окончил среднюю школу и поступил в Краснодарское военное училище. В дни Великой Отечественной войны сражался в рядах Советской Армии. После демобилизации в 1944 г. поступил в Литературный институт им. А. М. Горького и окончил его в 1951 г. Печататься начал с 1944 г. Первая книга стихов «Юные патриоты» вышла в Москве в 1951 г.

Стихи, «Молодая гвардия», М. 1951, 144 с.; Новые берега. Сборник стихов, «Молодая гвардия», М. 1953, 142 с.; Жадный Золдар. Детгиз, 1956, 32 с.

БОКОВ ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ

Родился в 1914 г. в деревне Езвицы, Дмитровского уезда, Московской губ., в семье крестьянина. После окончания школы семилетки учился в Загорском педагогическом техникуме, с 1931 г. работал токарем по металлу. Участвовал в заводском литературном кружке. В 1934—1938 гг. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. В годы Великой Отечественной войны сражался в рядах Советской Армии. Печататься начал с 1930 г.

ЕВТУШЕНКО ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1933 г. в г. Зима, Иркутской обл., в семье служащего. Окончил среднюю школу. В 1951 г. поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. Печататься начал с 1949 г. Первая книга стихов «Разведчики грядущего» вышла в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1952 г.

Третий снег. Книга лирики, «Советский писатель», М. 1955, 140 с.; Шоссе Энтузиастов. Стихи, «Московский рабочий», М. 1956, 127 с.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РОБЕРТ ИВАНОВИЧ

Родился в 1932 г. в с. Косихе, Косихинского района, Алтайского края, в семье военнослужащего. В 1950 г. поступил в Карело-Финский государственный университет, вскоре перешел в Литературный институт им. А. М. Горького, который окончил в 1956 г. Печататься начал с 1949 г. Первая книга стихов «Флаги весны» вышла в Петрозаводске в 1955 г.

Испытание. Стихи и поэма, «Советский писатель», М. 1956, 129 с.; Моя любовь. Поэма, Госиздат Карело-Фин. ССР, Петрозаводск, 1956, 46 с.

КОТОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ

Родился в 1928 г. в Москве, в семье учителя. В 1950 г. окончил литературный факультет Московского городского педагогического института им. В. А. Потемкина. Печататься начал с 1945 г. Сборник стихов «Летние дни» вышел в издательстве «Молодая гвардия» в 1955 г.

КОРЕНЕВ АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВИЧ

Родился в 1920 г. в Москве, в семье служащего. Окончил среднюю школу, в 1939 г. поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. В годы Великой Отечественной войны сражался в рядах Советской Армии. Награжден орденом Красной Звезды. Печататься начал в 1946 г. Сборник стихов «В незнакомом городе» вышел в Москве в 1955 г.

МАРКОВ АЛЕКСЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Родился в 1920 г. в с. Нины, Воронцово-Александровского района, Ставропольского края, в семье крестьянина-батрака. После смерти отца воспитывался в детских домах Дербента и Буйнакск. В 1936 г. окончил семилетнюю школу, поступил в Первое педагогическое буйнакское училище. В 1940—1941 гг. работал в редакции газеты «Дагестанская правда». В годы Великой

Отечественной войны служил в рядах Советской Армии. После демобилизации поступил в Литературный институт им. А. М. Горького, окончив его в 1951 г. Печататься начал во фронтовых газетах. Первая повесть в стихах «Вышка в море» вышла в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1954 г.

Ветер в лицо. Стихи. 1940—1955, «Советский писатель», М. 1956, 155 с.; Михайло Ломоносов. Поэма, «Правда», М. 1957, 56 с.

АГАШИНА МАРГАРИТА КОНСТАНТИНОВНА

Родилась в 1924 г. в г. Ярославле, в семье врача. Среднюю школу окончила в Ивановской области, затем поступила в Московский институт цветных металлов и золота. В 1945—1950 гг. училась в Литературном институте им. А. М. Горького. С 1950 г. живет и работает в Сталинграде. Печататься начала с 1936 г. Первый сборник стихотворений «Наша Аленушка» вышел в Сталинграде в 1953 г.

Мое слово. Стихи, «Молодая гвардия», М. 1953, 71 с.; Бабье лето. Книжн. изд-во, Сталинград, 1956, 94 с.

ФЕДОРОВ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Родился в 1918 г. в Кемерово, в семье рабочего-каменщика. Учился в Жарковской школе колхозной молодежи. В 1938 г. закончил авиационный техникум в Новосибирске. С 1938 по 1947 г. работал на авиационных заводах Сибири в качестве технолога, мастера и старшего мастера. Печататься начал с 1939 г. В 1950 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Первая книга «Лирическая трилогия» вышла в Новосибирске в 1947 г.

Лесные родники. Поэмы и стихи, «Молодая гвардия», М., 1955, 94 с.; Марьевские звезды. Стихи и поэмы, Книжн. изд-во, Новосибирск, 1955, 112 с.

ДОРИЗО НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

Родился в 1923 г. в г. Краснодаре, в семье служащего. В 1941 г. окончил школу-десятилетку. В годы Великой Отечественной войны работал литературным сотрудником в Военном издательстве, затем в редакции окружной газеты «Слово бойца». В 1945—1948 гг. учился на историко-филологическом факультете Ростовского государственного университета. Окончил Высшие литературные курсы Союза писателей. Печататься начал с 1938 г. Первый сборник стихов «На родных берегах» вышел в Ростове-на-Дону в 1948 г.

Мы — мирные люди. Стихи, Ростиздат, Ростов-на-Дону, 1950, 92 с.; Стихи, «Молодая гвардия», М. 1952, 135 с.; Стихи и песни, Госкультпросветиздат, М. 1956, 72 с.

СУББОТИН ВАСИЛИЙ ЕФИМОВИЧ

Родился в 1921 г. в д. Субботинцы Татауровского района, Кировской области, в семье крестьянина. Работал в колхозе и на угольной шахте, учился в Политпросветшколе. В годы Великой Отечественной войны солдатом-танкистом сражался в рядах Советской Армии, позже работал в редакции дивизионной газеты. После демобилизации учился в Литературном институте им. А. М. Горького и на Высших литературных курсах. Награжден орденами Отечественной Войны II степени и Красной Звезды. Печататься начал с 1942 г. Первый сборник стихов «Солдат мира» вышел в Севастополе в 1950 г.

Героическая баллада, «Молодая гвардия», М. 1953, 56 с.; Стихи, Крымиздат, Симферополь, 1953, 72 с.

КАРПЕКО ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВИЧ

Родился в 1922 г. в г. Казатине, Винницкой губ., в семье железнодорожного служащего. В 1939 г. окончил среднюю школу и поступил в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, но вскоре добровольцем ушел на войну с белофиннами. В годы Великой Отечественной войны сражался в рядах Советской Армии. В 1946 г. демобилизовался, работал преподавателем, лаборантом, литературным сотрудником редакции газеты «Крымский комсомолец». С 1953 г. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Награжден орденом Славы III степени. Печататься начал с 1947 г. Первый сборник стихов для детей «Широкая дорога» вышел в Симферополе в 1950 г.

Алексей Большаков. Поэма, «Советский писатель», М. 1952; От сердца к сердцу. Стихи и поэмы, «Рад. письменник» Київ, 1956, 151 с.

ПОЖЕНЯН ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1922 г. в Харькове, в семье служащего. В 1939 г. был призван во флот. В годы Великой Отечественной войны служил на кораблях Черноморского флота. В 1952 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Печататься начал с 1942 г. Первая книга стихов «Ветер с моря» вышла в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1955 г.

Штурмовые ночи. Стихи, Воениздат., М. 1956, 102 с.

КРАСНОВ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ

Родился в 1924 г. в г. Ульяновске, в семье крестьянина. В 1942 г. окончил среднюю школу. В годы Великой Отечественной войны служил в рядах Советской Армии. С 1946 по 1951 г. работал в газете «Ульяновская правда» и в областном радиокomitee. В 1955 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Печататься начал с 1947 г. Первый сборник стихов «Зов Родины» вышел в Ульяновске в издательстве газеты «Ульяновская правда» в 1948 г.

Первоцветы. Стихи, «Советский писатель», М. 1955, 82 с.; Песнь о любви, Книжное изд-во, Саратов, 1956, 72 с.; Сердце друга. Стихи и поэмы, Книжн. изд-во, Куйбышев, 1956, 99 с.

ВОХМЕНЦЕВ ЯКОВ ТЕРЕНТЬЕВИЧ

Родился в 1913 г. в д. Вохменке, Челябинского уезда, Оренбургской губ., в крестьянской семье. Работал на рудниках и торфоразработках, в совхозах и на стройках, в геологоразведочных партиях, а также на строительстве Магнитогорского металлургического комбината. В 1938 г. поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. В годы Великой Отечественной войны служил в рядах Советской Армии. Печататься начал с 1933 г. Первый сборник стихов «Золотая долина» вышел в Челябинске в 1950 г.

Степная песня. Стихи, Кн. изд-во, Челябинск, 1955, 92 с.

РЯДЧЕНКО ИВАН ИВАНОВИЧ

Родился в 1924 г. в Одессе, в семье моряка. Учился в средней школе. В дни Великой Отечественной войны был солдатом, офицером, начальником штаба батальона. После войны учился в Львовском государственном университете. Печататься начал с 1945 г. Первый сборник стихов «Знамя над ратушей» вышел во Львове в 1949 г.

Стихи, Обл. изд-во, Одесса, 1953, 80 с.; Первая любовь. Стихи, Обл. изд-во, Одесса, 1955, 64 с.; Навстречу штурмам. Стихи, «Советский писатель», М. 1956, 100 с.

КОБЗЕВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ

Родился в 1924 г. в Ростове-на-Дону, в семье служащего. В 1942 г. окончил среднюю школу в станице Филоновской, Сталинградской обл. В 1943 г. был призван в ряды Советской Армии. В 1945 г. поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. В 1950 г. после окончания института работал литературным сотрудником в редакции газеты «Комсомольская правда». Печататься начал в годы Великой Отечественной войны в армейских газетах. Первый сборник стихов «Прямые пути» вышел в Москве в 1952 г.

Мои знакомые. Стихи, «Советский писатель», М. 1956, 112 с.

Биографические справки составлены и подготовлены к печати библиографом Е. А. Яновской и Н. В. Боровской, А. М. Жибковым, Л. Л. Лебедевой, В. П. Семеновой.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Страна Муравия (<i>Глава из поэмы</i>).	7
Про Данилу	11
Ивушка.	14
Ленин и печник.	16
Василий Теркин (<i>Глава «Переправа»</i>)	20
Я убит под Ржевом.	26
Мост.	30
О юности.	31
К портрету.	32
За далью даль (<i>Глава «Две кузницы»</i>).	33
«Нет, жизнь меня не обделила...».	37

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

«Лил дождь осенний. Сад грустил о лете...».	40
Березка	40
На парткоме.	41
«Начало пятого, но мне не спится...».	41
Мичурин.	41
Земля с высоты.	42
«Здесь было горе горькое бездонным...».	43
Потомкам.	43
Соловей.	43
«Пускай умру, пускай летят года...».	44
22 июня 1941 года.	44
Соседка.	45
«Себя не видят синие просторы...».	45
Первая весна.	46
Строки любви.	46
Читая Менделеева.	48
Павшим.	49

В океане.	50
«На ней простая блузка в клетку...» . . .	51

НИКОЛАЙ ЗАВОЛОЦКИЙ

Седов.	52
Уступи мне, скворец, уголок.	53
Город в степи.	54
Журавли.	56
Лебедь в зоопарке.	57
На рейде.	58
«Я воспитан природой суровой...» . . .	59
Ходоки.	60
Некрасивая девочка.	61

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

Весна в милиции.	63
Мама.	65
Мичуринский сад.	66
Хорошая девочка Лида.	67
Земля.	68
Милые красавицы России.	70
Наш герб.	71
Строгая любовь (<i>Из повести в стихах</i>) .	72
Признание.	75

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

Кружева.	77
Рассказ о русском инженере.	78
«Замечали — по городу ходит прохожий?..».	83
Царь природы.	85
След.	87
Песня.	88
Заводы.	89
«Я помню: целый день...».	90
Седьмое чувство.	90

АГНИЯ БАРТО

Наш сосед Иван Петрович	92
Снегирь.	94
Тридцать братьев и сестер (<i>Из поэмы «Звенигород»</i>).	96
Две бабушки.	99
Дедушкина внучка.	99
Леночка с букетом.	100

ОЛЬГА БЕРГГОЛЫЦ	
Листопад.	102
Колыбельная другу.	103
Разговор с соседкой.	104
Февральский дневник	105
Памяти защитников	110
Песня о «Ване-коммунисте»	115
Побратимы.	117
АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ	
Солдаты Волхова.	119
Хобей.	120
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ	
Дядя Степа (<i>1-я часть</i>).	122
Фома.	129
Рисунок.	131
Слон-живописец (<i>Басня</i>).	132
Заяц во хмелю (<i>Басня</i>).	133
Лиса и бобер (<i>Басня</i>).	134
Иван Иванович заболел (<i>Басня</i>).	135
КОНСТАНТИН СИМОНОВ	
Генерал.	137
«Всю жизнь любил он рисовать войну...»	139
Кукла.	139
«Ты помнишь, Алеша, дороги Смолен-	
щины...».	140
«Жди меня, и я вернусь...».	141
«Майор привез мальчишку на лафете...»	142
Родина.	143
«Я, верно, был упрямей всех...»	144
«Если бог нас своим могуществом...»	145
Немец.	146
Митинг в Канаде.	147
Красное и белое.	149
В гостях у Шоу.	151
Памяти Бориса Горбатова	154
ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ	
Стойбище Урми	157
Герой.	159
Письмо.	159
Комсомольская площадь.	160
Дальняя сторожка.	161
Гроза.	162
Песня о Днепре.	163
Пеленг.	163
Сирень.	164

Дело о поджоге рейхстага.	165
Море придет.	166
Медаль за форсирование Янцзы.	166
Буревестник (<i>Из романа в стихах «Доб- ровольцы»</i>).	168
БОРИС ЛИХАРЕВ	
Соль.	171
Снегирек.	172
Камень.	172
Северное сияние.	173
Подарок бойца.	174
ИЛЬЯ ФРЕНКЕЛЬ	
Колыбельная партизанская.	176
Давай закурим!.	177
Застольная.	179
Солдат мечтал.	180
«Я достоверно знаю сам...».	180
«Из объятых пламенем хлебов...».	181
ВАДИМ СТРЕЛЬЧЕНКО	
Родина (<i>Надпись на книге</i>).	183
Двери настежь.	184
Моя фотография.	184
Смотрителю дома.	186
Приглашение в Туркмению.	186
Работники переписи.	187
Валентин (<i>Из поэмы</i>).	189
СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ	
Голубь моего детства.	197
Прямые улицы Кургана.	200
Дорожная.	202
Белая береза.	203
Первый в мире (<i>Из поэмы</i>).	203
П а р о д и и	
Бурбоны из Сорбонны (<i>Павел Антоколь- ский</i>).	207
Казачи с багром (<i>Анатолий Софронов</i>)	207
Белье на веревке (<i>Степан Щипачев</i>)	208
АЛЕКСАНДР ЯШИН	
Вологодское новогоднее.	209
Вологда.	210
Песочные часы.	211
Пуговка.	212
Зверолов.	213
Высота.	215

Далекие походы.	216
Конюх.	217
Утром не умирают.	219
МАРГАРИТА АЛИГЕР	
Человеку в пути (<i>Из цикла</i>).	221
«С пулей в сердце я живу на свете...»	224
Музыка.	225
Зоя (<i>Из поэмы</i>).	227
Хозяйка.	230
Твоя победа (<i>Из поэмы</i>).	232
Первое стихотворение.	233
«Люди мне ошибок не прощают...».	235
Деревня Кукой.	236
СЕРГЕЙ МАРКОВ	
Соседка.	238
«Знаю я — малиновую раню...»	239
Рябинин-город.	241
Сусанин.	242
ЛЕВ ЧЕРНОМОРЦЕВ	
Посиделки.	244
Гостеприимство.	245
Таежный «пал».	245
АНАТОЛИЙ ЧИВИЛИХИН	
Джордано Бруно.	247
«Когда на город сицилийский...».	249
Горная речка.	250
СЕРГЕЙ АЛЫМОВ	
Вася-Василек.	251
Хороши весной в саду цветочки.	252
НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ	
Левитан.	253
«Бой шел всю ночь, а на рассвете...»	254
«В юности мы спрашивали часто...»	255
Ходит по полю девчонка.	256
Баллада о портрете.	257
«Когда в Москве в концертном зале...»	258
«Шумит зеленый ветер мая...».	259
НИКОЛАЙ СИДОРЕНКО	
Первый снег.	260
Белым-бело.	261
Аистенок.	262
Тоня.	262
Первая в Якутии.	264

ЛЕВ ОШАНИН

«Кем я был на войне?..»	266
Дороги.	266
Возвращение.	268
Ущелье.	269
Олененок.	270
Гимн демократической молодежи мира	270
На острове Маргариты.	271
Дочь	273
Начальник района прощается с нами.	273
Зоя Павловна.	276
Рубашка.	278

СЕРГЕЙ ШВЕЦОВ

П а р о д н и

Не любовь, а картошка (<i>Евгений Долматовский</i>).	280
О сухоее и «Москвошвее» (<i>Сергей Смирнов</i>).	281

АНАТОЛИЙ КУДРЕЙКО

Колосья.	283
Запасный полк.	283

АЛЕКСАНДР ОЙСЛЕНДЕР

Вечер на базе.	286
Маяк.	287

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ

Как у дуба старого.	288
Седло.	288
Кадушка.	289
Бессмертник.	290
Вишня.	291
Хутор русский.	292
Кзаки за бугром.	293
Лаз.	294
Огоньки.	295
Гроза в Новочеркасске.	297
Старый рыбак.	297

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНКОВ

Грибы.	300
Оглядка.	300
Снегирь.	301
Двое в пути.	302
Лермонтов в Пятигорске.	305
Вечный свет.	306

ПАВЕЛ ЖЕЛЕЗНОВ

День вчерашний (<i>Из поэмы «Слово о милиционере»</i>).	309
Навечно правофланговый (<i>Из поэмы «Максим Горький»</i>).	310

СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ

Вечерком на реке.	313
Я в России рожден!	314
Жизнь.	316
Чудо-мастер (<i>Отрывок из сказки</i>)	317

НИКОЛАЙ ГРИБАЧЕВ

Брат.	321
Новоселье.	321
Станция Овидий.	322
Зеленая мастерская.	323
В пути	325
Дождь.	326
Хлеб идет! (<i>Из поэмы «Колхоз «Большевик»</i>).	327
Осень.	330
Другу.	331
Ожидание.	332
Своему сердцу.	332
Той, которую любил.	333

ЛЕВ ОЗЕРОВ

«Было тихо и тепло в избе...»	335
Первопуток.	335

ИЛЬЯ МУХАЧЕВ

Облака.	337
Горы.	337

АНАТОЛИЙ ОЛЬХОН

Ангарский лучкист.	340
Восточно-Сибирское море.	341

АЛЕКСАНДР ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО

Медведь.	342
Бамбуковый лес.	342
Лани.	344

АЛЕКСАНДР СМЕРДОВ

Сергей Снежков (<i>Из поэмы «Пушкинские горы»</i>).	345
---	-----

ЛЮДМИЛА ТАТЬЯНИЧЕВА

«От бабки слышала не раз...»	350
«На левый бок повернулся медведь...»	351
Уральский виноград	351
После грозы	352

КОНСТАНТИН МУРЗИДИ

Письмо	353
Магнит-гора	353
Старинный городок	355
В горах Урала	356
Три поколения	358

ИГНАТИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

На Ангаре	360
---------------------	-----

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

Баллада о черстве м куске (<i>Ленинград. Зима 1941—1942 гг.</i>)	362
Сиваш	365
Анст	367

ВАДИМ ШЕФНЕР

Лесной пожар	371
«Нет, ночи с тобою мне даже не снятся...»	372
Шиповник	372
«Я мохом серым нарасту на камень...»	373
Алмазный бур	373
Старый журавль	373
Гордыня	374
Сова	375

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

Мальчикам	376
Именинные подарки	376
Счастье	377
Шахта № 5	378
Быль о Макаре Мазае	378
Концерт в Бухаресте	380
Вернулся я на родину	381

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ

На «Авроре» (<i>Из поэмы «Товарищ Тельман»</i>)	383
---	-----

ИЛЬЯ АВРАМЕНКО

Белка	385
Возвращение с полета	385

МАРИЯ КОМИССАРОВА

Песня дождя	387
Андоба	388

АЛЕКСАНДР ЧУРКИН

Казачья песня	390
Вечер на рейде	390

ПАВЕЛ ШУБИН

Портрет.	392
«Розовые свечи на каштанах...»	393
Утренний свет.	394
«Санная дорога до Чернавска...»	395
Полмига.	396
Солдаты Заполярья.	397
Современники (<i>Из цикла</i>).	398
Солдат.	400
Мичурин.	401

ЯКОВ ХЕЛЕМСКИЙ

Звезда.	402
Сапун-гора.	403
Чайхана.	404
В крайнем доме (<i>Из дагестанских стихов</i>)	405

БРОНИСЛАВ КЕЖУН

Эдельвейс.	408
Котелок.	409
Зимой двадцать первого года.	410

МИХАИЛ СПИРОВ

Ночной полет.	412
Встреча.	413

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

В теплушке.	415
От первого лица.	416
Откровенный разговор.	417
Наташе.	418
Два флага.	420
Русалка.	421
Ленин.	423
Встреча в Москве.	423
Талант.	424

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

Под Выборгом.	426
Осень.	427
Весна на границе.	428

Баллада о железе.	429
Лилии.	431
Башмаки.	431
Такая любовь.	434
Флаг над сельсоветом (<i>Из поэмы</i>)	435
МИХАИЛ ЛУКОНИН	
Дорога к миру (<i>Из поэмы</i>).	441
Приду к тебе.	443
Пришедшим с войны.	444
Коле Отраде.	445
Сталинградский театр.	447
Мои друзья.	449
Знамя (<i>Из поэмы</i>).	451
Знакомой красавице.	452
БОРИС ШАХОВСКИЙ	
Октябрьская ночь.	454
СЕМЕН ГУДЗЕНКО	
Перед атакой.	456
Надпись на камне.	457
«Я был пехотой в поле чистом...»	458
Послесловие 1945 года.	458
«Вот колеса по гравию скрипнут...».	459
Шофер	460
Последний шаман	461
Катюша.	463
СЕРГЕЙ ПОДЕЛКОВ	
«Горы оседают..».	465
ИВАН БАУКОВ	
Старый дом.	466
В лугах.	467
БОРИС ЛЕБЕДЕВ	
Сердце.	468
НИКОЛАЙ ФЛЁРОВ	
Баллада о матросской матери.	469
ПЕТР КОМАРОВ	
Сарана (<i>Сибирская легенда</i>).	472
В амурском лимане.	474
Приамурье.	474
Таежные гравюры:	
Олененок.	475
Коза	476
Сунгарийские болота.	476

Китайчата.	476
В порту	478
Леса шумят.	479
Дуб.	479
ИВАН МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ	
Застава.	480
Дуб в пустыне Чахар.	480
ДМИТРИЙ ОСИН	
В родном краю.	481
После дальних походов	482
ФЕДОР ФОЛОМИН	
Май.	484
Пристань Майна.	485
Берега.	487
ЮЛИЯ ДРУНИНА	
«Я только раз видала рукопашный...» .	489
Зинка.	489
В школе.	491
Другу.	491
«Не знаю, где я нежности училась...» .	492
Дочери.	492
АЛЕКСАНДР ФИЛАТОВ	
Рассказ о часах.	493
ЕКАТЕРИНА ШЕВЕЛЕВА	
В «Ленинской слободе».	496
Девочка из Гонконга.	497
ЕЛЕНА РЫВИНА	
Любовь.	498
«Верно, я была счастливой...».	498
МИХАИЛ ЛЬВОВ	
Бахчисарайский фонтан.	500
Дорога на юге.	501
Маяковский за границей.	501
Сон	502
Время.	502
Галя учит уроки.	503
«Мы в землю стольких положили...» .	504
ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО	
На склоне перевала.	505
Сингапурский вальс.	506

ВЛАДИМИР ЗАМЯТИН	
Петухи.	509
Памятник	511
В родном краю.	512
ВАСИЛИЙ ЖУРАВЛЕВ	
Учительница.	514
Приехал парень неженатый (<i>Рассказ ком- сомолки</i>).	517
МИХАИЛ ДУДИН	
Соловьи.	522
Хозяйка (<i>Поэма</i>).	524
«В моей беспокойной и трудной судьбе...»	528
Родник.	529
Янтарь.	530
СЕРГЕЙ ОРЛОВ	
«Его зарыли в шар земной...»	532
После марша.	532
Отдых.	533
«Вот человек — он искалечен...»	533
У сгоревшего танка.	534
Пыль.	534
Площадь революции.	535
Песня.	535
Жеребенок.	536
В кино.	537
«Приснилось мне жаркое лето.»	538
«Человеку холодно без песни...».	539
БОРИС ПАЛИЙЧУК	
«На бульваре пыльном в Сталинграде...»	541
Летний вечер.	542
ГЛЕБ ПАГИРЕВ	
Колосок.	543
Мужество.	543
Слово уволенных в отставку.	544
«Ты вечно лишь собою занята...».	545
БОРИС СЛУЦКИЙ	
В доме отдыха.	546
Баня.	547
Памятник.	548
Засуха.	549
Школа для взрослых.	551
ВИКТОР УРИН	
Мед.	552
Яблоки.	554
Гвоздика.	556

ЯКОВ БЕЛИНСКИЙ	
Молоко.	558
Сосны Ангарска.	558
СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ	
В те годы.	559
Дорога в Тчев.	559
Костер.	560
Плотник.	562
Тихий океан.	563
Алые паруса.	564
Пожар.	566
ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ	
«В ожидании дел невиданных...»	568
В оружейной палате.	569
АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ	
Ладожский лед.	571
Стихи о мальчике.	572
Утром.	573
Коммунисты, вперед!	575
«Крытый верх у полуторки этой...» . . .	578
Воспоминание о пехоте.	579
МАРК СОБОЛЬ	
«Москва. Концерт. Актриса в черном платье...»	581
Академик из Москвы.	582
ГЕОРГИЙ СУВОРОВ	
Чайка.	585
«Цветы, цветы... Как много их...». . . .	585
ВИКТОР БЕРШАДСКИЙ	
Баллада о мужестве.	587
АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ	
Где же вы теперь, друзья-однополчане? 588	
Давно мы дома не были.	589
Когда проходит молодость.	589
Соловьи.	590
ИВАН ДРЕМОВ	
Свежесть.	592
Шамайский перекал.	593
ЛЕВ КОНДЫРЕВ	
Стрела.	595
Город на Томи.	595
Стекольщик.	596

МАРК ЛИСЯНСКИЙ

Моя Москва.	597
Родина.	597
Слава.	599
Отец.	600

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Норвежское сказание.	602
Возвращение из похода.	603
Истребитель.	604

ЮРИЙ ИНГЕ

Часовой.	605
Боевой листок.	606

ПАВЕЛ КУСТОВ

Изба.	607
Север.	608
В пушном павильоне.	610

ГЛЕБ СЕМЕНОВ

Елка.	611
В метель.	612
Учитель.	613

ЛЕОНИД ХАУСТОВ

В школе	615
«Улиц пустынных гладь...»	616
Дома.	616
Росток.	617
19 августа 1942 года	617
Киров	618

АНИСИМ КРОНГАУЗ

Третий.	620
Минута.	621
Щит	622

МАРК ШЕХТЕР

Сердце.	624
Доброе слово.	625

ФЕДОР БЕЛКИН

Бык	626
Апрель.	627
Кузнецы	627
Петух	628
Огород	628
Молодой маляр.	629

НИКОЛАЙ ТРЯПКИН	
Утро.	630
Снег.	631
«Я построю дом сосновый...».	631
ВЕРОНИКА ТУШНОВА	
Дорога на Клухор (<i>Поэма</i>).	633
КСЕНИЯ НЕКРАСОВА	
Мальчик.	644
На закате.	645
МАРК МАКСИМОВ	
Баллада о часах.	646
Мать (<i>Л. Космодемьянская в Париже</i>).	647
Сказка.	648
Про атом.	650
ЮРИЙ ГОРДИЕНКО	
Рикша.	653
Чудесный флаг.	653
Зимняя сказка.	655
ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ	
«Про смерть поэты с болью говорили...»	657
Скатка.	657
Гамлет.	658
Синева.	658
Работа.	659
Хлеб войны.	660
Любимые.	661
«На небо взглянешь — звезд весенних тыщи!...».	662
КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН	
Бывший ротный.	663
«Зашел боец в избу напиться...».	664
Мальчишка.	665
Сердце.	666
Верность.	667
«Бывает, в парке в летний вечер...».	669
НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ	
«Солдаты мы. И это наша слава...».	670
Базар в Избер-баше.	670
Осень.	672
Руки моей любимой.	672
ВЛАДИМИР СОКОЛОВ	
Памяти товарища.	673
Первый снег.	674
Сирень.	676

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН	
Дождь в степи.	678
Над ручьем.	679
«У тех высот, где чист и вечен...»	680
«Я в детстве был большой мастак...». . .	681
ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ	
На Волге	682
Часовой.	682
Погрузка арбузов.	683
ГЕОРГИЙ РУБЛЕВ	
Баллада о Черняховске.	685
ЭДУАРД АСАДОВ	
Жар-птица.	686
Моему сыну.	687
ВИКТОР ГОНЧАРОВ	
Кубань.	690
Дорогой на Хосту.	691
ВИКТОР БОКОВ	
«Соломенную челку сельской хаты...» . .	693
Зима.	693
Двадцать тапочек.	694
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО	
Разлука.	697
Спутница.	699
Свадьбы.	701
Зависть.	703
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ	
Речка Иня.	705
Как это начинается.	706
ВЛАДИМИР КОТОВ	
У телефонной будки.	709
АЛЕКСАНДР КОРЕНЕВ	
Иду на Вы!	711
Радистка.	712
АЛЕКСЕЙ МАРКОВ	
На рынке	714
Дуб.	714
Уборщица.	715
МАРГАРИТА АГАШИНА	
Девушка Береславки.	716
Бабье лето.	717
Варя.	718

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ	
Ленинский подарок.	720
НИКОЛАЙ ДОРИЗО	
Стихи о сыне.	727
Его я видеть не должна.	731
Помнишь, мама?	731
ВАСИЛИЙ СУББОТИН	
Бранденбургские ворота.	733
«Я в этот день бессонницей измят...» . . .	733
Стихи.	733
«На сером фоне разрушений...».	734
Лимонная траншея.	734
Вино.	734
Снег.	735
ВЛАДИМИР КАРПЕКО	
Рассвет.	736
ГРИГОРИЙ ПОЖЕНЯН	
Есть у моря свои законы.	737
Море.	738
НИКОЛАЙ КРАСНОВ	
«Лишь на мать погляжу я...».	739
Байкал.	739
ЯКОВ ВОХМЕНЦЕВ	
Коромысло.	744
Родное слово.	745
ИВАН РЯДЧЕНКО	
Смотритель маяка.	747
В день окончания войны.	748
Фотография	749
ИГОРЬ КОБЗЕВ	
В Ботаническом саду	751
Краткие биографические справки	753

АНТОЛОГИЯ
СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ т. 2

Редактор *Л. Белов*

Художник *М. Шлосберг*

Художественный редактор *Ю. Боярский*

Технический редактор *Л. Сутина*

Корректор *Л. Чиркунова*

Сдано в набор 23/IV 1957 г.

Подписано к печати 7/IX 1957 г. А06953

Бумага 60×92¹/₁₆ — 50,75 печ. л. 40,94 уч. изд. л.

Тираж 25 000. Заказ № 501. Цена 22 р. 50 к.

Гослитиздат

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова

Московского городского Совнархоза.

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

